ПИСЬМА

Николая Михайловича Ядринцева

къ

Г. Н. Потанину.

ВЫП. I.

(съ 20 февраля 1872 г. по 8 апрѣля 1873 года).

Изданіе редакціи журнала „Сибирскія Записки“

(На средства А. М. Григорьевой).

ЦѢНА [illegible]

Г. КРАСНОЯРСКЪ.

Типографія Енис. Губ. Союза Кооперативовъ.

1918.

АЛТАЙСКАЯ ЦЕНТР
СОВЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
17824
ЗАПАС

Шифр 32. Я
891.7-09(57)

АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

ПИСЬМА

Николая Михайловича Ядринцева

къ

Г. Н. Потанину.

ВЫП. I.

(съ 20 февраля 1872 г. по 8 апрѣля 1873 года).

Изданіе редакціи журнала „Сибирскія Записки“
(На средства А. М. Григорьевой).

Г. КРАСНОЯРСКЪ.
Типографія Енис. Губ. Союза Кооперативовъ.
1918.

АЛТАЙСКАЯ
Краевая
библиотека
им. В. Я. Шишкова
г. Барнаул

Отъ издателей.

Редакція журнала „Сибирскія Записки“ предполагала издать всѣ письма покойнаго сибирскаго патріота къ Г. Н. Потанину за періодъ съ 20 февраля 1872 г. по конецъ января 1874 года въ одномъ томѣ. Этотъ періодъ, который можно бы назвать „шенкурскимъ“, охватываетъ послѣдній годъ пребыванія Н. М. Ядринцева въ ссылкѣ, и письма представляютъ нѣчто цѣльное не только по времени, но и по настроенію и по содержанію.

Средства на изданіе были даны извѣстной по общественной своей дѣятельности А. М. Григорьевой. Къ сожалѣнію, рѣзко измѣнившіяся за послѣдніе мѣсяца типографскія условія сдѣлали эти средства недостаточными, и печатаніе писемъ приходится пріостановить на неопредѣленное время. Чтобы не оставить того, что напечатано, лежать на складѣ, издатели рѣшили объединить уже напечатанныя письма въ отдѣльный выпускъ, издавъ остальныя письма вторымъ выпускомъ, если настоящій выпускъ встрѣтитъ сочувствіе среди сибиряковъ и найдутся матеріальныя средства на изданіе.

Письма Н. М. Ядринцева выходятъ въ свѣтъ, благодаря заботливости Г. Н. Потанина, сохранившаго ихъ и предоставившаго редакціи для напечатанія. Дочь Н. М. Ядринцева, Л. Н. Ядринцева-Злобина съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ изданію писемъ.

Издатели не могутъ не отмѣтить, что современныя неблагопріятныя условія печатанія отразились и на внѣшнемъ видѣ изданія. Несмотря на тщательную корректуру погрѣшности не исправлялись или оказывались постоянно новыя. Списокъ важнѣйшихъ замѣченныхъ опечатокъ только до нѣкоторой степени можетъ устранить эти недочеты.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Выпускаемыя отдѣльнымъ изданіемъ письма Н. М. Ядринцева къ Г. Н. Потанину относятся къ тому времени, когда второй, отбывъ каторжныя работы, оказался въ качествѣ ссыльнаго въ г. Никольскѣ, на югѣ Вологодской губерніи. Ядринцевъ уже давно жилъ въ ссылкѣ въ Шенкурскѣ, на югѣ Архангельской губерніи. Изъ писемъ видно, какую дѣятельную жизнь въ умственномъ отношеніи онъ велъ. Въ лучшихъ журналахъ того времени—„Дѣлѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“—печатаются его статьи. Изъ статей о ссылкѣ, заслужившихъ автору почетную извѣстность, составляется цѣлая книга—„Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“. Но самъ Н. М. Ядринцевъ въ письмахъ указываетъ, что его интересъ къ ссылкѣ вытекъ изъ его областническихъ интересовъ. Послѣдніе доминируютъ у него. „Востокъ“, т. е. Сибирь, заполоняетъ его вниманіе. Если сибирскій патріотъ и отвлекается отъ Сибири, то его мысль остается въ кругу однородныхъ вопросовъ. Это вопросы объ отношеніи колоній къ метрополіи, провинціи къ политическому и экономическому центру. Онъ сообщаетъ Г. Н., что „накопляетъ свою спеціальную колоніальную библіотеку“. Начитанность его въ этой литературѣ большая. Въ слѣдующемъ году Ядринцевъ напечаталъ въ „Камско-Волжской газетѣ“ большую статью „Судьба провинціи и провинціальный вопросъ во Франціи“; въ ней имѣются ссылки на 17 сочиненій однихъ французскихъ писателей.

Въ одномъ изъ писемъ Я. шутитъ, что принялся за англійскій языкъ, чтобы оправдать появившееся въ печати сообщеніе объ его знакомствѣ съ англійской научной литературой. Изъ тѣхъ же писемъ видно, что къ англійскому языку его привели поиски колоніальной литературы. Разгромъ „сепаратистовъ“, въ качествѣ которыхъ были осуждены сибирскіе патріоты, разбросалъ друзей. Идейное одиночество угнетало общительнаго и рѣзко реагировавшаго на впечатлѣнія Николая Михайловича. Г. Н. за время каторги никому не писалъ. О немъ не было вѣстей. Его появленіе было какъ бы воскресеніемъ изъ мертвыхъ. И нельзя безъ волненія читать первое письмо Ядринцева къ Григорію Николаевичу. Оно все проникнуто нѣжно-трепетнымъ чувствомъ. Н. М. какъ бы старается ощутить близость своего воскрешаго друга, къ которому относится съ любовью, переходящей въ обожаніе.

Въ этихъ письмахъ обрисовывается высоко-симпатичный образъ покойнаго сибирскаго патріота, съ его порывистой-страстностью, идеалистической настроенностью и тонкой душевной организаціей. Читать

письма можно съ захватывающимъ интересомъ, помимо ихъ удивительной содержательности, какъ „человѣческій документъ“ глубокаго значенія. Можно только пожалѣть, что Н. М. Ядринцевъ не имѣлъ привычки, изъ за своей подвижной жизни, хранить получавшіяся имъ письма, и мы не имѣемъ писемъ Г. Н. Потанина, отъ котораго исходили часто и руководящія мысли, и иниціатива научно-общественныхъ и литературныхъ замысловъ. Изъ упоминаемыхъ въ письмахъ лицъ, С. С. Шашковъ, Е. Е. Колосовъ, Тахтаровъ, Шайтановъ, Щукинъ, Усовъ, Ушаровъ и А. П. Нестеровъ были осуждены по одному процессу съ Ядринцевымъ и Г. Н. Потанинымъ. Шашковъ, извѣстный историкъ-публицистъ, близкій къ Щапову, отошелъ въ ссылкѣ отъ сибирскихъ интересовъ. Ушаровъ („жукъ-карабусъ“), какъ и Шашковъ, былъ уроженецъ Иркутска, былъ извѣстенъ какъ талантливый этнографъ; жилъ оригиналомъ—безсребренникомъ, страдая запоями; умеръ 15 октября 1873 г. въ Шенкурскѣ 33 лѣтъ и похороненъ на казенный счетъ; рѣчи на его могилѣ не были допущены. Христофоровъ былъ сосланъ по другому процессу и не былъ сибирякомъ. Ядр-въ относился съ большой симпатіей къ этому „милѣйшему философу“, какъ онъ его называлъ въ своихъ воспоминаніяхъ. О Щукинѣ много говорятъ въ воспоминаніяхъ и Г. Н. Потанинъ, и Н. М. Ядринцевъ. Это былъ типъ пропагандиста, неглубокаго, поверхностнаго, но шумливаго; извѣстную положительную роль людямъ этого типа приходится играть, какъ сыгралъ ее и Щукинъ среди молодежи.

М. В. Загоскинъ и В. И. Вагинъ—два крупныхъ сибирскихъ писателя и общественныхъ дѣятеля. Въ то время какъ Г. Н. Потанинъ и Ядринцевъ въ исторіи сибирской общественности извѣстны подъ именемъ *петербургской группы*, около Загоскина и Вагина была *иркутская группа*, (органомъ первой группы было „Восточное Обозрѣніе“, органомъ второй—„Сибирь“). Обѣ группы были связаны общностью интересовъ и симпатій, но между ними были и различія, хотя и не переходившія въ крупныя разногласія. Близкій другъ Г. Н. и Ядринцева, А. П. Нестеровъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Загоскина и Вагина.

Письма Ядринцева вводятъ насъ въ тотъ періодъ, когда складывались окончательно основанія областничества, и юношескія мечты и увлеченія превращались въ законченное общественное міросозерцаніе, Ядринцеву было тогда 30 лѣтъ, а Г. Н. Потанину—37. На очередь должно быть постановлено переизданіе статей обоихъ патріотовъ въ „Камско-Волжской Газетѣ“. Это часто воспроизведеніе того, что обсуждалось въ выпускаемыхъ въ свѣтъ письмахъ. Статьи написаны часто блестяще и многія не утратили значенія и теперь. Газета изда

валась въ Казани, считавшейся умственнымъ центромъ Поволжья. Въ ней принимали участіе профессора, и велась она хорошо. Сибирскіе патріоты стремились использовать ее, съ одной стороны, для освѣщенія жизни на „Востокѣ“, а съ другой для созданія образцоваго областного печатнаго органа. Посредникомъ, привлекшимъ ихъ къ участію въ газетѣ, былъ К. В. Лаврскій, на сестрѣ котораго, Александрѣ Викторовнѣ, женился Г. Н. Это былъ тоже областникъ. Во второй половинѣ 70-хъ голосовъ казанскими областниками были изданы сборники: „Первый шагъ“ и „Казанскіе сборники“, вызвавшіе страстную полемику въ столичной журналистикѣ.

Изъ писемъ видно, какую до подвижничества полную лишеній жизнь вели ссыльные патріоты. Эта суровая жизнь была согрѣта и ярко освѣщена беззавѣтной *любовью къ родинѣ и служеніемъ высокимъ идеаламъ.*

Издавая письма мы убѣждены, что даемъ еще одну *хорошую книгу.*

Письмо 1-е.

20 февраля 1872 г., Шенкурскъ.

Добрый, добрый другъ мой, Григорій Николаевичъ, наконецъ то, мы опять свидѣлись, хотя и заочно. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ вашего письма. Узнавши, что вы благополучно прошли черезъ Петербургъ, я послалъ, черезъ канцелярію Вологодскаго Губернатора, письмо къ вамъ; не знаю, получили ли вы его. Я спрашивалъ въ немъ только о вашемъ здоровьѣ. Милый другъ, это дороже всего. Я знаю, вы крѣпки, но года, можетъ быть, тяжелой жизни не могли не положить печать и на ваше здоровье. Не знаю, каковъ климатъ въ Никольскѣ; у насъ въ Шенкурскѣ онъ довольно здоровъ. Это самый южный округъ Архангельской губерніи. Но, растительность, Боже мой, что за растительность! Только хвои на песчаной почвѣ. Лишь только вырубятъ немного лѣсъ, какъ все заносится пескомъ. Съ вырубкой лѣсовъ это будетъ пустыня; хлѣбъ родится туго и почва требуетъ громаднаго унавоживанія; огурцы—рѣдкость. Сравнивая по географическимъ условіямъ,—эта Архангельская Швейцарія хуже Пелыма по строеніямъ. Въ немъ 900 убогихъ и нищенствующихъ жителей съ 2—3 купцами. Есть училище и библіотека, которая годъ отъ года улучшается. Кромѣ того, мы сами выписываемъ многіе журналы и въ этомъ отношеніи обезпечены. Получаются нынѣ всѣ лучшіе журналы: „Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“, „Дѣло“, „Знаніе“, „Азіатскій Вѣстникъ“, „Петербургскія Вѣдомости“, „Новое Время“, „Бесѣда“, „Сіяніе“, „Искра“, „Недѣля“, etc. Въ прошломъ году мы получали „Reve Britanique“ въ нынѣшнемъ—„Revue de deux mondes“. Кромѣ того, я намѣренъ выписать „Bibliotheque universelle de Genève“, журналъ очень порядочный. Въ прошломъ году изъ аглицкихъ Серафимъ*) выписывалъ „Atheneum“, но онъ скуденъ библіографическими свѣдѣніями, а потому замѣнили нѣмецкимъ библіографомъ. Изъ этого можете заключить, что просвѣщеніемъ мы снабжены. У Серафима уже есть порядочная библіотека, даже по части исторической: „Русскій Архивъ“, „Чтеніе Моск. Общ. Древностей“ за нѣсколько лѣтъ. Я накопляю свою спеціальную, колоніальную; на дняхъ выписываю многія книги о нашемъ Востокѣ. Относительно выписки вами журналовъ можно дать знать въ знакомыя редакціи: „Азіатск. Вѣстн.„ „Дѣло“, „Отеч. Зап.“, —все это будетъ высылаться. Нужны ли газеты? Отвѣтьте?

О книгахъ вамъ пишетъ Серафимычъ. Со слѣдующей почтой вышлю вамъ свои каталоги, спеціально касающіеся путешествій и исторіи Америки, Азіи, Австраліи и Африки, на нѣмецкомъ, французскомъ и аглицкомъ. По части иностранныхъ книгъ можно выписы-

*) С. С. Щацковъ.

вать черезъ Мюнкса, какія вы пожелаете; деньги онъ получаетъ изъ редакцій, гдѣ приходится писать. Пашино*) обязательно предлагалъ мнѣ высылку книгъ для рецензій. Вы спрашиваете насчетъ „Азіатскаго Вѣстн.“ Мы уже сдѣлались его сотрудниками. Вотъ объявленіе 1-й январской книги: Что такое Азія?—*Шелгунова*. Путешествіе Сперанскаго по Сибири.—*Вагина*. Иркутскій погромъ.—*С. Шашкова* (о слѣдователѣ Крыловѣ). Французы на крайнемъ Востокѣ—*Шелгунова*. На чужой сторонѣ (разсказъ)—*Н. Ядринцева*. Убійство Грибоѣдова—*Ефремова*. Празднества и зрѣлища въ Индіи. Критика: новѣйшіе романисты—*Скабичевскаго*. Вѣсти изъ Россіи и Азіи—*Демерта*. Политическое обозрѣніе—*Курочкина и Чуйко*. Новости и замѣтки—*Богданова*. Михель, нѣмецъ нашего времени,—романъ *Шерри—Шелгуновой*. Книга здѣсь еще не получена. Сотрудниками будутъ: Флеровскій (Берви), Щаповъ, Сѣверцевъ—это имена; потомъ какіе то спеціалисты-мурзы, какъ то: Мурза Кизембековъ, Абединовъ, затѣмъ банные листы, пристающіе вездѣ: Минаевъ, Боборыкинъ и т. п. Пашино залучилъ къ себѣ, какъ видно, много лучшихъ сотрудниковъ (платить обѣщаетъ 75 руб. за листъ), но, что выйдетъ изъ этой смѣси азіатско-шелгуновско-минаевской—трудно сказать. Важно то, что допущенъ отдѣлъ азіатскій и ему будетъ отдаваться преимущество. Шелгуновъ ушелъ изъ „Дѣла“, онъ, какъ сообщаютъ, желаетъ обновиться, что, однако, этому старому чулку едва ли удастся. Для обновленія онъ помѣстилъ: „Французы на Востокѣ“; можно разбить голову—не догадаешься, что это такое. Но, раскрывая книгу „Revue de deux mondes“, мы находимъ статейку „Французы въ Кохинхинѣ“; вотъ это-то и послужило нашему публицисту темой для обновленія... Несчастный! онъ скоро умретъ отъ водяной. Издатели сами, кажется, не выяснили еще, сколько мѣста будутъ занимать Боборыкино-Минаевы и сколько —азіаты. Однако, азіаты съ древняго времени извѣстны набѣгами на Европу и, ежели постараются, могутъ потѣснить Боборыкино-Минаевскую дружину. Иначе, что же это будетъ за „Азіатскій Вѣстникъ“!

Представляю себѣ изумленіе лондонскаго географическаго общества (которое можетъ заинтересоваться журналомъ), когда оно получитъ Минаевское стихотвореніе и Боборыкинскій романъ. Совѣтую вамъ прибавить силы къ азіатскому отдѣлу. Я послалъ для 1-й книги „Очерки изъ жизни поселенцевъ“, при чемъ представилъ картину сибирской жизни и природы. Редакція отвѣтила, что первыя главы найдены безукоризненными. Пашино пишетъ лестныя письма. Разсказъ продолжится, можетъ быть, еще въ двухъ книгахъ; я его уже выслалъ. Завоевавши мѣсто для восточной беллетристики, я попрошу пере-

*) Пашино—издатель „Азіатск. Вѣст.“—(Примѣч. Г. Н. Потанина).

нять ее нашего этнографа Ушарова. Самъ теперь уже разрабатываю историческій очеркъ сибирской промышленности въ XVIII вѣкѣ. Ваша статья: „О бухарской торговлѣ и естественныя богатства Сибири“ лежитъ у меня на столѣ. Не знаю, можетъ быть, прежде помѣщу статью о современныхъ промышленныхъ вопросахъ. Далѣе, можетъ быть, напишу о просвѣщеніи на Востокѣ по статистическимъ даннымъ и т. д. и т. д. Съ „Дѣломъ“ я не разошелся, какъ вы думаете, но Благосвѣтловъ страшно искажаетъ статьи. Въ антрактѣ я случайно помѣстилъ статью въ „Отечественныхъ“. Видите, въ чемъ дѣло,—при посылкѣ статей нельзя надѣяться ни на одну редакцію. „Отечественныя Записки“, объявивъ мнѣ устами Некрасова, что статья моя принята, продержали ее 6 мѣсяцевъ, захвативъ самые холодные мѣсяца. Для бѣднаго писателя это невыносимо. Между тѣмъ, въ одной книгѣ „Отеч. Зап.“ помѣстили стихотвореніе: яко-бы какой то изгнанникъ замерзаетъ среди юртъ; все это прикрашено гражданской скорбью. „Позвольте!—воскликнулъ я въ это время, очутившись на улицѣ въ холодномъ пальто,—позвольте, отчего онъ замерзаетъ?„—„А если онъ замерзаетъ оттого, что редакція задерживаетъ его статьи“,—хотѣлъ я написать автору въ отвѣтъ, да, благо, въ декабрѣ вышла статья. Вы спрашиваете статьи, которыя я писалъ,—ихъ у меня нѣтъ, но скоро вы получите цѣлую книгу: съ февраля будетъ печататься собраніе всего, что я писалъ о тюрьмахъ и ссылкѣ съ прибавленіемъ иностранной ссылки, составленной даже по аглицкимъ источникамъ. Нѣсколько мѣсяцевъ я потрудился надъ переработкой статей и надъ новыми и продалъ это книгопродавцу за 300 руб., задатокъ мѣсяца 2 назадъ полученъ. Моей „Каторжной общиной“ восторгался, представьте, кто? Извѣстный писатель и реалистъ Соколовъ,*) сотрудникъ „Русскаго Слова“; онъ жилъ въ Шенкурскѣ; эта открытая, задушевная, но донкихотовская натура вообразила, что тамъ вмѣстѣ съ братствомъ воцарилась идилія. Насилу разубѣдилъ. Альбертини**) въ Архангельскѣ мнѣ надѣлалъ комплиментовъ***).

Съ тюремнымъ и ссыльнымъ вопросомъ я поканчиваю дѣло. Уже давно у меня копится и разрабатывается матеріалъ по исторіи европейской провинціи. Провинція и ея судьба въ Европѣ и Америкѣ—тема любопытная. Ежели бы я этотъ трудъ выполнилъ, въ свою жизнь я бы не желалъ ничего. Какой ужасный примѣръ представила Франція съ централизованной провинціей. Какъ мирно покоятся государства

---

*) Н. В. Соколовъ вмѣстѣ съ Писаревымъ Зайцевымъ, принадлежалъ къ группѣ „реалистовъ“, по терминологіи Писарева.

**) Ник. Вик. Альбертини—либеральный публицистъ, сотр. „Отеч. Зап.“ (1860—65)., „Голоса“.

***) Н. М. говоритъ о своей извѣстной книгѣ: „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“. С.-ПБ. 1872 г.

съ провинціальнымъ selfgovernement'омъ или съ федеральнымъ началомъ. Вотъ урокъ послѣднихъ историческихъ событій!

Вы, мой другъ, хотите писать о судьбѣ инородцевъ. Читали ли вы, какъ сей предметъ—„о судьбѣ расъ и ихъ вымираніи“ разрабатывалъ Португаловъ? Не задавайтесь долгими работами. Пишите для журнала. Повѣрьте, все, что вы напишите, будетъ хорошо: вы вѣдь мыслитель, esprit fort, а не компиляторъ. Не убивайте себя сушью. Книги вамъ, само собою, будутъ, пишите по поводу ихъ, и не изъ нихъ На это есть Михайловы (Шеллеры) et iutti—quanti, студенты, ученики.

Недавно въ „Петербург. Вѣд.“ публиковалась книга „The unity and the emancipation of sibirian people“, вышедшая за-границей; я полагаю, что это объ инородцахъ и восточныхъ дикаряхъ. Сдѣлалъ запросъ въ Питеръ; получу—извѣщу васъ.

Съ родины я давно не получаю писемъ: годъ тому назадъ мнѣ писалъ Евгеній Яковлевичъ,*) онъ былъ въ Нерчинскѣ и училъ дѣтей. Тахтаровъ, какъ слышно, бѣдствуетъ въ Харьковскомъ университетѣ. Андрей Павлычъ Нестеровъ перешелъ въ Иркутское казачье войско. Отъ Зерчанинова отвѣта на письмо не получилъ. Капустинъ, говорятъ, кончилъ курсъ и отправляется въ земскіе врачи, можетъ, по части теплыхъ мѣстъ, какъ многіе. Анна Капустина вышла замужъ за Ивана Смирнова, томскаго учителя, который теперь директоромъ Иркутской гимназіи. Да, мой другъ, это дѣла обыкновенныя. Есть сортъ людей, который знаетъ свое мѣсто. Nil admirari! Пахоруковъ, вотъ напримѣръ, какъ видно изъ конфирмаціи, попался недавно во взяткахъ съ киргизъ и лишенъ всѣхъ правъ. Зимины и Кузнецовы служатъ по акцизамъ и конторамъ. У всякаго свое мѣсто. Ну, и слава Богу! чего слоняться-то по свѣту. „Въ кк-арр-манъ, да и кончено“,—какъ наставляетъ дѣтей помѣшица въ „Раззореніи“ Успенскаго. Долго ли мы будемъ мыкать свое горе--неизвѣстно. Хоть бы тоже въ акцизъ, что ли, или въ контроль. Щукинъ, какъ слышали, вѣроятно напослѣдяхъ, сдѣлалъ одну умную вещь: онъ умеръ. Шайтановъ женился на мѣщанкѣ въ Пинегѣ, изобрѣтаетъ какую то водку, завелъ трактиръ и учитъ жену на фортепіанахъ. Феденька**) въ Повѣнцѣ, Олонецк. губ., говорятъ, начинаетъ мѣшаться. По слухамъ, нынѣ, будто, освобожденъ. Слава Богу, скорѣе туфли и халатъ. И мы здѣсь сыграли свадьбу: Шашковъ женился. А мы что съ вами, другъ? живы, али гробы поваплепные? Давайте же руку, поцѣлуемся крѣпко! Вотъ такъ. Вѣчно вашъ Н. Ядринцевъ.

---

*)Колосовъ—сидѣлъ въ тюрьмѣ по одному процессу съ Ядр. и Пот. (П(.
**) Ѳед. Ник. Усовъ—(П).

Не забудьте написать, каково было ваше положеніе во время нашей разлуки. Читали ли вы, были ли книги? Не хворали ли? все, все сообщите.

Я хотѣлъ спросить васъ, другъ мой, въ чемъ вы нуждаетесь покуда для устройства, но такъ какъ вы всегда увильнете отъ отвѣта, то позабочусь самъ и нынѣ же закупаю вамъ на бѣлье. Деньги тоже будутъ высылаться. Нечего тутъ толковать. Мы вѣдь теперь богачи.

Письмо ваше отъ 2 февраля шло 16 дней. Это много. Забылъ упомянуть, годъ тому назадъ въ одно утро ввалила къ намъ фигура,—смотримъ—кто? Жукъ—Карабусъ-славянофилъ*). Къ ужасу вселенной, сдѣлался западникомъ, но остался славянофильски нечистоплотенъ. Поселился около насъ. Вода Карабуса вынесла.

Если васъ интересуетъ, штабсъ-капитанъ Ганко, какъ писалъ мнѣ Феденька, кажется, въ Новой Ладогѣ, полагаю фразерствуютъ и пьютъ желудочную съ путейскими офицерами. Можетъ быть, поютъ „Ай, Ладога калина“ и т. д. Chacun chez soi!

Письмо 2-е.

Шенкурскъ. 5 марта 1872 года.

Милый, дорогой другъ, Григорій Николаевичъ, не успѣвъ еще переговорить о нашемъ личномъ положеніи, не успѣвъ обмѣняться мыслями, новостями и свѣдѣніями, приходится уже кинуться и говорить объ общихъ дѣлахъ и судьбахъ литературы, насъ занимающей. Долго мы ожидали „Азіатскаго Вѣстника“,—наконецъ, онъ присланъ съ прошлой почтою. Прочитали, и я ажитируюсь. Статьи вамъ извѣстны; наконецъ, и самый журналъ вамъ будетъ высланъ. Цензура, какъ видно, не пропустила только статью Флеровскаго объ Азіи, у Серафимыча вырѣзана страница о растлѣніи женщинъ и любовныхъ похожденіяхъ Крылова въ Иркутскѣ. Признакъ цѣломудрія цензора. Что касается до содержанія статей и ихъ сюжетовъ, то, хотя они носятъ всѣ восточный характеръ, исключая критики Скабичевскаго и внѣшней политики, но ежели принять во вниманіе, что двѣ статьи принадлежатъ перу Шелгунова, одна—перу Демерта, то восточныхъ воззрѣній тутъ мало. Собственно посодержательнѣе статья Шелгунова „Французы крайняго Востока“. Это оказалось описаніе японцевъ—и обозрѣніе успѣховъ, которые они совершаютъ при воспринятіи европейской цивилизаціи. Остроумна, хотя и бѣдна фактами, хроника Демерта. Здѣсь выяснена исторія составленія положенія о Западно-Сибирскомъ казачьемъ войскѣ.**) Исторія эта изложена такъ точно и вѣрно, какъ бы принадлежала знакомому мнѣ перу.

---

*) Ушаровъ.
**) Статья Нестерова. (II).

Статья Вагина о Сперанскомъ въ Сибири не удовлетворила ожиданіямъ,—это просто извлеченіе изъ его писемъ къ дочери, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Что касается передовой статьи Шелгунова „Что такое Азія?“, то этотъ обновляющійся публицистъ хотѣлъ польстить Востоку и хватилъ черезъ край. Статья полна общихъ мыслей, поверхностныхъ сужденій и разнообразныхъ темъ, начиная съ Франко-Прусской войны, кончая исторіей Австраліи, Суэцкимъ каналомъ и египетскимъ царемъ Рамзесомъ V. Зная, что этотъ писатель можетъ начать съ воробья и кончить Николаемъ Угодникомъ, какъ старый нашъ гимназическій учитель Сергѣевъ, извѣстный подъ именемъ „ботало“, ему нечего удивляться. Статья полна слѣдующими мыслями: „Въ Европѣ гнилыхъ элементовъ больше, чѣмъ здоровыхъ“, „Мысль, пробужденная и развитая Европой, оставаясь въ границахъ европейскаго континента, сохнетъ безъ приложенія, она мертва(?!), жизнь даетъ мысли только Востокъ“. Далѣе есть замѣчаніе, что русскій интеллектъ плохъ, потому что въ немъ мало Европы (гнилой?). Вопросъ: . . . . . что такое Азія? разрѣшаегся такимъ образомъ: „Азія, Востокъ это не Китай, не Турція, не Коканъ, не мѣсто застоя. Востокъ —это, это—обобщеніе европейскихъ интересовъ міровыми интересами, это тяготѣніе къ лучшимъ странамъ“. Какъ ни возвышенна эта мысль почтеннаго русскаго публициста, но, какъ хотите, въ ней есть какой то грамматическій порокъ. Публицистъ при этомъ принялъ называть Востокомъ всѣ мѣстности земного шара, исключая Европы. Америка—востокъ, Австралія тоже востокъ и Африка—востокъ. Изъ этого обобщенія вышла новая публицистическая географія въ родѣ измышленій Кузьмы Пруткова: „Куда ни обернись, вездѣ Востокъ. Впереди—Востокъ,—назади Востокъ, направо и налѣво—Востокъ*). Такія обобщенія и мысли о Востокѣ высказали лучшіе представители русской журнальной интеллигенціи. Больше ничего, вѣроятно, о Востокѣ и не сумѣютъ сказать. Придется „Азіатскому Вѣстнику“ тогда опереться на статьи спеціалистовъ по части Востока. Для хроникъ, не знаю, сумѣетъ ли журналъ найти мѣстныхъ корреспондентовъ. 1-й № незавиденъ, неказистъ. Въ немъ нѣтъ вырисовывающихся статей. Статья Серафимыча о Крыловѣ и иркутскомъ обществѣ полна злого, безпощаднаго сарказма, но мала. Демерта хроника полна иронiи надъ русскими завоевателями и цивилизаторами, но нигдѣ не затронуто серьезныхъ общественныхъ, экономическихъ и гражданскихъ вопросовъ о жизни Востока. Такъ и должно было ожидать. У русскихъ образованныхъ людей есть или общія теоріи, несбыточныя фантазіи насчетъ Востока,

*) Объясненіе причинъ раздражительнаго тона по адресу Шелгунова отчасти можно найти на стр. 94 „Сборника къ 80-лѣтію дня рожденія Г. Н. Потанина“ (ст. „Областническая тенденція въ Сибири“ Г. Н. П-на):

въ видѣ Шелгуновской философіи исторіи и романтическихъ проектовъ, или другая крайность: одна иронія, одна насмѣшка и сопоставленіе Азіи, какъ страны китайскаго, коканскаго и русскаго вѣчнаго застоя. Русскіе журналы и газеты относятся недружелюбно къ „Азіатскому Вѣстнику“ даже за заглавіе. Къ чему, для чего, для кого этотъ „Вѣстникъ“? Одна радикальничающая газета, „Новое Время“, говоритъ, что такое названіе, должно быть, дано, какъ иронія по примѣненіи къ русскому обществу. Русскіе—дикари, азіаты, Азія—это мѣсто застоя, безъ будущаго, которымъ не стоитъ заниматься, о которомъ нечего сказать. Какая избитая, опошленная острота! Она стоитъ, впрочемъ, Шелгуновскихъ комплиментовъ, и вотъ этимъ то русскіе журналисты стараются выказать свою мудрость и пониманіе русской миссіи на Востокѣ. А самый „Вѣстникъ“—въ состояніи ли онъ будетъ поддержать свою репутацію? Ему необходимы дѣльныя, спеціальныя статьи, ему необходимо разъяснить и доказать, что исторія Востока заслуживаетъ глубокаго вниманія, что исторія Востока заслуживаетъ глубокаго вниманія, что судьба народовъ, живущихъ въ Азіи, должна привлечь къ себѣ изученіе, наконецъ, показать, что разработка географіи и естественной исторіи Азіи, вмѣстѣ съ исторіей населяющихъ ее племенъ, должна внести драгоцѣнныя свѣдѣнія въ область европейской науки. Обо всемъ этомъ въ редакцію будетъ послано письмо отъ имени подписчика „Вѣстника“, подъ заголовкомъ „Задачи Азіатскаго Журнала“. Но, что ежели задачъ то, которыя заявятся, и не будетъ выполнено? Предъ этой неподготовленностью, предъ крайне легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу издателя и редактора я глубоко задумываюсь. Есть ли у нихъ силы, хоть немного, сладить съ тѣмъ предметомъ, за который они взялись? Они гостепріимно предлагаютъ всѣмъ писать объ Азіи, но наличное число близкихъ сотрудниковъ, могущихъ свободно писать у нихъ—Шелгуновы, Боборыкины, Скабичевскіе,—что они скажутъ объ Азіи? А кто бы могъ писать, тѣ не имѣютъ ни спеціальной азіатской библіотеки; ни нужныхъ книгъ, даже матеріальныхъ средствъ для усидчиваго труда; да имѣютъ еще въ добавокъ „сношенія съ міромъ и человѣчествомъ“ подобно генералъ-маіору Куткину*) въ концѣ его жизни. Предложеніе сотрудничать и насъ застало врасплохъ. Книгъ также мало, хотя я послалъ огромный запросъ на нихъ. Но вѣдь надо собрать матеріалы, надо добросовѣстно поработать. Серафимычъ отзывается также, что у него нѣтъ матеріаловъ для новыхъ статей. Ему хочется впрочемъ писать статьи общія. Теперь покуда я буду писать статью по исторіи промышленности Востока, но выпущу ее, кажется, нескоро. Съ поверхностными статьями не хочу выходить. Вамъ бы я предложилъ богатую тему, сообщенную мнѣ моло-

*) См. кн. Вагина „Сперанскій въ Сибири“ (П).

дымъ другомъ, живущимъ со мною въ одной квартирѣ, товарищемъ по судьбѣ Христофоровымъ,—человѣкомъ очень умнымъ и образованнымъ и съ широкимъ философскимъ взглядомъ. Онъ предлагаетъ написать о томъ, какую пользу можетъ принести научная разработка Азіи и какія услуги оказаны до сего времени ея изслѣдователями ; аукѣ, т. е., сколько сдѣлано ученыхъ путешествій, открытій и что внесли они въ область всѣхъ наукъ и особенно естественныхъ. Доказательство, что необходимы большія научныя обслѣдованія, и при какихъ условіяхъ они могуть быть достигнуты (о необходимости Восточнаго университета). Съ этой темой только вы можете сладить, о ней я напишу еще.

Тема, о которой я вамъ говорилъ, можетъ равняться развѣ темѣ: какъ открытіе Америки и ея естественнаго царства повліяло на расширеніе европейскаго знанія. Вы сообразите, что это за лакомый кусъ.

Жду съ каждой почтой денегъ изъ „Азіатскаго Вѣстника“, какъ только получу, все нужное вамъ вышлю.

По случаю размышленія надъ „Вѣстникомъ“, я еще не пришелъ въ себя и нахожусь въ нервномъ состояніи, поэтому извините за безсвязность и неровность письма. Пашино я посылаю въ $1^1/_2$ листа письмо о задачахъ изданія „Азіатскаго Журнала“.

Карабусъ-Ушаровъ также принялся за рецензіи. Критикуетъ книгу о Туруханскомъ краѣ Третьякова, посланную мнѣ, и написалъ разборъ Миддендорфовой „Барабы“. Нужна ли вамъ эта книга? Чортъ знаетъ, какъ мнѣ долго денегъ не посылаютъ изъ редакціи. До слѣдующей почты.

Вашъ Н. Ядринцевъ.

Есть ли у васъ Дарвинъ „О происхожденіи человѣка“, и читали ли вы его? Можно выслать. Каталоги у меня для васъ готовы по исторіи Австраліи, Америки, Африки и Азіи. Вамъ найдутся книги и объ инородцахъ. Вышелъ VI т. Вайца: „Anthropologie der Polynesier, Melanesier, Australier und Tasmanier.“ 7 р. 90 к..

Письмо 3-е.

12 марта, 1872 года, Шенкурскъ.

Милый и дорогой мой Григорій Николаевичъ, письмо ваше отъ 28 февраля получено 11 марта и шло исправно. Книги вамъ Сер. Серафимычъ высылаетъ съ этою же почтою, я присоединяю каталоги и „Азіатск. Вѣстн.“ 1-ю книгу. Вы, вѣроятно, будете единственный оцѣнщикъ моей беллетристики, потому что основная мысль ея чисто восточ

ная, и особенно разовьется въ послѣдующихъ 9 главахъ. Всѣ онѣ уже въ редакціи. 2-я книга „Вѣстника“ еще не вышла, хотя вышли всѣ ежемѣсячные журналы. На 1-ю книгу были рецензіи въ „Новомъ Времени“, гдѣ замѣтили, что статья о Крыловѣ составлена небрежно. Въ сущности, она составлена наскоро. Про Шелгунова упомянуто, что онъ мямлитъ мысль одного блестящаго публициста:*) „Восточн. Океанъ—Средиземное море будущаго“. Вообще, журналъ еще весь въ ожиданіяхъ. Пашино мнѣ покуда ничего еще не шлетъ. Выслалъ книгу только для рецензіи, которую я передалъ Ушарову. „Азіатск. Вѣстникъ“ обѣщался платить 75 руб., но не знаю средствъ журнала и на какія деньги онъ издается. Аккуратностью въ высылкѣ денегъ, какъ видно, не отличается, хотя щедръ на обѣщанія и на лестныя письма, благо, это дешево. Одно время даже Пашино написалъ, что пили, дескать, за ваше здоровье; все это хорошо, но хоть давали бы намъ закусывать, мы нуждаемся въ самыхъ простыхъ блюдахъ, даже въ хлѣбѣ. Впрочемъ, я нисколько не удивлюсь, ежели восточныя статьи придется писать безплатно. Это моя обыкновенная участь. Такъ ужъ на роду написано. Вы помните мои неоплачиваемые труды въ Сибири. По пріѣздѣ въ Архангельскую губ. я подтвердилъ свои наблюденія въ обратномъ смыслѣ. Какъ только я принялся за общія статьи, мало имѣвшія восточнаго интереса, такъ, напримѣръ, за тюремный вопросъ, деньги повалили, и я прожилъ 3 года не въ особенной нуждѣ. Проживалъ до 25 и 30 р. въ мѣсяцъ. Но деньги все-таки приходилось вытаскивать отъ Благосвѣтлова тисками, при томъ онъ постоянно обсчитывалъ. Вообще, я вынесъ такое заключеніе, что все, что ни получишь отъ петербургск. журналистики, надо считать „упавшимъ съ неба“, но не вѣрнымъ доходомъ. Не знаю, пригласившій „Азіатскій Вѣстникъ“ будетъ ли добросовѣстнѣе. Я съ жадностью принялся для него писать и мой беллетристическій очеркъ написанъ вечерами и ночами, въ то время, когда въ нашемъ плюгавомъ городишкѣ устроили спектакль въ пользу библіотеки, гдѣ и я былъ обязанъ участвовать. Это удовольствіе, устраиваемое каждый годъ, напоминаетъ принудительную пляску шута въ одной изъ оперъ, гдѣ этотъ несчастный шутъ, потерявшій дочь, обязанъ все-таки ломаться и напѣвать веселые мотивы, когда у него сжимается все сердце. Литературная работа на заказъ для Благосвѣтл. журнала мнѣ положительно была невыносима, тѣмъ болѣе, что онъ все перевиралъ, что я ни писалъ. Однажды, онъ написалъ, что я, будто, сижу и читаю Fortnightly Rewiew, когда я не знаю по англійски. Чтобы поправить свою репутацію для потомства, я принужденъ былъ поэтому учиться этому языку.

---

[1]) т. е. Герцена. (Ред.)

Работая для „Дѣла“, я постоянно искалъ какую-нибудь связующую мысль съ тѣми вопросами, которые меня занимали. Разскажу вамъ по этому поводу исторію моихъ работъ въ эти три года. Я началъ съ тюремныхъ записокъ и потомъ перешелъ къ штрафной колонизаціи. Но какъ было примирить гуманное воззрѣніе на арестанта, ссыльнаго и несчастнаго, съ тѣмъ зломъ, которое они приносятъ въ мѣстѣ ссылки? Что нужно дѣлать съ преступниками, ежели уничтожить штрафную колонизацію? Надо указать новый путь наказанья и средства обезопасить общество. Какіе же они? Т. обр., приходилось поднять весь уголовный вопросъ, разсмотрѣть исторію наказанія въ ея утилитарномъ и гуманномъ значеніи и взглянуть на ссылку съ точки зрѣнія общихъ интересовъ, а не однихъ мѣстныхъ, наконецъ, надо указать и замѣну ссылки болѣе раціональнымъ наказаніемъ или средствами исправленія. Только въ такомъ духѣ я и могъ писать только тогда мои доводы должны были получить вѣское общее значеніе и не поражать односторонностью мѣстныхъ взглядовъ, за что меня могли упрекнуть. Вѣдь, это вопросъ европейскихъ юристовъ и ученыхъ. Итакъ, я долженъ былъ поднять съ корня вопросъ о ссылкѣ. Я сталъ разсматривать ссылку въ ея общемъ значеніи по отношенію къ развитію преступленій. въ ея общемъ исправительномъ значеніи, въ колонизаціонномъ и, наконецъ, съ точки зрѣнія общественной безопасности для всего общества. Сдѣлавъ этотъ разборъ и историческій обзоръ ея у насъ, я обратился къ параллельному изученію ея за границей—въ Англіи. Мало того, что бы доказать ея роль въ дѣлѣ міровой исторіи наказанія, пришлось познакомиться съ исторіей наказаній. И этого мало, нужно было указать новую систему наказанія, согласно послѣднимъ европейскимъ выводамъ науки, согласно гуманнымъ взглядамъ, не упуская изъ виду практическихъ интересовъ общества. Задача, мой другъ, не легкая для моихъ силъ. Я обратился къ юридическимъ вопросамъ и чуть не потерялъ голову, насилу я выбрался изъ этой трущобы при помощи Бэнтама, котораго долго изучалъ, какъ утилитариста. Прибѣгнувъ къ исторіи пенитенціарныхъ системъ въ Европѣ, я натолкнулся на чудовищныя противорѣчія гуманизма, проводимаго помощью утонченныхъ инквизиціонныхъ пытокъ одиночнаго заключенія. Я анализировалъ всѣ системы тюремнаго исправленія, въ родѣ филадельфійской, аубернской и ирландской, разсмотрѣлъ ихъ исторію до послѣдняго времени, свелъ ихъ опыты, перемѣну къ лучшему и убѣдился, что лучшія системы дѣлаютъ шаги въ дѣлѣ воспитанія и нравственнаго вліянія на преступника, наконецъ, я увидѣлъ, что онѣ отступаютъ отъ прежнихъ принциповъ разъединенія и изолированія личности, а стремятся къ прове-

денію соціальнаго начала. *) (Такого изслѣдованія не было сдѣлано никѣмъ.) Многіе частные опыты въ Европѣ показали благотворное вліяніе раціональной соціальной жизни въ средѣ преступниковъ и вредъ ихъ разъединенія, къ чему стремились старыя пенитенціарныя системы. (Это доказательство опытное). Сведя въ одно всѣ улучшенія, какія дѣлаются въ дѣлѣ наказанія: лучшее и даже роскошное содержаніе падшихъ людей, гуманное обхожденіе, умственное развитіе, воспитаніе, обученіе труду и ремесламъ, нравственное теоретическое воспитаніе, условные отпуски при хорошемъ поведеніи и проч., и проч., я обратился къ тому, что могло бы быть еще сдѣлано для гуманнаго наказанія въ исправительномъ значеніи, чего еще недостаетъ этимъ системамъ. Я увидѣлъ, что принципы нравственности въ этомъ дѣлѣ исправленія носятъ еще доселѣ чисто теоретическій характеръ, въ видѣ лекцій и проповѣдей, но принципы нравственности въ дѣлѣ воспитанія должны проводиться также наглядно и практически, чтобы войти въ плоть и кровь человѣка. Нравственные принципы общежитія могутъ быть только вынесены изъ опытовъ раціональнаго общежитія. Итакъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы создать педагогически исправительную общину, къ которой примѣнить здравыя основы соціальной жизни, долженствующей воспитать въ человѣкѣ лучшія чувства благожеланія, общаго интереса и любви къ ближнему. О такомъ воспитательномъ вліяніи соціальной жизни я нашелъ подтвержденіе и въ трактатахъ Спенсера. Какое громадное воспитательное значеніе на человѣка можетъ имѣть община, каково ея вліяніе и управленіе личностью, я сослался на опыты русской тюремной общины, на исторію ассоціацій, на исторію всего человѣчества. Обдумавъ практическія формы, въ какихъ должна выразиться подобная система, я пришелъ къ тому, что создалъ новую исправительную систему. Вотъ къ чему меня привело изученіе только одного спеціальнаго вопроса. Такимъ образомъ, мой другъ, въ своей книгѣ о ссылкѣ съ ея дополненіями мнѣ суждено будетъ выйти и творцомъ новой теоріи и новой системы. Связавъ такимъ образомъ мѣстный вопросъ о штрафной колонизаціи съ общимъ уголовнымъ, чтобы послѣдовательно убѣдить въ несостоятельности такого наказанія, я долженъ былъ стать на общую точку зрѣнія и дѣйствовать общими доводами, при чемъ еще пролагать новые пути и дѣлать чужую работу юристовъ въ вопросѣ объ измѣненіи наказанія, несогласнаго ни съ мѣстными интересами, ни съ общими*). Такой же методъ изслѣдованія я рѣшился примѣнить и къ другимъ вопросамъ нашей жизни для убѣдительности. Съ этою то цѣлью я

[1]) Это доказательство историческое.

[1]) Ср. Г. Н. Потанина Областническая тенденція въ Сибири, перепеч. въ сборникѣ къ 80-лѣтію дня рожденія Г. Н. Потанина. Т. 1915, стр. 95—97, 107 (Ред.).

было и занялся исторіей провинціи въ Европѣ и за океаномъ при всѣхъ ея разнообразныхъ условіяхъ. Для изложенія этой исторіи я хотѣлъ взять три историческихъ типа провиціи: провинцію подъ условіями централизаціи (Франція), въ условіяхъ конституціонн. самоуправленія (Англія); федеральную провинцію (Штаты и Швейцарія). Такому изслѣдованію, ежели бы я не былъ поденщикъ, я бы посвятилъ года два, три и, можетъ быть, болѣе. Но теперь приходится разрабатывать предметъ медленно. Когда меня призвалъ „Азіатскій Вѣстникъ“ словами: „земля наша велика и обильна, приходите володѣти“... я былъ занятъ накопленіемъ другихъ матеріаловъ и готовился приступить къ исторіи французской провинціи. Для этого у меня уже все готово. Но пришлось кинуться теперь на Востокъ и воспользоваться случаемъ вдаться въ мѣстные вопросы. Сдѣлавъ опытъ беллетристики, я въ эти два мѣсяца собралъ все, что могъ, по исторіи промышленности, торговли и отчасти культуры въ 18 вѣкѣ и началѣ нынѣшняго. О значеніи экономической централизаціи, т. е. о мануфактурной монополіи однѣхъ странъ надъ другими, я не нашелъ лучшей и болѣе рѣзкой теоріи, какъ у Кэри, которая меня давно восторгала; его книга о соціальной наукѣ исключительно посвящена этому вопросу. У него есть слова: „добываніе сырыхъ произведеній для потребностей чужихъ рынковъ— есть занятіе, достойное только раба и варвара“. Чудовищныя послѣдствія мануфактурной эксплоатаціи Англіею всѣхъ странъ и особенно Ирландіи у него обрисованы въ поражающемъ видѣ. Говоритъ онъ и о желѣзныхъ дорогахъ, которыя, усиливая обращеніе, усиливаютъ и вывозъ сырья изъ странъ, обладающихъ низшей культурой. Вопросъ объ Уральской желѣзной дорогѣ и претензіяхъ на нее русскихъ ташкентцевъ, купцовъ, мѣтящихъ очистить киргизскую степь, меня давно занимаетъ, но негдѣ было писать. „Пет. Вѣдом.“ защищали одинъ изъ подобныхъ проектовъ. Пермяки—Любимовы *) и „Общ. содѣйств. русск. торговлѣ“ выражали мысль: „золотой сундукъ“ и „черпай!“. Всему этому придется посвятить особую статью, я укажу на полезную сторону желѣзныхъ дорогъ (по статьѣ Жуковскаго въ „Вѣстн. Европ.“), покажу всѣ благія результаты этой дороги для Востока, какія могутъ быть извлечены изъ нея выгоды, и, между прочимъ, упомяну, какимъ образомъ ею должно воспользоваться для Сибирской промышленности, въ смыслѣ развитія собственнаго раціональнаго хозяйства и заводскихъ центровъ. Словомъ, что сама по себѣ дорога есть средство для тѣхъ или другихъ цѣлей, а потому только надо воспользоваться ею съ толкомъ. Вѣдь, по ней можно ввозить машины для заводовъ, всѣ орудія для созданія высшаго хозяйства

*)Ср. И. П. Любимовъ: «Записка къ проекту пермско-уральской желѣзной дороги“ С.-ПБ. 1870 г.

колонистовъ или руки для фабрикъ, но можно и выгрузить всѣ сырые продукты земледѣлія, скотоводства, истощить почву и оставить голодъ въ наслѣдье другимъ поколѣніямъ. Все дѣло въ умѣньи пользоваться ею. Покуда, однако, все-таки примемся съ корня, съ исторіи промышленности. Хотя у меня данныя не полны, т. е. нѣтъ „Актовъ археограф. комиссіи", Дополненій, Полн. Собр. Зак. и т. п., но и теперь я собралъ порядочную кучу характеристичныхъ фактовъ изъ разныхъ матеріаловъ и книгъ. Боюсь даже, чтобы статья не вышла очень спеціальной и наполненной историческою сушью, но не приводить фактовъ нельзя. Надо, чтобы вышло не бездоказательное мудрствованіе à la Шелгуновъ (безфактица), а историческій солидный обзоръ, при томъ множество актовъ и матеріаловъ такъ характеристичны, что нельзя ихъ не привести для курьезовъ, какъ образчикъ или излишней опеки, ревности, подозрѣнія инородцевъ, политики съ ними и т. д. Къ матеріаламъ, бывшимъ у васъ, я присоединяю и кое-что новое Скоро вамъ пришлю программу статьи. Всѣми вашими поэтическими сравненіями воспользуюсь, какъ всегдашній воръ вашей фантазіи. Такія сравненія будутъ въ тонъ статьѣ, которая будетъ преисполнена доказательствъ, что русскій торговый и промышленный геній въ средней Азіи былъ ниже генія бухарскаго и китайскаго.

Я коснулся только еще общаго плана, но не сообщилъ вамъ много деталей, которыя имѣю въ виду. И вотъ на серединѣ этой работы, разочарованный снова, что я долженъ дѣлать? Разрушать ли этотъ храмъ и снова бросаться на новыя темы? Придется вѣдь обратиться къ Благосвѣтлову и ложиться подъ его ножницы, которыя столько разъ изрѣзывали мое мясо, при чемъ больное мѣсто посыпалось перцемъ самаго пошлаго либерализма, но что бы ни случилось, а съ очеркомъ культуры Востока я, кажется, не разстанусь хоть бы единственному моему читателю пришлось потрудиться надъ рукописью, которая не будетъ напечатана, точно также едва ли что меня заставитъ оставить и нѣкоторыя другія мѣстныя темы. Къ сожалѣнію, я боюсь, что единственный читатель при моихъ неудачахъ можетъ испортить себѣ глаза. Это ужъ такое причудливое назначеніе провинціальнаго писателя, оставшагося, вѣрнымъ мѣстнымъ вопросамъ, назначеніе это меня даже иногда забавляетъ. Сочинять, не печатая, для собственнаго своего удовольствія, работать, не получая ни гроша за цѣлые фоліанты, кипятиться, не видя практическаго осуществленія своихъ стремленій, проповѣдывать, не будучи услышаннымъ, стремиться къ репутаціи, чтобы не быть никому извѣстнымъ, и кончить рядъ усилій, пропавъ безслѣдно изъ за какого то внутренняго каприза, отстать отъ своего назначенія, весь практическій смыслъ котораго—не находить мѣста на свѣтѣ. Божьемъ, развѣ это не шутовство? И такъ опять съ комиче-

скою важностью примемся за эти длинныя провинціальныя эпопеи, превращающіяся въ іереміады, назначенныя въ большинствѣ для редакціонныхъ сорныхъ корзинокъ. Будемъ же терпѣливо нести свой шутовской девизъ, пока есть силы, пока не переломился позвоночный столбъ и пока отъ несчастнаго провинціальнаго мараки не останется груда ненужныхъ пожелтѣлыхъ черновыхъ, вмѣсто его самого. Останемся шутами, мой другъ, и будемъ смѣяться, какъ бы ни угрожала бѣдность и неизвѣстность нашего труженичества. Я не отчаюсь никогда уже потому, что у меня есть одинъ читатель, который скажетъ надъ шутомъ когда нибудь: „бѣдный Іорикъ“.

Извините, что я забываю о бюллетеняхъ новостей и иногда не отвѣчаю на вопросы, а чаще излагаю свое настроеніе и размышленія, но это зависитъ отъ того, что я не приготовляюсь къ форменному письму на тему, а пишу подъ вліяніемъ впечатлѣній, навѣваемыхъ неутѣшительными почтами. Впередъ буду короче и исправнѣе. Вы пишете, что я хочу писать о ходѣ образованія въ Снбири,—я думалъ это сдѣлать впослѣдствіи для „Азіатскаго Вѣстника“ и собиралъ матеріалы. Помните, что я теперь не столько пишу, а больше собираю матеріалы, Теперь не такъ, какъ прежде—я могу до безконечности собирать матеріалы. а писать меня надо нудить. Нудитъ иногда нужда, безъ этого я бы долгіе годы собиралъ и отдѣлывалъ матеріалъ.

Очень радъ, что Андрей Павлычъ [1]) отыскался, радуюсь, что и Musicien [2]) попалъ въ консерваторію. Къ сожалѣнію, я ему заочно не могу передать многихъ музыкальныхъ темъ и мотивовъ изъ тюремныхъ пѣсенъ, о которыхъ у меня составлена глава въ книгѣ, [3]) тамъ я указывалъ музыкальную идею большинства этихъ пѣсенъ. Знаете ли, à propos, что въ Шенкурскѣ отъ одного жида, сосланнаго съ Амура, досталъ случайно рукопись стиховъ каторжнаго и ссыльнаго поэта, описывающаго свои чувства и воззрѣнія на Сибирь. Чувства и жалобы ссыльнаго, его міросозерцаніе выражены превосходно. Многіе стихи войдутъ въ мою книгу. Тамъ онъ описываетъ свое отчужденіе, неспособность слѣдовать чуждымъ обычаямъ, описана неспособность къ труду поселенца. Страна ему представляется рудникомъ, онъ стремится бѣжать и свои чувства приписываетъ даже вѣтру: „Мнѣ душно здѣсь между скалами въ Сибири хладной завывать“. Это вѣтеръ-то говоритъ. Стихи написаны новымъ лермонтовско-полежаевскимъ складомъ и ритмомъ. Это, я вамъ говорю, находка. Я положительно страдаю, что моя книга не печатается еще и узнать о ней некому. Не

---

[1]) Нестеровъ. (II.).

[2]) Вѣроятно, казакъ Михайловъ изъ Омска, protégé Я—ы II.

[3]) «Осторожная поэзія, музыка и тюремное творчество» въ «Русской общинѣ» (стр. 106—142).

Краевая библиотека им. В. Я. Шишкова

знаю, не могъ ли бы это выполнить Андрей Павлычъ, но обращаться къ нему съ письмомъ—не знаю, какъ онъ приметъ. Мнѣ бы всегда было дорого имѣть письмо отъ кого-нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ. Будете писать, скажите, что я попрежнему люблю ихъ, по выраженію Ѳомы Кемпійскаго, даже больше, чѣмъ они сами себя любятъ, зачѣмъ же они не удостоятъ даже строчки.

Объ „Азіатск. Вѣстн.“ для высылки вамъ я писалъ самъ въ редакцію. Вамъ необходима, кромѣ того, газета. Я напишу корреспонденцію въ „Новое Время“ съ тѣмъ, чтобы его вамъ посылали. Это хорошая газета. „Потерб. Вѣдом“. становятся хуже день ото дня. Дарвинъ вамъ вышлется черезъ недѣлю или немного болѣе, Шашкову передамъ ваши вопросы. Онъ попрежнему будетъ писать у Благоса [1]), конечно, объ общихъ вопросахъ. Вышла отпечатанной его книга „Историческіе этюды“, конечно, онъ вамъ пришлетъ. Надѣюсь со слѣдующей почтой получить отъ васъ письмо и тогда сообщу новости изъ газетныхъ корреспонденцій съ Востока. Въ Томской гимназіи увеличилось учениковъ со 100 на 300. Но дома для гимназіи нѣтъ. Главный Инспекторъ вопіетъ къ золотопромышленникамъ. Старая пѣсня! Мнѣ Сидоровъ лично сказывалъ, что покойный Асташевъ подписалъ на университетъ 3 рубля. О встрѣчѣ съ Сидоровымъ сообщу на досугѣ. Онъ говоритъ, что Пантелеичъ [2]) служитъ на пріискахъ. Русская литература сильно плоха, исписалась. На счетъ журналовъ—побудите-ка уѣзднаго учителя для сборовъ и для выписокъ, той же уѣздной публикѣ будетъ чего читать. У насъ библіотека здѣсь развилась значительно. Варите ли по прежнему пищу? Хотя это теперь дѣлаетъ тоже редакторъ „Фонаря“, но вы не французъ, а янки. Пожалуйста не берите новыхъ профессій, пожалуй, васъ застанешь въ платкѣ и передникѣ.

Н. Ядр.

Съ Ушарова я вамъ хотѣлъ послать портретъ, онъ попрежнему временами дѣлаетъ „подгулки“ и теперь сидитъ дома съ двумя нашлепками на носу, а теряетъ съ себя иногда такія веши, что трудно и представить, напримѣръ, кальсоны.

Вы, вѣроятно, не видали „Описаніе Оренбургск. степи“ Мейера и „Описаніе киргиск. степи“ Красовскаго (Офиц. Ген. штаба). У Красовскаго есть исторія тарифа и торговли въ киргиск. степи до послѣдняго времени. Также онъ руководствовался запискою Земляницына о Семипалатинской таможнѣ.

Какія у меня есть книги покуда наиболѣе любопытныя, найдете выписку на одномъ каталогѣ, посланномъ вамъ въ Antiquarische Lehrbuch.

---

*) т. е. Благосвѣтлова («въ Дѣлѣ»).
**) Лонг. Ѳед. Пантелеевъ (П).

Письмо 4-е.

26 марта 1872 г. Шенкурскъ.

„Панкрутятъ“[1]).

Дорогой другъ Григорій Николаевичъ, пишу вамъ письмо съ этимъ грустнымъ эпиграфомъ по поводу событій съ „Азіатскимъ Вѣстникомъ“. Онъ до сихъ поръ не выходитъ и не отвѣчаетъ уже на нѣсколько писемъ. Сегодня, 25 марта получена почта, а его все нѣтъ. Выйти 2-я книга должна была уже мѣсяцъ тому назадъ. Дѣло значитъ, скверно. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ есть слѣдующій намекъ на него по поводу статейки въ „Alltgemeinè Zeitung“. Нѣмецкая газета говоритъ, что „русскіе, наконецъ, обратили вниманіе на свой Востокъ, что вызвано крайней потребностью общества ознакомиться съ этимъ краемъ“. Какова потребность,—прибавляютъ „Петербургск. Вѣдом.“,—можно судить по судьбѣ „Азіатскаго Вѣстника“. Изъ этого можно заключить, что у „Азіатскаго Вѣстн.“ нѣтъ еще подписчиковъ и нѣтъ капитала на изданіе. А все это затѣяно, какъ праздная выдумка и самая легкомысленная афера. Начинать изданіе безъ капитала, набрать сотрудниковъ, потребовать отъ нихъ работъ на нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ, взять статьи, не имѣя возможности выпустить, болѣе *одной* книги, это уже не знаю, на что походитъ. Это значитъ—расчитывали на одну подписку. Какая наивность! Петербургская, спекуляторская, павшая и деморализованная нынѣ журналистика, правда, на все способна. Экспромптомъ, не собравши ни силъ, ни средствъ, она затѣяла печатать „Вѣстникъ“, но также легко и броситъ это дѣло. Надѣяться нечего. И, въ самомъ дѣлѣ, „что имъ Гекуба, что они ей“?! Еще разъ мы введены въ глубокій обманъ, довѣрившись людямъ, которыхъ вся любознательность къ Востоку сосредоточивается развѣ на томъ, что тамъ зарѣзанъ Грибоѣдовъ а статья о Грибоѣдовѣ полагается о Востокѣ[2]). Я не жалѣю того, что этотъ журналъ выманилъ у меня статью, не сумѣвши окончить ея печатанье, не жалѣю, что онъ отнялъ нѣсколько мѣсяцевъ хлѣба, заставивши готовить для него спеціальную статью, съ которой я долженъ задуматься, куда ее пристроить. Богъ съ нимъ и съ его денежными обѣщаніями и съ его гонораріемъ, который не высылаютъ. Но эти люди не понимаютъ одного, что тема журнала, предпринятаго ими, и возбужденныя ими надежды и предложенія составляютъ для нѣкоторыхъ вопросы жизни и сердца. Они не понимаютъ, что работы, возбужденныя ими, могутъ быть страстными, стоящими лучшихъ соковъ сердца, самыхъ кипучихъ порывовъ души, касаться дорогихъ и завѣтныхъ вѣрованій. Ежели бы

---

[1]) „Панкрутятъ“—сибирскій жаргонъ, провинціализмъ (П).
[2]) Зачеркнуто: тяжело, мой другъ (Ред.)

они понимали это, они бы не спекулировали на силы людей, относящихся болѣе честно и пламенно къ дѣлу, которое для спекуляторовъ является только дѣломъ моды или аферы. Да, мой другъ, мнѣ досадно, что разгорячили и моего Пегаса, они думаютъ, впрочемъ, что нашъ восточный Пегасъ есть скромный верблюдъ или покорный лошакъ, не догадываясь, что локомобиль нашихъ духовныхъ силъ клокочетъ давно нетерпѣніемъ, а разводимые напрасно пары угрожаютъ разорвать паровикъ,—боюсь, что этимъ паровикомъ будетъ наше сердце.

Во всякомъ случаѣ, ожегшись самъ, я тороплюсь предупредить васъ, чтобы вы не посылали покуда ничего въ „Азіатскій Вѣстн.“—и не придумывали слишкомъ спеціальной темы. Заводите сношенія съ редакціей „Дѣла“, тѣмъ болѣе, что секретарь вамъ знакомъ. Это будетъ вѣрнѣе. Благосвѣтловъ можетъ выплачивать сверхъ того Мюнксу за книги, какія вамъ нужны. Тюкъ съ книгами вы, вѣроятно, получили. Всѣ ваши письма получены и послѣднее имѣю отъ 13 марта, въ которомъ вы повторяете многое изъ предшествовавшаго.[3]) Я очень радъ вашимъ беллетристическимъ успѣхамъ. Ежели вамъ надоѣло возиться съ придумываніемъ разговоровъ, то мы это дѣло обдѣлаемъ, я довершу, что требуется, и вышлю разсказъ вамъ для просмотра и для отсылки въ редакцію. Итакъ, я готовъ! Буду жалѣть, ежели въ „Азіатскомъ Вѣстникѣ“ не появится окончаніе моей повѣсти. Въ ней я кое-какъ началъ даже ладить съ характерами[4]) и пою мать нашу Обь и т. п. красоты. Въ описаніи есть картина разлива сибирскихъ рѣкъ съ безконечною широтою и племенными яркими звѣздами, отражающимися въ ихъ глубинѣ, есть описаніе Томскаго сада, по которому мы съ вами блуждали когда то, и который я старался изобразить во всей роскоши мѣстной природы, съ могучею красотою дѣвственныхъ нашихъ лѣсовъ. Глава имѣетъ сюжетомъ изобразить, какъ новыя картины природы озадачиваютъ ссыльнаго и навѣваютъ новыя чувства. Глава носитъ названіе: „Какъ Сибирь улыбается“. На описаніи улыбки этой женщины я сосредоточилъ всѣ перлы своего воображенія. Если не будетъ напечатано, эту бездѣлушку подарю вамъ. Вы писали мнѣ о беллетристикѣ и беллетристахъ. Рекомендую прочесть въ послѣдней книжкѣ „Дѣла“ разсказъ „Коршуновцы“, описаніе восточно-сибирской деревни. Этотъ разсказъ можетъ войти въ когда-то проектируемую хрестоматію о восточной жизни. Въ этомъ этнографическомъ очеркѣ много подмѣчено характеристическихъ чертъ мѣстнаго крестьянства,

---

[3]) Я имѣю отъ васъ три письма: отъ 2 февраля, 28 февраля и 13 марта.

[4]) Относительно характеровъ въ моей повѣсти, кажется, рельефно вышелъ бойкій мужчина, джентльменъ изъ Москвы, типъ панкрутящій высшаго полета, какъ извѣстный Лавровъ, ревизовавшій недавно самозванно Енисейскую губернію.

отзывы о поселенцахъ и бродягахъ совершенно въ pendant моимъ и вашимъ отзывамъ о нихъ. Я подозрѣваю, что авторъ уже читалъ мои статьи о бродягахъ, какъ видно по нѣкоторымъ фразамъ. Значитъ, эндосмозъ все-таки совершается, хотя меня Востокъ не удостаиваетъ одной строчки, но вѣрно что-нибудь читается и изъ моего.

Скажу еще насчетъ одного беллетриста, взявшагося описать сибирскую жизнь, пріиски, Барнаулъ и проч. Вы слыхали, вѣроятно, эмигранта Блюммера, онъ какъ говорятъ, за границей отличился мазурничествомъ, хотя и издавалъ журналъ. Воротясь въ Россію, былъ препровожденъ временно въ Томскъ; возвратясь, написалъ романъ „Около золота“ въ „Зарѣ“, гдѣ напихалъ разныхъ эффектовъ, драмъ, коллизій и всякой чертовщины. Вышла бездарнѣйшая чепуха. Есть какіе то таежники, отличающіеся изящными манерами и либерализмомъ, пошлые резонеры, представители добродѣтели, злодѣи, скопированные съ французскихъ романовъ, и жертвы злодѣяній, но нигдѣ нѣтъ ни одного живого лица и чего-либо похожаго на дѣйствительность. Этой литературѣ, желающей воспользоваться эффектами сибирской жизни, въ родѣ таежныхъ продѣлокъ, мошенничествъ и проч., стоитъ когда-нибудь посвятить хлесткую критику. Выйдетъ презабавная охота на паразитовъ[1]). Что касается нашего беллетриста Николая Иваныча[2]), то его такъ же, какъ и многихъ другихъ изъ сотрудниковъ на Востокѣ, я рекомендовалъ съ самаго начала „Азіатск. Вѣстн.“, но полагалъ, что онъ въ Томскѣ. Ежели у него есть очерки, то удивительно, что онъ не печатаетъ. Офицеръ Турбинъ, бывшій въ Омскѣ, издалъ книгу: „Край изгнанія“,[3]) съ своими беллетристическими разсказами. Онъ извѣстенъ, какъ писатель военнаго быта. Любопытно, что это будетъ за новая книга о Востокѣ съ солдатскимъ пошибомъ.

Мое положеніе относительно книгъ теперь очень затруднительно, такъ что не знаю, какъ буду ихъ пріобрѣтать. Черезъ Благосвѣтлова можно было выписывать, когда велъ съ нимъ счеты, но теперь онъ не печатаетъ статей моихъ, послѣдняя послана давно, все о преступникахъ же. Нужныя книги требовалъ у „Азіатск. Вѣстн.“, но тутъ теперь и надѣяться нечего[4]). Не знаю, что буду и дѣлать съ своими начатыми очерками о восточной культурѣ и промышленности. Жалко разстаться съ этой работой, она по душѣ. Три мѣсяца я собиралъ матеріалъ и гармонично развилъ планъ. Я предполагалъ представить слѣдующіе періоды промышленной исторіи. Первый періодъ завоевательный. Русскій человѣкъ „промышляетъ инородца“, послѣдствія

---

[1]) Есть еще романъ Блюммера—„На Алтаѣ“—1886 года. *Ред.*
[2]) Наумова (П.).
[3]) Книга, кажется, вышла подъ заглавіемъ „Страна изгнанія“ (1872). *Ред.*
[4]) Тутъ же я просилъ свѣдѣній и книги „The Unity“.

завоевательн. воззрѣній на инородца до послѣдняго времени. Послѣдствія завоевательной политики—воззрѣніе на Востокъ, какъ на завоеванную страну и страну враждебныхъ „народцевъ". Завоевательныя воззрѣнія отражаются и на русскомъ населеніи, они проявляются опекой и регламентаціей. Вмѣшательство въ торговлю, хозяйство и промышленность въ 18 вѣкѣ. Проявленіе излишней опеки, искусственное измѣненіе промышленной жизни и направленіе въ хозяйствѣ (хозяйства. *Ред.*) страны наперекоръ естественному и свободному его развитію. Проявленіе старыхъ взглядовъ въ современной исторіи Востока, старые пріемы опеки, нравы и привычки старыхъ дѣятелей отражающіеся въ разныхъ отдѣльныхъ засѣдателяхъ и т. п. 2-й періодъ, или фаза развитія, это періодъ расхищенія и эксплоатаціи естественныхъ богатствъ: соболь, горные промыслы, золото, сырье. Монополіи казенныя и частныя. Послѣдствіемъ быстрой наживы, при расхищеніи естественныхъ богатствъ, является жажда быстраго обогащенія легкими путями. Развитіе спекуляціи во всѣхъ ея проявленіяхъ и абсентеизмъ. Послѣдствія спекуляціи,—капиталы вращаются, но не увеличиваются. Маклачество, міроѣдство и проч. 3-й періодъ примитивной культуры и промышленности. Развитіе свободныхъ хозяйствъ и промысловъ, начало промышленности въ 18 вѣкѣ. Паденіе ея. Искусственныя средства возбужденія и ихъ несостоятельность въ силу экономическихъ законовъ, управлявшихъ обмѣномъ сырья и мануфактуры. Положеніе страны сырья, ея судьба и ея невыгоды. Современное состояніе промышленности. Въ серединѣ между очеркомъ 2-го и 3-го періода я хотѣлъ помѣстить исторію торговли, гдѣ представить ея коллизіи въ 18 вѣкѣ, постепенное вытѣсненіе азіатской торговли русскою мануфактурою, исторію борьбы, при чемъ торговый геній китайца и бухарца встрѣчается съ русскимъ геніемъ. Какъ русскій торговый геній путемъ только искусственной поддержки, путемъ тарифовъ и вытѣсненіемъ средне-азіатскихъ торговыхъ талантовъ одерживаетъ верхъ въ средѣ русскаго населенія, но онъ до сихъ поръ не можетъ вытѣснить бухарцевъ на Оренбургской линіи и отчасти въ средѣ сибирскихъ киргизовъ. Тутъ же могъ быть приведенъ фактъ, какъ русскій торговый геній стремится въ Индію, но не можетъ сладить съ ближними инородцами, за что терпитъ горькій урокъ въ лицѣ драгуна Давыдова и получаетъ вызовъ къ торговлѣ особымъ способомъ, примѣненнымъ къ вышеупомянутому драгуну (способъ этотъ вамъ извѣстенъ—Бух. Торг. с. 104). Дѣятельность мануфактуры въ средѣ инородцевъ, нынѣшніе ея способы полученія. Состояніе азіатской торговли по послѣднимъ даннымъ и послѣдствія рутинной политики. Что можетъ сдѣлать созданіе мѣстныхъ мануфактурныхъ центровъ для инородца. Все это должно было бы заканчиваться общимъ философско-историческимъ

взглядомъ на культурно-промышленныя способности русскаго человѣка на Востокѣ и, наконецъ, на его цивилизующее вліяніе. Здѣсь, я полагалъ, при выводѣ, сравнить прежнее положеніе инородческихъ племенъ съ тѣмъ, что они переняли въ дѣлѣ религіи, образованія, культуры и т. д. (Привести факты изъ исторіи обращенія въ магометанство Барабы и изъ исторіи пріученія сѣверныхъ инородцевъ къ хлѣбу, о чемъ нынѣ сожалѣютъ люди, изучающіе способы этого снабженія). Судьба русскаго племени мнѣ представлялась какъ неимовѣрное упорство и энергія въ пріобрѣтеніи, расширеніи и утвержденіи за собой почвы и всѣхъ богатствъ и крайне слабая способность къ развитію внутренней промышленной жизни, когда населеніе осѣло.

О вашихъ книгахъ и бумагахъ написано Благосу, чтобы онъ побудилъ Омулевскаго. Этакая дрянь этотъ у-ъ отечественной беллетристики[5]).

Желательно бы было мнѣ имѣть адресъ Андрея Павловича[6]).

Не забудьте къ вашей повѣсти сдѣлать нѣсколько очерковъ таежной природы.

Письмо 5-е.

9-го апрѣля 1872 г. Шенкурскъ.

Милый и дорогой другъ, Григорій Николаевичъ.

Удивляюсь, не получая давно отъ васъ писемъ и отвѣтовъ. Получили ли вы, по крайней мѣрѣ, отъ насъ отсюда книги Вайца, номеръ „Азіатскаго Вѣстника“ и проч.? „Азіатскій Вѣстникъ“, какъ видно, прекратился на 1-мъ №, и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Не отвѣчая мнѣ на письма, онъ не высылаетъ и гонорарія. Я потерялъ только съ нимъ время, да началъ даромъ для него работы. Все это меня поставило въ крайне скверное и стѣснительное положеніе. Сижу, положительно, на экваторѣ. Бросивъ недоконченныя старыя работы, приходится приниматься за новыя. Безъ того уже много бѣдъ, а въ концѣ еще ваше молчаніе приводитъ меня въ уныніе. Во время разныхъ невзгодъ и разочарованій, лопающихся надеждъ и перерывовъ занятій, на которыя бросаешься сначала съ большою вѣрою и жаромъ, нападаетъ тяжелое состояніе духа. Въ это время невыносимой душевной

---

[5]) О „Дѣлѣ“ Благосвѣтлова (П.).
[6]) Нестеровъ (П.).

тоски, доходящей нерѣдко до безнадежности, я бы желалъ всегда имѣть руку моего друга, слышать его голосъ [1]).

Я уже вамъ писалъ, что я не имѣю никакой переписки съ знакомыми и не получаю давно отъ нихъ извѣстій; живу совершенно замкнутою жизнью. Зная мой темпераментъ и мое сердце, вы поймете, какъ это тяжело. Вотъ почему ваши письма мнѣ доставляютъ высокое наслажденіе. Увидя конвертъ съ знакомой мнѣ надписью, я воскресаю духомъ. Надѣюсь, что вы обрадуете меня на Пасхѣ письмомъ.

Мои литературныя неудачи, повторяющіяся нерѣдко, меня серьезно заставляютъ задумываться. Писать на заказъ, поддѣлываться къ любимымъ темамъ редакторовъ, къ ихъ коньку, брать забористыя и современныя темы по вопросамъ, о которыхъ ничего не скажешь новаго и которые трактуются на тысячу ладовъ, мнѣ рѣшительно не по нутру, да я и не въ состояніи. Вопросамъ тѣмъ, о которыхъ писать хочется, и нѣкоторымъ взглядамъ, выработаннымъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, не представляется мѣста. Представьте себѣ положеніе, когда вы спеціально трудились и хотите написать о германской цивилизаціи, вдругъ, вамъ редакторъ пишетъ, что нѣмцевъ надо откатать, такъ какъ они хотятъ „надѣть на Европу (?) бисмарковскія рейтузы“. (Образчикъ слога редактора „Дѣла“). Ни съ того, ни съ сего онъ задаетъ темы самъ: написать о Боркѣ, объ англійской жизни и т. п., какъ дѣлаетъ съ Серафимычемъ. Отъ меня требовалъ статьи по исторіи наказаній и тюремъ, и больше знать ничего не хотѣлъ. Также не *совѣтовалъ* писать исторію федеральныхъ идей въ Европѣ.

Сейчасъ мнѣ показалъ Серафимычъ, что Благосвѣтловъ проситъ его написать объ англійской колонизаціи и что же вы думаете: обругать *рыжихъ варваровъ*. Что онъ разумѣлъ подъ этимъ? За что ругать? За то, что ихъ колонизаторскіе таланты создали Америку и Австралію?

---

[1]) Въ № 41 „Камско-Волж. газ.“ 1873 г. напечатано стихотвореніе Ядринцева (Семилуженскаго) подъ загл. „Неизвѣстному другу“. Онъ говоритъ въ немъ:

„Милый другъ, въ года разлуки,
„Сколько разъ сжималось сердце!
„Сколько разъ съ тоской безмолвной
„Я стоялъ въ безсильной мукѣ
„Надъ дорогой безъисходной.
„Но, когда слабѣли силы,
„Тѣнь твоя ко мнѣ являлась.
„И душа моя невольно
„Снова силой обновлялась:
„Образъ твой носилъ слѣзъ муки,
„На челѣ печать страданья.
„Но въ твоемъ читалъ я взорѣ
„И любовь, и упованье“.

Это трогательное нѣжное обращеніе къ „другу“ даетъ прекрасное выраженіе тому чувству глубокой привязанности, которая соединяла Н. М. Ядринцева съ Г. Н Въ письмѣ—та же мысль

За то, что Новой Голландіи, Мысу Д. Надежды и Канадѣ дана конституція, за то, что въ Индіи они строятъ университетъ и изборозди-ли ее желѣзными дорогами? Серафимычъ предложилъ мнѣ эту тему. Но мнѣ, ежели бы и пришлось объ этомъ писать, необходима подготовка и надо мѣсяца два три заняться книгами. Я сталъ нынѣ другой человѣкъ и безъ матеріаловъ, безъ подготовки не пишу ни строчки.

Покуда по готовымъ матеріаламъ я тороплюсь уже писать для „Дѣла“ „Очерки Французской провинціи“, т. е. провинцію подъ вліяніемъ централистской опеки. Истор. восточн. промышленности пришлось отложить. Хлѣба, хлѣба не достаетъ. Тѣмъ не менѣе я не теряю надежды возвратиться къ начатой статьѣ. Жду вашего отвѣта и утѣшенія, а покуда работаю, какъ машина, скрѣпя сердце, стиснувъ зубы.

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

Историческіе этюды Шашкова вышли, 2-я часть посвящена рабсту въ Сибири и инородцамъ.

Я у васъ просилъ адресъ Андрея Павлыча въ Питерѣ, хотѣлъ просить его справиться о моей книгѣ у Шигина [1]).

Письмо 6-е.

17 мая 1872 года. Шенкурскъ.

Письмо ваше отъ 3 мая, дорогой другъ мой, я получилъ въ исправности. Письма ваши, дѣйствительно, приходятъ всѣ. Одно время только замедлялась почта, а это и вызвало мое нетерпѣніе. Я предполагалъ, что какія нибудь обстоятельства не позволяютъ вамъ писать, а такъ какъ бесѣдовать съ вами—для меня органическая потребность, то я вамъ это и выразилъ съ большей или меньшей страстностью. Дѣло было не въ васъ, въ коемъ я никогда не сомнѣвался, а сомнѣніе было въ обстоятельствахъ, окружающихъ васъ. Теперь я успокоился. Я вижу, что добрые люди не отнимутъ у насъ послѣдняго утѣшенія и чаша горечи не переполнится. „Да мимо идетъ“... Не согласенъ на имя „маловѣра“; даже ежели бы не существовали вы, вѣра въ васъ останется. Стихотвореніе: „Къ другу“, посланное вамъ—свидѣтельство моихъ чувствъ [2]). Ваше положеніе въ Никольскѣ меня безпокоитъ. Что это за общества что это за тупоумный подписчикъ „Отеч. Запис.“, кто онъ—акцизный, лѣсничій или мѣстный буржуа? Я хотѣлъ давно написать очеркъ для „Отечеств. Запис.“ изъ жизни поднадзорнаго, но здѣсь нѣтъ совершенно матеріала для выясненія не-

[1]) Издатель, вѣроятно, См. „Русск. община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“ Ядр-ва (П.).

[2]) Вѣроятно, это и есть стихотвореніе „Неизвѣстному другу“. *Ред.*

естественныхъ отношеній общества. Оно такъ внимательно къ намъ, и не такъ невѣжественно. Давайте, пожалуйста, вашего монстра въ мою коллекцію. Очертите его нравственную физіономію. Дивлюсь, неужели въ Вологодской губерніи, гдѣ былъ Шелгуновъ и все таки существовала формація образованныхъ изгнанниковъ, не проникъ никакой лучъ цивилизаціи или по крайней мѣрѣ пріемы приличнаго обращенія съ людьми, глубоко несчастными? Почему въ Никольской библіотекѣ не выписывается книгъ и журналовъ и почему вы не посовѣтуете учителю? Наши Афины удивляются вашей Скифіи. Во всѣхъ городахъ Архангельской губерніи есть библіотеки и новые журналы, хотя и не всѣ. Здѣшняя библіотека особенно поднята, она не уступаетъ казачьей въ Омскѣ. Любопытно, есть ли и были ли прежде въ Никольскѣ образованные ссыльные, наконецъ, каковы ваши отношенія. Неужели, вы еще не окружены уваженіемъ, какъ высокообразованный человѣкъ, имя котораго извѣстно ученому міру? Имѣете ли вы сношенія и не писали ли что извѣстному ученому Семенову, предсѣдателю Центральн. Статист. Комитета? Онъ бы вамъ могъ много попротежировать въ Петербургѣ. Относительно газетъ и журналовъ быстро устроиться трудно, но покуда мы посылаемъ нѣсколько книгъ „Отеч. Запис.“. По минованіи надобности вы ихъ возвратите; этотъ лишній экземпляръ высланъ изъ Петербурга. Также посылается вамъ книга объ „Оренбургскомъ краѣ“, Мейеръ, Дарвинъ т. 1. и Серафимъ [1]) вѣрно присоединитъ свои этюды. Оживайте, мой другъ, подъ свѣжимъ чтеніемъ. На дняхъ я получилъ дорогой подарокъ и не знаю, кому имъ обязанъ. Это лакомство. На нѣсколько дней я задержалъ, а потомъ его передамъ въ ваше полное распоряженіе. Сибирскій отдѣлъ географическаго общества выслалъ мнѣ свои „Извѣстія“ за 1870 и 71 года, хотя и не полныя. Въ нихъ есть свѣдѣнія о Чукотской экспедиціи Неймана, путешествіе братьевъ Бутиныхъ изъ Нерчинска до Тяндзина для проложенія новой дороги и обозрѣнія Монголіи. Экспедиція совершена подъ начальствомъ извѣстнаго намъ Александра Петровича Лосева (и сей заявилъ свое имя). Вагинъ помѣстилъ статью объ англійскихъ миссіонерахъ въ Сибири. Есть отчетъ о празднованіи юбилея Сперанскому въ Иркутскѣ. О заслугахъ Сперанскаго сказалъ робкую рѣчь Загоскинъ [2]). Это—рѣчь порядочнаго, образованнаго человѣка, выясняющая общую дѣятельность Сперанскаго въ Россіи, но относительно его значенія въ реформахъ на Востокѣ сказано очень мало. Мѣстнаго колорита—никакого. Печатаются еще замѣтки новаго путешественника по Сибири П. А. Ро-

[1]) Этюды Шашкова посланы. Дарвина, какъ прочтете, вышлите, онъ чужой; 2 часть будетъ послана особо.

[2]) М. В. Загоскинъ, извѣстный сибирскій писатель и общественный дѣятель. (О немъ см. «Очерки прошлаго и настоящаго Сибири» Н. Н. Козьмина. Спб. 1910, стр. 161-229). *Ред.*

винскаго [1]) (не слыхали ли вы это имя въ Петербургѣ?), это какой то извѣстный славистъ. Онъ предпринялъ поѣздку на Востокъ съ выспренними планами—изучить русскую цивилизацію въ ея вліяніи на инородцевъ. Покуда онъ откапывалъ, однако, нефритовые топорики въ Тункѣ около Иркутска, да предпринялъ поѣздку на пороги Ангары и на Лену. Этнографическія его описанія скудны, а мѣстности онъ выбралъ бѣдныя и плохія. Онъ хочетъ ѣхать за Байкалъ и на Амуръ. A propos, покровитель общества, [2]) т. е. покойный Корсаковъ [3]), предложилъ обществу позаботиться устроить выставку Амурскихъ произведеній *въ Петербургѣ*. Средства же географическаго общества такъ плохи, что едва достаетъ денегъ на изданіе „Извѣстій“ Отдѣла. На все это надо обратить вниманіе. Вагинъ предложилъ программу для изученія золотопромышленности и ея вліянія на край. Но такія же программы необходимы для изученія „колонизаціи“, для изученія „промышленности“, „ссыльнаго вопроса“,—а на это еще не обращено вниманія. Придется услужить. Во всякомъ случаѣ, кромѣ рецензій, надо кое-что написать въ Отдѣлъ спеціально. Не возьметесь ли вы составить подобную же прогромму для указанія Отдѣлу естественно-историческихъ изысканій и этнографическихъ? Къ сожалѣнію, З. Сибирь не входитъ въ область изслѣдованій, но ее бы не мѣшало притянуть. Отдѣлъ высказываетъ желаніе знакомить со статистикой, промышленностью края и его спеціальными условіями, а также желаетъ и служить для ознакомленія публики съ краемъ. Этотъ ученый органъ имѣетъ будущее, но ему необходимо указать его задачи. Нѣкто, золотопромышленникъ Лопатинъ, въ „Извѣстія“ Отдѣла послалъ статью на рецензію „Дѣла“ о золотопромышленности, написанную Серафимомъ. Золотопромышленникъ взбунтовался и силился опровергнуть злоупотребленія на пріискахъ, а также доказать пользу золотопромышленности. Ровинскій пишетъ, что „Техническое Иркутское Общество“ высказываетъ мнѣніе въ пользу введенія поземельной собственности для развитія земледѣлія, но самъ Ровинскій говоритъ, что стремленіе къ „заимкамъ“ нельзя называть стремленіемъ къ собственности и приводитъ ваше мнѣніе о неустановившемся хозяйствѣ, притомъ доказываетъ, что сельское хозяйство въ Сибири страдаетъ, напротивъ, недостаткомъ ассоціаціи силъ [4]). Въ моемъ ученомъ арсе-

[1]) Пав. Аполл. Ровинскій (1831—1916)—изв. путешественникъ и писатель, авторъ изд. Ак. Наукъ труда: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“ (4 тома). Изучалъ славянъ. Въ Сибири произвелъ обширныя изслѣдованія съ цѣлью изученія славянскаго племени въ взаимодѣйствіи съ азіатскими. (*Ред.*).

[2]) Т. е. Сибирск. Отдѣла Геогр. О-ва (*Ред.*)

[3]) Б. генералъ-губернаторъ Вост. Сибири.

[4]) О Ровинскомъ была помѣщена Г. Н. Потаниным ъ статья въ „Камско-Волжск. газ.“ (Авесовъ: „Г-нъ Ровинскій въ Сибири“, въ № 110, 1873 г.). О Сибирскомъ Отд. Геогр. Общ-ва—см. его же ст. „Бюрократическая наука на нашемъ Востокѣ“. (Тамъ же, № № 97 и 98). *Ред.*

налѣ противъ введенія у крестьянъ поземельной собственности на Востокѣ есть добрый зарядъ и совершенно новый. Это—доказательство, къ чему привела распродажа земель въ Австраліи и какъ подѣйствовала система Уэкфильда на поднятіе цѣнъ за землю. Нынѣ дѣло клонитъ уже къ выселенію изъ Австраліи, это доказываютъ цифры изъ Кольба въ нѣмецкомъ послѣднемъ изданіи. Марксъ громитъ эту систему силою ученой аргументаціи, полной ядовитой ироніи. Не знаю, когда придется громыхнуть этотъ выстрѣлъ по нашимъ землекабальникамъ. Въ „Извѣстіяхъ“ же Отдѣла, между прочимъ, переведены, какою то Бѣльцовой отрывки изъ историко-географическихъ этюдовъ Гельвальда Hellwald's: „Die Russen in Centralasien.“ Wien, 1869 г. Она знакомитъ съ послѣдними пріобрѣтеніями русскими въ центральной Азіи и пророчитъ имъ здѣсь роль цивилизаторовъ. Изъ мелкихъ статей обращаетъ нѣкоторое вниманіе: „Поѣздка къ границамъ Монголіи“ князя Апакидзе. Она сообщаетъ о terra incognita въ вершинахъ Енисея. Въ 60 верстахъ отъ русской границы и въ 400 верстахъ отъ всякихъ поселеній, за перевалomъ Саяновъ основаны три деревни Иргизскихъ раскольниковъ, Верхне и Нижне-Усинская и Карасукъ. Онѣ расположены въ плодоносной долинѣ раскольники состоятельные. Ими доселѣ управлялъ, на правахъ духовнаго владыки, основатель поселеній, *Иванъ Афанасьевъ*, но недавно часть поселенцевъ, пишетъ Апакидзе, отошла отъ него къ другому учителю *Лаврентію Федорову*. (Не это ли называлось „Бѣловодьемъ“, которое искало Географическое Общество?...). Раскольники, говоритъ статья, живутъ богато, хотя и въ совершенномъ невѣжествѣ. Земская полиція, за неимѣніемъ путей сообщенія, туда не ѣздитъ, а потому эти деревни—приманка для бѣглыхъ и бродягъ. Кромѣ всего, „Извѣстія“ Отдѣла завели библіографическій отдѣлъ, гдѣ, между прочимъ, кажется, Вагинъ помѣстилъ небольшой разборъ моихъ статей о ссылкѣ въ „Дѣлѣ“. Этотъ господинъ все еще сомнѣвается во вредномъ вліяніи ссылки на край. Онъ говоритъ, что ссылка дурна только при ненормальныхъ экономическихъ условіяхъ и дурна *вѣчность* ссылки, что у меня и доказано, но весь вопросъ еще считаетъ спорнымъ. Онъ забываетъ, однако, что въ теоретическомъ, абстрактномъ назначеніи, какое приписываютъ ссылкѣ, она нигдѣ не примѣнялась: физическія и экономическія условія вездѣ искажали ее. Ежели же онъ соглашается, что *вѣчность* ссылки дурна и вредна, то этимъ и разрѣшается весь вопросъ о непригодности ея для цѣлей колонизаціонныхъ, при чемъ она и имѣла хоть какой-нибудь смыслъ. Также В. И. [1]) не согласенъ, что мѣстные жители дурно относятся къ поселенцамъ, и что эпитеты, приведенные мной, только насмѣшливы.

---

[1]) Всеволодъ Ивановичъ Вагинъ.

Это „варнакь“—то насмѣшливо! Сомнѣвается въ преступленіяхъ поселенцевъ. Вообще, держится самыхъ старыхъ воззрѣній, а вѣрно, думаетъ что, гуманничаетъ, ослабляя взгляды на испорченность поселенцевъ; оказывается же между тѣмъ, что онъ приноситъ плохую услугу гуманизму, прикрывая самую ненормальную систему наказанія. Въ концѣ концовъ, рецензенъ соглашается, что статья обладаетъ достоинствами, затрагиваетъ важный соціальный вопросъ и „публицистическое ея значеніе огромно“. Погодите, сэръ, то ли будетъ послѣ книги. На всѣ возраженія у меня приготовлены добрые брандскугели.

Газеты извѣщаютъ, что готовится полярная экспедиція въ полярное море Австріею. Авторъ извѣстія, Латкинъ, сѣтуетъ, что сибирскіе купцы не помогли русской экспедиціи. Австрія дала на нее по подпискѣ 30.000 рублей. Австрійская экспедиція обогнетъ Новую Землю, проникнетъ къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ и дойдетъ до Берингова пролива. Я получилъ извѣстіе, что Пашино удралъ въ Москву, чтобы никому не платить денегъ. Андр. Павловичу и Музыканту послалъ письмо, но, конечно, онъ теперь не получитъ. Съ прошлаго письма, до сего времени страдаю воспаленіемъ одного глаза. Докторъ запретилъ заниматься, но не удерживаюсь. Скоро напишу еще письмо.

Вѣчно вашъ *Н. Ядринцевъ*

Сейчасъ получилъ Турбина книгу, ужасная дрянь—описаніе его странствій.

Шашковъ получилъ для рецензіи книгу Алябьева объ Уссури.

Письмо 7-ое.

20 мая 1872 года,

Григорій Николаичъ, только съ этой почтой успѣли выслать вамъ книги—„Отечеств. Записки“, Дарвина, Мейера и Туруханскій край. „Отечеств. Записки“ и Дарвина по прочтеніи надо будетъ возвратить въ Шенкурскъ. Они принадлежатъ одному, здѣсь поселившемуся по волѣ неба, петербургскому студенту. Съ прошлою почтою получилъ письмо отъ Андрея Павлыча [1]): онъ возвратился изъ Москвы въ Петербургъ. Сейчасъ окончилъ только большое письмо ему. Онъ возвращается числа 10 или 15 іюня снова въ Иркутскъ. О книгѣ моей онъ справлялся,—печатается; но Шигина нѣтъ въ Питерѣ. Андрею Павловичу я далъ совѣтъ вести по дорогѣ записи и замѣтки, при чемъ обратить вниманіе на разные экономическіе и этнографическіе вопросы, напримѣръ, на жизнь новоселовъ, на отзывы о поселенцахъ, пріисковыхъ рабочихъ, на бытъ крестьянъ и проч. На это навела меня толь-

[1]) Нестерова. *Ред.*

ко что прочитанная книга Турбина, который обѣщалъ представить отношеніе колоніи къ метрополіи. Ничего подобнаго, конечно, я не нашелъ, такъ же, какъ и никакихъ солидныхъ замѣчаній о бытѣ страны. Но сама по себѣ книга—курьезъ, и я воздаю хвалу Всевышнему, что онъ послалъ мнѣ этого дурака на мое вертело. Представьте себѣ, что это путешествіе чиновника съ двойными прогонами и, не въ счетъ, годовымъ окладомъ жалованья. Онъ ѣдетъ въ обѣтованный край, удивляется арбузамъ, ищетъ раковъ въ нашихъ рѣкахъ,—до раковъ онъ большой охотникъ. По пути онъ охотится, развлекается рыбной ловлей, заѣзжаетъ въ сторону, жуируетъ, разспрашиваетъ кое о чемъ бродягъ, ссыльныхъ, новоселовъ и т. д. Путешествіе самое пріятное. По дорогѣ его часто даромъ угощаютъ, вездѣ снимаютъ шапки, даже бродяга, препровождаемый въ конскихъ путахъ, играетъ для почтеннаго путешественника на гармоніи... Поѣздка веселая и пріятная. Авторъ самъ высчитываетъ въ своей книгѣ, сколько онъ съэкономитъ на казенныхъ прогонахъ. Жалуется онъ только на Томскую гостинницу, гдѣ онъ останавливался, какъ ѣдущій по службѣ, *даромъ*. Здѣсь съ него и за сливки, и за сухари лупили по 30 к. с. (Злодѣи!) Когда же онъ замѣтилъ эту недобросовѣстность, то ему наглый половой отвѣчалъ: „Помилуйте, сударь, что же вамъ жаловаться, вѣдь вы получили двойные прогоны и жалованье“. Каковы шельмы! Но авторъ отмстилъ,—онъ издалъ объ этомъ книгу; такимъ образомъ и злодѣяніе наказано, а главное, книгой окупится и лишняя плата за сухари. Это тоже одна изъ безчисленныхъ привиллегій ѣздящихъ съ двойными прогонами. Въ концѣ присоединенъ разсказъ о жизни декабристовъ въ Ялуторовскѣ; этотъ разсказъ написанъ старожиломъ и вѣрно передѣланъ Турбинымъ. Турбинъ въ своихъ замѣткахъ о восточномъ обществѣ говоритъ, что оно раздѣляется на крестьянъ, крестьянъ-купцовъ (міроѣды), на чиновниковъ, „доморощенныхъ“, пріѣзжихъ, которыхъ зовутъ „навозными“ (?), и что есть, между прочимъ, люди изъ мѣстнаго чиновничества и купцовъ, называемые „американцами“, которые считаютъ все мѣстное прекраснымъ и восхищаются пошлою книженкой И Завалишина.

Серафимъ получилъ книгу Алябьева объ Уссурійскомъ краѣ. Жиденькая и плохая компиляція. Отдана на рецензію Ушарову, когда проспится.

Я написалъ Андрею Павлычу, чтобы справился въ Томскѣ о Зерчининовѣ и Чичеровакіо[1]). Подтвердите. Онъ прислалъ мнѣ адресъ въ Харьковъ— Тахтарову; имѣете ли вы его? Я писать ему однако не буду, не о чемъ. Когда вы напишите и получите отвѣтъ, то сообщите

[1]) Это томскій купецъ Пичугинъ (П).

мнѣ, что этотъ юноша. Онъ такъ долго слушался штабсъ-капитана Ганкена, что я боялся за него. Ежели бы я теперь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ тогда, не далъ бы я поширяться и требовать отчетъ этому авантюристу россійскаго полового и полугарнаго либерализма. А они покушались на авторитетъ такихъ святыхъ людей, какъ вы. Съ Тахтаровымъ я впрочемъ встрѣтился на этапѣ; онъ нагналъ насъ на пути изъ Омска; разстались задушевно. Я полагаю, что въ немъ есть добрыя чувства и воспоминанія. Напишите ему поклонъ и отъ меня.

Весь вашъ *Н. Ядринцевъ.*

Усталъ—цѣлый день съ письмами. Глаза мои поправились. Шенкурскъ, 20 мая.

Письмо 8-е.

31 мая 1872 года.

Милый другъ, мнѣ посланы проектъ тюремной реформы съ принадлежащими къ нему записками. Предсѣдатель преобразовательной комиссіи проситъ меня сдѣлать къ нему примѣчанія. Не могу удержаться, чтобы не сдѣлать слѣдующихъ выписокъ для васъ изъ приложенія къ проекту, выписокъ, которыя будутъ для васъ интересны.

Стр. 21. „Россія раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна пользуется уже удобствами европейскаго просвѣщенія, другая относится еще къ азіатской полудикости. Въ Европейской Россіи считается 14 жителей на 1 кв. версту, въ Азіатской Россіи—меньше 1/2 жител. на 1 кв. версту. Тяготѣніе азіатскихъ началъ надъ европейскимъ бытомъ врядъ ли можетъ продолжаться при установившихся различныхъ условіяхъ обѣихъ частей государства. Если колонизація на восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ Россіи оказывается желательною, то это именно на тѣхъ началахъ, которыя уже принесли пользу,—исторически дознанную, т. е. стрѣлецкихъ и казачьихъ заселеній и по собственному желанію выселяющихся. Колонія же карательная, какъ выше было объяснено, не представляетъ залога продолжительности и тѣмъ менѣе внушаетъ она ужасъ, могущій остановить увеличеніе смертоубійствъ“. Поэтому учреждается 8 каторжныхъ тюремъ, на 1500 челов. каждая, въ различныхъ частяхъ государства.

Ст. 23. „Всѣ виды уголовной, исправительной и сословной ссылки не будутъ служить уже ей отягощеніемъ. Ссылка административная приметъ новый путь и новый видъ; Сибирь, безропотно терпѣвшая болѣе двухъ вѣковъ мѣстную неурядицу, противъ которой такъ энергически протестовали Америка и Австралія, найдетъ возможность, наконецъ, обратиться къ спокойной разработкѣ своихъ природныхъ богатствъ. Единственная, наукою опредѣленная, польза карательной

колонизаціи заключается въ первоначальномъ насильственномъ заселеніи. Для Сибири эта цѣль уже достигнута. Дальнѣйшій притокъ преступниковъ можетъ поддерживать въ ней только заявленный безпорядокъ. Смѣло можно выразить, что Сибирь, независимо даже отъ своихъ богатствъ, имѣетъ полное право пользоваться покровительствомъ со всѣми вѣрноподданными Русской Державы. Уничтоженіе сибирской ссылки указываетъ, что расходы на нее можно употребить на устройство тюремъ". (Записки № 1 и 2 с. 23. Записки составлены, подъ редакціей предсѣдателя, кандидатомъ правъ Филипповымъ М. А.)

На той же страницѣ: „Итакъ, желательно четыре вида мѣропріятій:

1) Уничтоженіе сибирской ссылки".

Записки о русскихъ карательныхъ учрежденіяхъ составлены, какъ заявлено, по слѣдующимъ сочиненіямъ: „Записки изъ мертваго дома" Достоевскаго, „Сибирь и каторга" Максимова и „Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ" Я... Исторія бродяжества и вредъ его внесены цѣликомъ. Заявленіе о его ужасныхъ размѣрахъ и послѣдствіяхъ, съ легкой руки были заявлены губернаторами, ревизорами, С.-Петербугскимъ Оберъ-Полицеймейстеромъ, объявившимъ, что въ столицѣ съ 1867 по 1873 г. было задержано 8.015 бродягъ. Все это помогло отмѣнѣ ссылки. „Описаніе бродячей жизни", говоритъ записка, „приводитъ въ ужасъ". „Появленіе бродягъ, сопровождаемое конокрадствомъ, а иногда и поджигательствомъ, обращается въ язву, подобную скотскому падежу или повальной болѣзни". „Крестьяне съ незапамятныхъ временъ прокармливаютъ десятки тысячъ голодающаго сброда". (с. 11).

„Изъ 5 видовъ ссылки только одинъ каторжный имѣетъ право на помѣщеніе". (с. 11).

Разбирая результаты сибирской ссылки, на основаніи приведенныхъ сочиненій, проектъ находитъ существенныя неудобства ея въ 6 отношеніяхъ и приходитъ къ заключенію: „Основное начало сибирской карательной ссылки само собою фактически измѣнилось. Въ настоящее время русское правительство находится въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находилось англійское, когда, потерявъ Америку, оно не знало, куда направлять своихъ ссыльныхъ". (Записки къ проекту с. 16) На основаніи всего проектъ приходитъ къ заключенію, что, вмѣсто ссылки на поселеніе, необходимо устройство исправительныхъ тюремъ, для каторжныхъ—каторжныхъ домовъ, заводовъ и потомъ—на Сахалинъ. (Мысль ихъ необходимости высылки на острова высказана и доказана въ проектѣ кн. Гагарина изъ Архангельска). Такъ какъ Сахалинъ не совмѣститъ, вѣроятно, каторжныхъ и неудобенъ,—имѣется въ виду поселеніе на Аральскомъ, Каспійскомъ прибрежіяхъ. (Не знаете ли вы тамъ острововъ, географъ? И давайте больше острововъ для размѣще-

нія и указанія каторжныхъ [1]). Въ моихъ примѣчаніяхъ нынѣшнихъ я долженъ указать на мѣры и предостереженія во избѣжаніе побѣговъ съ каторжныхъ тюремъ и заводовъ, напр., предполагаемыхъ около Туринска и проч. О послѣднихъ остаткахъ ссылки и въ предостереженіе, дабы проектъ не могъ впослѣдствіи встрѣтить препятствія на практикѣ, и какъ было съ арестантскими ротами, которыя начали накоплять людей, а потомъ, по тѣснотѣ, ихъ опять въ Сибирь и проч.., Словомъ, необходимо предупредить самое возвращеніе ссылки.

Рядомъ съ замѣчаніями, которыя окончу какъ можно быстрѣе. Благосв.[2]) проситъ статьи по поводу присланныхъ проектовъ. Нынѣ проектъ передается въ окончательную ревизіонную (редакціонную?) комиссію предъ поступленіемъ въ Государственный Совѣтъ. Предсѣдатель этой новой комиссіи извѣстенъ Григ. Евлампіевъ, етало быть копію съ примѣчаній можно представить и ему, поощривъ окончательную отмѣну ссылки.

Я отвѣчаю графу Соллогубу (предсѣдателю тюремной комиссіи—систематическаго преобразованія).

Вотъ что я пишу: „Что касается ссылки, то нѣтъ ничего разумнѣе и основательнѣе, какъ отмѣна этого безплоднаго наказанія. Что она въ Россіи будетъ уничтожена иниціативою правительства мирно и спокойно въ видахъ безопасности гражданъ и огражденія гражданственности, это нельзя не считать великимъ, смѣлымъ и благороднымъ шагомъ, принимая во вниманіе, что въ Англіи 250 лѣтъ противъ нея боролись лучшіе умы, а въ Австраліи боролось населеніе. Мы же отрѣшаемся отъ этого безъ предразсудковъ. Честь этого великаго дѣла въ реформѣ будетъ принадлежать тѣмъ лицамъ, разсмотрѣнію которыхъ обязана реформа, а слѣдовательно и вамъ, ваше сіятельство".

Предсѣдатель въ двухъ лестныхъ письмахъ ко мнѣ объясняетъ, что моя книга и работы имѣли значеніе, кромѣ литернатурнаго, и государственное "(„Je fais le compliment en retour"). О возможности продолжать болѣе свободно труды по тюремному вопросу обѣщаетъ ходатайствовать. До сентября однако ничего не будетъ.

---

[1]) Вопросъ о томъ, куда дѣвать преступниковъ, считался однимъ изъ сильныхъ аргументовъ въ пользу сохраненія за Сибирью положенія штрафной колоніи. Въ статьѣ Г. Н. Потанина въ № 102, „Камско-Волской Газеты"— „Проектъ отмѣны ссылки въ Сибирь есть мѣсто, почти тождественное съ шуткой Ядринцева. Я написалъ,— говоритъ Г. Н.,—письмо одному моему знакомому сибиряку, котораго зналъ за мѣстнаго патріота. „Ищите острововъ"! взывалъ я. „Намъ не уничтожить ссылки на вашу родину, если мы не найдемъ для нихъ новаго помѣщенія. Такъ какъ вы—мѣстный патріотъ, это составляетъ нашу обязанность" Мой знакомый отвѣчалъ: „Сколько я ни искалъ такихъ острововъ, только и вспомнилъ одинъ на Аральскомъ морѣ подъ названіемъ Барса-Кильмесъ". Буквальный переводъ этого названія: „Вошедшій не вернется".

[2]) Гр. Евл. Благосвѣтловъ-издатель „Дѣла". *Ред.*

Получено письмо отъ Благосв., полное добрыхъ пожеланій. Я столкнулся въ темѣ разбора Бутина и Славинскаго съ Ткачевымъ. Ткачевъ отъ Славинскаго отступился. Сперанскаго писать мнѣ поручаетъ. Тутъ же говоритъ, что 2 очерка вашихъ „Лютыхъ дней“ уже набраны, появятся въ іюнѣ, а остальные мнѣ вышлетъ. Дѣйствительно, какъ я догадывался, онъ недоволенъ, что ему передали бракъ изъ „Отеч. Записокъ“. И обидится, что вы его[1]) предпочли „От. Зап“. Посылалъ ли онъ вамъ что въ роты? Я его успокоилъ, что вы готовили статьи въ „Дѣло.“ Съ Петербургскими журн. не прерывайте работъ, на всякій случай: тамъ, вѣдь, тысячи читателей. Я не о матеріальной поддержкѣ говорю. О ссыльной реформѣ можно будетъ скоро говорить гласно.

Получилъ письмо отъ Андрея Павловича, коротенькое; говоритъ, что кругомъ апатія и проч. Находится подъ впечатлѣніемъ сонной жизни. Имѣете ли вы письмо отъ него? Я не знаю, адресовать ему въ Штабъ, что ли? Въ Петерб. Вѣдом. изъ Иркутскаго просятъ и на Восточную Сибирь распространить благодѣяніе отмѣны генер.—губернства. Въ „Недѣлю“ посылаю.

Обнимаю васъ и цѣлую, милый другъ. *Н. Ядринцевъ.*

Кто могъ ожидать, что такъ быстро совершится реформа, и за впечатлѣніе (отъ) сочиненія?!

Письмо 9-ое.

18 іюня 1872 года. Шенкурскъ.

Дорогой другъ мой, достымызъ[2]) Григорій Николаевичъ, письмо ваше отъ 21 мая, недѣля, или болѣе, какъ получено. Не писалъ вамъ, потому что къ вамъ отправлены посылки, и покуда выжидалъ, чтобы сообщить поболѣе благопріятнаго матеріала, новостей. Но, какъ на зло, все приходили неособенно утѣшительныя извѣстія. Шигинъ написалъ мнѣ, что книга моя[3]) печатается „очень медленно“, напечатано всего 4 листа (съ декабря мѣсяца!), и, по особенному только настоянію Андр. Павловича, выслалъ 25 руб., которые мнѣ были все равно, что ничего, даже хуже, такъ какъ навострили на меня кредиторовъ. Но вскорѣ Благосвѣтловъ утѣшилъ нѣсколько другимъ письмомъ. Онъ утѣшаетъ, что книга не могла выйти въ лѣтніе мѣсяцы, а будетъ выпущена осенью. Видѣлъ, говоритъ, первые листы,—„недурно“. Ну, помиримся и на томъ. Благосвѣтловъ теперь приметъ попрежнему въ ней участіе, а это важно. Къ осени въ приличномъ переплетѣ

---

[1]) Вѣроятно, ему. *Ред.*
[2]) Достымъ—мой другъ, достымызъ—нашъ другъ, татарск. (П.).
[3]) «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». *Ред.*

надѣюсь вамъ, значитъ, поднести авторскій подарокъ. Кромѣ того, въ 6 книгѣ „Дѣла“ выйдетъ моя статья: „Преступники и русская беллетристика“, посланная въ январѣ еще. Ну, и это подмога. А главное, важнѣе то, что съ Григорьемъ Евлампіевымъ опять дружественныя отношенія. На статью о колонизаціи согласенъ, рекомендуетъ мнѣнія Дж. Стюарта Милля, „какъ самыя лучшія въ политич. отношеніи и, по обыкновенію, самыя рутинныя въ соціальномъ“. Но въ то же время опять даетъ совѣтъ, не разъ повторявшійся: не займусь ли „преступниками“ попристальнѣе.

Вотъ тутъ и подите! Хочетъ, во что бы то ни стало, сдѣлать изъ меня спеціалиста по уголовному вопросу. Нашелъ же „варначьяго панегириста“!. Какъ всегда, петербургскій журналистъ въ этомъ случаѣ попалъ пальцемъ въ цѣль, въ лужу. Впрочемъ, это рекомендуетъ, какъ я, совмѣщая мѣстные интересы о вредѣ ссылки, успѣлъ совмѣстить гуманные взгляды на преступника, въ чемъ была вся трудность вопроса. Совѣтъ заняться преступникама на сей разъ снабжается новыми и забавными варіаціями. Г. Е. рекомендуетъ заняться статистикой преступленій, такъ какъ „Дѣло“ теперь очень дорожитъ статистикой. (Съ какого это времени?!). А ранѣе, надо замѣтить, тотъ же Г. Е. писалъ мнѣ по поводу статей о ссылкѣ, чтобы я не слишкомъ налегалъ на нее, ибо „намъ повѣрятъ на слово“. Оказывается, что мода перемѣнилась! Такъ у петербургскихъ журналистовъ постоянно мѣняются взгляды. Конечно, онъ также думаетъ, что заниматься уголовной статистикой, Англіей, Франціей или испанскими дѣлами—мнѣ всѣ равно, къ этому же онъ относитъ и статьи о колонизаціи, не подозрѣвая что въ моихъ занятіяхъ существуетъ внутренняя связь. Съ вопросомъ колонизаціоннымъ я не такъ скоро разстанусь, а уголовный вопросъ для меня покончентъ. Съ дипломатической цѣлью, чтобы удовлетворить менторское издательское сердце, я пообѣщаю заняться статистикой и преступниками, а между тѣмъ, о колонизаціи всучу настолько, на сколько у меня хватитъ покуда матеріала, да катну запросъ къ Мюнксу въ магазинъ на счетъ колоніальныхъ книгъ. Статья моя о колонизаціонной дѣятельности Англіи— только начало этюдовъ, одна изъ главъ, предположенныхъ мною для особаго сочиненія. Благос. между тѣмъ смотритъ на это, какъ на случайную работу Эту первую статью о колонизаціи я въ послѣдніе дни оканчивалъ съ лихорадочнымъ жаромъ. Вотъ и программа: 1) Новѣйшая роль Англіи въ міровой колонизаціи. Англія болѣе другихъ поняла выгоды эмиграціи. Число переселяемыхъ. Всѣ выгоды отъ эмиграціи, которыя получаетъ метрополія. Связь этого выселенія Англіи съ внутреннимъ состояніемъ общества; вліяніе ея эмиграціи на міровой ходъ исторіи. 2) Выгоды Англіи отъ выселенія въ собственныя колоніи, первоначаль-

ная политика съ колоніями, поиски за золотомъ и первый корабль съ землей; Англія отрѣшается отъ политики меркантилизма. Предпріимчивость кампаній и осуществляемая въ Англіи система Лоу. Созданіе системы протекціонизма въ Англіи, навигаціонный актъ, монополія мануфактуры. Запрещеніе въ колоніяхъ промышленности. Политика съ Америкой. Сатира Франклина на колоніальную политику. Эксплоатація Вестъ-Индіи. Положеніе дѣлъ въ Азіатской Индіи. Убійство въ ней мануфактуры и ея эксплоатація [1]). Послѣдствія для англійскихъ промышленныхъ классовъ. Скопленіе колоніальныхъ богатствъ въ метрополіи, ростъ крупнаго промышленнаго производства и мануфактуры. Чѣмъ это куплено. Сто милліоновъ африканцевъ, перевезенныхъ въ колоніи. Чѣмъ явился протекціонизмъ буржуазовъ. 3) Эра новой колоніальной политики. Свобода торговли. Чѣмъ она вызвана. Ажитація противъ протекціонизма въ Англіи и министръ Вальполь, во время зависимости Америки предсказавшій эту систему. Невыгоды протекціонизма въ колоніальной политикѣ. Раззореніе колоній. Ажитація противъ хлѣбныхъ законовъ довершаетъ перемѣну политики, обусловленную внутреннимъ состояніемъ Англіи. Выгоды, произошедшія отъ этого. Англія стремится завладѣть рынками сырья во всемъ мірѣ. Первый экспериментъ ея съ колоніями. Торговля на свободномъ поприщѣ метрополіи съ колоніями съ 1846 по 1870 г. Выигрышъ Англіи. Чѣмъ обусловливалась торговая зависимость колоній съ разрѣшеніемъ свободной торговли. Состояніе промышленности Англіи и прогрессъ ея машиннаго производства. Давленіе мануфактуръ на колоніальные рынки. Мануфактура—повелительница рынка сырья (По Марксу). Состояніе колоній. Безсиліе Индіи противъ англійской промышленности. Бѣдственное положеніе индійскаго района (Кери, Торренсъ и др.). Голодъ въ Индіи до 1866 года. Созданіе новаго рынка сырья. Австралія, торговля съ ней, Капскія колоніи и Канада. Современные Американскіе Штаты остаются колоніей Англіи въ торговомъ отношеніи (Марксъ). Новая политика силится обратить половину міра въ производителей сырья. Чѣмъ является свобода торговли въ рукахъ англійскихъ буржуазовъ. Цѣль купцовъ и крупныхъ промышленниковъ—разъединеніе потребителя съ производителемъ и уничтоженіе экономическаго сближенія, сношенія и ассоціаціи, создающейся помощью мѣстныхъ промышленныхъ центровъ. Политика эта противорѣчитъ экономическому прогрессу общества. Новая система соперничества ведетъ къ монополіи крупной англійской промышленности.

---

[1]) См. статью Г. Н. Потанина: «Что такое колонія»? въ № 109 «К.—В. газ:». «Въ Индіи было запрещено всякое мануфактурное производство и ея населеніе не имѣло даже права рафинировать свой сахаръ». Общая характеристика колоніальной политики: «Всѣ эти мѣры имѣли цѣлью сдѣлать невозможнымъ развитіе мѣстныхъ мануфактуръ въ колоніяхъ и обратить ихъ въ сырьевые рынки Англіи». *Ред.*

Принципъ свободы торговли—эластичное средство въ рукахъ буржуазіи. Дѣло не въ свободной торговлѣ, а въ тѣхъ цѣляхъ, которымъ она служитъ. Свобода торговли въ рукахъ буржуазовъ то же, что желѣзная дорога и машины для эксплоатаціи рабочаго. Желѣзная дорога въ Ирландіи и Индіи (примѣръ). Какъ прежній промышленный протекціонистъ можетъ быть защитникомъ свободы торговли. Доказательство тому: страна, ограждающая одну часть государства тарифами, а другую приносящая въ жертву своимъ протекціонистамъ (говорятъ, есть такая страна). Безцеремонность англійской политики съ Испаніей (Гибралтаръ) и на азіатскихъ рынкахъ. Опіумъ и китайцы. Уничтоженіе инородца въ Австраліи и на островахъ при помощи торговли.

Лицемѣріе англійской торговой политики съ колоніями. Разобличеніе новой политики, провозглашенной Джономъ Росселемъ относительно колоній. Либеральнѣйшая эксплоатація, какую создалъ только міръ. Связь колоніальной системы съ крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ англійскихъ промышленниковъ. Колоніальная политика, какъ результатъ капиталистической промышленной системы. Англійскій фабричный рабочій, какъ жертва колоніальной системы, основанной на интересѣ крупныхъ промышленниковъ-капиталистовъ. Отнятіе занятій у индуса стоитъ въ связи съ „иродскимъ похищеніемъ дѣтей“ на фабрики и усиленіемъ машиннаго производства. Какъ постепенно доктрины крупнаго капиталистическаго хозяйства проходятъ въ Ирландіи, Шотландіи, Индіи и Австраліи. Создавъ промышленную эксплоатацію, Англія проводитъ принципъ обезземеленія народа въ колоніяхъ, какъ провела его у себя дома. Освобожденіе рабовъ на Ямайкѣ и захватъ земли въ собственность плантаторами. Раздача земель въ Индіи и созданіе поземельной аристократіи изъ земендоровъ. (Adderley[1] и Кэри[2]). Проектъ Уэкфильда—распродажи земель въ Австраліи. Мотивы этого проекта, излагаемые самимъ мистеромъ Уэкфильдомъ. Онъ говоритъ, что „трудъ въ англійскихъ колоніяхъ не могъ существовать безъ рабства“, надо создать батраковъ. Распродажа земель въ Австраліи по высокимъ цѣнамъ, введеніе крупной поземельной собственности и образованіе батрачьяго сословія. Послѣдствія расхищенія земель въ Австраліи. Эмиграція изъ нея въ Америку. Колоніальный актъ противъ распродажи крупныхъ участковъ. Вотъ плоды новой англійской политики, политики утонченной эксплоатаціи. Окончательное resumée: Англія въ своей колоніальной политикѣ превосходитъ другія государства, она быстрѣе отрѣшается отъ рутины и вмѣсто старой эксплоатаціи создаетъ новую. Отрѣшившись отъ старыхъ принциповъ управленія и давъ

[1]) Аддерлей, Лордъ Нортонъ, былъ въ министерствѣ Дерби и Дизраели; содѣйствовалъ развитію самоуправленія въ колоніяхъ. *Ред.*

[2]) Изв. экономистъ, американецъ. *Ред.*

полный selfgovernement, въ Канадѣ и Австраліи, она отстаиваетъ экономическую зависимость. Отношенія къ колоніямъ есть плодъ ея внутренняго капиталистическаго склада промышленности. соціальная реформа въ Англіи должна повести къ окончательному устраненію экономической эксплоатаціи и въ колоніяхъ. Какъ и въ силу конституціоннаго прогресса, она сдѣлала успѣхи на поприщѣ политическаго управленія колоніями, такъ предвидится и измѣненіе въ экономическихъ отношеніяхъ. Привычка стараго вмѣшательства въ дѣла колоніи и мнѣніе на счетъ этого Джона Стюарта Милля, который говоритъ, что у Англіи съ колоніями не можетъ быть *даже* федеральной связи.

Обличая Англію, мы должны помнить, что ея политика была все таки прогрессивнѣе многихъ государствъ, какъ, напримѣръ, Испаніи Всѣ государства стремятся эксплоатировать колоніи. Всѣ государства стремятся имѣть колоніи для эксплоатаціи. Формы эксплоатаціи бываютъ болѣе или менѣе грубыя. Англія заканчиваетъ послѣднюю форму эксплоатаціи—экономическую. Англія показываетъ примѣръ, поучительный для народовъ, какъ невыгодна эта послѣдняя форма эксплоатаціи какъ для эксплоатируемыхъ, такъ и для эксплоататора и вообще для міровыхъ общечеловѣческихъ интересовъ. Все заставляетъ обратиться къ новому началу—солидарности международныхъ отношеній, основанныхъ на принципахъ равенства и свободы, и тогда колоніальная политика явится одною изъ благороднѣйшихъ формъ взаимной дружбы, помощи и обмѣна услугъ у равныхъ родственныхъ націй между равными.

Я вамъ сказалъ шагъ за шагомъ послѣднюю главу, оканчиваемую мною, какъ наиболѣе интересную. Вы видите, что я касаюсь только экономическихъ отношеній, это и было въ моей задачѣ. Политическія отношенія къ колоніямъ въ Англіи, какъ образцовыя, нынѣ не вошли въ мой планъ и предназначены для другой статьи: „Свобода и новыя земли“ или: „Нарождающіяся государства“, ежели первое заглавіе нецензурно.

Вопросъ экономическихъ отношеній къ колоніямъ, болѣе запутанный, до сего времени долженъ былъ быть разобранъ подробнѣе, что я и сдѣлалъ въ особой статьѣ.

Вы знаете, какъ интересно выясненіе экономическихъ отношеній при свободѣ торговли. Кромѣ того, чтобы вывести на свѣжую воду колоніальный вопросъ, я соединилъ его съ внутреннимъ хозяйствомъ самой метрополіи и связалъ его съ соціальнымъ вопросомъ. До сего времени, кажется, этого не дѣлалось. Я свелъ, такимъ образомъ, какъ и въ ссыльномъ вопросѣ, частный колоніальный интересъ на очную

ставку съ общечеловѣческимъ интересомъ и призвалъ въ свидѣтели и судьи міровой прогресъ[1]).

Довольны ли вы мной, мой батько, за точку зрѣнія? Да, будущему колоніальному публицисту для отстаиванія частныхъ интересовъ придется часто становиться на общую дорогу экономическихъ и политическихъ вопросовъ. Ему придется доказывать вопросъ съ точки зрѣнія метрополіи. Изслѣдуя вопросъ въ корнѣ, во всѣхъ его проявленіяхъ, ему, можетъ быть, придется прокладывать новую стезю и быть даже учителемъ своихъ антагонистовъ. Такими и были американскіе публицисты. Имъ было суждено въ области политическихъ наукъ совершить новые шаги, какъ ихъ предки открывали новыя страны въ области географической. Задача трудная и огромная! Невольно задумаешься надъ судьбою этого будущаго піонера, такъ какъ область политическихъ наукъ имѣетъ еще многія terra incognita и для современнаго публициста.

Выступаютъ новые вопросы—какъ соціальный, котораго не знали прежніе колоніальные защитники. Но forward!.

Предугадывая давно эту трудность въ разработкѣ частныхъ вопросовъ, я давно старался соединить эти вопросы съ общими, по этому поводу и изучалъ исторію европейской провинціи, ея самоуправленіе и, наконецъ, федеральный вопросъ. Поэтому я такъ отдаленно обратился къ изученію децентрализаціонной азбуки по букварю „Алексиса Токюэвиля“, къ знакомству съ французскими децентралистами и дошелъ до мнѣнія Пьеръ—Жака П. сына бондаря[2]).

Для исторіи французск. провинціи написано даже нѣсколько главъ.

По дорожкѣ децентрализаторовъ можно было добраться до сущности колоніальнаго вопроса.

Вы завидуете мнѣ, мой другъ, что я имѣю столько матеріаловъ для изученія любимаго вопроса. Но не завидуйте слишкомъ,—я извлекалъ мнѣнія только изъ европейскихъ писателей о колоніяхъ: Кэри, Марксъ, Милль, Нейманъ, Банкрофтъ и Токвиль, нѣсколькихъ англійскихъ писателей о колоніяхъ, какъ Артуръ Милль, Мосмэнъ, Аддерлей—все это еще пустяки[3]). У меня нѣтъ знакомства съ главнымъ—съ колоніальными писателями, нѣтъ библіотеки, ее надо получать изъ Квебека, Мельбурна, Сиднея и Гобартъ-Тоуна,—все это необходимо

---

[1]) Далѣе фраза:... «чтобы заставить покраснѣть метрополію» въ подлинникѣ зачеркнута. *Ред.*

[2]) Пьеръ—Жозефъ Прудонъ. *Ред.*

[3]) Замѣчательныя вещи изъ книгъ вамъ будутъ выссылаться. А Марксъ даровой для васъ уже выписанъ, благодаря одному здѣшнему студенту. Флеровскаго азбуку будете имѣть при слѣдующей посылкѣ.

имѣть. Объ этомъ пожалѣйте. Я видѣлъ въ извлеченіяхъ, какъ пишутъ канадскіе публицисты, доказывая съ точки зрѣнія Англіи, что выгоднѣе ей отдѣлаться отъ Канады и съ чувствомъ истиннаго почтенія относясь къ метрополіи.

3 федеральныхъ союза создаются въ колоніяхъ Англіи: Канадскій союзъ съ окружающими британскими владѣніями въ С. Америкѣ, въ Капскихъ колоніяхъ и въ Австраліи. Въ 1865 году, когда мы мирно засѣдали въ Омскѣ, въ Новой Голландіи въ Мельбурнѣ, былъ съѣздъ, и въ парламентѣ по поводу оппозиціи „antitransportation ligue" гремѣли угрозы Англіи, какъ когда то на материкѣ Америки и, наконецъ, отправленъ былъ корабль съ ссыльными назадъ въ Англію по общественной подпискѣ. Когда вѣсть о новомъ проектѣ ссылки, внесенномъ въ англійскій парламентъ въ 1865 году, достигла Мельбурна, пишетъ Mussmun, она „roused the people and parlement (мѣстный) into a state of indignation that boidered on treason against she parent state separation being openly advokated". О ходѣ дѣлъ въ Австраліи изъ мѣстныхъ газетъ было бы знать любопытно.

Новаго въ спеціальныхъ вопросахъ я не могу ничего сказать. Я только обрабатываю, при помощи историческихъ матеріаловъ, тѣ вопросы, которые интересовали насъ въ научномъ отношеніи, при чемъ дивлюсь тому чертовскому инстинкту, тому генію, съ какимъ вы угадывали суть вопросовъ. Я удивляюсь вашей проницательности въ силу и способность крестьянской общины, высказанной на экономической почвѣ, но такъ превосходно поддерживающейся и на политической. Да, въ ней залогъ будущаго и по ней можно предсказать исторію государства. Она—источникъ автономіи. Вы спрашивали меня насчетъ псевдонима вамъ. Я долго перебиралъ съ Ушаровымъ, который страдаетъ меланхоліею, какой бы вамъ дать. Перебрали и „Тарбагатайчиковыхъ и Исыкъ-Кульскихъ", склонялся даже къ „Джиланъ-Тюре" [1]). Но, размышляя сегодня насчетъ вашей прозорливости и піонерскихъ зсслугъ въ области умственныхъ вопросовъ и открытіяхъ, я открылъ, что къ вамъ, какъ нельзя бы то ни было, подходитъ титулъ: „Слѣдопыта", Pathfinder—Патфайндеръ по американски, переведите на восточный, пожалуй, на киргизскій діалектъ, это будетъ: „Басчи" [2]). Открытіе свое я сдѣлалъ въ банѣ, какъ Пифагоръ, и чуть не выскочилъ голый, крича: „Эврика"! Позвольте вамъ поднести эти „Пифагоровы штаны"! Впрочемъ, можете выбрать имя по какой-нибудь восточной географической мѣстности, чтобы на Востокѣ узнали земляка.

---

[1]) Что значитъ на киргизск. яз: „Змѣиный начальникъ",—такъ называли Г. Н Потанина киргизы за собираніе змѣй въ банки со спиртомъ во время экспед. въ Тарбагатай. *Ред.*

[2]) По кирг. басъ—голова, чи—суффиксъ. *Ред.*

По поводу эмансипаціи дикарей сообщу вамъ слѣдующее. Кромѣ орегонскихъ инородцевъ, оказывающихъ способности къ цивилизаціи, таковыми же оказываются и индѣйцы въ нѣкоторыхъ областяхъ Штатовъ и Канады. Бригзамъ Юнгъ, начальникъ мормоновъ, писалъ, что онъ своей политикой старался привлечь индѣйцевъ и возвысить ихъ до уровня просвѣщенія. Факты въ Луизіанѣ и Канадѣ, во французскихъ колоніяхъ, еще любопытнѣе. Тамъ индѣйцевъ выучивали французскому языку, религіи и обычаямъ. Недавно два вождя были въ Вашингтонѣ и объяснялись по французски. „Это были люди, способные быть полными гражданами“,—пишетъ очевидецъ.

Въ Канадѣ, наконецъ, прошелъ нынче билль объ эмансипаціи индѣйцевъ, которымъ предоставляются полныя права тѣмъ, которые достигнутъ извѣстной степени образованія (обученія) и хорошей репутаціи. Имъ дозволяется пріобрѣтеніе земель изъ запаса поселенцевъ и право наслѣдства. Эмансипація утверждается грамотою „генералъ-надзирателя индѣйцевъ“. Съ этого времени инородецъ съ женою и дѣтьми считается *свободными* (?). Съ этого времени уничтожается всякое различіе между ихъ правами и—великобританскихъ подданныхъ. Этимъ же биллемъ абсолютно запрещается продажа дикимъ спиртныхъ напитковъ. Билль помѣщенъ въ газетѣ „Minerve de Montreale“. Въ Канадѣ индѣйцы уже полуцивилизованы, занимаются земледѣліемъ и торговлей. Политика Соединенныхъ Штатовъ не такова. Недавно еще въ Вашингтонъ пріѣзжали „Красное облако“, „Облупленный медвѣдь“, „Красная муха“, „Худая ворона“ и другіе протестовать противъ захвата земель, но имъ показали арсеналъ оружія и президентъ пожалъ руку и отпустилъ съ носомъ. Все это я прочиталъ въ 5 № „Отечественныхъ Записокъ“—статьи: „Письма изъ Америки“ Славинскаго. Ежели хотите книгъ о Канадѣ, вотъ вамъ изъ моего каталога: Brasseur de Bourbourg, „Histoire de Canada“ 1852, 2+, 2 p. 80 к. *Smtth W. H.* Canada, past, presentano futur Toranto 1854, „Histoire de colonies françaises en Canada 1866; Sagard-Theodot—Histoire du Canada et voyages que les freres minenrs recoll. y on fait etc. 1864; Strauss: Canade au point de vue èconomique 1870. Paris 3 p. Любопытно бы о состояніи образованія въ Азіатской Индіи. Сочиненій есть много, но гдѣ бы объ этомъ было упомянуто, не знаю. Есть: „History of the British Jndia. Trottu 1866. Lond 5 v. 8 p. 80 k.“—Iesterday a. to day in India, *Blanchard*—London 1866 r. 5 p. 80 k.; History of India Elphinstone——1866 r. London, 9p. 90 k. *Bohun*—Voyage dans les Indes orientales 1866 r. Paris, 2 p. 40 k. Наконецъ, еще о Канадѣ *Rambusson* Les colonies françaises. Географія, исторія, производительность, администрація, торговля. 1868 г. Paris, 3 p.

Ну, русскія новости за іюнь. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“

корреспонденція изъ Иркутска о водяныхъ сообщеніяхъ въ Сибири. Статья написана по поводу географическихъ изслѣдованій о соединеніи Енисея и Чулыма. Отчетъ экспедиціи я уже прочиталъ въ полученныхъ извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла (Неизвѣстный благодѣтель прислалъ ихъ за 1872 г., т. III). Каналъ нужно прорыть только 12 верстъ [1]), но высота горизонта рѣкъ очень разнится. Вершина рѣчки возвышается надъ Енисеемъ на 59 саж., высшая точка перевала—98 саж. Инженеръ Бѣльцовъ отозвался, что для этого потребуются громадныя гидро-техническія сооруженія, съ затратою милліоновъ, что при теперешнемъ положеніи, съ отсутствіемъ капиталовъ, невозможно. Янки не такъ бы принялись за это дѣло, для нихъ—все возможно. „Forward“ и кончено! Синельниковъ однако не отступаетъ и хочетъ вновь произвести экспедицію по Ангарѣ. Ангарскіе пороги сбираются взорвать. Статья „Петерб. Вѣдомост.“, жалуется, что слухъ объ Уральской желѣзной дорогѣ замолкъ! Такъ и слѣдуетъ поступать съ апатичнымъ народомъ. Почто не вопіютъ! Напечатанъ отчетъ засѣданій Петербургскаго Географическаго Общества. Выйдетъ отчетъ путешествій Федченки по Кокану. Офицеръ Пржевальскій (писалъ объ Амурѣ и Уссури) съ Пыльцовымъ отправились въ экспедицію черезъ Монголію въ Тибетъ, а потомъ хотятъ проникнуть или въ западный Китай, или въ *Индію*. (Предвосхищаютъ анафемы!) Попросите у Остенъ-Сакена [2]) высылать „Извѣстія“, Сибирскія я вамъ скоро пришлю. 1-го іюня выѣхало австрійское паровое судно въ Сѣверный океанъ для открытія путей съ сибирскими рѣками. Изъ Томска пишутъ, что два педагога открываютъ тамъ книжную лавку. Я думалъ, не Егоръ ли Парамошкинъ, который женился на богатой ученицѣ женской гимназіи,—„невинность соблюлъ и капиталъ пріобрѣлъ“. Но онъ въ Перми учителемъ. Въ . . . . . .!—по Архангельски. Въ Москвѣ на политехнической выставкѣ въ память Петра было 3 сарта и китаецъ. Не знаю, успѣли ли они оцивилизоваться, какъ оцивилизовался нашъ шенкурскій бухарецъ. Онъ мечтаетъ уже по возвращеніи въ Бухару, завести стеклянный заводъ, типографію для бухарскихъ книгъ и телеграфъ. Книги, говоритъ, у нихъ стоятъ до 250 рублей. Онъ выучился самъ грамотѣ по русски и зачитываетъ у меня Красовскаго о „Киргиз. степи“. Онъ—бывшій капиталистъ-купецъ. Пожилой. О чемъ его вамъ бы хотѣлось разспросить, пришлите перечень. На дняхъ въ память Сперанскаго вышла книга: сборникъ матеріаловъ для его біографіи. Изд. Публичной Библіотеки. Въ „Сборникъ“ вошли его письма къ дочери и дневникъ въ Сибири. Письма уже были напечатаны въ „Русской Старинѣ“. Любопытно въ „Сборникѣ“ письмо Ко-

[1]) Рѣчка Шегарка сокращаетъ даже каналъ до 7 верстъ.
[2]) Бар. Остенъ-Сакенъ,—дѣятель Геогр. Общества. *Ред.*

чубея. При поѣздкѣ въ Сибирь Сперанскаго друзья его возлагали на него большія надежды. Нессельроде писалъ, что онъ совершаетъ подвигъ, идя дальше Геркулесовыхъ столповъ и очищаетъ Авгіевы конюшни старыхъ злоупотребленій. Кочубей пишетъ: „отъ васъ ожидаютъ не роли ревизора, не изслѣдователя мелкихъ злоупотребленій, но видовъ государственнаго человѣка“. „Вы можете составить систематическое обозрѣніе края, представить планъ къ образованію управленія въ сихъ колоніяхъ нашихъ“. Увы! Сперанскій не смотрѣлъ такъ возвышенно на свою задачу. Въ письмахъ къ дочери онъ постоянно жалуется, смотритъ на назначеніе, какъ на ссылку. Я читалъ письма въ „Русской Старинѣ“. Самая природа, великолѣпіе края его на минуту заставляетъ только оторваться отъ тяжелыхъ думъ, въ которыя онъ снова погружается. Живыя впечатлѣнія, яркая панорама страны отражается въ очахъ этого человѣка, но какъ то не проникаетъ до души, тамъ все окрашивается мрачными красками. Таково впечатлѣніе дневника. И это понятно. Это въѣхалъ не реформаторъ, но ссыльный, хотя и на важномъ постѣ. Понять настроеніе духа этого человѣка можетъ только изгнанникъ же и ссыльный. „Дайте мнѣ пустыню, голую скалу со свободой, восклицаетъ Гавацци, и я вамъ создамъ рай“! Наоборотъ. „Дайте ссыльному рай, и онъ проклянетъ его“. Это—психологическая истина. Но бѣдный, страдающій и ужасный край не могъ представлять рая для ссыльнаго генералъ-губернатора. Подъ такимъ настроеніемъ трудно было обѣщать ему будущее. Да, для того, чтобы творить и творить великое, надо имѣть много вѣры и любви. Даже геніальный умъ безъ этой сердечной теплоты былъ безсиленъ. „Идея управляетъ, чувство двигаетъ“. Это—мудрость,—Кантъ, Бокль и Спенсеръ—все тутъ.

Мысль передамъ своему я потомку,
Вѣрю, взойдетъ она вновь.
Но передамъ ли горячее сердце?..
Какъ передамъ я любовь?... (Внесите въ тетрадку [1]).

Вотъ надъ чѣмъ человѣкъ можетъ задуматься. Поэзіи, какъ проводнику этой любви, я придаю громадное значеніе (отвѣчаю на вашъ упрекъ), но для поэзіи все-таки нуженъ даръ. Киргизскую пѣсню положилъ въ портфель, но едва ли лучше выйдетъ; что разъ вылилось—конецъ, поправки напортятъ.[2]) Высылать ли вамъ 2-ю серію стиховъ,—не знаю. С. Серафимычъ и я даемъ вамъ совѣтъ, не можете ли вы чрезъ Семенова перепроситься въ южный округъ Архангель-

[1]) Это конецъ стихотворенія: „Неизвѣстному другу“. (См. примѣч. къ письму о-му). Въ напечатанномъ варіантѣ: „Мысль передамъ я потомству“ (№ 41 „К.-В. Газ.“) *Ред.*

[2]) Н. М., должно быть, говоритъ о стихотвореніи Пѣсня: („Киргизскій мотивъ“) напечатанномъ въ № 41 „К.-Волжск. Газ.“ *Ред.*

ской губерніи, т. е. сюда. Ежели похлопочутъ—переведутъ. Книгъ здѣсь болѣе. По поводу статистич. описанія. кое вы намѣреваетесь совершить, служу напутственный молебенъ. По торговлѣ за старые годы и у меня есть цифры. Пишетъ ли вамъ Сахтаровъ? Отчего не въ Питерѣ, отчего не сочиняетъ? Не слыхали ли о Пудовикѣ[1]) И нѣтъ никого въ литературѣ. О, безсиліе, о срамъ! Addio.

Н. Ядринцевъ.

Письмо, синьоръ, въ отвѣтъ!

Пишите рецензію на Барабу Миддендорфа, ея въ „Дѣлѣ“ не было.

Въ „Дѣлѣ“ Омулевскій помѣстилъ какой то мифъ о пустынномъ островѣ въ стихахъ. Пренепонятная чепуха.

„Новое Время“ прекратилось. Вышелъ сборникъ „Недѣли“. Замѣчателенъ общими статьями; о Востокѣ нѣтъ.

В. Перетолчинъ принятъ членомъ въ Географическое Иркутское Общество. „Отчего ему не сѣсть?“

С. С. Поповъ [2]) составляетъ каталогъ книгъ о Восточной Сибири въ въ Географич. Общество Иркутское (Извѣстія Сибирскаго Отдѣла).

Que pensez vous—о статьѣ? Сообщите. Находите ли что новое? [3]).

Письмо 10 ое[4])

28 іюня 1872 г., Шенкурскъ.

Письмо ваше отъ 10 іюня, а также и посылка съ книгами получены. Къ сожалѣнію, высылка второй серіи книгъ замедляется, ибо 2 ч. Дарвина не возвращены переплетчикомъ-пьянчугой, живущимъ въ деревнѣ и задержавшимъ нѣсколько книгъ у нашего знакомаго. Извѣст. Сибирск. Отдѣла потому не высылалъ, что не было ни гроша. Теперь я предпочелъ выслать ихъ вамъ всѣ, а также передать вамъ на нихъ право рецензіи, такъ какъ одинъ подарокъ безъ другого не имѣлъ бы значенія[5]). Вы спеціалистъ по этому отдѣлу, вы и орудуйте. Полагаю одно условіе: необходимо упомянуть, что развитіе географической науки на Востокѣ и успѣхъ географическаго общества немыслимъ безъ туземнаго университета. Это—единственное условіе. Рецензію, конечно, нужно написать въ „Дѣло“. Я уже написалъ Григорію Евлампіевичу, чтобы онъ оказалъ вамъ должное гостепріимство.

---

[1]) Пудовикъ—бывшій томск. семинаристъ, потомъ студентъ Спб. университета, сотрудн. «Сѣв. почта» или «Правит. вѣстн. по земскому отдѣлу» (II).

[2]) Участникъ процесса сепаратистовъ; ему приписывалось составленіе прокламаціи, фигурировавшей въ процессѣ. *Ред.*

[3]) Приписка относится къ пересказанной выше программѣ статьи. *Ред.*

[4]) См. „Сиб. Зап.“ кн. I, II, III.

[5]) Книги будутъ высланы на дняхъ. Постараюсь вложить и „Коршуновцевъ“.

Не знаю, посланы ли ваши „Люты дни“[1]). Въ іюньской книгѣ „Дѣла“ вышла, наконецъ, моя статья „Преступники по изображенію натуральной и романтической школы“. Книга еще не получена. Между прочимъ въ этой же книгѣ „Дѣла“ помѣщено стихотвореніе изъ поэмы „Киргизъ“ съ польскаго. Стихотвореніе не Омулевскаго, а Н. Д. (Вѣроятно, ***, помѣщающаго въ Отеч. Записк. „Пѣсни о павшихъ“; это мазурикъ, живущій въ Архангельскѣ и сосланный за воровство книгъ изъ редакціи „Петербургскаго Листка“). Изъ мотивовъ „Изгнанія“ у меня также есть нѣсколько пѣсенъ, но печатать не тороплюсь.

„Колонизація“ моя переписывается, и съ симъ трудомъ дѣло покончено. Затруднялся однимъ, что главы 2 и 3 исключительно посвящены торговой политикѣ, и очень много занялъ вопросъ о „свободѣ торговли“, столь интересный для насъ, но сухой вообще, поэтому принужденъ былъ послѣ сглаживать и придавать статьѣ видъ, якобы она трактуетъ о промышленномъ прогрессѣ Англіи при помощи новой политики.

1-ая статья отдѣлана вполнѣ и состоитъ изъ трактата о томъ интересѣ, который извлекала метрополія изъ эмиграціи для своего общества. Въ концѣ не могъ удержаться, чтобы этюды не закончить указаніемъ на политическое управленіе колоній. Удастся ли сдѣлать это въ послѣдующихъ статьяхъ—неизвѣстно, я разсудилъ,—пусть и это войдетъ сюда-же. Благо, есть случай. Хотѣлось бы написать второй этюдъ: „Свобода и новыя земли“, посвященный внутреннему развитію колоній, но еще надо книгъ. Приступлю въ видѣ отдыха къ жаркому изъ Турбина; это будетъ нѣчто въ родѣ того блюда, какимъ на дняхъ угощалъ насъ бухарецъ. Жаркое на вертелѣ. Отъ Андрея Павловича получено послѣднее письмо отъ 26-го мая, гдѣ онъ говоритъ, что ждетъ поступленія на службу. Судя по молчанію, полагаю, что уѣхалъ. Онъ рекомендовалъ адресъ казака Калачева Анемподиста, слушающаго въ Питерѣ лекціи. Извѣстите, юноша ли это и чѣмъ занимается, а также пишете ли ему и какую программу имѣетъ сей человѣкъ для научныхъ занятій. Нарожденію новаго библіографа отечественнаго глубоко радуюсь. Я полагаю, что авторъ библіографіи хорошо бы сдѣлалъ, ежели бы, не прерывая трудовъ, остался на годъ и два въ столицахъ, и нельзя ли ему просить прикомандировки къ Штабу или найти предлогъ проситься для держанія экзамена вновь въ какое-нибудь военное учебное заведеніе; это поощряютъ. А на Омское историческое общество—плоха надежда.

---

[1]) „Люты дни“ это—рядъ беллетрист. разсказовъ изъ тюремн. жизни Г. П. Потанина, кот. напечатаны не были.

Изъ послѣднихъ газетныхъ извѣстій сообщаю, что въ Государственный Совѣтъ поступилъ проектъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ Сибири и снабженіи ихъ надѣломъ.

Такой надѣлъ уже произведенъ у государственныхъ въ Арх. губ., дано по 18 десятинъ на душу. Другое извѣстіе изъ „Голоса“ будетъ пространнѣе. Передаютъ, въ видѣ слуха, что поступилъ проектъ объ учрежденіи—въ видѣ гарантій—правильнаго взноса для податей и недоимокъ для государственныхъ крестьянъ—опеки изъ помѣщиковъ и дворянъ-землевладѣльцевъ. Значитъ—вотчинная полиція.

Изъ Иркутска сообщаютъ, что генералъ-губернаторъ Синельниковъ вызывается въ Петербургъ для обсужденія проектовъ объ административномъ раздѣленіи Сибири и другихъ реформъ, вѣроятно, судебной и проч. Генералъ снова издалъ литературный циркуляръ о злоупотребленіи чиновниковъ по почтовой части.

Слышали ли вы, что сибирскимъ золотопромышленникамъ отдаются теперь въ работу каторжные, и эту мѣру рекомендовалъ Синельниковъ. Это значитъ, австралійскій assignirten system. Замѣчательно только, что частные золотопромышленники относятся къ этой мѣрѣ скептически, такъ какъ каторжный трудъ менѣе выгоденъ и люди разбѣгаются. По этому поводу завязалась полемика между частнымъ золотопромышленникомъ Бутинымъ и инженеромъ Герасимовымъ. Въ одномъ изъ № „Петербургскихъ Вѣдомостей“ за нынѣшній годъ помѣщена корреспонденція купца Бутина (друга Алек. Лосева) о необходимости передать Нерчинскіе заводы частнымъ золотопромышленникамъ и доводы, что они не приносятъ доходовъ. Нынѣ въ № отъ 17 іюня горный инженеръ Герасимовъ полемизируетъ съ Бутинымъ, доказывая, что 1) Нерчинскіе заводы нельзя отдать золотопромышленникамъ, ибо это—извѣстная собственность, 2) они приносятъ доходъ и машинное производство примѣнено на нихъ въ совершенствѣ; 3) трудъ каторжныхъ очень полезенъ, выгоденъ и проч., побѣги незначительны и т. д. Такимъ образомъ, это старый споръ горныхъ инженеровъ, защищающихъ жалованье ссылками на науку, нѣмецкія книги и т. д. Das ist alte geschichte.

Жалѣю сердечно, что вы не получаете „Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ нихъ чаще любопытныя извѣстія и подробныя корреспонденціи. „Новое Время“, какъ вамъ извѣстно, прекратилось, а Коршъ съ своимъ капиталомъ держится. Попробовали бы вы написать туда корреспонденцію легонькую, объ урожаѣ, что ли, а то я за васъ это сдѣлаю.

Продолжаю вѣсти. Въ послѣднихъ же №№ выписки изъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ о торговыхъ сношеніяхъ съ Кашгаромъ, кото-

рыя пробуетъ установить извѣстный консулъ Захаровъ. Замѣтка столь подробная, что я ее пошлю вамъ съ книгами. Въ Ташкентѣ устраивается обсерваторія, на которую ассигновано 25000, кажется. Итакъ, арабская астрономія будетъ имѣть наслѣдниковъ въ Средней Азіи. Обсерваторіи уже опредѣляютъ занятія. Будетъ любопытно, говорятъ при чистотѣ средне-азіатскаго неба наблюдать спутниковъ Юпитера Итакъ, обсерваторія будетъ, когда-то только начнется фабрикація астрономовъ! (Упомяните и это въ рецензіи по поводу Сибирскаго Отдѣла). Мы ужасно походимъ въ своихъ затѣяхъ на богатаго барина, который покупаетъ книги въ богатыхъ переплетахъ, прежде чѣмъ выучится читать.

Въ заключеніе сообщаютъ изъ Тобольска, что члены Общества содѣйствія промышленности и торговли ходатайствуютъ объ учрежденіи особаго отдѣла здѣсь, для разработки вопроса о мѣстной промышленности.

Отчего только въ Тобольскѣ, въ этомъ вовсе непромышленномъ городѣ, а не въ Тюмени. Тамъ, тамъ есть камень вѣры буржуазной Не знаю, писалъ ли я вамъ, что въ Тюмени устроенъ читальный кабинетъ и выписываются журналы приказчиками по преимуществу. Мнѣ кажется, что въ виду пробужденія промышленныхъ силъ и интересовъ на Востокѣ, довольно замѣтномъ (ибо и въ Иркутскѣ есть Техническое Общество), теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо, издать брошюру о промышленности Сибири и ея потребностяхъ. За такую работу я бы готовъ былъ приняться. Гдѣ найдешь издателей и какъ убѣдишь, что брошюра разойдется; къ либеральнымъ журналистамъ за этимъ нечего и обращаться.

Съ Шигинымъ я чуть не разругался. Вспылилъ и написалъ письмо: „ежели, молъ, моя книга будетъ такъ медленно печататься, то выйдетъ, вѣроятно, черезъ годъ или два“. Получилъ въ отвѣтъ открытое письмо: „Книги напечатано уже 11 листовъ. Выйдетъ не черезъ годъ или два, а черезъ мѣсяцъ или два“. Вслѣдъ за этимъ—подачку 25 р „Хватай, собака, голодный песъ“!

Изъ общихъ литературныхъ новостей я вамъ не сообщаю ничего во-первыхъ, потому, что вы не требуете, а во-вторыхъ, не мое это, сударь, дѣло; я слѣжу за направленіемъ петерб. журналистовъ съ точки зрѣнія патологической и когда нибудь, особо сообщу свои наблюденія. И радикализмъ, и либерализмъ—все здѣсь одинаково въ болѣзненномъ состояніи.

Въ послѣднее время между „Отечественными Записками“ и „Петербургскими Вѣдомостями“ завязалась полемика, полемика чисто личная. „Петерб. Вѣд.“ обвиняются въ подкупѣ желѣзнодорожными дѣятелями

между прочимъ и въ буржуазномъ протекціонизмѣ. Въ іюньской книгѣ „Отеч. Зап.“ Н. М. (Михайловскій) упрекаетъ „Пет. Вѣд.“ въ протекціонизмѣ русской мануфактуры. „Какъ будто бы“, онъ говоритъ, „нельзя существовать газетѣ либеральной безъ протекціонизма“ [1]).

Вотъ и Марксъ не одобряетъ буржуазный протекціонизмъ.

Какъ будто бы дѣло состоитъ, по словамъ Н. М., въ томъ, кто кого либеральнѣе. До теоріи все равно, да будь либераленъ—и такъ во всѣхъ вопросахъ. Тѣ же „Отеч. Записки“ писали, что они не хотятъ высказываться ни о реальномъ, ни о классическомъ образованіи; все это пустяки, надо заниматься высшими идеалами о поголовномъ образованіи и т. д. Также онѣ относятся къ другимъ вопросамъ о сыроварняхъ, артеляхъ, народныхъ школахъ и т. д. Все это пустяки. „Мы либеральнѣе“, говорятъ онѣ, и больше ничего не говорятъ. „Петерб. Вѣд.“ стоятъ постоянно на почвѣ практическихъ вопросовъ, но больно ужъ робки; для нихъ сыроварня, Корфъ и т. д.—все тутъ, finis terrae. Одни страдаютъ водобоязнью къ живымъ вопросамъ дѣйствительности, другіе разрѣшаютъ ихъ въ самомъ узкомъ видѣ. Оттого неопредѣленный либерализмъ однихъ и ложный практицизмъ другихъ также мало помогаютъ обществу.

„Отеч. Записки“ поражаютъ своею дряблостью. Давно уже у журнала нѣтъ ничего завѣтнаго за душой, что-бы сказать публикѣ. Это—мумія стараго либерализма. Нѣтъ смѣлаго и прямого отношенія къ вопросамъ.

Вы спрашиваете о Кляусѣ. Я его не читалъ, но въ „Отеч. Записк.“ и не то бываетъ. Печатались записки консервативнѣйшаго чиновника Скалдина. Кляусъ, говорятъ, нѣмецъ, желающій золотой середины [2]). Вы слишкомъ налегаете на экономическую жизнь общины, это ваша спеціальность. Но я до сихъ поръ изучалъ ея жизнь на Западѣ и въ Америкѣ, съ другой стороны—способности къ Selfgovernement'у, это моя спеціальность. Раздѣлимъ трудъ. Когда нибудь сообщу объ общинахъ и экономическомъ положеніи, какъ я ихъ наблюдалъ здѣсь.

О хозяйствѣ общинъ у меня была написана цѣлая статья, конечно, о Сѣверѣ. Ссудно-сберегательныя кассы, товарищества, съ помощью отъ земства и государства, по моему, имѣютъ важное значеніе, противъ этого не спорилъ бы и Фердинандъ Л.[3]) Артель въ мѣстныхъ производствахъ и „общественныя запашки“—вещь исполнимая и нынѣ, и

---

[1]) Михайловскій забываетъ, что, можетъ быть, и защита свободы торговли тоже буржуазная.

[2]) Одинъ нѣмецъ, живущій здѣсь, увѣряетъ, что переходъ, о которомъ вы пишете, въ нѣмецкихъ колоніяхъ совершился добровольно. Впрочемъ, онъ также не компетентенъ.

[3]) Лассаль. *Ред.*

могли бы дать фундаментъ. Т. о. я разсматриваю общину не въ старыхъ формахъ, а въ новѣйшихъ. Старымъ формамъ суждено будетъ разложиться.

Стремленіе къ индивидуальной собственности предвидится и тамъ, „dahin!“, на Востокѣ, надо только облегчить переходъ черезъ эту ступень и въ моментъ разложенія старой, патріархальной,—общинѣ дать новую форму, основанную на прочной кооперації силъ. Интеллигенція до сихъ поръ мало обращаетъ вниманія на внутреннюю жизнь этихъ общинъ, ей чуждъ трудъ прозаичный, но плодотворный въ массахъ, а когда нибудь сознаютъ важность этого зерна въ экономической жизни и въ другихъ функціяхъ государства. Эта клѣтка рѣшаетъ судьбу народовъ. Русская молодежь занята какъ и либеральн. журналы рабочимъ вопросомъ, но у насъ не рабочій вопросъ на очереди, а крестьянскій; а на него менѣе обращаютъ вниманія.

До свиданія, сэръ.

Н. Ядринцевъ.

Получите извѣстіе, гдѣ Андрей Павлычъ, такъ извѣстите.

Отъ музыканта нѣтъ писемъ.

---

12 іюля 1892 г. Шенкурскъ.

My dear friend, письмо ваше, соотвѣтственной длины моему, получилъ (по пакету отъ 3 іюля), и, разумѣется, удовлетворенъ (satisfaid). Насчетъ вашихъ финансовыхъ обстоятельствъ я нѣсколько посоображалъ. Во-первыхъ, насчетъ „Лютыхъ дней“ не безпокойтесь. Благосвѣтлова 2 недѣли не было въ Петербургѣ, и теперь только отъ него получено письмо съ подачками. Я уже предупредилъ его и просилъ, чтобы онъ поторопился принять васъ въ свое лоно, лоно Авраамле. Статья будетъ, конечно, напечатана, но протянуть два-три мѣсяца—для нихъ это дѣло обыкновенное. Покуда я напишу, чтобы Благос. вамъ выслалъ, ежели не хочетъ отъ редакціи, то пусть пошлетъ изъ моихъ денегъ. Дѣло въ томъ, что этотъ „многоуважаемый“, какъ я ему пишу, и „подлецъ“, прибавляю въ скобкахъ, не могъ не сыграть со мной штуки. За статью въ іюньской книгѣ онъ мнѣ выслалъ только половину платы и это, помните, еще при вычетѣ 10 р. съ листа ни за что, ни про что.

Такъ эти джентльмены насъ обрабатываютъ. А писать и напоминать—нельзя, разсердится и „Колонизацію“ не напечатаетъ или заброситъ на время. Пусть же собака жретъ, а я буду съ него тянуть не для себя, такъ для другого. Авось, раскошелится. Месть эту я придумалъ сегодня ночью, которую почти не спалъ. Такъ было тяжело. Но довольно, надо все терпѣть, Go awoy! эти земныя заботы.

Вамъ долженъ дать опять предостереженіе, мой другъ, тѣ же опасенія раздѣляетъ и Серафимъ, что и приказалъ передать. Не время еще вамъ погружаться въ такія многотрудныя, вполнѣ серьезныя и уважаемыя, но увы, необезпеченныя работы, какъ паденіе Джунгаріи и т. п. древности.

У меня есть подобныя же любимыя темы, какъ очерки сибирской торговли, но я долженъ отложить ихъ, такъ какъ они ни въ одинъ журналъ не пройдутъ. Труды для Географическаго Общества вы должны выполнять исподволь, отнюдь имъ совершенно не отдаваясь. Странно, съ чего вы хотите себя зарекомендовывать еще предъ Географическимъ Обществомъ, какъ будто бы ваша репутація не составлена и какъ будто вашихъ работъ не знаютъ. Приступайте смѣло и ходатайствуйте о тѣхъ матеріалахъ, какіе считаете нужнымъ. Но покуда старайтесь связать себя съ литературою, которая даетъ обезпеченіе. Я вамъ съ этою же почтою вышлю „Записки Сибирскаго Отдѣла“, пишите на нихъ рецензію въ „Дѣло“. Катайте на листъ печатный и болѣе. Можете даже озаглавить „Наука на Востокѣ“, можетъ пройдетъ отдѣльной статьей. Кромѣ того, напишите рецензію на „Барабу“ Миддендорфа, она еще не появлялась въ „Дѣлѣ“. Ушаровъ писалъ эту вещь въ „Азіатскій Вѣстникъ“, но тамъ пропала[1]). Вотъ вамъ двѣ рецензіи.

Затѣмъ я буду слѣдить о выходящихъ книгахъ. Путешествія нерѣдко выходятъ. Какъ выйдетъ книга, цопъ! выписывайте и черезъ двѣ почты—въ редакцію. Серафимъ такъ и дѣлаетъ. Кому въ магазинъ вы послали 10 рублей? Я замѣтилъ, что иностранный магазинъ Риккера (Мюнкса) гораздо исправнѣе русскихъ. Съ россіянами намучишься. Кромѣ рецензій, придумывайте какую нибудь живую статью и легкую литературную съ живою темой. Кстати, что вы съ вашими „Таежниками“, гдѣ они? Справитесь ли одни, а то высылайте. Итакъ, вотъ вамъ инструкція, сэръ, раздѣлите работы на обезпечивающія и на необезпечивающія; выполняя первыя, остальное время можете употреблять на археологію и исторію.

Скажу еще, что журнальными легкими статьями не пренебрегайте, это достояніе массы. Спеціально же ученыя работы никогда не уйдутъ отъ васъ, они должны продолжаться годы и будутъ совершаться годами. И такъ go away и это!

Перехожу къ благодушнымъ нашимъ ученымъ темамъ. Слова вашего письма по поводу свободной торговли: „Если представить весь міръ достигшимъ благосостоянія и одинаково развитымъ, то желѣзныя дороги и свободный обмѣнъ будутъ благодѣяніемъ для всѣхъ“, эта

---

[1]) Моя повѣсть въ „Азіатскомъ“ пропала, рукописи исчезли отъ Пашино. Писалъ на бѣло, надо все реставрировать вновь.

мысль была почти буквально выяснена мною ранѣе въ статьѣ. Мнѣнія Луи-Блана о протекціонизмѣ доказываютъ, что, стоя на извѣстной точкѣ зрѣнія, всѣ мыслители совпадаютъ съ истиной. Наша аргументація т. о. попала въ центръ и вопросъ почти выясненъ.[1]) Вы говорите, что вопросъ о желѣзной дорогѣ надо бы болѣе локализировать,—локализируемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ „Азіатскомъ Вѣстникѣ“ я хотѣлъ спеціальн. статейку о нашей желѣзной дорогѣ. Вообще для нашей буржуазіи я желалъ бы намѣтить нѣкотор. правила. Съ мыслью писать временами для нея я не разстался. Наша промышленность все-таки въ ея рукахъ, она персонифицирована; итакъ, говоря о промышленности націи, государства, нельзя не говорить съ буржуазіей или съ людьми, у которыхъ въ рукахъ инициатива. Иначе будешь не публицистомъ, а абстрактнымъ мечтателемъ. Въ идеѣ, въ идеалахъ мы можемъ до безконечности отдаляться, но въ жизни, въ исторіи мы должны итти объ руку съ обществомъ, способствуя каждому шагу его развитія, быть для него доступнымъ, понятнымъ, чтобы быть вліятельнымъ. Только такимъ путемъ можно добиться какихъ-нибудь результатовъ. Наконецъ, я полагаю, что внушеніе буржуазіи настоящихъ интересовъ страны и (ихъ) перехода къ заводской и фабричной промышленности, все-таки прогрессивный шагъ и плодотворный для исторіи. Онъ способствуетъ естественному теченію жизни и не расходится въ одной своей половинѣ съ идеаломъ будущаго. Знаніе, совершенствованіе промышленности, высшій родъ занятій,—это задатки для нормальнаго развитія въ будущемъ. Рабочему будетъ лучше получить впослѣдствіи изъ рукъ буржуазіи промышленность, болѣе направленную въ соотвѣтствіи съ интересами страны, чѣмъ не получить ничего, голую пустыню, скалу! Фабричнаго рабочаго вопроса нечего бояться, его разгадка найдена, интересы ихъ выясняются самой жизнью; въ началѣ фабричнаго дѣла прогрессъ рабочаго вопроса пойдетъ своимъ чередомъ, какъ идетъ во всемъ мірѣ. Не отчаивайтесь ни въ Англіи, ни въ Америкѣ,[2])—посмотрите, что тамъ дѣлается,—онѣ, страны буржуазныя, ближе къ разрѣшенію вопроса. Страны, развивающіяся въ мануфактурахъ, развиваются и во всѣхъ функціяхъ жизни. Но Монголія, пустынная Монголія, съ своей патріархальной жизнью, счастливая страна безъ загородей, обозначающихъ границы собственности, о которыхъ мечталъ Руссо, ежели не двинется къ измѣненію хозяйства, останется той же Монголіей! Помогайте жизни въ ея переходахъ, способствуйте ея „родамъ“, будьте „повивальной бабкой“, какъ выражает-

---

[1]) Я Луи-Блана еще не читалъ, укажите страницы и мѣста, чтобы обратить вниманіе. Я его оставилъ до статьи о „Французской провинціи“.

[2]) Въ Америкѣ громадная часть рабочихъ составили партіи, а рабочій вопросъ подвигается, добились уже 8 час. работы въ день, при выборахъ рабочіе формируются въ свои ассоціаціи и создаютъ свои программы.

ся Марксъ, въ этомъ задача, но вы не избѣжите все-таки извѣстныхъ переходныхъ степеней, не избѣжите индивидуализма, „заимокъ“ и фермъ, фабрикъ и заводовъ съ черными руками. Облегчайте только переходъ, направляйте, но не противодѣйствуйте ему, это безплодно. И да здравствуетъ сальная свѣча и дубленыя кожи! воскликнулъ я съ буржуа Франклиномъ.

Теоретическій вопросъ, и свобода торговли, и желѣзн. дороги, довольно подробно развитъ вами, вопросъ о томъ, что „навозъ“ иностранецъ ввезетъ капиталъ и тѣмъ обогатитъ туземца—вопросъ слишкомъ не сложный, чтобы понять, кто останется на бобахъ. Но вотъ вамъ задача потруднѣе. Кромѣ обыкновенныхъ практическихъ выгодъ, извлекаемыхъ маклаками изъ желѣзной дороги и свободной торговли, и ведущихъ къ эксплоатаціи, въ этихъ средствахъ независимо есть, говорятъ, и выгоды для цивилизаціи. Такъ, желѣзная дорога служитъ къ быстрому передвиженію переселенцевъ (интересъ колонизаціонный) ,она содѣйствуетъ ввозу „знаній“ и „изобрѣтеній“. Многія изъ этихъ выгодъ вычислены Жуковскимъ въ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ („Вѣстникъ Европы“, 1871, № 1). Такія же выгоды находятся и въ свободной торговлѣ, и въ отношеніяхъ колоніальныхъ. Одинъ умный метрополитанецъ, [1]) съ которымъ я веду часто пренія, дабы выяснить себѣ всѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы, и для того, чтобы локальный вопросъ связать нитью съ общечеловѣческимъ интересомъ, этотъ философъ замѣчалъ мнѣ, что есть несомнѣнныя выгоды въ сношеніяхъ страны болѣе цивилизованной, со страною менѣе развитою, что послѣдняя выигриваетъ, несомнѣнно, извѣстныя блага знанія и не употребляетъ на добываніе ихъ тѣхъ усилій, какія она употребила бы, оставшись вполнѣ изолированною. Представьте невѣжественную территорію обособленной, она болѣе проиграетъ, чѣмъ выиграетъ за неимѣніемъ сношеній. Связь колоній съ метрополіей имѣетъ поэтому свой смыслъ, и чѣмъ колонія неразвитѣе, тѣмъ потребность въ этой связи должна быть сильнѣе.

Невѣжественная страна умретъ съ голоду, погрузится въ застой, она станетъ Монголіей, Китаемъ.—Но, помилуйте, вѣдь барыши слишкомъ громадны за это обученіе, за принесеніе „части знаній“, эти барыши стоятъ и плоти, и крови. Что дѣлать, плата за ученье велика, какъ запросъ безцеремоннаго учителя, но лучше платить дорого, чѣмъ остаться совсѣмъ безъ ученья и образованія.—Что вы тутъ скажите, сэръ? Итакъ, приходится еще отдѣлить всѣ выгоды отъ извѣстныхъ сношеній, какъ мы ранѣе замѣчали однѣ невыгодныя, а потомъ взвѣсить тѣ и другія. Такъ ли? Считайте. Вотъ вамъ математическія задачки.

---

[1]) Или Стронинъ или Христофоровъ. (П).

Какъ видно по вашимъ выпискамъ, вы слишкомъ навострили зубы на французской школѣ и французской политической философіи. Признаюсь, хотя я почерпнулъ много у Пьеръ Жака[1]), (читали ли вы его „Prencipe fédératit"), но съ ихъ историческимъ масштабомъ, съ ихъ самодовольными теорійками, мальтретирующими другіе народы, презирающими англичанъ и американцевъ, я не могу согласиться. Всѣ эти Руссо и Вольтеры, что они дали самой Франціи? Что этотъ народъ самъ себѣ далъ? Онъ никогда не умѣлъ дѣлать свою исторію. Онъ шлепнулся съ высоты своего политическаго идеализма, и политическій идеализмъ навсегда погибъ съ нимъ въ волнахъ исторіи. Не Бисмаркъ ихъ разрушилъ, они сами себя разрушили централизаціей. Этотъ Луи-Бланъ уже ничего не можетъ сказать новаго, изжившій трупъ для конституціоннаго аксессуара, а этотъ юноша Гамбетта, корчащій республиканскаго Макіавелли,—они ли пророки будущаго? Или же это будущее въ Кайенѣ, только ключъ, на который оно заперто, въ карманѣ Тьера [2]). Гдѣ же это будущее, въ старой ли развалинѣ на президентскомъ креслѣ, въ невѣжественномъ ли крестьянствѣ подъ руководствомъ поповъ, не привыкшемъ къ самоуправленію, въ арміи ли полисменовъ и префектовъ, готовыхъ кинуться на помощь первому централизатору, въ подавленномъ ли рабочемъ классѣ, стоящемъ въ антагонизмѣ съ крестьянствомъ? Пьеръ-Жакъ, проснись въ своемъ гробѣ и уличи эту исторію въ непослѣдовательности. Итакъ, во всей этой исторіи Франціи только уроки отрицательные. она стоитъ назади другихъ народовъ. Не французамъ поэтому мальтретировать англичанъ и американцевъ. Здѣсь есть ядро самоуправленія, клѣточки этого организма здоровы, сельская община дышитъ жизнію и научена selfgovernement'омъ къ коалиціи и ассоціаціи, рабочій вопросъ развивается при свободѣ учрежденій, онъ разовьется практически, примѣрно, проходя всѣ фазисы. Эти страны болѣе сдѣлаютъ успѣховъ. Вашего пессимизма къ Америкѣ я не раздѣляю. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю я французскимъ болтунамъ. Америка создастъ свою жизнь скорѣй, въ ней есть здоровое ядро и свобода, и это главное[3]).

Съ сожалѣніемъ я смотрю на нашихъ вятичей и радимичей, которые все еще думаютъ копировать Францію и думаютъ устроить въ Козьмодемьянскѣ—Люксембургъ, а на Петербургской Сторонѣ—ассоціацію подъ именемъ „Семиспальная кровать". Я вамъ когда нибудь на-

---

[1]) Прудонъ. Ред.

[2]) Очевидно, намекъ на разгромъ Парижской Коммуны и ссылку коммунаровъ. Ред.

[3]) Вы пишете: въ Америкѣ, Швейцаріи вліяніе буржуазіи возростаетъ. Не ослабѣваетъ-ли? Рабочій вопросъ тамъ развивается и сильно прогрессируетъ и онъ идетъ съ централизаціей въ политическомъ отношеніи.

пишу объ идеалахъ этой блуждающей, безпочвенной, безнародной интеллигенціи. Однако, къ чорту ихъ!

Скажите, какія сочиненія читали вы о Канадѣ на французскомъ, рекомендуйте лучшія. Не возьметесь ли составить что-нибудь изъ подобныхъ путешествій популярное? Знаете ли, что вы съ Катан. перебили у меня мысль о провинціальной литературѣ и о причинахъ ея неразвитія. Я вообще имѣлъ въ виду написать статью подъ именемъ: „Провинція и провинціализмъ“. Хотѣлъ написать выразительно, чтобы произвести впечатлѣніе, на такую тему: Qu'est-ce que la province?— Rien. Quest'-ce qu' elle doit être?— Tout. Это долженъ былъ быть также лозунгъ для провинціи, какъ когда то Сійесово сочиненіе для tiers— èfat[1]). Здѣсь я хотѣлъ указать на небрежное отношеніе интеллигенціи, воспитанной централизаціей, къ провинціи. Отождествленіе интересовъ провинціи съ интересами народа. Положеніе провинціи, не имѣющей интеллигенціи, наконецъ, призывъ интеллигентныхъ силъ именно сюда, въ нѣдра народа. Первыя горячія страницы въ памфлетномъ родѣ уже написаны. Онѣ начинаются словами: „Что такое провинція?“ Это—синонимъ невѣжества, тупости, скотской жизни и скопища злоупотребленій.

Прочь, дальше, образованный человѣкъ, отъ этой зловонной ямы. Мы хотимъ свѣта и жизни, гдѣ кипитъ умственный интересъ, гдѣ сосредоточиваются образованные кружки“ и т. д. Вслѣдъ за этой репликой я ставлю обратно вопросъ: „Что такое провинція“? Провинція—это 70 милліоновъ народа; выключимъ изъ нея подвижной элементъ бродячей интеллигенціи, остаются еще милліоны. Кто они такіе? Невѣжественный народъ, которому достается столько-то мяса на человѣка въ годъ, столько-то чаю, сахару, водки и т. д. (уровень матеріальнаго благосостоянія). Далѣе, это народъ—варваръ въ семьѣ, язычникъ въ религіи, дикарь въ хозяйствѣ. Стоитъ ли заботиться объ этомъ народѣ? И говорю: чѣмъ же объяснить наше пренебреженіе къ провинціи, наше влеченіе выбраться вонъ? Откуда наши взгляды? И начинаю анализъ воспитанія „русскаго образованнаго человѣка“.

Мы принадлежимъ къ тому сословію, которое даетъ 1 человѣка на 21 въ гимназіи; какъ мы воспитываемся,—есть ли у насъ что-нибудь общее съ народной жизнью, отъ которой мы съ воспитаніемъ и привиллегіями все больше отдаляемся? Наше мѣсто тамъ, „гдѣ любятъ насъ, гдѣ платятъ намъ“. У купца, мѣщанина, крестьянина есть связь съ мѣстн., есть связь съ обществомъ, а у насъ? Далѣе, я хотѣлъ разобрать міросозерцаніе нашей интеллигенціи, ея идеалы, кончающіеся невѣріемъ въ народъ, дезертирствомъ, измѣнами или полнымъ разочарованіемъ и безсиліемъ. Въ концѣ концовъ я хотѣлъ бросить приговоръ

[1]) Намекъ на сочиненіе Sieyès'a—Qu'est ce que le tiers état? **Ред.**

этой старой интеллигенціи, приговоръ великаго философа-историка русской жизни Чаадаева. Я долго обдумывалъ и обрабатывалъ эту тему, она должна быть полна увѣсистой аргументаціи, поразительныхъ примѣровъ, неожиданныхъ диверсій и нападеній на старую жизнь съ фронта, съ тыла и съ фланговъ, я хотѣлъ пополнить ее тѣмъ чувствомъ, которое клокотало во мнѣ. Удары должны бы сыпаться искрами, вопросы ставиться прямо, съ суровой логикой. Это была бы поразительная картина, гдѣ сливались бы свѣтъ и тѣни провинціальной жизни. Это былъ бы вопль провинціала, плачъ его сердца, проклятія прошлому и рокотъ барабана, призывающій его къ будущему. Но эта работа кипитъ еще въ головѣ, можетъ быть, съ моими силами ея и не создать. А всего надо бы маленькую статейку, не больше листа. Я мѣтилъ писать въ „Бесѣду“, петербуржцы не примутъ въ журналы. Вѣдь, тема то ничего, мой другъ? Вотъ тутъ то я и хотѣлъ коснуться значенія провинціальной литературы и сказать, что безъ нея невозможно развитіе народной жизни. Наконецъ, хотѣлъ провести и доказать, какое громадное значеніе мѣстная литература имѣла бы для центральной журналистики и для науки.

Разбирая мѣстные интересы, представляя факты изъ жизни народа, разрабатывая частности, она, можетъ быть, уничтожила бы многіе предразсудки общихъ абстрактныхъ теорій и положила бы начало новымъ мнѣніямъ. Поднятіе народныхъ силъ, талантовъ не могло бы не отозваться вообще и на литературѣ націи, на ея прогрессѣ. Итакъ, принимайте меня въ долю къ вашей критической статьѣ. Тогда придется только условиться въ общей программѣ. Мнѣ отведете тамъ листикъ, что ли. И когда же это, скоро у васъ будетъ, или долго еще? Катан. выпилю, кромѣ оглавленія нашихъ статей, еще нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ, а также есть у меня изъ старыхъ работъ, помните, разныя оглавленія.

Отъ Тахтарыча ничего еще не получалъ. Онъ оставилъ заниматься исторіей, а сталъ изучать финансовое право. Зачѣмъ? Вообще, что ли, чтобы образоваться, или по нутру пришлось это занятіе политической экономіей и кооперацiями, вѣроятно, произошло отъ вліянія и столкновенія съ россійской интеллигенціей. Трется онъ около этой интеллигенціи, только не разочаруется ли когда нибудь? Вѣдь, они дальше сапожной артели на Выборгской и семиспальной кровати на Петербургской ничего не изобрѣтутъ. Относительно же ученья премудрости скажу. Подлѣ меня живетъ маленькій философъ [1]) и все онъ учится: пройдетъ алгебру—за геометрію принимается, геометрію пройдетъ—физику начинаетъ, потомъ физіологію, потомъ психіологію, далѣе по-

1) Христофоровъ. *Ред.*

литическую экономію и т. д. и т. д. Я его уважаю, люблю, но только мнѣ страшно иногда за него становится, такъ мнѣ и кажется, что накопитъ онъ знаній, накопитъ, никуда ихъ не прилагая, а потомъ вдругъ ляжетъ съ ними въ маленькій гробикъ и будетъ тутъ много знаній—и алгебра, и геометрія, и антропологія, и все это такъ и останется въ гробикѣ. Тоже и Андрей Алекс.; вѣдь, на что нибудь учится, надо же когда нибудь прилагать.

Пусть раскошеливается и начинаетъ литературныя работы. Да, ужъ отечество то не забылъ ли онъ? Ежели хочетъ только по общимъ вопросамъ заниматься... Ну, тогда у него будетъ другая семья, другіе цѣнители, поумнѣе насъ, и другіе друзья. Однако, все-таки, спросите, что онъ думаетъ дѣлать, покончилъ ли съ восточною литературою?

За то меня Катан. радуетъ. Непремѣнно напишу письмо, пришлите только адресъ.

Боже мой! Гдѣ Пудовикъ! (книга). Подайте мнѣ Пудовика! Что это за срамъ такой. Брюки растеряли, подтяжки, что же это за офицеры такіе!

Насчетъ сатиры Пенна вы ошиблись, это сатира Франклина. 2 гл. „Колонизаціи“ посылается. Турбинъ обработанъ и поджаренъ на кедровомъ маслѣ. Мѣстами, жуя „сѣрку“ (которую я досталъ и перетопилъ здѣсь,—сѣра лиственичная), я поплевывалъ изрядно. Въ рецензіи для читателя я указалъ, что этотъ типъ истиннаго ташкентца, ѣдущаго въ благословенную страну, „гдѣ раки зимуютъ“. И сѣрое ополченское пальто, и разухабистый тонъ, и бутылки наливки, и заѣзжанье по сторонамъ, неизвѣстно какъ, неизвѣстно зачѣмъ, все, какъ у Щедринскаго ташкентца. Это—„онъ“! (Не слишкомъ ли?) Въ концѣ указаніе, что давно уже говорили объ обращеніи двойныхъ прогоновъ на усиленіе образовательныхъ средствъ для края.

Серію стиховъ и поправленные прежніе—вышлю.

Видѣли ли въ „Дѣлѣ“, въ іюньской книжкѣ, поэму „Киргизъ“? Исправно ли получаете „Дѣло“? Объ этомъ я писалъ Благосу. Въ Лондонѣ идутъ пренія на конгрессѣ о тюремномъ вопросѣ. Нѣкто Гастингсъ привелъ порядочные аргументы противъ ссылки. Но, вообще, какъ я увидѣлъ, беззубые петиціонисты знаютъ меньше моего. Я бы у нихъ тамъ могъ сообщить кое-что поновѣе.

Съ этой, или не далѣе какъ со слѣдующей, будутъ высланы книги. Записка Отдѣла—своимъ чередомъ, а остальное соберу.

N. Jadrintzef.

Найдемъ Шперка, Мейеръ также есть.

Chiencoursk, 24 іюля 1872 года.

Письмо отъ 10 іюля получено. Благодарю за сообщаемыя извѣстія. Дивлюсь благопріятно сложившимся обстоятельствамъ для Черскаго, но не дивлюсь его научному преуспѣянію. Вы не пишите только, откуда вамъ написалъ Евгеній Яковлевичъ[1]), гдѣ онъ и чѣмъ занимается? Я бы желалъ ему лично послать благодарность за „Записки Сиб. Отдѣла". Хроника „Дѣла" составлена дѣйствительно въ Шенкурскѣ Серафимомъ. Это былъ даже для меня сюрпризъ, я не зналъ, что онъ посвятилъ столько вниманія Востоку, такъ какъ онъ въ послѣднее время слишкомъ далекъ отъ его мыслей. Это уже, вѣрно, вліяніе вашего возвращенія въ лоно жизни. Благодаримъ и за то малое, чего насъ удостоили въ средѣ другихъ работъ. Ваше замѣчаніе насчетъ выработки типовъ въ родѣ Лоскутовыхъ и Любимовыхъ, какъ всегда—мѣтко. Въ моихъ статьяхъ упомянуто было объ этомъ, но слишкомъ обще. Въ моей книгѣ вы увидите нѣкоторые намеки на то, какъ эксплоатація портитъ самихъ эксплоататоровъ. Въ „Этапѣ" („Отечественныхъ записокъ") я посвятилъ конецъ этому, который былъ вырѣзанъ редакціей, но который я вновь реставрировалъ и послалъ Шигину. Ежели буду писать когда „О культурѣ на Востокѣ"—согласно тому плану, какой былъ начертанъ для „Азіатскаго Вѣстника", то именно занесу, какъ завоеватели и начальники штрафной колонизаціи или мыслители объ этомъ переносили свои завоевательные и штрафные взгляды на гражданское населеніе. Любопытно, какъ иногда пригожались и приноравливались эти типы въ общемъ ходѣ вещей. Одинъ мой знакомый привелъ прекрасный примѣръ, какъ нѣкоторые Kaufmann'ы (купцы), торгуя въ башкирскихъ степяхъ съ тою же политикою и воззрѣніями, могутъ съ успѣхомъ явиться при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ на западныхъ окраинахъ Европы, и наоборотъ. Воинственная Средняя Азія—превосходный разсадникъ торговой политики на Востокѣ, которая можетъ примѣняться и пригодится со временемъ въ другихъ мѣстахъ и тогда восточные купцы (Kaffmann'ы.) будутъ играть ту же роль.

Это сближеніе стоитъ сближенія по поводу томскаго водяного Sublime!

Что за пустяки вы читали о Явѣ, какой дуракъ тамъ хвалитъ голландскую политику и вообще порядокъ на Явѣ. О политикѣ голландцевъ говоритъ „Howitt: Colonisation and Christianity". 1838. Его цитируетъ Марксъ[2]) „Нѣтъ ничего характеристичнѣе воровства людей на Целебесѣ голландцами для доставленія въ Яву. Украденныхъ молодыхъ людей засаживали въ тюрьмы, подкупали начальниковъ, чтобы

---

[1]) Колосовъ (П).
[2]) Маркса обѣщали, да не шлютъ русопеты.

продавать подданныхъ и т. д. О политикѣ голландцевъ Howitt говоритъ: „Варварство и злодѣйство христіанскихъ расъ во всѣхъ странахъ свѣта и противъ всѣхъ народовъ, которыхъ они только могутъ поработить, не имѣютъ ничего подобнаго ни въ какой эрѣ всемірной исторіи, ни въ какой расѣ, какъ бы она ни была дика, малоцивилизованна и безстыдна“. Вообще порядокъ въ плантаторскихъ колоніяхъ вездѣ одинаковъ. Съ освобожденіемъ рабовъ на Ямайкѣ и на Антильскихъ островахъ англичане захватили всю землю, создали плантаторскую олигархію и даже, когда плантаторамъ представляется создать Legislative Consile, они отказываются въ пользу власти губернатора, чтобы лучше подавлять черныхъ. Вы дожидаетесь, что вамъ Географическое Общество дастъ порученіе писать „Сѣверныя окраины Китая“ и, какъ кажется, вы „не чужды“, какъ выразился одинъ пономарь въ процессѣ, „шмыгнуть въ этотъ дворъ“, т. е. подчиниться всякому выбору, для васъ сдѣланному. Но вѣдь, этакъ вы возьмете всякую китайщину, японщину и коканщину, какую вамъ ни поручатъ, отложивъ въ сторону тѣ роскошные планы по статистикѣ и географіи отечества, которые замышляли. Тогда, вѣдь, и я могу, пожалуй, перейти къ „Исторіи и статистикѣ преступленій“, что мнѣ предлагаетъ Благосвѣтловъ, а именно: стану писать тѣ индифферентные для васъ ингредіенты, какіе уподобляются сѣвернымъ жирнымъ шанежкамъ, вмѣсто нашей „говядинки“. Вы говорите—это къ лучшему и боитесь быть „Гагемейстеромъ [1]) 1872 г.“, но и я не Джонъ Стюартъ Милль, не Грей, не Джифферсный (Джефферсонъ), творецъ современной колоніальной политики, я менѣе еще могу претендовать на эту роль, чѣмъ вы на роль нѣмчуры цифрособирателя. И отчего бы вамъ не быть отечественнымъ Гагемейстеромъ, не посвящая однако этому всецѣло себя. Вы го орите о Семеновѣ,—подобный трудъ не идетъ къ нему какъ его къ намъ. Онъ—представитель всемірной и международной статистики, представитель общей науки, занятый тысячами общихъ вопросовъ, съ чего онъ посвятитъ труды свои одной мѣстности и станетъ восточнымъ патріотомъ? Возлагать это на него, все равно что не возлагать ни на кого. Другое дѣло, ежели бы вы нашли для этого молодого человѣка изъ восточной молодежи, готоваго на это.

Трудъ, статистика, конечно, не настоятельный, вамъ теперь отдаться ему нельзя, но имѣть въ будущемъ необходимо. Точно также съ мыслью о популярной географіи не разставайтесь. Одно другому не мѣшаетъ. Не отдать же и эту тему Завалишинымъ. Ежели вы „Окраинами Китая“ займетесь не надолго, для покупки себѣ диплома на свободу, то, конечно, противъ этого ничего не имѣю, но смотрите, чтобы

[1]) Чиновникъ въ Сиб., кот. составилъ статистич. описаніе Сибири по порученію Правительства. (П).

васъ не запрягли на нѣсколько лѣтъ за такую работу. Это слишкомъ. Во всякомъ случаѣ, живой мыслью о популярномъ трудѣ питайтесь. Вслѣдъ за библіографіей необходимо соединенными усиліями создать что-нибудь въ родѣ календаря или сборника научно-литературныхъ статей о Востокѣ. Юбилей 300-лѣтія къ 1 сентября 1881 года слѣдуетъ отпраздновать изданіемъ капитальныхъ работъ. (Видите, какъ я долго хочу жить, а вы меня хотите въ отставку!) О такихъ трудахъ надо подумать заранѣе. Я приготовилъ нашему библіографу письмо, но послѣ вашего отзыва, что это люди угрожающіе (и, можетъ, готовые) дать отставку старикамъ, я затруднился. Въ самомъ дѣлѣ, какъ посмотритъ еще этотъ юноша на письмо мое, можетъ быть, онъ слишкомъ уже серьезенъ, скептиченъ и ему не понравится мой страстный языкъ, мои дѣтскіе восторги по поводу его книги. Нынѣшняя молодежь, какъ я замѣчалъ, страдаетъ собачьей старостью, но я, старая собака, слишкомъ еще молодъ, юнъ. „Старая собака“, выражаясь по индійски, такимъ и умретъ. Я хотѣлъ писать К.: „вашъ трудъ первой восточной библіографіи мы примемъ съ трепетомъ и, какъ Симеоны, увидѣвшіе на рукахъ своихъ маленькаго Христа восточной литературы, подержавъ вашу книгу, успокоимся и возблагодаримъ небо. Желаю отъ всей души, чтобы вы со временемъ увидѣли развитіе литературы, которой вы полагаете камень, и чтобы вы исполнились той чистой радости, какую испытываемъ мы. Видѣть всходы новой жизни для людей, нѣсколько потерпѣвшихъ и часто, быть можетъ, рыдавшихъ въ мукахъ глубокой безнадежности, бываетъ сладко“. Что скажутъ на эти строки, можетъ быть, назовутъ юношей или докторомъ Панглосомъ? А знаете ли, кто такой Панглосъ у Вольтера? Это—Руссо. Желаю отъ всей души, чтобы юношество вышло опытнѣе, старѣе и положительнѣе умомъ и образованіемъ, но желаю, чтобы оно сохранило въ то же время кусочекъ молодого сердца.

Въ вѣкъ сомнѣнья и безвѣрья,
Въ горькій вѣкъ нашъ бытія
Возлагаю я надежды
На тебя еще, дитя.

Умирающій для міра,
Обезсиленный въ бою,
Вѣру въ родину святую
Я тебѣ передаю.

Пусть любовь моя къ отчизнѣ
Перейдетъ въ младую кровь.
Сохрани же, возлелѣй же
Эту, юноша, любовь.

Говоря языкомъ одного неизвѣстнаго вамъ поэта, вотъ что имѣю сказать я иначе.

Мысли о значеніи провинціальной литературы все-таки напишу. У меня, кромѣ того, остались отрывки отъ старыхъ библіографическихъ замѣтокъ. Souvenez-vous? На нѣкоторые вопросы я вамъ не отвѣтилъ въ прошломъ письмѣ. Руссель—Ниллуга не имѣю. Что вы знаете о немъ? Что за сочиненіе Гельвальда[1]), о которомъ вы упоминаете? Сочиненіе Амуръ и проч., стоящее 450 р., это не сочиненіе, а альбомъ фотографическихъ снимковъ въ Восточной и Западной Сибири, которое въ свою картинную галлерею мы, конечно, пріобрѣсти не можемъ. Миллера и Фишера въ Шенкурскѣ нѣтъ, за то есть вашъ любимецъ Руссо, котораго можно выслать. Шперкъ есть, пойдетъ въ слѣдующей серіи книгъ. Матерьялы къ Ист. Сиб., Красовскій, Записки Отдѣла—вамъ посланы. Надо сообщить еще газетныя новости: Синельниковъ потерянъ для Восточной Сибири, остается въ Петербургѣ. На дняхъ утверждена новая газета въ Иркутскѣ „Сибирякъ“, редакторомъ—инженеръ-капитанъ Клиндеръ (не штабсъ-ли капитанъ Ганкинъ? Впрочемъ, штабсъ-капитанъ въ другомъ мѣстѣ). Не знаю, инженеръ-капитанъ Клиндеръ какого „Сибиряка“ родитъ. Не будетъ-ли нѣчто въ родѣ „Сибирскаго Вѣстника“ и не есть ли это одинъ изъ *мертворожденныхъ* восточной журналистики? „Незнакомецъ“ Суворинъ на дняхъ сообщилъ въ фельетонѣ о слѣдующемъ разговорѣ съ Пашино предъ окончаніемъ „Азіатскаго Вѣстника“. Бросьте вы эту Азію, что она вамъ! говоритъ „Незнакомецъ“.—Помилуйте, у меня уже *два* подписчика въ Ташкентѣ! отвѣчалъ Пашино. Не правда-ли, какъ это характеризуетъ нравы петербургскихъ журналистовъ? Одинъ (подлецъ по натурѣ), говоритъ quasi—спеціалисту восточной науки: брось ты эту дрянь, пойдемъ служить по акцизу, тамъ больше дадутъ. Другой (дуракъ по уму) отвѣчаетъ: „Помилуй, у меня уже два четвертака отъ ташкентскихъ подписчиковъ“. Развѣ это не „ташкентцы“—журналисты, какими рисовалъ ихъ Щедринъ. Припоминаю я также остроты въ „Новомъ Времени“ на счетъ киргизскихъ верблюдовъ, поднимающихъ головы. Но и верблюды могутъ поднимать голову, тогда какъ люди—лѣзть въ свиное корыто. Дикіе верблюды или киргизы (синонимъ у журналиста) могутъ быть лучше иного журналиста, прохвоста безъ мѣста и призванія.

Грозныя Эвмениды и святая правда, дай мнѣ плеть на этихъ олуховъ!... Вотъ, однако она. „Посмотрите вокругъ себя, говоритъ Пророкъ. Все какъ будто на ходу. Вы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія... *нѣтъ ничего, что бы привязывало, что бы пробуждало ваше сочувствіе, расположеніе, нѣтъ*

---

[1]) Этнографъ нѣмецкій (П.).

ничего постояннаго, непремѣннаго, все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. *Дома вы будто на постоѣ,* въ семействахъ, какъ чужіе, *въ городахъ*—какъ будто *кочуете* и даже *больше* чѣмъ племена, блуждающія по дикимъ степямъ (киргизы?), потому что эти племена *привязанные* къ своимъ пустынямъ, чѣмъ вы къ вашимъ городамъ. Не воображайте, чтобы эти замѣчанія были ничтожныя. Бѣдные, неужели вы къ прочимъ вашимъ несчастіямъ должны прибавить еще новое несчастіе—ложнаго о себѣ понятія"... Вотъ вамъ приговоръ, приговоръ лучшаго философа-историка. См. знаменитое письмо Чаадаева. Эти черты блуждающей интеллигенціи видны вездѣ--и въ литературѣ, и въ прогрессивной молодежи.

Изъ другихъ новостей сообщено тамъ же сплетничающимъ Суворинымъ, что Благосвѣтловъ на наши деньги купилъ себѣ домъ и отдѣлываетъ его великолѣпно. Вѣроятно, по случаю затратъ выслалъ мнѣ только половину. Но вотъ, газеты принесли новость поважнѣе, а именно, предполагается законъ для предупрежденія раздробленія собственности, нѣчто вродѣ майоратовъ. Есть извѣстіе изъ „Голоса", что для облегченія ссыльныхъ по суду и административныхъ въ отдѣльныя мѣстности, будутъ назначены сроки, послѣ которыхъ можно будетъ выѣзжать на извѣстную дистанцію. Другіе слухи сообщаютъ, что всѣ поднадзорные—не уголовные, не мазурики,--будутъ назначены въ здѣшней губерніи[1]) и отданы подъ надзоръ спеціальнаго начальства, которому поручено будетъ слѣдить за словомъ ихъ и за мыслью. Конечно, можно предполагать, что надзоръ будетъ усиленъ. Это облегченіе вѣрнѣе. При приближеніи этого блаженнаго времени извѣщу. Насчетъ воззрѣній на общину пришлось бы писать особый трактатъ, такъ этотъ вопросъ обширенъ. Но ограничусь слѣдующими отвѣтами. Вы не полагаете, что она разлагается. Вы говорите, что ей угрожаетъ дезорганизація, но причины этого внѣ общины, а не внутри ея. Это не совсѣмъ такъ, кромѣ внѣшнихъ причинъ, предполагающихъ особую силу, каждой патріархальной общинѣ, какъ можно судить по историческимъ примѣрамъ общины индѣйской, древне-германской и другихъ, угрожаетъ дезорганизація внутренняя и переходъ ея къ анархіи индивидуальной, къ борьбѣ интересовъ и къ преобладанію богатыхъ. Такой переходъ обусловленъ развитіемъ дальнѣйшей экономической жизни общины, когда съ накопленіемъ нѣкотораго богатства, съ явленіемъ торговли, является и неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. Постепенно въ патріархальной общинѣ образуются міроѣды, ростовщики, дающіе хлѣбъ въ займы; эти господа закабаляютъ часть населенія, и вотъ, уже патріархальный порядокъ нарушенъ. Далѣе, съ избыткомъ

---

[1]) Не придется ли и вамъ переѣхать для собесѣдованій.

населенія, община, ни мало не совершенствующая своего хозяйства, сладить не можетъ и выдѣляетъ пролетаріатъ въ отхожіе промыслы. Кромѣ того, при первой нуждѣ въ землѣ, когда ею приходится дорожить, въ самой общинѣ являются неправильные передѣлы по семьямъ. Тяготѣніе богатыхъ обнаруживается и здѣсь. При передѣлахъ всегда являются жертвы, и въ русской общинѣ фактовъ такихъ достаточно. Въ здѣшнемъ уѣздѣ, мнѣ сказывалъ посредникъ, есть община, гдѣ до 40 семей крестьянъ изъ 300 остались, при передѣлѣ общинными участками, почти обреченными на вымираніе при недостаткѣ земли. И такъ, вѣроятно, вездѣ, гдѣ ничинаетъ чувствоваться недостатокъ въ землѣ. Вообще, кромѣ распредѣленія земель поровну и примѣненія помочи, патріархальная община не пошла далѣе въ экономической кооперації, а потому при малѣйшемъ, неравномѣрномъ распредѣленіи накопляемаго имущества и богатства она ближе къ индивидуализму, чѣмъ къ чему либо другому. Народъ невѣжественный ничего не могъ изобрѣсти противъ могущества проникающаго сюда капитала. Въ то время, когда около той же общины изъ выдѣленнаго избытка въ городахъ начала складываться капиталистическая промышленность, общинѣ стало удержаться еще труднѣе. Торговля и крупная промышленность стала въ союзъ съ міроѣдами, и противъ общины, и противъ труда образовался заговоръ еще сильнѣйшій. И такъ, вслѣдствіе неумѣнья пособиться съ избыткомъ населенія, съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ, въ силу неспособности при невѣжествѣ бороться съ капиталомъ и развивать вообще въ хозяйствѣ кооперативное начало, при новыхъ историческихъ условіяхъ, патріархальный союзъ слабѣлъ, а индивидуальное капиталистическое хозяйство и промышленность крѣпли. Въ заключеніе, при умственномъ и нравственномъ неразвитіи, эгоистическія побужденія брали скорѣе верхъ, и потому чувство ассоціаціи, державшееся въ первое время при незатруднительныхъ условіяхъ кое какъ, при дурномъ положеніи подавлялось враждою; въ этой патріархальной общинѣ ссора и вражда между семействами даже, можетъ быть, чаще и больше въ смыслѣ личныхъ столкновеній, чѣмъ въ обществѣ, перешедшемъ къ цивилизованному индивидуализму, гдѣ, не спорю, война болѣе организованная и утонченная все-таки продолжается. Одно—фактъ несомнѣнный, что патріархальная община не обладаетъ той гармоніей интересовъ, какіе предполагали, и другое еще несомнѣнно, что въ Европѣ и Азіи до сего времени сама своими силами община не могла сохраниться и разложилась въ силу человѣческаго стремленія къ накопленію богатствъ и индивидуализму[1]); гдѣ она

[1]) Эти мнѣнія теперь уже наслѣдіе, кажется, науки по крайней мѣрѣ новѣйшія изслѣдованія доказываютъ болѣе эту истину. Рекомендую книгу: „Village Communities“, „Henry Main“, также статьи Лаврова (Кедрова) въ „Дѣлѣ“ по поводу этой книги за нынѣшній годъ.

не падала жертвою своихъ богачей, тамъ ее разлагали и уничтожали силы, выдѣлившіяся изъ нея въ города, составившія государство и воинственный или аристократическій элементъ. Община могла бы или сохраниться, или перейти къ лучшимъ формамъ. Сохраниться въ чистомъ видѣ, когда кругомъ потребности въ индивидуальномъ накопленіи и промышленности возрастали, было невозможно. Перейти къ лучшимъ формамъ—надо было знаніе и способность бороться противъ всякихъ поползновеній индивидуализма, но индивидуализмъ имѣлъ и хорошія стороны: развитіе личности и ея свободу; онъ былъ обольстителенъ; наконецъ, чтобы бороться съ нимъ и ограничить его, надо было знать его, а первобытные люди не знаютъ. Итакъ, что намъ дала наука, то для общины долженъ былъ сдѣлать опытъ, опытъ былъ столь тяжелый, что она разрушилась. Ежели историческій законъ поступалъ такъ со всѣми общинами, то не понимаю, почему русская община будетъ составлять исключеніе, ежели только она не будетъ поддерживаться особыми покровительственными мѣрами. Но кто же будетъ покровительствовать ей,—городской, государственный, индивидуальный элементъ, или элементъ высшихъ сословій, который, въ силу историческаго закона и собственныхъ интересовъ, призванъ разлагать ее? Сомнительно. Надо, стало быть, научить общину поддержать отъ разложенія внутренняго и внѣшняго то, что осталось въ ней хорошаго и дать новыя формы; но кто это сдѣлаетъ? Интеллигенція? Но направленіе развитія интеллигенціи и ея служеніе опять не совершается по прихоти, оно во всѣхъ обществахъ подлежитъ извѣстному закону развитія. Что можетъ сдѣлать интеллигенція, мы поговоримъ еще. А покуда отвѣтьте: „Община не только на Востокѣ, но даже здѣсь находится въ *прогрессирующемъ состояніи* (?!!); она усложняется, сплачивается и развивается по мѣрѣ уменьшенія земель“. Это—ваши слова. Въ высшей степени было бы любопытно знать факты по этому поводу. Есть-ли это ваше предчувствіе или индуктивный выводъ? Объ этомъ сказать просятъ васъ наши позитивисты—философы; наши раздѣляютъ со мной мнѣніе о разложеніи общинъ въ силу внутреннихъ причинъ, обусловленныхъ человѣческой исторіей; о внѣшнихъ причинахъ говорить не стоитъ.

Вашъ *Н. Я.*

Слѣдующее письмо понесетъ вамъ продолженіе диспута.

Вышла книга о земледѣльческихъ ассоціаціяхъ за границею, издана въ Харьковѣ. Попросите выслать вамъ ее Тахтарыча.

Есть гдѣ то во Франціи на югѣ, въ Италіи и Испаніи старыя сельскія общины, подобно нашимъ. Обѣщались мнѣ сообщить о нихъ. Передамъ, что узнаю.

Въ „Бесѣдѣ“ есть статья о тверскихъ артеляхъ, надо будетъ послать вамъ. Облюбливаете ли вы сіи земскія попытки вкупѣ съ ссудными товариществами?

Бухарецъ[1]) эмансипируется и удивляетъ своими способностями, о немъ надо особое письмо. Джиланъ-басъ[2]) видѣлъ, но не зналъ откуда, думалъ отъ русскихъ, но теперь узналъ, что изъ Индіи.

У Серафима родился ребенокъ, дѣвушка, но, къ сожалѣнію, мертвый. У меня ничего не родилось.

---

[1]) Ссыльный политическій изъ Туркестана (П).
[2]) Джиланъ-басъ—рапчина каури. (П).

Письмо XIII.

30 іюля 1872 г. Шенкурскъ.

Дорогой сэръ, только что окончивъ и отославъ обширный трактатъ о значеніи мѣстной литературы для русской жизни нашему библіографу К. (не знаю, какъ онъ его приметъ), я долженъ продолжать съ вами бесѣду объ общинѣ. Какъ это ни трудно, въ силу моей недостаточной подготовки по этому вопросу, а также за неимѣніемъ многихъ данныхъ, которыя бы желательно имѣть, но нѣкоторыя мысли приходится высказать какъ внушенныя критическимъ размышленіемъ. Нельзя сказать, чтобы я не питалъ той же вѣры дѣтскимъ сердцемъ въ русскую общину, какую питаютъ многіе, но мнѣ желательно бы было именно болѣе критическое отношеніе къ ней, чтобы уничтожить тѣ ложныя иллюзіи, которыя могутъ повредить только жизни, какъ всякая ложь и заставить со временемъ разочароваться. Крестьянская община имѣетъ, безъ сомнѣнія, много здоровыхъ элементовъ, ея стремленіе къ равенству, неиспорченная нравственность крестьянства, простота отношеній воззрѣнія на богатства природы и ихъ распредѣленіе, принципъ поземельныхъ отношеній, наклонность къ экономической солидарности, воспитаніе въ трудѣ, отсутствіе тунеядства, все это имѣетъ много привлекательнаго. Но все это сохраняется въ чистотѣ, кажется, только при патріархальномъ бытѣ, при самыхъ несложныхъ отправленіяхъ общества, въ то время, когда потребности ничтожны, когда хозяйство стоитъ на первой ступени развитія, трудъ несложенъ, обмѣнъ услугъ простъ и не требуетъ сложныхъ учетовъ, въ торговлѣ и промышленности нѣтъ необходимости, каждая семья земледѣльца все производитъ для себя, самыя служебныя повинности и обязанности еще не развились и не требуютъ подробнаго распредѣленія и выполняются кое-какъ, судъ и администрація не требуютъ размышленій, не отнимаютъ много времени, таланты не вырисовываются, такъ же, какъ и знанія, воспитаніе одинаково, всѣ знаютъ одну физическую работу, всѣ одинаково невѣжественны, сбереженія ничтожны, общихъ фондовъ не существуетъ, капиталъ не родился и не пріобрѣлъ своего значенія. Такая семья довольствуется простыми равноправными отношеніями, и самыхъ поводовъ къ личной враждѣ у ней еще мало. Но какъ только потребности расширяются, экономическія отправленія усложняются, обмѣнъ услугъ дѣлается разнообразнѣе, раздѣленіе труда вноситъ новые принципы, индивидуальныя силы болѣе разнообразятся, упражняются, личный интересъ, привязанность къ имуществу начинаютъ болѣе играть роль, является обособленіе, индивидуальное накопленіе получаетъ силу, у наиболѣе проворныхъ получается болѣе прибыли (это *проценпъ и капиталъ*, за возникновеніемъ котораго не могло услѣдить общество), тогда образуются новыя комбинаціи отно-

шеній, новыя формы жизни и прежнія патріархально-равноправныя отношенія измѣняются сообразно возрастающему неравенству имуществъ и усложняющемуся учету труда и услугъ. При переходѣ къ высшимъ формамъ хозяйства, къ ремесленной и промышленной дѣятельности, особенно къ торговлѣ, община склоняется все болѣе къ индивидуальному хозяйству, которое, наконецъ, вноситъ принципы индивидуализма и въ земледѣльческое хозяйство, разлагая прежнія формы. Богачи изъ поколѣнія въ поколѣніе пользуются обширными участками земли, взятыми у людей, ушедшихъ въ отхожіе промыслы. Богатые пользуются надѣломъ на большее число душъ. На порожнихъ земляхъ создаютъ нѣчто вродѣ собственности: заимки, образуется покручничество и т. д.

Можно привести примѣры, что съ переходомъ къ высшимъ формамъ хозяйства, съ явленіемъ новыхъ отраслей промысловъ, наконецъ, съ усложненіемъ экономической жизни, съ явленіемъ капитала и кредита община все-таки достаточно сохранила прежней солидарности интересовъ и инстинкта къ равенству, она вносила общинный принципъ труда и въ новыя формы жизни въ видѣ промышленныхъ артелей, примѣняемыхъ къ ремесленному производству и кустарной промышленности, она примѣнила принципъ общиннаго пользованія къ рыболовнымъ пескамъ, къ кедровымъ рощамъ, къ пользованію брусяными и точильными запасами (какъ на Печорѣ), она внесла сюда принципъ кооперації, какъ и въ рыбныя промысловыя артели (на берегу Бѣлаго моря, на Каспіи и т. д.). Община часто стремилась создать общественный кредитъ и ссудо-сберегательныя кассы (въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ общинахъ Архангельской губерніи общество создавало капиталы, облагая кабаки, для доставленія крестьянамъ кредита, обращали на это церковныя суммы). Община пыталась создавать и потребительныя общества и желала совершать общественныя закупки хлѣба, чтобы избавиться отъ подрядчиковъ и кулаковъ (Такая проба была на Печорѣ). Нѣкоторую наклонность къ ассоціаціи можно видѣть во многихъ промыслахъ, какъ въ смолокуренномъ при созданіи печей и ассоціаціи майдановъ.

Такія и многія другія явленія дали поводъ, вѣроятно, считать эту общину прогрессирующею въ кооперативномъ принципѣ. Но не надо забывать, что въ той же общинѣ можно на каждый изъ этихъ примѣровъ найти вдесятеро болѣе примѣровъ развитія индивидуальныхъ промышленныхъ хозяйствъ и обратнаго стремленія. Множество естественныхъ богатствъ сдаются, какъ оброчныя статьи, съ торговъ въ пользу капиталистовъ и богачей—крестьянъ. Русскія артели примѣняемыя къ ремесленнымъ и другимъ формамъ труда далеко еще не ассоціаціи. Эти артели создаются въ очень простыхъ отрасляхъ труда, гдѣ не существуетъ различія въ знаніи и умѣньи, такъ въ рыболов-

ствѣ, у каменьщиковъ, у плотниковъ, у кузнецовъ, гдѣ всѣ одинаково куютъ гвозди; но какъ только является потребность въ мастерѣ, въ техникѣ, въ организаторѣ, въ посредникѣ,—тотчасъ принципъ кооперативнаго равенства падаетъ и артель искажается, вырождается. У ней является хозяинъ, управитель въ видѣ кормчаго, получающаго большую плату въ рыболовной артели „башлыка“, мастеръ, получающій большую прибыль, подрядчикъ эксплоатирующій артель и т. д. Наконецъ, въ болѣе сложной формѣ экономическихъ операцій, гдѣ артели требуются цѣнныя орудія, капиталъ, посредничество, торговля, тамъ она совершенно подчиняется частнымъ капиталистамъ и предпринимателямъ (Нѣкоторыя рыболовныя артели на послугахъ у купцовъ, биржевыя артели, золотопромышленныя и т. д.).

Все это не говоритъ за живучесть въ ней кооперативнаго принципа, за крѣпость общины и за ея прогрессъ. Но, кромѣ артелей, въ средѣ крестьянства создается также и множество отдѣльныхъ промышленныхъ и ремесленныхъ хозяйствъ; достаточно маленькое умѣнье, знаніе, накопленіе капитала, какъ промышленникъ индивидуализируетъ хозяйство и создаетъ его на капиталистическихъ началахъ. Это стремленіе все болѣе усиливается съ переходомъ общины изъ патріархальнаго быта, съ переходомъ изъ первоначальнаго хозяйства къ высшему. Общества пытались создать общественный кредитъ, какъ я говорилъ, но эти попытки были очень слабы до тѣхъ поръ, пока не подоспѣла интеллигенція съ ссудными товариществами, напротивъ, мы видимъ какъ широко развилось ростовщичество и міроѣдство. Были инстинктивныя попытки къ общественнымъ, гуртовымъ закупкамъ, но едва ли можно представить нѣсколько ничтожныхъ примѣровъ этому, когда индивидуальное стремленіе къ торговлѣ и барышничеству охватило большинство крестьянства, напримѣръ, въ Сибири.

Такимъ образомъ, можно одно сказать, что наклонность къ индивидуальному хозяйству у крестьянъ не менѣе, чѣмъ и у другихъ сословій. Ея артельныя попытки есть традиція стараго первобытнаго равенства, но не сознательное стремленіе къ новымъ лучшимъ формамъ жизни; это инстинктъ, но столь слабый, что готовъ мгновенно разрушиться при первомъ обольщеніи яблокомъ индивидуализма, созрѣвающимъ посреди стараго рая патріархальныхъ отношеній. Старыя европейскія общества отвѣдали плодовъ этого „древа познанія добра и зла“, они пережили горькій историческій опытъ, русская община, *предоставленная себѣ*, точно также едва ли бы миновала грѣхопаденія. Для нея не созданы другіе законы природы.

Относительно способности р. крестьянской общины къ быстрому воспріятію полныхъ кооперативныхъ началъ точно также трудно ска-

зать что-нибудь положительное. Упругость духа индивидуализма, начавшаго уже свою историческую миссію въ человѣческой природѣ, едва ли здѣсь менѣе, чѣмъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Казалось бы, что при общинномъ владѣніи землей, при патріархальномъ равенствѣ, при нѣкоторыхъ задачахъ солидарности переходъ къ новымъ формамъ вотъ-вотъ рукой подать. Но не то можетъ показать опытъ и практическая жизнь. Думалъ ли кто о могущихъ встрѣтиться препятствіяхъ, имѣемъ ли право, не сдѣлавши опыта, не изучивши характера крестьянской жизни, его духа и наклонностей со всею тщательностью, судить объ этомъ?

Но вотъ вамъ примѣръ, какъ можетъ быть близокъ переходъ отъ формы къ формѣ и въ то же время, какъ онъ можетъ быть отдаленъ. Въ южномъ уѣздѣ Архангельской губерніи существовали при удѣльномъ управленіи крестьянами „общественныя запашки“ (ассоціаціи). Общественныя запашки на памяти крестьянъ приносили превосходнѣйшіе урожаи, хлѣбъ съ нихъ шелъ въ хлѣбные магазины, а часть излишняя продавалась: изъ суммъ хлѣбнаго капитала созданы были банки, настроены превосходные дома для Волостн. Правлен., станціи, каменные магазины; общественная запашка имѣла свою организацію, хотя и регламентировалась чиновничествомъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ земли „общественной запашки“ перешли къ обществамъ и что же они? не воспользовались нимало урокомъ и обратили эти земли въ частную обработку. Между тѣмъ особые почвенныя и климатическія условія показываютъ несомнѣнную выгоду такихъ запашекъ и даже ихъ необходимость. Но самые умные крестьяне, сознающіе даже пользу такой земледѣльческой ассоціаціи, утверждаютъ, что переходъ къ ней невозможенъ въ силу индивидуальныхъ наклонностей къ хозяйству, въ силу обособленія и ссоръ, какія разъѣдаютъ крестьянскую общину. На первомъ шагѣ, говорятъ, даже встрѣтятся громадныя препятствія и крестьяне ни за что другъ другу не повѣрятъ, не повѣрятъ и организатору; о равенствѣ раздѣленія продукта и объ учетѣ труда съ лошадьми и удобреніемъ они и постигнуть не могутъ. Когда я спросилъ о солидарности интересовъ, то солидарности, увы! очень мало во всякой общинѣ. Въ семействахъ даже болѣе вражды и ссоры между родственниками, чѣмъ между чужими[1]). Чѣмъ ближе эти общественники сталкиваются въ своихъ интересахъ, тѣмъ больше грызутся, вопросъ объ интенсивности труда—вопросъ спорный въ се-

[1]) На Рейнѣ существуютъ два замка и между ними воздвигнута громаднѣйшая каменная стѣна, выше башенъ, это, говорятъ, воспоминаніе о взаимной любви двухъ братьевъ, которые такъ любили другъ друга, что не могли другъ друга видѣть. Въ живописной мѣстности около Шепкурска есть домъ съ прекрасными полями, въ одной половинѣ живетъ богатый братъ, въ другой бѣдный съ такою же привязанностью, какъ рейнскіе братья. Я знаю множество подобныхъ примѣровъ и ссоры семей у крестьянъ постоянны, это значительныя препятствія.

мействѣ. Малѣйшее неравенство имущества полагаетъ между ними уже бездну. Въ общинѣ бездна обиженныхъ и эксплоатируемыхъ, точно такъ же, какъ и бездна враждующихъ, жалобы на несправедливость передѣловъ постоянны. Когда начали слѣдить за лѣсными порубками, вошедшими здѣсь въ обычай, то общественники—первые доносчики другъ на друга, несмотря на то, что, взявши лѣса въ охраненіе со своими сторожами, могли бы создать извѣстную солидарность. Итакъ, рознь интересовъ и теперь необыкновенно сильна, и пришлось бы преодолѣвать громадныя препятствія для земледѣльческой ассоціаціи. Кромѣ того, предусмотрительность такъ слаба, какъ вообще у дикарей, что многіе готовы уничтожить общественные магазины, хотя они пользуются ими ежегодно половину зимы, и голодъ часто угрожаетъ. Банки, устроенные на старыхъ началахъ, быстро расхищены. Все это показываетъ, что для воспитанія крестьянства, кажется, потребуется столько же труда, сколько и для другихъ сословій, а крестьянская идиллія требуетъ еще повѣрки.

Но, кромѣ внутреннихъ причинъ, разъѣдающихъ общину и ведущихъ ее къ индивидуализму и розни, посмотрите, сколько еще внѣшнихъ вліяній, способствующихъ ея разложенію. Городской элементъ, съ своимъ индивидуальнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, подчинилъ деревню себѣ и своимъ интересамъ. Городскіе скупщики и торговцы создаютъ скупщиковъ сельскихъ, товары распредѣляются гуртовыми торговцами между частными торговцами по деревнямъ, богачи—кулаки изъ крестьянъ—создаютъ компанію съ городскими купцами для эксплоатаціи деревни (Такая компанія недавно создалась здѣсь для эксплоатаціи деревни кабакомъ, а мірскіе приговоры о правѣ запрещать кабаки имъ послужили орудіемъ для монополіи). Здѣсь же скупщики смолы—крестьяне—связаны солидарностью съ нѣмецкими торговыми домами и выжимаютъ изъ собратій всѣ соки[1]) и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, городъ, сосредоточивъ всѣ средства капитала и знанія, давитъ на деревню всею силою и пропагандируетъ индивидуалистическіе принципы и осуществляетъ здѣсь капиталистическое хозяйство съ неимовѣрною силою и стремительностью. Кромѣ того, общинѣ предвидится разрушеніе въ силу права выкупа надѣла; у государственныхъ, какъ и у помѣщичьихъ, выкупъ этотъ начинаетъ совершаться и маленькія препятствія общинъ падутъ въ прахъ предъ общею мѣрою.

Общественная связь также слаба въ дѣлѣ общиннаго управленія и суда, и постоянно будетъ падать въ силу централизаціонныхъ мѣ-

[1]) Эти скупщики по интересамъ ближе въ англичанамъ, чѣмъ къ своимъ обществennикамъ, и не даромъ одинъ изъ нихъ величалъ себя „великобританскимъ подданнымъ“. Вотъ продуктъ всемірной капиталистической системы.

ропріятій. Кромѣ того, при неразвитіи крестьянъ, эта администрація и судъ крайне плохи; плохое примѣненіе суда дискредитируетъ его въ глазахъ общины. Крестьяне предпочитаютъ итти къ мировому, и общественные приговоры и право суда съ розгой общины только еще поддерживается законодательствомъ. Итакъ, въ политическомъ отношеніи дезорганизація полная.

Припомнимъ, что даже тамъ, гдѣ общинное самоуправленіе сохранилось (въ Швейцаріи и С.-Америкѣ), и тамъ экономическая солидарность уничтожилась, что же сказать объ общинѣ, поставленной въ двойныя неблагопріятныя условія. Все, такимъ образомъ, угрожаетъ разложеніемъ этой общинѣ, на неё устремлены масса причинъ внѣшнихъ, какъ и масса причинъ внутреннихъ. Первыя зависятъ отъ вліянія элемента городского и государственнаго, вторыя отъ неумѣнья удержать и примѣнить старые принципы къ новымъ формамъ хозяйства и зарождающійся инстинктъ индивидуализма. И неужели можно думать, что этотъ древній ковчегъ устоитъ противъ такихъ волнъ. Не придетъ ли на мысль, что Европа, оканчивающая періодъ индивидуализма, можетъ быть, ближе стоитъ къ осуществленію новыхъ формъ, въ силу особенно благопріятныхъ внѣшнихъ условій и начинающагося сознанія внутри массъ, чѣмъ наша община, не отличающаяся благопріятными условіями какъ въ томъ, такъ въ другомъ. По крайней мѣрѣ, наученный опытомъ западный рабочій не быстрѣе ли воспримetъ новыя формы цивилизаціи, чѣмъ неискушенный и обольщаемый вновѣ вліяніемъ индивидуализма нашъ общинникъ.

Правда, община съ ея принципомъ землевладѣнія, съ традиціей крѣпко сроднившейся солидарности, можетъ представить при благопріятныхъ обстоятельствахъ болѣе удобный переходъ. Но гдѣ эти благопріятныя обстоятельства? Правда, доктрины европейской жизни и движеніе цивилизаціи не могутъ не повліять на ускореніе перехода русской жизни къ лучшимъ формамъ; русской исторической жизни не потребуется дорабатываться своими силами, къ чему пришла Европа, ей остается только взять и привить лучшее, но для этого нужны особые проводники въ народъ идей, особые направители его дѣятельности.

Понятно, что эту роль должна выполнить интеллигенція, но въ такихъ ли условіяхъ она находится теперь, захочетъ ли она взять на себя эту задачу и можно ли по произволу ее направить къ такой дѣятельности?.

Мы видимъ по историческому примѣру, что возникновеніе интеллигенціи, ея роль, служеніе и направленіе обусловлено особыми обстоятельствами и историческими законами. Интеллигенція эта выходитъ

изъ высшихъ слоевъ, отдѣльныхъ отъ крестьянства, ея служеніе обусловлено ея принадлежностью къ извѣстному классу, значительная часть этой интеллигенціи будетъ служить своему сословному интересу, другая изъ-за хлѣба отдается туда, гдѣ ей представляются выгоды, останется очень ничтожная часть, которая захочетъ помочь народу и отдаться интересамъ другого четвертаго сословія. При томъ важно будетъ еще направленіе этой части, ея мнѣнія и убѣжденія, которыя могутъ отвлекать ихъ отъ крестьянскихъ интересовъ.

Замѣчательно, между прочимъ, что наша молодая интеллигенція отклоняется болѣе къ рабочему вопросу, на почвѣ фабричной, подобно з. европейскому направленію, но мало расположена къ вопросу крестьянскому и земледѣльческому. Крестьянство наше ею нимало не изучается, кромѣ того, интеллигенція, по своей склонности къ городской и столичной жизни, и не думаетъ отдать свою дѣятельность крестьянству.

Итакъ, при настоящихъ условіяхъ, на нее нѣтъ никакой надежды, чтобы она помогла крестьянству и общинѣ. Жизнь и обстановка образованнаго сословія слишкомъ разнятся, чтобы примирить его съ крестьянскою средою. Кромѣ того, наша интеллигенція ничѣмъ не связана съ народомъ, у ней нѣтъ еще почвы, на которой бы она могла сойтись съ нимъ. Въ теоріи, въ задачахъ, въ идеалахъ она очень отвлеченна, ея мечты обширны, но практическая дѣятельность ничтожна и неосуществима, ея взгляды носятъ централизаторскую подкладку, все сводится къ одному плану, къ одной мѣрѣ, выходящей изъ центра, но никто не думаетъ заняться воспитаніемъ народа, между тѣмъ, какъ только въ этомъ воспитаніи лежитъ прочность учрежденій и сила реформы.

Наша интеллигенція заимствовала централизаторскія теоріи французскихъ реформаторовъ и носится съ ними, несмотря на то, что жизнь опровергла этотъ идеализмъ. Она ищетъ силы внѣ народа, а не въ народѣ. До сихъ поръ люди наклонны отыскивать философскій камень и жизненный элексиръ въ политикѣ, какъ и въ алхиміи, могущій разомъ преобразить жизнь народовъ. Но эта жизнь преобразуется не разомъ, для этого нужна долгая подготовка и воспринятіе идей въ массахъ. Золотыя мечты лелѣются молодежью только въ своей средѣ, но далеко не идутъ. Любовь къ народу остается на словахъ, и никто не примирится съ скромной практической дѣятельностью, можетъ быть, крайне ничтожною въ первое время у мужичества или даже въ провинціи. Кто промѣняетъ трибуну адвоката, славу журналиста, блескъ профессуры, карьеру либеральнаго администратора и просвѣщенную жизнь столицъ, на тихую, бѣдную жизнь деревни? Найдется

ли много такихъ гражданъ изъ всей либеральничающей интеллигенціи?.. Но даже, ежели бы и какими нибудь сверхъестественными силами обратилась наша интеллигенція на помощь крестьянству и общинѣ, то велики ли ея силы, великъ ли ея кругъ, много ли она принесетъ пользы въ то время, когда одно предписанье, одна мѣра, какъ право выкупа, можетъ болѣе разрушить общинный складъ, чѣмъ усилія всей интеллигенціи удержать его.

Наконецъ, еще вопросъ, выгодно ли будетъ распредѣленіе интеллигенціи въ крестьянской общинѣ и что станется тогда съ литературою, съ журналистикою, съ наукою, съ цѣлымъ строемъ лучшихъ политическихъ учрежденій, имѣющихъ несомнѣнную пользу и вліяніе на жизнь того же народа. Не значитъ ли это отнять лучшихъ защитниковъ народа въ высшихъ сферахъ и оставить его на жертву реакціи? Не полезнѣе ли эта интеллигенція на своихъ мѣстахъ—въ областныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ,—въ литературѣ, наукѣ, выполняющая свое призваніе облегчить народное положеніе при status quo. Итакъ, какъ ни смотри, но интеллигенція, при существующихъ условіяхъ неспособна и ей нельзя оставлять своего поста. Ей остается только изучить бытъ крестьянства (за что она, сказать кстати, еще не принималась, кромѣ нѣмца Гакстгаузена, нѣтъ представителей въ изслѣдованіи объ общинѣ), формулировать его потребности и подготовлять почву для такой интеллигенціи, которая будетъ способна отдать силы народу и стать въ его средѣ.

Что касается явленія крестьянской интеллигенціи изъ самихъ общинъ, то такая интеллигенція представляется развѣ въ очень далекомъ будущемъ. Распредѣленіе образованія въ обществѣ едва ли скоро измѣнитъ свои обыкновенные историческіе пути. По всей вѣроятности, образованіе долго еще будетъ распредѣляться въ средѣ высшихъ сословій и богачей, только постепенно дѣлаясь достояніемъ средняго класса (tiers'-état) и, въ заключеніе, массы.

Только съ реформою, основанной на повсемѣстной грамотности и доступомъ образованія, на самыхъ легкихъ условіяхъ, массамъ, предвидится возникновеніе интеллигенціи изъ крестьянства. Но для этого, я говорю, необходимо особенное покровительство государства, равносильное и даже большее, чѣмъ предполагавшееся покровительство кооперативному началу. Частныя усилія едва ли много сдѣлаютъ къ созданію такой интеллигенціи, попытки къ сближенію съ народомъ при существующихъ условіяхъ потерпятъ, по всей вѣроятности, крушеніе.

Итакъ, остается ограничиться подготовленіемъ почвы, т. е. изученіемъ народа, его обстановки, накопленіемъ матеріала, знаній и содѣй-

ствіемъ реформамъ, имѣющимъ въ виду непосредственно интересы массъ и крестьянства. Областная дѣятельность въ этомъ случаѣ должна предпочитаться центральной, такъ же какъ и въ дѣлѣ воспитанія народа. На общинные и областные интересы, какъ на корень народной жизни, должно быть болѣе сосредоточено вниманія. Что касается скорости перехода народной жизни къ новымъ формамъ и новому экономическому порядку, то здѣсь является новый вопросъ, выдвигаемый наукой а именно: „какимъ путемъ совершится экономическая реформа?“ Нынѣ признается уже, что экономическое развитіе стоитъ въ зависимости отъ развитія формъ политическихъ.

Только при извѣстныхъ политическихъ формахъ можетъ быть достигнутъ лучшій экономическій порядокъ и самое развитіе народа до пониманія этихъ формъ. Доселѣ кооперативные реформаторы совершенно игнорировали политическіе вопросы и не придавали имъ никакого значенія. Для нихъ вопросъ экономическій былъ все, и въ теоріи обусловливалъ политическій строй. Какой-нибудь Пьеръ-Леру и Фурье, С. Симонъ мечтали осуществить экономическіе принципы при всякой формѣ общества, несмотря на политическія условія его существованія. Но практика и жизнь скоро показали эту несовмѣстность. Реформаторы, увлекшись созданіемъ плана и создавши его довольно связно, забыли одно—историческую жизнь и дѣйствительность со всѣми ея препятствіями. Къ такимъ утопистамъ и систематикамъ старой школы принадлежалъ и Луи-Бланъ. Онъ создалъ систему и думалъ, что она разомъ привьется, устранивъ всѣ существующія формы, всѣ политическіе вопросы, онъ игнорировалъ воспитаніе народа и историческую послѣдовательность. Пьеръ-Жакъ поэтому справедливо замѣтилъ ему, что за вопросомъ „что создавать“, за идеаломъ, слѣдуетъ несравненно болѣе сложный вопросъ „какъ достигнуть, какъ осуществить этотъ идеалъ“. Идеалы экономистовъ извѣстнаго закала были очень общи, но при ихъ осуществленіи явится бездна второстепенныхъ вопросовъ, нимало не разрѣшенныхъ, вопросы, не рѣшенные еще политическою экономіею, какъ наукою, на этихъ вопросахъ остановятся практика и жизнь и прежде чѣмъ не разработаетъ, не разрѣшитъ ихъ,—не дойдетъ и до идеала. Въ представителяхъ новой школы кооперативнаго принципа явилось болѣе позитивизма, болѣе изученія исторіи практической жизни, они начали создавать кооперативный принципъ не на мечтаніяхъ, а на законахъ науки.

Представителями новой школы явились Пьеръ-Жакъ, Фердинандъ Л.[1]), Марксъ, Бебель и другіе. Кооператисты позднѣйшаго времени поняли связь экономическаго вопроса, съ историческимъ и политическимъ. День ото дня лучшіе экономисты болѣе обращаются къ этимъ

[1]) Лассаль.

вопросамъ и сближаютъ ихъ съ экономическими. Политика и постепенная дѣятельность Фердинанда Л. отличалась уже рѣзко отъ Луибланизма и его пріемовъ, у него была въ виду политическая реформа. Пьеръ-Жакъ имѣлъ идеалъ въ федерализмѣ. Марксъ придаетъ громадное значеніе историческимъ моментамъ и эпохамъ съ ихъ формами, обусловленными жизнью народа и его сознаніемъ. Онъ говоритъ, что можно помогать въ родахъ исторической жизни, но не передѣлывать ея. Международные европейскіе съѣзды соціальныхъ и особенно экономическихъ наукъ въ послѣдніе 4 года пришли къ сознанію затронуть другіе вопросы, кромѣ экономическихъ, для достиженія лучшаго экономическаго порядка (Этой разработкѣ вопроса посвящалъ себя органъ Нов. Экономистовъ „Tageblatt“ и другіе). Кромѣ историческаго значенія политическаго вопроса, онъ самъ себѣ составилъ цѣль и требуетъ созданія формы, согласной съ здравыми принципами новой политической экономіи. Форму эту предугадалъ Пьеръ-Жакъ въ principe fédératif. Въ послѣднее время часть ученыхъ, преданныхъ рабочему вопросу, указываетъ эту же форму.

Идеаломъ европейскаго прогресса является также форма staat'a впослѣдствіи могутъ выработаться федераціи государствъ, всемірная федерація, но переходъ отъ ячейки общины къ области и государству съ различными конституціонными функціями и предметами вѣдомствъ, свойственными каждой группѣ и единицѣ, останется тотъ же, какъ и теперь въ лучшихъ государствахъ съ selfgovernment'омъ. Безъ сомнѣнія, только для этихъ политическихъ формъ потребуется нѣкоторое приноровленіе и патронажъ экономическому принципу. Во всякомъ случаѣ, политическія учрежденія у насъ будутъ развиваться особо, а экономическія особо[1]). Такое отдѣльное развитіе политическихъ и экономическихъ вопросовъ обусловлено, кромѣ того, исторіей. Политическіе вопросы болѣе выяснены, чѣмъ экономическіе, и доступнѣе массѣ; всѣ они формулированы и при малѣйшемъ начаткѣ жизни выступаютъ опредѣленно. Это можно видѣть на жизни европейскихъ націй, но, конечно, не у насъ. Несомнѣнно при томъ, что такіе принципы, какъ свобода прессы, сходокъ, Habeas corpus, Selfgovernment не могутъ не имѣть значенія для народа. Воспитаніе въ нихъ имѣетъ значеніе для цивилизаціи и человѣческаго счастія. Отрицать этого нельзя, какъ дѣлали это старые кооператисты. Итакъ, переходъ къ экономическимъ идеаламъ не вытѣсняетъ вопросовъ политико-конституціон-

---

[1]) Слѣды этого можно видѣть и теперь: наравнѣ съ принципомъ самоуправленія, съ развитіемъ суда, мѣстной представительной администраціи и т. д. идутъ учрежденія экономическія: ссудныя товарищества, артели и т. п. За границей съ идеями парламентскими и съ вопросомъ объ уничтоженіи верхней палаты въ Англіи, съ децентрализаціоннымъ вопросомъ въ Швейцаріи идетъ борьба за рабочій день, за право ассоціаціи и т. д.

ныхъ. Въ нихъ приходится сдѣлать только маленькое измѣненіе, перестановку. Въ соціальной наукѣ, какъ и въ жизни, поэтому продолжаетъ существовать вопросъ о юридическихъ правахъ общины отдѣльно отъ правъ кантона, штата, вопросъ штата отъ государства, и они дѣлятся попрежнему на предметы вѣдомствъ и по разрядамъ представительства.

Вопросъ областной поэтому живъ и здоровъ, онъ не упразднился, какъ указываетъ теченіе дѣлъ, и будетъ имѣть самостоятельное значеніе, независимо отъ общиннаго, который есть часть его. Я вижу одно, что кооператисты стали практичнѣе и послѣдовательнѣе; на помощь кооператистскому ученью явились исторія и политическій опытъ Отрицать все государственное право, всѣ юридическія отношенія (въ смыслѣ не экономическихъ) едва ли нужно, такъ же, какъ и строить новое государственное или общинное право, сообразно плану Луи-Блановскихъ консосіацій. Луи-Бланизмъ умеръ вмѣстѣ съ его творцомъ, прислуживающимъ нынѣ Тьеру, доктрина, внесшая частичку свѣта, стала нынѣ консервативной и кончила служеніе, она стала непрактичной, такъ же, какъ ея централизаторская государственная подкладка. Она осталась въ сторонѣ, какъ ея родоначальники—с. симонизмъ и фурьеризмъ, мечтавшіе о томъ же единствѣ и коалиціи общинъ, основанныхъ на нравственномъ принципѣ внѣ политическихъ вопросовъ.

Экономическій вопросъ опередилъ эту теорію и слился съ вопросомъ политическимъ, но опять, повторяю, не игнорировалъ его. Четвертое сословіе нашло себѣ политическую форму, какъ выразилась одна современная брошюра по поводу одного пережитаго недавно кризиса. Можно сказать только одно, что европейскія партіи въ нѣкоторыхъ странахъ неудачно еще прилагаютъ этотъ принципъ федерализма, въ нихъ слишкомъ много еще централистическихъ предразсудковъ, какъ во Франціи, они вѣрятъ, что какая-нибудь прогрессивная партія, при помощи узурпаціи, можетъ сверху осуществить доктрину федерализма въ средѣ народа, непріученнаго къ selfgovernment'у, но послѣдній французскій экспериментъ и примѣръ историческаго развитія государствъ истинно федеральныхъ, какъ Швейцарія и С. А. Штаты, показываютъ противное. Федерализмъ развился снизу—съ общины, съ прихода township постепенно организуясь въ штаты и ихъ союзы. Здѣсь былъ ростъ органическій, историческій, корень лежалъ въ понятіяхъ народа, въ массѣ, нашедшей выраженіе своимъ инстинктамъ и желаніямъ, а не во внѣшнимъ образомъ привитыхъ доктринахъ партій централизаторовъ. По крайней мѣрѣ, къ этому меня привело изученіе исторіи государствъ централистскихъ, какъ Франція съ ея прогрессивнымъ движеніемъ и своеобразныхъ характеромъ партій и сравненіе съ ними съ американской и швейцарской жизни.

Въ виду какъ идеаловъ, такъ и хода историческаго развитія, я поэтому предполагаю, что областной вопросъ не потерялъ своего значенія, напротивъ, онъ пріобрѣлъ еще большее, точно такъ же, какъ и общинный, вопросы общинъ и кантоновъ, какъ сѣмя государственной жизни, мнѣ кажется, даже значительнѣе, чѣмъ самые смѣлые планы централистовъ à ля Луи-Бланъ. Не даромъ мужикъ Пьеръ-Жакъ былъ жестокимъ противникомъ этихъ централизаторскихъ доктринъ и утопій. Изучая его, видно, что онъ говорилъ о воспитаніи народа въ его средѣ и безъ этого воспитанія, въ самомъ широкомъ значеніи, не признавалъ обновленія жизни.

Однимъ словомъ, я склонился къ теоріи децентрализаціи во всѣхъ ея фазисахъ по стопамъ Пьеръ-Жака и старался найти ей основанія, согласно современному движенію политической науки. Я старался захватить болѣе чистыхъ водъ въ источникѣ современныхъ теорій для областного вопроса, и старался найти ему научную почву. Безъ сомнѣнія, все изложенное мною можетъ быть неполно, оно потребуетъ повѣрки, еще дальнѣйшаго изученія, но я вызванъ бы замѣчаніями моего друга, можетъ быть нечаянно или неполно выразившаго мысль о томъ, что областной вопросъ, какъ отжившій, долженъ уступить вопросу общинному въ одномъ экономическомъ смыслѣ, по плану Луи-бланистовъ, что идея федераціи также отжила, и вообще игнорированіемъ моимъ другомъ вопросовъ политическихъ. Я не виноватъ, что это profession de foi можетъ быть вышла незрѣлой, но ежели она наведетъ на новыя мысли, такъ же, какъ и антикритика общинныхъ вѣрованій, то и сіе будетъ полезно.

Оканчивая эти теоретическія разглагольствованія, я долженъ однако сказать, что я въ нихъ непреложно вѣрю. Наукѣ и практической жизни предстоитъ еще много сдѣлать указаній и измѣненій. Скажу только, что общія теоріи и какъ политическій, такъ и экономическій идеализмъ, требуетъ повѣрки, изъ міра отвлеченій вопросъ долженъ перенестись на историческую и практическую почву. Переворотъ въ постановкѣ вопросовъ совершится и въ литературѣ, отъ общаго плана переходятъ къ потребностямъ, отъ космополитическихъ вопросовъ должно перейти къ государственнымъ, мѣстнымъ и областнымъ. Наконецъ, кромѣ отвлеченныхъ задачъ, кромѣ міровыхъ историческихъ вопросовъ, намъ, людямъ обыкновеннымъ, не обладающимъ огромными знаніями и компетентностью въ разрѣшеніи историческаго процесса, предстоитъ сосредоточиться на менѣе сложныхъ и очевидныхъ вопросахъ, затрагиваемыхъ народною жизью. Такихъ настоятельныхъ практическихъ вопросовъ множество и къ нимъ принадлежитъ мѣстный областной вопросъ, получающій, но не получившій еще окончательнаго значенія съ зем-

ствомъ. Русской жизни придется натолкнуться на него, какъ и намъ. Интеллигенція русская еще мало занята имъ, она бродитъ въ туманѣ космополитическихъ теорій, но кто почувствовалъ разъ существованіе этихъ вопросовъ, кто поймалъ ихъ и кто чувствуетъ ихъ біеніе въ своихъ рукахъ, тотъ уже столкнулся съ практическою народною жизнью.

Изученіе мѣстныхъ народныхъ вопросовъ послѣ общей теоріи мнѣ кажется должно обусловить развитіе личности и ея компетентность даже въ общей теоріи. У насъ такихъ вопросовъ немало въ собственной сферѣ, которые достаточно разработать, чтобы оказать пользу и своему народу, и общей наукѣ. Мы поневолѣ сдѣлались практиками, наблюдателями и компетентными судьями въ мѣстныхъ вопросахъ, итакъ теоретикамъ придется заимствовать у насъ матерьялъ, а не намъ у нихъ гипотезы. Въ своихъ почвенныхъ вопросахъ мы можемъ оставаться твердыми и на нихъ то мы съ вами всегда сойдемся.

На дняхъ я прочиталъ нѣсколько статей по крестьянскому вопросу, а именно о надѣлѣ у государственныхъ крестьянъ, о результатахъ выкупа (статьи Елисеева, „Отеч. Записки“ 1870 г.) и пришелъ ко многимъ новымъ соображеніямъ по поводу колонизаціоннаго и эмиграціоннаго вопроса. Обратить на него вниманіе и разработать необходимо, въ виду его современнаго значенія. Законодательство о выселеніи еще въ Россіи не обработано, къ выселенію много препятствій, а жизнь вынуждаетъ или вынудитъ скоро къ выселеніямъ. Нашъ прямой интересъ развить мысль, въ виду благодѣянія переселеній на нашу почву. По этому поводу не мѣшаетъ напечатать нѣчто о законодательствѣ для переселенцевъ и патронажѣ эмиграціи за границей, также и условія осѣдлости въ новой странѣ. У меня есть матерьялъ по этому поводу изъ Легуа. Новымъ вопросомъ можетъ явиться вопросъ объ интенсивныхъ и экстенсивныхъ хозяйствахъ у переселенцевъ. До сихъ поръ при интенсивномъ хозяйствѣ люди старались захватить новую почву и, поэксплоатировавъ ее, обратиться къ новой, оттого переселенцы расползались страшно, рождались кочующія хозяйства (заимки), населеніе становилось рѣдко, оно поневолѣ довольствовалось земледѣльческимъ или охотничьимъ хозяйствомъ (низшая культура), промышленность мало имѣла шансовъ къ возникновенію, торговый и умственный обмѣнъ уничтожался (отступленіе отъ культуры). Не лучше ли было бы заселеніе путемъ общинъ и постоянной осѣдлости, и вслѣдъ за населеніемъ одного района, предоставленіе заселять другой и т. д. Тогда община спасена будетъ отъ индивидуальнаго дробленія и присвоенія заимокъ, а промышленности будетъ болѣе шансовъ къ возникновенію. Кажется это имѣлъ въ виду Уэкфильдъ. Que pensez-vous?

Просматривалъ также извѣстную статью Елисеева о производительныхъ силахъ Россіи: вопросъ о раціональной регламентаціи промышленности въ Россіи—развитъ крайне слабо. Сѣверную полосу онъ считаетъ неудобной для мануфактуръ, она должна обратиться къ земледѣлію (?) при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, а югъ, какъ производящій сырье, долженъ имѣть и фабрики. Такъ ли? Не предстоитъ ли, во-первыхъ, каждой изъ мѣстностей разрабатывать собственныя богатства и поэтому разнообразиться по заводской работѣ, а, во-вторыхъ, не предстоитъ ли сѣверной полосѣ окончательно перерабатывать то, что на югѣ обработано въ первоначальной формѣ (не въ видѣ сырья, а въ видѣ предварительныхъ заводскихъ производствъ.) Такъ югъ Сибири не долженъ ли покрыться кожевенными, салотопенными, мукомольными заводами, а сѣверная полоса высшею мануфактурою: стеариновымъ производствомъ, сапожными артелями, вермишельнымъ, бумажнымъ-древеснымъ и т. д. Примѣръ можетъ представить смолокуренный промыселъ: въ одномъ мѣстѣ выгодно только добывать смолу и пень, а въ другомъ уже изъ смолы канифоль, смазочныя и ламповое масла и т. д. На югѣ дешевле продуктъ и обмѣнъ на него, на сѣверѣ болѣе предложенія труда. Наконецъ, не очень будетъ раціонально, когда богатый югъ, сбывая на сѣверъ часть сырья, удобритъ почву при фабричномъ производствѣ и раздѣлитъ дары природы.

Изъ газетныхъ новостей забылъ написать: есть слухъ о преобразованіи Востока въ Намѣстничество. У государственныхъ крестьянъ въ Харьковской губерніи было недоразумѣніе по поводу надѣловъ, но, послѣ достодолжныхъ „внушеній“, окончилось. Крестьяне, какъ пишетъ корреспондентъ крѣпко стоятъ за общинную собственность и предвидятъ неудобства отъ выкупа частныхъ участковъ въ собственность („Петерб. Вѣдом.).—Въ Иркутскѣ Щаповъ прочелъ нѣсколько интересныхъ лекцій (4) „о развитіи человѣческой природы“. Лекціи полны историческихъ фактовъ изъ сибирской жизни, говоритъ корреспондентъ. При Географическомъ Обществѣ Сибирскаго Отдѣла было нѣсколько попытокъ читать лекціи по физическимъ наукамъ. Посылаю передѣлку стихотворенія „О пѣснѣ!“ „Завершилося твореніе. Міръ сіялъ красою полный, Но земля была уныла Въ красотѣ своей безмолвной. Въ это время въ выси неба Пѣснь-Богиня проносилась и на грудь земли съ любовью Тихо, тихо опустилась. Передъ нею степь лежала, Гдѣ пастухъ блуждалъ привольно, обезпеченный стадами, Вѣчно праздный и довольный. Беззаботно вѣкъ свой нѣжась Въ материнскомъ тихомъ лонѣ, Повѣрялъ свои онъ думы Только звѣздамъ въ небосклонѣ. Разнеслося по равнинамъ (5 и 6 куплетъ не измѣнены) Пѣснь богини новымъ звукамъ и т. д.

Проносилася богиня надъ дремучими лѣсами, Гдѣ народъ мелькалъ угрюмый Съ топорами и косами. Всюду заняты работой Люди лѣсъ съ корней валили; Топоры стучали громко, Молота тяжело били. Старъ и младъ, склонясь надъ нивой, Домогался въ потѣ хлѣба И не слышалъ за работой Звуки, льющіеся съ неба. Мукъ исполненные взоры, Изстрадавшіяся груди, Все, казалось, говорило: Не для пѣсенъ эти люди. Прилетѣвъ сюда не въ пору, Пѣснь дрожала одиноко. И богиня поднялася Надъ землей опять высоко. Улетѣвъ, она сказала (попрежнему) Лучше ли?

Послѣднему стиху съ шалашемъ ярый оппозиціонеръ Ушаровъ. Непоэтично, говоритъ, китайско-нѣмецкая философія. Теперь нѣтъ мѣста помѣщать другіе стихи. A propos, окончилъ и обработалъ: „Въ вѣкъ сомнѣнья и безвѣрья“. Пришлю. Вотъ послѣдній стихъ:

Выходи же, мой младенецъ,
Ниву жизни обнови;
И изъ гроба пусть несется
Пѣснь ликующей любви.

Слыхали ли стихъ:

Дикъ и грозенъ видъ Алтая,
Чуденъ блескъ его снѣговъ,
Тамъ страна моя родная.

(Это Хомяковъ). Тема соблазнительная. Не скучно ли вамъ? Съ этой почтой или со слѣдующей пойдетъ вамъ новый грузъ книгъ и Дарвинъ. № Сиб. Отдѣла полученъ еще и 2 остались старыхъ, вышлю. Бухарецъ посылаетъ „селямъ“ и проситъ узнать, откуда можно выписать татарскій лексиконъ и грамматику. Дѣлаетъ страшные успѣхи въ развитіи. Обѣщаетъ выйти ученымъ и публицистомъ.

Вотъ и собственный ручной поклонъ: [1])

Знаете ли киргизскую пѣсню, я хочу перевести: [2])

---

[1]) Написано нѣсколько словъ по бухарски.
[2]) Написано по киргизски.

Письмо XIV.

1872 г. 16 августа. Шенкурскъ.

Это отвѣтъ на ваше письмо отъ 22-го іюля; за моимъ письмомъ отъ 12 іюля, вы должны были получить цѣлый трактатъ объ общинѣ и другихъ предметахъ. Хотѣлъ выждать еще письма отъ васъ, но подождалъ напрасно и приходится отвѣчать, тѣмъ болѣе, что накопилось нѣсколько nouvelles изъ прочитаннаго. Отвѣчаю сначала на пункты вашего письма. Вы пишете, что „Люты дни“ пошли въ „Отечественныя Записки“; что сдѣлано, то сдѣлано. Боюсь только, что они долго продержатъ рукопись до печати, какъ сдѣлали со мной, протянули полгода. А, знаете, я, между тѣмъ, зарекомендовалъ ваши „Люты дни“ Благосвѣтлову и старался расположить его въ вашу пользу, на основаніи этого же ходатайствовалъ о высылкѣ вамъ финансовъ. Коли пришлось такъ, то посылайте ему разборъ „Сибирскаго Отдѣла“. По опыту я бы вамъ совѣтовалъ съ рукописями обратиться въ „Дѣло“, тамъ менѣе взыскательны и скорѣе напечатаютъ. „Отеч. Записки“ хотя добросовѣстны на разсчетъ, но покуда отъ нихъ дождешься толку, можно умереть съ голоду. Итакъ, на нихъ не очень то надѣйтесь, а главное, требуйте скорѣйшаго печатанія, ежели статья принята, а тотакъ въ „Дѣло“. Извѣстіе объ „Unity of Siberian people“ знаю, что напечатано въ прошломъ году, а гдѣ? № надо еще отыскать, напечатано отдѣльной замѣткой. Нельзя ли справиться въ редакціи „Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Извѣстія отъ Юліи Ардальоновны[1]) радуютъ; гдѣ ея супругъ, кѣмъ служитъ и адресъ? О журналѣ Клиндера уже читалъ, но сомнѣваюсь въ прочности журнала, не спекуляція ли опять. Пашино откликнулся въ „Петерб. Вѣдом.“, обѣщаетъ въ 1873 году издавать журналъ и объявляетъ, что прекратилъ потому, что *кто то* обѣщалъ выдавать ему по 3.000 въ мѣсяцъ, но послѣ отказалъ, недовольный выборомъ сотрудниковъ. Пашино пишетъ изъ Казани, гдѣ ловитъ вѣрно опять, кто бы далъ денегъ. Но полагаю, что плоха надежда. О брошюрѣ Бутиныхъ не слыхалъ, надо бы выписать. Въ послѣднемъ № „Петерб. Вѣдом.“ М. Бутинъ пишетъ письмо изъ Нью-Іорка, описываетъ и восторгается американскою жизнью, и, между прочимъ, говоритъ о русскихъ, составившихъ кружокъ для взаимнаго вспомоществованія, о чемъ они громко публиковали. Оказывается, у этихъ русскихъ людей, которыхъ всего наберется съ десятокъ, оказалось въ кассѣ 30 р. с. и

---

[1]) Жена И. Ѳ. Соколова, который гораздо позднѣе былъ редакторомъ „Степного Края“.

самое общество очень мизерно и убого[1]). Вообще русскіе люди въ Америкѣ играютъ жалкую роль, тамъ нужны хорошіе работники съ дюжими мускулами, а не фланеры и мелкіе авантюристы.

„Русскому мужику для эмиграціи Америка также не годится, пишетъ Бутинъ, если ему недостаетъ земли во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, то Сибирь представляетъ огромное поле для колонизаціи, а Сибирь по характеру мѣстности и внутреннему богатству имѣетъ громадное сходство съ Америкой". Вотъ что сообщаетъ нашъ соотечественникъ. Бутинъ ѣдетъ теперь въ землю мормоновъ и въ Калифорнію, по всей вѣроятности, изучать золотопромышленное хозяйство, такъ какъ онъ самъ золотопромышленникъ. Не знаю, слышали ли вы, и не писалъ ли я вамъ ранѣе, что годъ или два тому назадъ къ извѣстному сыровару Верещагину явился изъ Сибири какой то немолодой уже человѣкъ Виноградовъ, одна изъ даровитыхъ натуръ самородковъ; онъ накопилъ маленькій капиталецъ въ приказчикахъ и на пріискахъ въ Сибири и просилъ совѣтовъ у Верещагина, чтобы научиться артельному сыроваренію съ тѣмъ, чтобы примѣнить эти артели въ Сибири. Верещагинъ отрекомендовалъ ему американскій способъ, посовѣтовалъ ѣхать изучать въ Америку. Извѣстно было по американскимъ газетамъ, что Виноградовъ въ Америкѣ уже посѣтилъ главные фермы и заводы. Видно, что этотъ сынъ нашей матери увлекся также сыроваренной маніей, такъ какъ было время, когда въ сыровареніи русскіе люди ожидали спасенія отечества (кажется вѣра эта послѣ статей Энгельгарда немного поколебалась). Во всякомъ случаѣ, ежели Виноградовъ личность даровитая, то внесетъ полезную дѣятельность. Надо бы узнать въ Питерѣ о дальнѣйшей судьбѣ его. Не слыхалъ ли что Андрей Павлычъ?

Получаете ли что отъ Андрея Павлыча и отъ „библіографа"? у меня отвѣтовъ нѣтъ. Хорошо, что вы принялись за корреспонденціи, продолжайте изрѣдка. Не надо ли темъ? Вотъ одна изъ нихъ, Напишите передовую статью о значеніи и потребностяхъ провинціальной журналистики въ „Петерб. Вѣдом." Вопросъ этотъ на очереди. Напишите замѣтку о путяхъ сообщенія въ Сибири, по поводу статей Сиб. Отдѣла, вотъ вамъ уже двѣ.

Читалъ „Голосъ" на дняхъ, гдѣ помѣщено 4 передовыхъ статьи объ административной реформѣ въ Сибири, по поводу слуховъ о намѣстничествѣ (№ № 72, 73. 74, 76 замѣтки для библіографа). Кромѣ того, въ 45 № при слухахъ о намѣстничествѣ помѣщено замѣчаніе, что

---

[1]) Ранѣе конфиденціонально я узналъ, что въ Америку стали стремиться изъ моды разные русскіе люди, въ томъ числѣ уѣхали братья Добролюбовы, получившіе деньги за сочиненіе брата, братья эти менѣе удались и вышли пустыми фланерами, одинъ вошелъ секретаремъ въ „Русскомъ клубѣ въ Америкѣ".

„Голосъ“ всегда высказывался *противъ* намѣстничествъ и особаго управленія частями государства. „Съ нашей точки зрѣнія, пишетъ „Голосъ“, правительство должно постоянно стремиться къ уничтоженію административнаго разнообразія, такъ какъ такое разнообразіе клонится къ отчужденію однѣхъ мѣстностей отъ другихъ. Сверхъ того, оно порождаетъ нерѣдко первенство гражданскихъ правъ среди подданныхъ одной и той же державы, такъ же какъ и ограниченіе правъ одной части передъ другой. Примѣры—Прибалтійскій и Западный край. Что же касается уклоненій отъ общаго административнаго порядка, допускаемыхъ вслѣдствіе экономическихъ и топографическихъ условій, то правительство должно поддерживать и развивать ихъ“ (№ 72). Допуская это, „Голосъ“ находитъ намѣстничество напраснымъ, какъ обособляющее области и усложняющее административную машину.

Въ Сибири, какъ полагаютъ, во главѣ управленія поставить „лицо, по своему положенію способное сдѣлать весьма много для оживленія этого отдаленнаго и чрезвычайно богатаго края“. Оправдывается ли мѣстными потребностями такая реформа, „Голосъ“ входитъ въ подробности сибирской администраціи во всѣхъ 4 статьяхъ своихъ. Поэтому въ одной статьѣ разбирается управленіе до Сперанскаго. 2-я статья, которой, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ (за потерею 73 №), посвящена, какъ видно, реформѣ Сперанскаго и ея разбору, это просто, кажется, панегирикъ бюрократической изобрѣтательности. 3-я статья касается инородцевъ; разбирая ихъ положеніе, публицистъ приходитъ къ заключенію, „что они не составляютъ рѣшительно никакого элемента, требующаго объединенія съ коренною Россіею, въ видахъ политическихъ, и что вообще въ сибирской администраціи не только преобладаніе военныхъ началъ, но даже и присутствіе ихъ было бы совершенно излишне“ (№ 74).

Мысль о томъ, что инородцы стали мирными и требуютъ гражданскаго управленія, совершенно вѣрная. № 76 опять посвященъ функціямъ различныхъ административныхъ учрежденій, какъ Главныхъ управленій, такъ и Губернскихъ совѣтовъ. Авторъ приходитъ здѣсь, что дѣятельность „Губернскихъ совѣтовъ“, подчиненныхъ губернаторамъ, какъ особенность сибирской администраціи, едва ли не излишняя; что Губернскіе совѣты должны уничтожиться съ введеніемъ новаго суда и земства въ Сибири. Затѣмъ указывается, что необходимо опредѣлить отношенія мѣстныхъ учрежденій къ центральному управленію, при чемъ упомянуто, что назначеніе и отмѣна „Сибирскаго комитета“ не измѣняли сущности дѣла, и только. О „Главномъ управленіи“—ничего. Статьи составлены по своду законовъ и не отличаются компетентностью. Множество ненужныхъ мелочей. Изъ послѣднихъ

извѣстій видно, что Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ ѣдетъ въ Петербургъ.

Синельниковъ сильно хлопоталъ за народное образованіе въ циркулярахъ, приказывалъ губернаторамъ рекомендовать школы крестьянамъ и говорилъ, что учителей можно замѣнить учительницами изъ кончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Надо бы, собравши его циркуляры, махнуть о его дѣятельности въ „Петербургскія“ статейку и тутъ же упомянуть объ ожиданіяхъ края, дескать, ожидали и университета и т. д. Каково бы это было?.. —Въ Туркестанѣ удачно сѣется американскій хлопокъ, есть уже плантаціи.—Есть извѣстіе о Верхнеудинскѣ, отличившемся въ юбилей Петра. Забайкальскій военный губернаторъ предложилъ, черезъ господъ исправниковъ, ознаменовать какими-либо пожертвованіями юбилей. Но вдругъ, представьте себѣ, „верхнеудинскій исправникъ доноситъ, что жители не изъявили сочувствія къ подпискѣ на юбилей Петра“. За это Верхнеудинскъ преданъ гласности въ „Забайкальскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Не напоминаетъ-ли это упорство тарскихъ? Просто невѣроятно. Тутъ рекомендуютъ ознаменовать . . . а они „фыркаютъ“. О, „невѣжественные головастики“, какъ говоритъ Боборыкинъ.

Верхнеудинскъ, Верхнеудинскъ! опозорилъ ты Забайкалье. Господа Турбины, пріидите обличить его.

Вотъ другая замѣтка въ газетахъ, можетъ быть, любопытная для вашихъ будущихъ статей по поводу ссылки. Нынѣ приходитъ ежегодно въ Сибирь 12.000, распредѣляясь: 3.900 въ Тобольской губерніи, 2.000 въ Томской и 7.000 проходитъ въ Восточную Сибирь. Излишекъ 900 человѣкъ присоединяются въ Сибири изъ крѣпостей пріиртышскихъ и арестантскихъ ротъ. Изъ русскихъ центральныхъ тюремъ всѣ идутъ въ Восточную Сибирь. Не видывали ли вы арестантовъ изъ центральныхъ тюремъ и не слыхали ли о жизни тамъ. 40% смертность.

На дняхъ поглотилъ также послѣдніе журналы, между прочимъ, сборникъ „Недѣли“, „Русскіе общественные вопросы“, „Знаніе“, „Отечественныя Записки“, „Дѣло“ и т. п. Сборникъ „Недѣли“ самый капитальный, тутъ собрался цвѣтъ литературы, какой нашелся по нынѣшнимъ временамъ. „Русское общество и реформы“ написано, кажется, Гайдебуровымъ. Статья показываетъ, каково было общество до реформы 19 февраля и приводитъ мнѣніе Губернскихъ Комитетовъ по Скребницкому (извѣстный замѣчательный трудъ), въ параллель имъ приводятся нынѣшніе отзывы о податной реформѣ, о прогрессивномъ налогѣ болѣе прогрессивные. Итакъ, мы ушли впередъ, это утѣшительно. Но, прибавляетъ авторъ, не рѣшенъ еще главный вопросъ о

направленіи (Вотъ те и разъ!). Гораздо лучше статья Жохова. „Нерѣшенные вопросы крестьянскаго дѣла.“. Здѣсь подробно разбираются пункты крестьянскаго самоуправленія, судьба мировыхъ учрежденій послѣ 19 февраля, проекты о всесословной волости, о крестьянскомъ судѣ и т. д. Статья, къ сожалѣнію, неокончена. Васильчиковъ, сей россійскій вигъ, земецъ и крайне умѣренный конституціонистъ составилъ отчетъ о развитіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ. (Такія товарищества нынѣ выростаютъ даже около Шенкурска подъ руководствомъ нашего посредника). Знакомый мнѣ технологъ Шапиро помѣстилъ статью о смолокуренныхъ артеляхъ, онъ лицедѣйствовалъ и у васъ въ Вологодской губерніи, линность мелкая, либеральничающая въ русской литературѣ и отыскивавшая теплаго мѣста въ Удѣлѣ. Нѣкто Яковлевъ, пропагандистъ также ссудныхъ товариществъ въ Россіи, помѣстилъ статью „Артель и Ассоціація“. Этотъ артельщикъ Шульце—деліанскаго закала, проводилъ новую теорійку, что каждый народъ и каждая мѣстность расположены только къ извѣстной формѣ ассоціаціи. Въ Англіи, говоритъ, развивается болѣе потребительныхъ ассоціацій Cobden'скихъ, въ Германіи-ссудо-сберегательныхъ Шульце-деліанскихъ, во Франціи склонны къ производительной ассоціаціи и у насъ болѣе привились ссудо-сберегательныя кассы, а потребительныя лавочки—пали. Поэтому, говоритъ, не надо навязывать извѣстныя формы артели, а надо сообразоваться съ условіями. Мнѣніе извлечено, вѣрно, отъ какого-нибудь нѣмца. Вообще требуетъ еще критики.

Далѣе статья Флеровскаго о землевладѣніи въ Англіи. Конечно, дѣло идетъ объ Ирландіи и при чемъ, какъ всегда у этого публициста, множество фактовъ и эрудиціи для проведенія одной мысли, но отсутствіе широкой разносторонней критики, умъ сосредоточивается всегда на одной идейкѣ, онъ развиваетъ факты, но не мысль. Вещь, не рекомендующая особой даровитости. А это звѣзда теперешней литературы. Заговорилъ онъ объ общинномъ владѣніи въ Индіи, какъ доказательствѣ процвѣтанія, но фактовъ процвѣтанія и доказательствъ не привелъ, а вопросъ былъ поважнѣе избитыхъ темъ объ Ирландіи. [1]).

Далѣе, въ книгѣ слѣдуетъ шелгуновщина, цебриковщина, португаловщина, Конради и матерьялъ либеральный, но менѣе вѣскаго достоинства.

Въ „Знаніи“ есть статья „Гибель племени тасманійцевъ“; гдѣ указано вымираніе инородцевъ и истребленіе ихъ англичанами во время войнъ. Вымерли теперь всѣ до одного. Интересна только дѣя-

---

[1]) Картина проведенія землевладѣнія въ колоніяхъ, такъ и остается моею собственностью, я хватилъ бы пошире.

тельность Джорджа Робинсона, посвятившаго свою дѣятельность воспитанію тасманійцевъ; это былъ гуманный простолюдинъ-колонистъ, который хотѣлъ ихъ обратить къ цивилизаціи и мирной жизни. Онъ въ 1829 г. привелъ около 100 инородцевъ въ подданство, завѣдывалъ пріютомъ на островѣ Бріонѣ, куда ихъ переселили, потомъ такой же колоніей на островѣ Флиндерсъ, основалъ для нихъ школу и находилъ ихъ способными къ цивилизаціи, но смертность ихъ увеличивалась быстро, въ 1847 г. 44 возвращены были на родину въ Тасманію, гдѣ ихъ опекалъ Кларкъ съ женою, но они, за смертью послѣдняго, впали въ уныніе и перемерли. Послѣдній тасманецъ умеръ недавно, онъ былъ матросомъ-китоловомъ. Возмутительно было обхожденіе съ его трупомъ: сначала его скелетъ хотѣли отправить въ Лондонскій музей, но ночью кто то отрубилъ голову и подмѣнилъ, затѣмъ изъ могилы украли и трупъ. Какая страшная судьба инородца, его не оставили спокойнымъ и въ могилѣ.

Въ свои матеріалы объ инородцахъ примите Джорджа Робинсона, покровителя тасманцевъ. Это избранныя личности европейскаго племени, умѣвшія ладить съ инородцами. Таковъ же былъ извѣстный капитанъ Смитъ въ Америкѣ, біографіей котораго я зачитывался у Банкрофта, наконецъ, таковъ же былъ, кажется, Морицъ Біановскій, имѣвшій на Мадагаскарѣ огромное вліяніе на дикарей и сдѣлавшійся ихъ независимымъ королемъ; за это началъ сначала интриги, а потомъ открытую войну съ нимъ губернаторъ Иль-де-Франса и 23 мая 1786 г. Біановскій палъ отъ французской пули. Эти краткія свѣдѣнія я почерпаю изъ Revue de deux Mondes за іюль, статья L'Ile de Madagascare, Tentatif de Colonisation[1]).

Вообще относительно вымиранія инородцевъ, мнѣ кажется, надо вопросъ разсматривать болѣе разносторонне, а не съ одними рутинными обличеніями побѣдителей. Есть много естественныхъ, физическихъ и физіологическихъ и психологическихъ условій для этого, по мѣрѣ сосѣдства съ европейцами,—съ измѣненіемъ нравовъ и съ ограниченіемъ раіона земель для инородцевъ, которыя вліяютъ на нихъ фатально. Вопросъ объ ограниченіи инородческихъ земель, суженія ихъ пастбищъ и мѣстъ охоты—есть неизбѣжный вопросъ колонизаціи и цивилизаціи. Что дѣлать, ежели инородцы съ этимъ не могутъ примириться. А колонизація безъ этого немыслима. Какъ скоро колонисты поселились около инородцевъ, является неизбѣжно и распространеніе болѣзней, которыя для цивилизованнаго человѣка не такъ опасны, а для инородца смертельны,—въ нихъ самыя легкія болѣзни находятъ предрасположеніе, почву; какъ споры грибовъ, какъ ячейки инфузорій

[1]) p. 74, 75.

при извѣстныхъ условіяхъ развиваются быстрѣе, находя подходящую почву. Наконецъ, завоеваніе и неизбѣжное ограниченіе земель ведетъ при быстромъ переходѣ къ упадку хозяйства дикарей и къ голодамъ, —на Печорѣ, на Оби таковые результаты замѣтны. Наконецъ, психическія потрясенія и гнетущіе аффекты, какъ результаты завоеванія и переселенія изъ родныхъ мѣстностей въ другія, гораздо сильнѣе и смертоноснѣе вліяютъ на дикаря, чѣмъ на человѣка цивилизованнаго.

Стэнли, ѣздившій отыскивать Ливингстона, говоритъ, что онъ былъ свидѣтелемъ торга неграми въ Африкѣ: эти негры, какъ только удалялись изъ родныхъ мѣстъ и перевозились за рѣку, которая была границею ихъ отечества, впадали въ отчаяніе и страшную тоску. Нѣкоторые хватались за сердце и умирали мгновенно. Это психическій аффектъ, вызванный разлукой съ отечествомъ, о которомъ цивилизованный космополитъ не имѣетъ никакого понятія. Итакъ, естественныя причины вымиранія надо непремѣнно выдѣлить отъ насильственнаго убійства инородцевъ и отъ грубой ихъ эксплоатаціи, ведущей къ смерти. У колониста также есть неизбѣжные вопросы, отъ которыхъ онъ не можетъ отступить, это вопросъ заселенія, культуры и цивилизаціи; ежели инородецъ стоитъ въ этихъ вопросахъ поперекъ дороги и не сдается, колонистъ не виноватъ. Итакъ, подумайте-ка о вопросѣ съ точки зрѣнія колоніальной. Я полагаю, что при своемъ свѣтломъ и всестороннемъ умѣ вы не упустите этихъ[2]) естественныхъ и неизбѣжно историческихъ вопросовъ. Даже слишкомъ ненаучно валить все на одно варварство колонистовъ и побѣдителей; какъ бы оно ни было велико, но были и другія условія. Знаете ли вы статью Д-ра Соколова „О болѣзняхъ, господствующихъ въ Березовскомъ краѣ“. Арх. Суд. Медицины 1867 г., іюнь. Статья довольно всесторонняя, хорошій матерьялъ. У меня есть изъ нея выписки. Какъ видите, я строю *антитезы* по Гегелевско—Пьеръ-Жаковскому методу на всѣ колоніальные вопросы. Кажется, можно предположить, чѣмъ ниже раса, чѣмъ болѣе она закалилась въ дикарской жизни, чѣмъ ниже ея культура, тѣмъ туже прививается къ ней цивилизація и быстрѣе вымираніе. Можно сдѣлать классификацію: австралійцы, тасманцы, индѣйцы американскіе болѣе непримиримы; остяки, самоѣды, финны —среднее; негры, тюрки, киргизы, буряты—совершенно способны къ цивилизаціи. Читая статью въ іюньской книгѣ „Отеч. Записокъ“ о путешествіи въ Бразилію, и наведенный на мысль статьями о землевладѣніи, я глубоко задумался надъ судьбою испанскихъ и англійскихъ колоній. Въ ихъ первоначальныхъ естественныхъ и историческихъ условіяхъ все есть какія то загвоздки. Въ Бразиліи рабство и страшный невѣжественный фанатизмъ

[2]) По вопросу о взглядѣ Ядр. на инор. въ то время Г. Н. Потанинъ хотѣлъ дать объяснит. замѣтку.

преобладаніе духовенства. Въ Мексикѣ отсутствіе прочнаго экономическаго быта, отсутствіе земледѣльческой осѣдлости, пастушеская жизнь и невѣжество—источникъ всѣхъ безпорядковъ, въ Амер. Штатахъ и Австраліи неудавшійся поземельный вопросъ, во всѣхъ этихъ коконіяхъ рознь съ инородцами—неграми, индійцами, индѣйцами аэстралійцами, маорійцами, готтентотами—страшная. [1]) Нѣтъ ли такой колоніи, гдѣ бы съ богатыми естественными условіями, съ богатствами природы, дающей все для промышленности и земледѣлія, сочеталось, прочное осѣдлое земледѣльческое населеніе, способное болѣе къ политической гражданственности, чѣмъ мексиканцы, гдѣ бы въ то же время не были расхватаны земли, и населеніе держалось общиннаго быта, какъ въ Индіи, но было менѣе фанатично по вѣроисповѣданію, гдѣ бы были инородцы, по моей классификаціи, наиболѣе способные къ цивилизаціи и менѣе рѣзкіе по расѣ и внѣшнимъ отличіямъ, чѣмъ негры, гдѣ бы число бѣлаго населенія превосходило инородческій элементъ. Словомъ, изъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ европейскихъ колонизацій я составилъ положительный идеалъ колоніи и началъ отыскивать ее. Неужели есть такая на свѣтѣ благодатная и обладающая всѣми счастливыми преимуществами колонія, батько...

Остается перейти къ обзору журнала „Дѣло“. Какъ вы увидите, здѣсь снова появился Николай Иванычъ (Наумовъ) съ „Юровою“. Прочиталъ. Къ сожалѣнію, замѣтилъ, что онъ туго совершенствуется въ беллетристическомъ искусствѣ и блескомъ не поражаетъ. Видна наблюдательность и изученіе народнаго быта, но не глубокая.

Разсказъ, по обыкновенію, припомаженъ, вычесанъ, отдѣланъ и представляетъ опрятно одѣтаго юношу, какъ самъ Н. И., либераленъ, но изъ ряду вонъ не выходитъ. Видно, авторъ пробовалъ отчасти усвоить пріемы Успенскаго и Слѣпцова, какъ и способъ изложенія Рѣшетникова. Но далеко ниже по даровитости тѣхъ и другихъ. Мужики говорятъ юмористическимъ языкомъ, острятъ, но это не тотъ юморъ, какимъ блещетъ Н. Успенскій и Слѣпцовъ, это не натуральный, мѣткій и поразительный юморъ русскаго народа.

Правда, Н. И. избѣжалъ нѣкоторой фальши своихъ предшественниковъ, Успенскаго и Слѣпцова, онъ не выставилъ мужика въ карикатурно-глуповатомъ видѣ, но за то онъ не успѣлъ и въ ихъ положительныхъ достоинствахъ, а именно, не подмѣтилъ блестящаго даровитаго юмора народа, его мужики остроумничаютъ самымъ дюжиннымъ образомъ, это каламбуры какихъ то мелкопомѣстныхъ чиновниковъ.

---

[1]) Многія колоніи, какъ Остъ-Индія, представляютъ и способную расу, и общинное владѣніе, но магометанство, ничтожное вліяніе бѣлой расы и оппозиція туземцевъ создали и здѣсь дрянныя условія.

Итакъ, его разсказы не сравняются съ Н. Успенскимъ и Слѣпцовымъ Что касается параллели съ Рѣшетниковымъ, то у него болѣе вышло искусственности, чѣмъ у послѣдняго; у Рѣшетникова, болѣе наблюдательности, трезвой правды и искренней и простой любви къ простому народу, которая не пріобрѣтается, а лежитъ въ сердцѣ. Все это пробовалъ воспроизвести Н. И., но у него вышло въ меньшей дозѣ. Удачно онъ подмѣтилъ отношенія міроѣда и кулака безпощаднаго, глумящагося надъ своими должниками, это характеръ удачный, но мало освѣщенъ и округленъ, отношеніе же должниковъ къ маклаку, грубящихъ ему, неестественно. Ежели не униженіе, то тутъ царствуетъ подавленность и мрачность, но не каламбуры. Сюжетъ развитъ, но не оконченъ авторомъ, къ чему повели стачки неизвѣстно, а надо только догадываться. Типъ умнаго мужика—руководителя очерченъ слабо и онъ неестественно хвастается передъ борьбой. Умный простолюдинъ менѣе всего хвастунъ. Въ изображеніи мужичьяго горя пущена сантиментальность, и это далеко отъ Рѣшетникова. Страшно дѣйствительно видѣть, какъ мужикъ плачетъ, но это дополнено уже поясненіями и некрасовской лирикой: „Волга, Волга“, а не такъ, какъ у Рѣшетникова простымъ образнымъ изображеніемъ. Возьмите предсмертную тоску Пилы, Сысойки.

Авторъ ничего не поясняетъ, но вы чувствуете весь драматизмъ положенія, а тутъ нѣтъ... не вытанцовывается.

Вообще я давно жду, что Н. И. подаритъ насъ чѣмъ нибудь грандіознымъ, но какъ то все дальше ровнаго разсказа нейдетъ. Любопытно будетъ ваше впечатлѣніе. Гораздо удачнѣе у него былъ типъ деревенскаго торгаша.

Объ Омулевскомъ говорить не стоитъ. Это теперь, какъ разсказываютъ, „исписавшійся журналье“, злоупотребляющій своей профессіей и талантомъ. Онъ, говорятъ, даже за бутылку рому брался составлять политическія хроники въ „Недѣлю“ (Лучше то не нашли.) „Свѣтловымъ“ онъ только одурачилъ русскую журналистику. Здѣсь хотѣли отыскивать современнаго молодого человѣка, а это былъ просто Федоровъ въ его бархатномъ сюртучкѣ, какъ мы его знали, юноша-романтикъ съ иркутскими любовными похожденіями, напустившій на себя изъ моды нигилизмъ и гражданскій духъ, которые къ нему такъ же вяжутся, какъ къ коровѣ сѣдло. Стихи онъ пишетъ гладко, но все вретъ, „все то онъ вретъ“, какъ говорилъ, походя арестантъ Достоевскаго, можно сказать послѣ каждаго стихотворенія, ничего онъ не перечувствовалъ.

Не знаю, обратили ли вы вниманіе въ „Дѣлѣ“ за іюль на рецензіи „Историческаго Сборника“ о Екатерининской комиссіи. Это произвелъ

Ушаровъ. Вообще, ежели бы онъ былъ усидчивѣе, онъ произвелъ бы многое поумнѣе и Омулевскаго, и Николая Иваныча. Во всякомъ случаѣ, его можно было бы направлять, но вотъ бѣда—валяетъ все сма, ху и переживаетъ періодъ безфактицы. Этимъ свойствомъ когда то обладалъ и извѣстный намъ пріятель. Онъ же открылъ маленькую Америку: казака Анциферова въ Екатерининской комиссіи, говорившаго противъ привилегій купечества. Это 2-е открытіе послѣ Ерофеича. Что касается меня, то я отыскалъ новаго друга Сибири, отгадайте кто? —Мальтусъ. Въ опытахъ о законѣ народонаселенія онъ посвятилъ главу Сибири. Онъ доказываетъ, что Сибирь страдаетъ отъ избытка сырья, трудъ дешевъ, обмѣна нѣтъ; чтобы поднять эту страну „необходимы здѣсь мануфактуры", „возвышеніе дѣйствительной цѣны труда, какъ условіе, сопровождающее заведеніе новыхъ колоній и составляетъ постоянную причину возрастанія ихъ населенія". (с. 218 ч., 1). Въ „Revue de deux mondes" –за іюль же помѣщена De formes primitives de la proprieté—по поводу Мэна, гдѣ говорится о русской, индійской и яванской общинѣ, какъ о первобытныхъ формахъ хозяйства и о неизбѣжности перейти къ индивидуализму (авторъ Kave lege —индивидуалистъ). Гораздо любопытнѣе фактическая сторона. Между прочимъ, онъ ссылается на Юліуса Фошэ, который помѣстилъ въ „Cobden Club essays"—статью о русской общинѣ и о роли ея въ колонизаціи. Онъ разсказываетъ, что изъ villages чувствующихъ себя населенными, выдѣляются группы, которыя, отправляясь на Востокъ, при столкновеніяхъ съ инородцами и при самозащитѣ въ лѣсахъ отъ звѣрей, естественно должны были ассоціироваться въ общины. Оттого колонизація способствовала въ Россіи общиннымъ установленіямъ. На мѣсто того, чтобы какъ у другихъ народовъ хозяйствамъ переходить къ новымъ формамъ и измѣняться въ сущности, тутъ происходилъ только фактъ расширенія (extantion). Это порождало сходство съ Китаемъ. (!?). Противъ этого, конечно, можно много возразить, тѣмъ болѣе, что теорія автора измышленная, а не вынесенная изъ наблюденія. Изъ статьи я выбралъ факты о Яванскихъ общинахъ и какъ здѣсь англичане, во время захвата острова, пробовали ввести поземельную собственность. Пріобрѣлъ въ другомъ мѣстѣ объ англійскомъ землевладѣніи на о-вѣ Эдуарда около Канады и, конечно, все врѣзалъ въ свою статью о колоніяхъ. О статьѣ Лавеле я еще вамъ напишу конспектъ.

Отчеты о Лондонскомъ тюремномъ комитетѣ прекратились, они меня крайне интересовали. Въ передовой статьѣ „Петерб. Вѣдом." № 208 были еще общія замѣчанія. Соллогубъ отличился на конгрессѣ. Онъ говорилъ противъ смертной казни и требовалъ совершенной ея отмѣны..... но совѣтовалъ оставить въ законодательствѣ для устрашенія, не приводя въ исполненіе. Это разъ! „Вопросъ о ссылкѣ преступни-

ковъ въ колоніи не возбудилъ продолжительныхъ преній. Никто изъ свѣдущихъ людей не сочувствуетъ такому наказанію. Въ Англіи ссылка отмѣнена въ 1858 г., вслѣдствіе вопля, поднятаго колоніями на нравственную заразу, въ нихъ распространяемую", такъ пишутъ „Петербургск. Вѣдом". „На одномъ изъ засѣданій кто то обратился къ г. Соллогубу съ просьбой, чтобы онъ сообщилъ свѣдѣнія о ссылкѣ въ Сибирь. Графъ уклонился отъ отвѣта, указавъ на недостатокъ времени, и замѣтилъ, что въ Россіи много минеральныхъ богатствъ, но мало рабочихъ рукъ" и только. Вѣдь вотъ, меня нѣтъ на конгрессѣ-то, я бы въ pendant къ европейскимъ выводамъ—свою теорію и все бы обстоятельно.... Людямъ вотъ счастье! Мнѣ бы также необходимы резолюціи конгресса, но на французскомъ легче читать, напишу Мюнксу. Турбинъ посланъ. Коснулся его „американцевъ" такъ: что, молъ, это за американцы и навозные удивительно. Что же касается почитанія мнѣній Завалишина, то сомнительно. 1-е, Ип. Завалишинъ писалъ, какъ извѣстно, не въ похвалу сибирскому мужику, а въ похвалу администраціи генерала Гасфорда, 2-е Завалишинъ намъ съ Турбинымъ соотечественникъ (сирѣчь, одной ноги лапоть) и школы создать не могъ, 3-е, придется пожалѣть о сибирякахъ, ежели такая сомнительная личность пользуется какой-либо у нихъ репутаціей. Самъ Турбинъ одѣтъ въ ополченскую поддевку и ѣдетъ съ громомъ колокольцовъ, съ бутылками наливки, съ двойными прогонами, какъ истый ташкентецъ.

Вы спрашиваете о „Бесѣдѣ",—это органъ смѣси и умѣреннославянофильскихъ мнѣній и либерально-западническихъ статей, все вмѣстѣ обусловлено случайностью сотрудниковъ. По частнымъ вопросамъ есть фактическія статейки, но въ общемъ ничего цѣльнаго. „Тайжанъ" въ какой бы ни было рубашкѣ—я прошу, мы ихъ одѣнемъ въ дабу.[1]) Типовъ чиновниковъ у меня нѣтъ, воспользуюсь. Я вамъ, кажется, писалъ, что можно „Тайжанъ" соединить съ „Чужой страной" и попробовать сдѣлать романъ á ля Герштеккеръ, тамъ также приключенія ссыльныхъ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ этимъ письмомъ стиховъ уже нельзя послать, хотя они готовы. Я предпочелъ, вмѣсто этой белиберды, болѣе существенныя новости. Изъ моихъ писемъ выходятъ невольно цѣлыя журнальныя обозрѣнія, желаю, чтобы развлекли васъ.

Вы жалуетесь на одиночество, я страдаю за васъ, мой другъ; какъ бы мнѣ хотѣлось раздѣлить съ вами тяжесть, буду стараться, по крайней мѣрѣ, чаще бесѣдовать. Непремѣнно и стихи пошлю. Представьте себѣ, на дняхъ нашъ милый Мурза-бекъ,[2]) байбаче, преподнесъ намъ цѣлый мадригалъ въ восточномъ вкусѣ. Онъ изображаетъ

---

[1]) «Тайжане»—это вѣроятно тема для повѣсти, которую составилъ Г. Н. Потанинъ, (даба—грязь) (II).

[2]) Бухарецъ ссыльный (II).

въ стихахъ сочинителя, который дѣлаетъ книгу изъ сердца и крови. Передъ нимъ на кукаркахъ сидитъ, улыбаясь своимъ ротикомъ, чернильница, раскрываетъ предъ нимъ грудь и даетъ свои соки. „Ты, говоритъ она сочинителю, дорогая, цѣнная вещь своего народа“. Сѣдое перо съ своей пикой бѣжитъ, тряся своей бородою, къ сочинителю, оно подхватываетъ и бойко несетъ на концѣ своемъ буквы и размѣщаетъ ихъ по желанію писателя. Это перо также знаетъ цѣну держащаго его. (Какова образность). Далѣе есть въ стихахъ и восточная амбра и виноградъ, и райскія воды, омывающія корни горькаго дерева. Словомъ, вся прелесть Востока. Виноваты, что задерживаемъ 2-ю серію для высылки книгъ. Но Благосвѣтловъ виноватъ. У Шашкова также худы средства, скоро ждетъ денегъ и тогда пошлемъ; хотя не бѣдствуемъ, но живемъ туго. Опять свое хозяйство. У меня въ домѣ женщина, мальчикъ-сирота, котъ, 2 курицы, 3 цыпленка и 1 утка, подаренная бухарцемъ. Какъ истый колонистъ, ассоціировался. До свиданья же. Вашъ Н. Ядринцевъ.

Письмо XV.

30 августа 1872 г. Шенкурскъ.

Милый, дорогой, но въ то же время и безпощадный Лордъ. Я получилъ отъ васъ 2 письма. 1-е отъ 1-го августа изъ Никольска, полученное мною по какой то случайности только 22-го, т. е. пролежало въ Никольскѣ 14 дней (можетъ быть, вы ошиблись числомъ). Другое письмо изъ Тотьмы, куда вы такъ чудодѣйственно перелетѣли. Оно пришло скорѣе, въ 13 дней. Поздравляю, что подвинулись къ намъ, хотя и на $^3/_4$ географическаго градуса. На 1-е письмо объ общинѣ, кончающееся столь нелестнымъ для меня эпитетомъ, я отвѣтомъ подожду, чтобы собрать болѣе данныхъ на ваши вопросы и сообщить вамъ нужныя свѣдѣнія, а также понакопить желчи по правилу „око за око.“ [1]) На 2-е ваше любезное письмо отвѣчу накопившимися новостями изъ газетнаго міра, а также изъявленіемъ удовольствія, что генералъ Семеновъ вызвалъ васъ, наконецъ, къ болѣе живымъ и прекраснымъ темамъ для заслугъ предъ ученымъ міромъ и Географическимъ Обществомъ. Какъ въ той, такъ и въ другой темѣ я вашъ помощникъ и сотрудникъ „по гропъ“, какъ говорятъ уѣздныя барышни. Постараюсь доставить всевозможный матеріалъ, а онъ уже есть, но это покуда въ сторону. Терпѣніе.... Дѣло въ томъ, когда я получилъ ваше 1-е письмо, я не могъ оторваться отъ кипѣвшей работы, которой былъ занятъ, работой этой, конечно, вы должны остаться были довольны, какъ вдругъ я получаю письмо съ эпитетомъ, который уподобля-

---

[1]) Противъ вашихъ пунктиковъ нашлись загвоздки не маленькія.

ется каплюшкѣ, капнувшей на носъ мирно наслаждавшагося весной поселянина у крыльца своего дома.

Lord, за что же это, воскликнулъ я, и пустилъ камнемъ въ пробѣгавшую въ это время собаку, благо, собака была налицо. Въ самомъ дѣлѣ, въ моментъ вашего „репримanда“ я волновался по другому вопросу, давно я такъ не волновался. Ажитацію эту произвелъ памфлетъ, появившійся въ газетѣ „Голосъ“ и поднимающій завѣсу дѣлъ на Востокѣ. Только теперь видно, какая кипучая борьба идетъ въ сибирскомъ обществѣ въ управленіе Синельникова (Благо, получено извѣстіе—онъ живъ и здоровъ и отправляется назадъ на Востокъ). Памфлетъ бросаетъ свѣтъ на распоряженія и циркуляры этого администратора, а также на тѣ интересы, которые ими затронуты. Но самый памфлетъ или корреспонденція есть само по себѣ историческое явленіе, достойное занесенія въ сибирскую литературу. Это chef d'oeuvre всѣхъ произведеній, какія когда-либо писало чиновное перо. Произведеніе это написано *бывшимъ* чиновникомъ особыхъ порученій при Главномъ Управленіи Восточной Сибири, ротмистромъ Павлоградскаго гусарскаго полка, А. Паули. Никогда не ожидалъ, чтобы такъ писали гусарскіе ротмистры. Ломаю перо, бросаю чернильницу и закаиваюсь не писать ни строчки. Письмо это есть тонкая сатира на г. Синельникова, его циркуляры и распоряженія, это иронія, мѣткая, тонкая, выдержанная въ тонѣ съ начала до конца, но вмѣстѣ съ тѣмъ злая, смѣлая и ехидная. Стиль ея напоминаетъ Поля Курье или Теккерея въ его ироніи по поводу общества вспомощенія литераторамъ въ Лондонѣ (въ книгѣ „Мишуры“). Скажу, наконецъ, что корреспонденція написана въ видѣ похвалы дѣятельности новаго Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, его энергичной дѣятельности въ борьбѣ съ злоупотребленіями, стремленіемъ упрочить благосостояніе крестьянства и оградить ихъ отъ обидъ золотопромышленниковъ и кабатчиковъ, но эта похвала написана въ видѣ самой прозрачной ехидной насмѣшки, которая рисуетъ дѣятеля типомъ на половину безалабернаго реформатора и подобіемъ Щедринскаго Угрюма Бурчеева („Исторія одного города“), (типъ).

Вы догадаетесь, изъ какого лагеря это написано; писалъ смѣненный сибирскій чиновникъ, писалъ за старый режимъ, ловко похваливая его, писалъ въ защиту золотопромышленниковъ, выгнанныхъ за взятки, словомъ, за все, противъ чего борется Синельниковъ и что составляетъ тяготу края. Отъ всего письма такъ и тянетъ душкомъ родного „навоза“, на который наступили. Но къ сущности! Изъ корреспонденціи видно, что мѣры, предпринятыя Синельниковымъ, обозлили многихъ. Между прочимъ, узналъ, что онъ въ виду того, что золотопромышленность отвлекаетъ народъ отъ земледѣлія и раззоряетъ семьи: 1) запретилъ отлучаться на прійски въ округахъ, гдѣ хлѣба

недостаточно. 2) Постановилъ отпускать изъ общества на пріиски не прежде, какъ обезпечивъ семейство и хозяйство изъ задатковъ. 3) Приказалъ у нанимающихся вычитать 10 рублей на улучшеніе мѣстной сельской производительности. Такимъ образомъ, это первый правитель, сознавшій зло и деморализацію золотопромышленностью. Вотъ это-то и вызвало негодованіе нашего сатирика. 2-е. Онъ жалуется, что генералъ Синельниковъ неделикатно обращается со служащими. Одинъ послѣ выговора, пишетъ Паули, умеръ (Господи!), другіе послѣ замѣчаній выходятъ въ отставку (что и будетъ только!). „Все сіе происходитъ, пишетъ Паули, оттого что прежніе начальники деликатностью своей избаловали". Общество также избаловано, присовокупляетъ нашъ Ювеналъ, въ него вошла гордость при прежнихъ благодушныхъ правителяхъ. Мужикъ избалованъ *благосостояніемъ*, получая по 300 р. заработковъ на пріискахъ, онъ щеголяетъ нынѣ, носитъ александринскія рубахи, и деньги прокучиваетъ, все это не понравилось новому правителю и онъ хочетъ уничтожить развратъ, понизивъ благосостояніе и обративъ къ низшимъ заработкамъ.

Г. Паули даже приводитъ политико-экономическія соображенія, будто бы руководившія ген. Синельниковымъ. „Обратясь къ земледѣлію, нынѣшніе золотопромышленные рабочіе, коихъ 30.000, заработаютъ 2 милліона пудовъ, говор. онъ, но хотя нынѣ *зарабатываютъ* они въ 40 разъ болѣе, зато можно опасаться, что остальная Сибирь не произведетъ для нихъ нужныхъ на прокормленіе 700.000 пуд., а потому рабочіе останутся, „съ золотомъ въ рукахъ, но безъ хлѣба." (Разумѣй— это по мнѣнію Синельникова). Согласитесь, что болѣе даровитаго защитника буржуазной политической экономіи трудно найти. Также иронически объясняется, что введеніе каторжныхъ на пріиски совершенно удовлетворяетъ современнымъ криминалистическимъ требованіямъ, такъ какъ каторжный здѣсь будетъ получать прекрасный заработокъ, а общество нести кару за то, что недостаточно прикладывало попеченій къ злодѣямъ. Такъ написано все письмо. Въ концѣ разсказывается, что Син-ковъ вздумалъ запрудить Ангару, и приведенъ анекдотъ, какъ онъ билъ на пожарѣ мѣщанина, удесятеряя энергію прочихъ. Вы видите, что у пасквилянта много накопилось желчи и, прославляя золотопромышленниковъ, онъ, однако, мѣстами бьетъ рѣзко и на нѣкоторые недостатки.

Въ „Петерб. Вѣдом." „*Незнакомецъ*" отмѣтилъ это письмо Паули и разоблачилъ его. „Я не беру на себя защиты ген. Синельникова, пишетъ Суворинъ („Петерб. Вѣдом.", № 220), въ управленіи его могли быть промахи, тѣмъ болѣе, что край лишенъ городского и земскаго самоуправленія. Безъ этихъ элементовъ самому даровитому и благонамѣренному губернатору придется спасовать. Это не у насъ такъ од-

нихъ, а всюду; въ англійскихъ колоніяхъ бывали ген.-губернаторы высокихъ дарованій и высокой честности, но колоніи падали до тѣхъ поръ, пока не были вызваны дремлющія силы ихъ самоуправленія и генер. губернаторы не получали совѣта и помощи отъ мѣстныхъ жителей. У Сибири есть будущность, но будущность эта мало зависитъ отъ той или другой личности, но весьма много отъ тѣхъ реформъ, какими пользуется Европейская Россія. Я убѣжденъ, что развитое населеніе Сибири воспользуется ими толково и съ пользой". (№ 220).

Въ то время, когда петербургскій фельетонистъ писалъ такимъ образомъ, что же оставалось дѣлать человѣку, стоящему на стражѣ восточныхъ дѣлъ. Я также хотѣлъ броситься въ защиту генер. Синельникова и схватилъ уже неуклюжую жердь своего остроумія, чтобы наказать паршивую собаку, перебѣжавшую дорогу нашему начальнику-прогрессисту, [2]) и только опасность уподобиться дѣйствительному будочнику удержала меня отъ этого. Во всякомъ случаѣ обстоятельство меня это навело на размышленіе. Храбрый генералъ самъ защитится, подумалъ я, при томъ правъ ли онъ во всѣхъ мѣрахъ. И вотъ я сѣлъ у своей будки и, опершись о старую алебарду, задумался вообще надъ этою борьбою. И цѣлая вереница картинъ прежняго управленія начала проходить предъ мною. Вдумываясь въ эту исторію, я припоминалъ 250-лѣтнюю борьбу съ злоупотребленіями, эту игру взаимныхъ разоблаченій съ Лецціано, Селифонтова, Пестеля. Припомнилъ, что было послѣ Сперанскаго. Наконецъ, ту же борьбу Муравьева и его управленіе.

Картина этой борьбы передо мной нарисовалась ясно и отчетливо, и я сталъ ее излагать. Набросавъ на нѣсколькихъ листкахъ факты, отмѣтивъ всѣ мысли, какія приходили по этому поводу въ голову, я свелъ итоги. Это былъ букетъ сибирской исторіи. Съ одной стороны, здѣсь группировались интрига, смѣна любимцевъ въ прежнемъ управленіи до Сперанскаго. Несостоятельные планы Сперанскаго. Единоличная борьба губернаторовъ съ злоупотребленіями и участіе въ ней партій, откупщиковъ, золотопромышленниковъ, пароходчиковъ, винокуровъ, купцовъ и т. д. Я слѣжу за этой борьбой, вижу ея результаты, ея трудность для одного человѣка, ея несостоятельность. Но рядомъ съ этимъ еще рисуется другая картина, картина регламентаціи, фальшивой, неумѣлой и опять-таки невозможной для одного человѣка.

Въ этомъ безсиліи бороться со зломъ, въ этой фальшивой регламентаціи, въ неудачныхъ проектахъ я нахожу приговоръ старой администраціи Востока. Записавъ все это, я сдѣлалъ экстрактъ для

---

[2]) Я думалъ написать „Благодарность сибирскаго жителя г. Паули, защитнику золотопромышленности."

передовой статьи въ „Петерб. Вѣдомости“. Въ концѣ я коснулся настоящей борьбы и письма Паули, который рисуетъ старую идиллію Сибири при откупахъ и золотопромышленности. Какая чудная идиллія! „Да, для этой идилліи не доставало только громоносной ревизіи, чтобы разоблачить ту бездну, въ какой находится край, прославляемый его Гѣснерами“, замѣчаю я. Но что такое ревизія? *Никакая ревизія не поможетъ, пока способному и честному администратору не дадутъ сильныхъ общественныхъ учрежденій, пока не дадутъ этому краю реформъ*[1]). Я остановился на этомъ, но если статья будетъ напечатана, буду продолжать. Мнѣ хотѣлось бы посвятить статью 2 вопросамъ, поднятымъ Синельниковымъ: штрафному и золотопромышленному, а затѣмъ, въ 3-й статьѣ, обращусь къ разсмотрѣнію причинъ, которыя заставляли смотрѣть иначе на этотъ край (переходное состояніе его, какъ завоевательной колоніи), наконецъ, разсмотрю, есть ли дѣйствительныя причины, по которымъ реформы не могутъ быть примѣнимы. Въ этомъ случаѣ я подниму вопросъ объ интеллигенціи и о консервативномъ сословіи, которое пробуютъ создать искусственно. Указавъ на невозможность скоро создать этотъ консервативный элементъ, я укажу, что онъ существуетъ, этотъ консервативнѣйшій элементъ, самый прочный въ смыслѣ усвоенія новыхъ учрежденій и сохраненія ихъ — кто?... крестьянство. Не знаю поймете ли? И въ то время, когда я срывалъ эти цвѣты для букета, моя шаловливая красавица подскочила и пустила мнѣ въ голову репейникъ. О, шалунья, погоди же я распутаю его, я догоню проказницу и отомщу ей поцѣлуемъ.

Однако, позвольте, милостивый государь, узнать по какому праву вы мою антикритику общинѣ, набросанную въ частныхъ письмахъ, хотите перенести въ область печатной полемики. Я предугадываю вашъ планъ: запасшись фактами и данными во время послѣдняго путешествія, вы—апологистъ общинѣ—хотите отыскать прогрессивнаго антагониста и невѣра общинѣ и отхлестать его. И все это вымѣстить на моей спинѣ. Такъ вотъ, что значитъ послѣднее ваше любезное письмо, не говорящее ничего противъ моихъ аргументовъ. Какое коварство!.. Ну, что—отгадалъ? Не отвиливайте, отгадалъ. По этому случаю обязываю васъ упомянуть, хотя кратко, ту часть мыслей, какую находите справедливою и наоборотъ. За это я вамъ сочиню стратегическій планъ, какъ меня отлупить.

Въ газетахъ, кромѣ изложеннаго, нѣтъ туземныхъ новостей. А изъ общихъ—процессъ о дуэли Жохова, заподозрѣннаго несправедливо въ сикофанствѣ, цѣль дуэли скрыта. Скандальнѣйшее дѣло изъ нравовъ петербургск. интеллигенціи. Узналъ на дняхъ частнымъ путемъ

---

[1]) Курсивъ ред.

еще, что Синельниковъ нашелъ способнѣйшаго чиновника особыхъ порученій въ бывшемъ Шенкурскомъ складчикѣ, я его зналъ бонвиваномъ...? картежникъ отличный. Нашъ Иванъ Павлычъ[1]) геній въ сравненіи съ нимъ. Это лицо поступило на службу въ В. Сибирь. Хочу проситься и я къ Синельникову, неужели я хуже владѣю перомъ этого складчика? Вотъ несправедливость-то! Цвѣтистое письмо надо завершить цвѣткомъ. Нате букетъ стиховъ. Злой...

При семъ ѣдутъ 4 листа стиховъ. 8 страницъ.

Гдѣ Нестеровъ? пишетъ ли что, отвѣтьте. Вашъ антагонистъ

Н. Ядринцевъ.

Передъ этимъ письмомъ моимъ еще послано письмо въ Нижнекольскъ, тамъ отчетъ о послѣднихъ журналахъ—о „Дѣлѣ“, „Знаніи“, и „Revue de deux mondes“.

Благосвѣтовъ строитъ домъ и ни копѣйки не шлетъ ни мнѣ, ни Серафиму. Экваторъ![2])

Вотъ вамъ обѣщанные переводы съ разныхъ языковъ, подарокъ на новоселье.

Эпиграфъ къ поэту.

(Изъ Гейне.)

Ты поешь, какъ Тиртей. Твоя пѣсня
Вдохновенной отваги полна...
Но ты публику выбралъ плохую,
Ты въ плохія поешь времена.

Въ вѣкъ сомнѣнья и безвѣрья,[3])
Въ горькій вѣкъ нашъ бытія,
Возлагаю я надежды
На тебя еще, дитя.
Умирающій для міра,
Обезсиленный въ бою
Вѣру въ родину святую
Я тебѣ передаю.
Пусть любовь моя къ отчизнѣ
Перейдетъ въ младую кровь;
Сохрани же, возлелѣй же
Эту, юноша, любовь.

---

[1]) Служащій въ Тюмени по отпускамъ, очень скромный человѣкъ, льнувшій къ либеральной партіи. (П.)

[2]) „Спжу на экваторѣ“—т. е., бѣдствую.

[3]) Напечатано въ „Восточномъ Обозрѣніи“ 1902 г., № „Изъ бумагъ сиб. патр.“.

Знай, что нѣтъ безъ вѣры жизни,
Какъ нѣтъ жизни безъ любви;
Если хочешь быть великимъ,
Ею сердце вдохнови.
Знанье, силу, крѣпость духа
Все добудешь ты себѣ;
Но любовь свою и сердце
Передастъ ли кто тебѣ?
Изъ нея надъ колыбелью
Я вѣнокъ тебѣ совью;
Сохрани же, возлелѣй же
Вѣру въ родину твою.
Въ мірѣ нѣтъ могучѣй силы;
Въ часъ борьбы и смерти часъ
Сохранитъ живая вѣра
Силы свѣжія у насъ.
Эту вѣру въ вѣкъ несчастій
Предокъ свято сохранилъ
И слабѣющей рукою
Эти строки начертилъ.
Да увидишь ты, младенецъ,
Въ колыбели ту мечту;
Что теперь я, умирая,
Предъ своей могилой чту.
Выступающая юность,
Ниву жизни обнови,
И изъ гроба пусть несется
Пѣснь ликующей любви.

Сны изгнанія.

Вѣтеръ осенній дуетъ въ ночи,
Злобный недугъ мое сердце тревожитъ;
Сердце больное, прошу — замолчи:
Чѣмъ наша грусть намъ поможетъ!...

* * *

Муки Данаевъ должны мы носить,
Жребій давно нашъ предвидимъ:
Вѣчно томиться и вѣчно любить,
Что никогда не увидимъ...

* * *

Но не удержишь порывовъ его;
Страстной мечтою его охватило,

Въ яркихъ картинахъ рисуетъ оно,
Что мнѣ мучительно мило.

***

Ночью лежалъ на родныхъ я лугахъ,
Птицы мнѣ пѣсни свои напѣвали;
Вѣтры родные на вѣжды мои
Сладкіе сны навѣвали.

***

Темныя рощи шумятъ вдалекѣ,
Воды рѣки такъ прозрачно-прекрасны,
Воздухъ весенній тепломъ напоенъ,
Небо родное глубоко и ясно.

***

Чистый тотъ воздухъ пить я хотѣлъ,
Въ волнахъ рѣки я желалъ накупаться,
Землю родную устами искалъ
Съ тѣмъ, чтобъ надъ ней нарыдаться.

***

Цѣлую ночь эти жгучіе сны
Только будили мнѣ муки,
День наступаетъ... затѣмъ ли, чтобъ влить
Новаго яда въ разлукѣ?..

Родные цвѣты.

Снова иду по роднымъ я лугамъ,
Вижу кругомъ я цвѣтущія горы,
Тихо склоняюсь я къ шопоту травъ;
Слышу цвѣтовъ разговоры.
Вотъ онъ мой вѣтрянки бѣдный цвѣтокъ,
Вышедшій рано наружу,
Тихо склоняясь, головкой поникъ
Передъ послѣднею стужей.
Робкую жалобу небу онъ шлетъ:
„Страшно цвѣтамъ, что всѣхъ ранѣе зрѣютъ,
Много несчастныхъ погибнетъ, пока
Солнце поля обогрѣетъ“.
Вижу затѣмъ я другіе цвѣты:
Гордо взошли они въ жаркое лѣто,
Встрѣтила ихъ мать-природа тепломъ,
Въ пышномъ нарядѣ одѣта.
Весело всходятъ они средь подругъ,
Въ дружной семьѣ они жизнь начинали;

Лѣто повѣдало имъ много чаръ,
То, что другіе не знали.
Но между тѣмъ, какъ въ долинахъ цвѣтамъ
Прелести лѣта счастье сулили,
Въ снѣжныхъ горахъ, на вершинахъ крутыхъ
Гордыя розы всходили.
Страстный цвѣтокъ, надъ водами склонясь,
Тихо шепталъ здѣсь ручьямъ леденистымъ:
Зрѣетъ любовь въ вашихъ снѣжныхъ водахъ,
Хладныхъ, но сладкихъ и чистыхъ.
Въ раннемъ цвѣткѣ я свой жребій проникъ,
Въ позднемъ цвѣткѣ счастье родины милой;
Роза альпійская къ милой землѣ
Тайну любви мнѣ открыла.[1])

Изъ пророковъ.[2])

Тоской измученный, усталый и унылый,
Желая излѣчить свою больную грудь,
Я издалека шелъ къ тебѣ, мой край родимый,
Чтобъ на поляхъ твоихъ свободнѣе вздохнуть.
Несчастье и борьба меня лишили силы,
Я голоденъ и нищъ пришелъ къ тебѣ теперь.
Дай мнѣ пріютъ и отдыхъ, край мой милый,
Твой блудный сынъ стучится робко въ дверь...
Но тщетно я прошелъ родимое селенье,
Напрасно крова я у родичей просилъ,
Я пить хотѣлъ, но въ часъ ужасный жажды
Воды къ устамъ никто не подносилъ.
Любовью грудь моя въ года тѣ билась страстно,
Но не нашелъ любви своей отвѣта я,
И даже у тебя я встрѣтилъ взоръ безстрастный,
Мой гордый другъ, желанная моя!
И съ вѣрой твердою пошелъ я на распутье,
Гдѣ громкимъ голосомъ народу возвѣщалъ:
„Друзья, принесъ я вамъ надежду и спасенье“,
Но голосъ мой... въ пустынѣ замиралъ.
Непризнанный никѣмъ въ землѣ моей родимой,
Я въ дальній путь изгнанія пошелъ,

---

[1]) Цвѣты эти, какъ извѣстно, ваши. но розу альпійскую позвольте подарить вамъ отъ себя. Не знаю, какъ вы ее найдете. Стихотвореніе реставрировано съ вашимъ пріѣздомъ, можетъ не созрѣло еще.

[2]) Напечатано въ сборникѣ „Перв. шагъ“ безъ заглавія, Казань, 1876.

Но край благословилъ свой милый
И имя прошепталъ любви своей постылой[1]).

24 октября 1870 г.

Юмористическіе мотивы.

Тяжело... и слезъ на сердцѣ
Что-то много накопилось,
Я запѣлъ, но эта пѣсня
Только смѣхомъ разразилась...

Свиданіе.

Въ пору юности и счастья
Насъ развѣялъ вихорь жизни...
И покинули мы гордо
Непривѣтную отчизну.

*
* *

Мы со смѣхомъ удалились,
Злому року повинуясь,
А за горы вмѣстѣ съ нами
Удалилася и юность.

*
* *

На чужбинѣ вразсыпную
Мы довольно поскитались.
Шли года, и, сколько помню,
Мы здѣсь долго не смѣялись...

*
* *

Но, когда въ родныя горы
Изъ изгнанья воротились,
То, увидѣвши другъ друга,
Разомъ смѣхомъ разразились.

*
* *

И до слезъ мы хохотали
Надъ беззубыми устами,
Надъ плѣшивыми главами
И надъ тѣми костылями,
Что теперь насъ подпирали...

---

[1]) Написано по поводу разговора съ однимъ космополитомъ о томъ, можно ли любить отечество, отвергающее эту любовь; для реальности проведена параллель съ любовью къ женщинѣ.

„Вѣрному другу".

(Съ чешскаго изъ Гавличка)[1]).

Обреченный на изгнанье,
Я давно людьми покинутъ;
Дни за днями силы гибнутъ,
Часъ за часомъ чувства стынутъ.

* * *

Но нашелся „благодѣтель"—
Всякій день ко мнѣ съ любовью
Сталъ ходить онъ и справляться:
Каково мое здоровье?

* * *

Иногда въ безсонной ночи
Сердце муки надрывали,
А на утро слышу голосъ:
„Каково вы почивали?"

* * *

Не могу ни запереться
Отъ него, ни отвязаться,
Онъ съ мольбой стучится въ двери—
„Приказали-де справляться"...

* * *

Этотъ другъ ни въ лѣсъ, ни въ воду
Не даетъ мнѣ „отлучиться"
Ахъ, боюсь, что даже съ горя
Онъ не дастъ мнѣ утопиться...

Памяти Гейне.

Слышите-ль вы пѣсню,
Что, акордомъ звучнымъ
Вырвавшись изъ сердца,
Понеслася въ мірѣ
Медленной волною.
Долго эта пѣсня
Слышится на свѣтѣ,
Хоть больное сердце,
Что ея издало,
Разомъ съ этой пѣсней
Биться перестало.

Посылая эти глупости моему строгому критику, прошу къ нимъ отнестись съ должною строгостью; въ свою защиту могу сказать, что

[1]) Гавличекъ-Боровскій (1821—56), чешскій писатель, находился въ сношеніяхъ съ славянофилами. (*Ред.*)

у меня ихъ, за исключеніемъ высланныхъ, осталось очень немного. Это мои circonstances atténuantes.

Забылъ было упомянуть о главномъ. Хотя я чрезвычайно одобряю вашъ планъ трактата и изслѣдованіе объ условіяхъ крестьянскаго хозяйства, однако не могъ сначала не опасаться, найдете ли вы достаточно матерьяловъ и возможности собирать ихъ. То же сомнѣніе изъявлялъ Серафимъ,[1]) думая, что для мѣстнаго изслѣдованія, предлагаемаго Семеновымъ,[2]) не лучше ли взяться за ботаническую или геологическую работу мѣстную. Но я, по размышленіи, пришелъ, что послѣдняя трудовъ потребуетъ не менѣе,—зимой невозможно, а ваша плодотворнѣе. Благословляю! Я предупреждалъ уже въ прошломъ этюдѣ, что именно у насъ недостаетъ свѣдѣній объ общинѣ. Вѣроятно вамъ нуженъ будетъ Гастгаузенъ о поземельномъ владѣніи и другіе. „Revue de deux mondes“ съ статьями о собственности получите. Есть каталогъ Межова со всѣми статьями, когда-либо появлявшимися о поземельномъ владѣніи, я его возьму у одного знакомаго въ Шенкурскѣ. Затѣмъ вышлю вамъ труды Архангельскаго Статистическаго Комитета: „Сборникъ юридическихъ обычаевъ“ Ефименко. Петръ Савичъ Ефименко почтенный ученый—этнографъ, живетъ въ ссылкѣ въ Холмогорахъ. Онъ членъ Географическаго Общества, удостоенный медали. Для собранія свѣдѣній объ общинѣ можно обратиться къ нему. Пришлите программу, чего вамъ нужно, и я или Серафимъ напишемъ. Ушаровъ тоже съ нимъ знакомъ. Я вышлю всѣ матерьялы о хозяйствѣ крестьянъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, записки мои и черновыя тетради. Соберу самъ свѣдѣнія для васъ новыя. Вы найдете во мнѣ болѣе сочувствія въ вашей работѣ, чѣмъ предполагали, только, пожалуйста, не сомнѣвайтесь, что я менѣе люблю этотъ вопросъ, чѣмъ вы. Я былъ антагонистъ только голой, теоретической защиты общины, но не фактической, дѣловой.

2-му восточнику послѣ Серафима, вамъ, выпадаетъ великій трудъ для русскихъ.

Книги вамъ пойдутъ, ежели не съ этой почтой, то со слѣдующей. Къ сборнику Ефименко мнѣ бы хотѣлось сдѣлать параллельныя примѣчанія объ общинномъ владѣніи въ нашемъ уѣздѣ и объ обычаяхъ крестьянъ. На нѣкоторые пункты я уже дѣлаю примѣчанья. Поэтому, можетъ, его съ недѣлю задержу.

Книги непремѣнно пошлю, хотя на свой счетъ, отъ Серафимушки толку не дождешься,—семьянинъ.

---

[1]) Сераф. Сераф. Шашковъ (*Ред.*)

[2]) П. П. Семеновымъ, извѣстнымъ общественнымъ и государственнымъ дѣятелемъ и впце-предсѣдателемъ Географ. Общества (*Ред.*)

Письмо XVI.

1872 г. Шенкурскъ, 6 сентября.

Любезный другъ, оба письма ваши я изъ Тотьмы получилъ.

Очень радъ за ваше новое мѣстопребываніе. Вѣроятно, въ городѣ будетъ больше газетъ, журналовъ, образованныхъ людей. Обѣ ваши темы какъ объ общинѣ, такъ и Стат. Географ. описаніе Востока меня съ ума сводятъ. Первая по грандіозности и ея значенію для русскаго міра. Вторая по близости предмета моему сердцу. Достаточно, что я отложилъ самымъ вѣтренымъ образомъ свои работы и работаю для васъ. Роюсь, перечитываю книги объ общинѣ, составляю каталоги и пишу вамъ огромное посланіе по поводу послѣднихъ недоразумѣній объ общинѣ. Посланіе это займетъ листа 3, 4 почтов., но зато мы укоронуемъ зданіе и войдемъ въ покойную гавань окончательныхъ выводовъ. Я сдѣлалъ множество новыхъ открытій и сообщу много вамъ новаго. Послать даже начала теперь не намѣренъ. 2—й и окончательный трактатъ вы должны будете проглотить залпомъ, а теперь терпѣніе; вы слишкомъ нетерпѣливы и вотъ вамъ наказаніе за ваши грубости мнѣ, терпите до слѣдующей почты. Могу только сообщить кое-что изъ программы и изъ темъ, затрагиваемыхъ мною, дабы подстрекнуть ваше любопытство.

Вотъ какія темы будутъ разработаны: Историческое развитіе формъ собственности въ связи съ развитіемъ земледѣльческой культуры. Новѣйшія европейскія изслѣдованія по этому поводу. Теоріи развитія собственности: соціологическіе вулканисты и нептунисты; Карлъ Марксъ, какъ вулканистъ и нептунистъ. Его воззрѣніе на измѣненіе формъ хозяйствъ по мѣрѣ приложенія капитала. Культурно—историческія условія, вліяющія на жизнь общины. Разныя формы хозяйства. Экономическій законъ цѣнностей труда и земли. Доказательство путемъ математической формулы отношеній цѣнности земли къ труду и обратно въ различные періоды исторіи.

Цѣнность земли R=100 и n трудъ=0 превращается въ n=100 и R=0 (это будутъ дифференціальныя исчисленія). Культурно-историческія условія, вліяющія на созданіе собственности. (Не разобрано), наслѣдство.

Какъ община, въ силу культурно-историч. обстоятельствъ, разстается съ прежнею формою владѣнія. Какъ могла община, вѣрная соціальнымъ инстинктамъ, отклониться отъ общиннаго пользованія. Почему она не перешла къ ассоціаціи. Историческое доказательство склонности ряди къ индивидуализму; какъ она сама готовитъ себѣ могилу. Какъ община жертвуетъ своими дѣтьми и почему. Новая форма хозяйствъ, вызванная культурно-историческими условіями. Піонеры

новой системы хозяйства, аванпосты индивидуализма. Какъ въ силу предшествовавшихъ событій община складываетъ свои клейноды. Оцѣнка силы внутреннихъ капиталистовъ и (слово неразборчиво написано). Почему община не можетъ ихъ теперь вытѣснить. Теорія Маркса о капиталистической эпохѣ въ промышленности. Параллель съ капиталистическою эпохою въ земледѣліи. Какъ ихъ переживалъ міръ при прежнемъ порядкѣ. Могущество капиталистовъ, поддерживаемое культурно-историческими условіями. Какъ мой другъ противорѣчитъ въ письмѣ отъ 1 августа. Сраженіе и пораженіе его на 1-мъ пунктѣ, на 2-мъ и на 3-мъ. Разъясненіе, почему важенъ споръ о дезорганизаціонныхъ элементахъ внутри общины. Сравненіе моего друга съ врачемъ-эмпирикомъ, лѣчащимъ внѣшнія язвы. Кто болѣе другъ общины?

Гл. 2. Какъ мы миримся съ моимъ другомъ и продолжаемъ плаваніе, выйдя изъ шхеръ индивидуализма. Обозрѣніе состоянія русской общины при помощи новыхъ данныхъ. Въ какомъ культурно-историческомъ періодѣ она находится. Опасности, предстоящія русской общинѣ, и выгоды ея въ настоящій моментъ міровой цивилизаціи. Какъ я отбрасываю увеличительное стекло, сквозь которое долженъ былъ разсматривать эти опасности, и являюсь въ настоящемъ видѣ. О сопротивленіяхъ ряди, роль ея при новыхъ историческихъ условіяхъ, границы ея сопротивленія. Да, здравствуетъ рядь! Какъ, было, мой другъ принялся торжествовать побѣду послѣ этого крика и какъ я его удерживалъ за фалды. Картина историческихъ условій въ Россіи и въ Сибири. Угрожающіе удары общинѣ. Будущее землевладѣнія тамъ и здѣсь, препятствія тамъ и здѣсь. Развитіе промышленности, вліяющее на земледѣльческую культуру и на переходъ ея къ высшимъ формамъ. Теорія Кэри и Мальтусъ. Разница въ развитіи промышленности въ метрополіи и колоніи. Обратная концентрація. Картина колоніальнаго хозяйства и благопріятные выводы для колоніи.

Выводы: какъ и когда придется спасать общину, наступило ли время. Кто ея спасители. Государство и интеллигенція. Силы интеллигенціи. Надежды на нее идеалистовъ и моего друга. Какъ я разбиваю эти надежды. Анти-общинныя доктрины интеллигенціи, воспитываемыя цивилизаціей. Философско-психологическій анализъ идей индивидуализма и его существованіе въ человѣческой природѣ. Дуализмъ человѣческой природы. Анализъ его Бентамомъ и А. Смитомъ. Общинники и индивидуалисты въ наукѣ и въ жизни. Параллели: Вольтеръ и Руссо, Спенсеръ и Кантъ, Прудонъ и Луи-Бланъ, Дарвинъ, Милль, Лассаль, Николай Гаврилычъ Ч.,[1]) Кавелинъ, Марксъ и т. д. Индивидуалисты и общинники въ жизни; 1-й лагерь: экономисты старой школы, развитіе обоюдоострыхъ доктринъ, юридическій-кавелизмъ; партія либераловъ за ограниченную собственность (С. „Пет. Вѣд.“).

[1]) Чернышевскій. (*Ред.*).

Обоюдоострiе въ русск.-интеллигенцiи, обоюдоострiе въ русской общинѣ. Нарожденiе новаго типа. Какъ я хватаю живьемъ мужика[1])—обоюдоостраго общинника и представляю со всѣми уликами въ руки моего друга. Записки этого экземпляра объ улучшенiи быта крестьянъ, хранящiяся у меня. Право мое на открытiе этого новаго вида животнаго, почему прошу присоединить къ его названiю ярлыкъ открывателя. На основанiи предыдущихъ соображенiй,-ревизiя компаса моего друга. Какъ магнитная стрѣлка, по теорiи долженствующая вѣрно показывать, отклоняется при плаванiи на океанѣ. Какъ она отклонилась у моего друга, забывшаго о существованiи желѣза въ человѣческой душѣ. Ошибки идеализма, выключающiя мужика изъ числа всѣхъ прочихъ человѣческихъ твореній. О способности понимать крестьянами доктрины высшей науки и лучшихъ европейскихъ теорiй и поэтому о быстрой способности ихъ перейти къ новой формѣ труда безъ всякихъ познанiй. Мнѣнiе объ этомъ г. Флеровскаго, г. Ровинскаго и г. Потанина. Маленькiй психологическiй недосмотръ, нѣкоторые примѣры и между прочимъ туземный примѣръ, почему г. Карбышевъ нашелъ киргизъ болѣе развитыми для пониманiя, чѣмъ русскихъ крестьянъ, повѣрка этого мнѣнiя на бухарцѣ Мурзѣ-бекѣ. Какъ практическiе интересы, вызываемые жизнью, могутъ измѣнять теорiи и взгляды, съ которыми безъ этихъ интересовъ можно было соглашаться. Примѣръ томскаго купца, дочитавшагося до разоблаченiя капитала. Новый англiйскiй романъ.

Что надо имѣть въ виду при спасенiи общины и воспитанiи мужика. Наклонность къ занятiю крестьянскими интересами въ средѣ интеллигенцiи. Что отвлекаетъ отъ этого россiйскую интеллигенцiю и что привлекаетъ къ этому интеллигенцiи мѣстныя.

Уральцы и еще одна мѣстная интеллигенцiя, какъ наиболѣе способная къ этому. Какъ мы прибыли наконецъ въ гавань. Мой другъ, закладывающiй на берегу камень, я прошу, чтобы мнѣ было позволено также положить камешокъ. Молебенъ за благополучное окончанiе путешествiя: „Тебѣ, Бога, хвалимъ!“

Неправда ли, заманчивая программа, и одна она столько заняла мѣста.

По поводу этихъ изысканiй объ общинѣ я хотѣлъ даже тиснуть статью въ „Дѣло“, чтобы обратить на этотъ вопросъ вниманiе русской интеллигенцiи, но боюсь перебить у васъ тему, можетъ, вы туда же будете писать. Сдѣлаю это не иначе, какъ съ вашего разрѣшенiя. Хотѣлъ просто маленькiй разборъ статьи Laveley изъ „Revue des deux mondes“.

---

[1]) Экземпляръ communo-miroedus.

Беллетристикой Ник. Иваныча[1]) вы довольны. Какъ вы не требовательны. Я хотѣлъ видѣть что-нибудь блестящее. Жажду восточныхъ талантовъ, которые бы произвели фуроръ въ русской литературѣ. Но что это значитъ, что наши друзья намъ не отвѣчаютъ? Особенно Кат. на мое письмо о его сборникѣ и о значеніи провинціальной литературы. Даже на письма скупы, не говоря ужъ о литературной работѣ. Теперь полемика завязалась въ газетахъ о дѣлахъ на Востокѣ и, кромѣ чиновниковъ, никто ни одной строчки. Господи, гдѣ же это люди? О, несчастный край, о, восточники! увальни, тюлени, сопляки! Обругайте вы ихъ, ради Христа!

Вы хотите по поводу „Голоса“ писать въ „Недѣлю“, она уже выходитъ. Отлично, катайте. Я въ „Петербургск. Вѣдомости“. Дѣлъ полонъ ротъ. Вы говорите, что мнѣ предстоитъ еще отчеканивать восточную беллетристику и выполнить то, что я ожидаю отъ Ник. Ив., завзятаго беллетриста. Покорно благодарю. Да вѣдь поймите же, что и безъ того я у васъ, господинъ Востокъ, выполняю чортъ знаетъ какія разнообразныя обязанности. Я и перевожу съ иностраннаго о колоніяхъ, я и экономистъ, и публицистъ, и рецензентъ, я и поэтъ и беллетристъ. Вѣдь это едва ли Полевой выполнялъ. Посмотрите хоть на теперешнія занятія. Въ „Дѣлѣ“ появилась уже „Англійская колонизація и Турбинъ“, но я уже занятъ статьями въ „Петерб. Вѣдом.“ объ администраціи, это историческія изысканія по одному предмету въ то же время у меня лежитъ на столѣ новая важная статья въ сборникъ Essays by members of The Birmingam specilatie Club 1870. Тутъ одинъ лордъ вопіетъ благимъ матомъ: Hold fast your colonies! и я пускаюсь на помощь этому сержанту, благо онъ сержантомъ и прозывается William Lucas Sergeant. Перевожу, отрываясь отъ занятій. Дѣлаю выписки изъ газетъ по поводу полемики Пауля и его защитниковъ. Веду съ вами переписку объ общинѣ и набираю о ней матерьялы. Наконецъ, тутъ же обдумываю новыя статьи въ „Дѣло“. Вѣдь это чистая бѣда. Присоедините къ этому комическій—драматизмъ моего положенія, когда Григ. Евлампіевъ, печатая статьи, не посылаетъ ни гроша и оставляетъ меня на борьбу съ кредиторами и съ нуждою.[2]) А ваши восточники, какъ Ник. Ив., благоденствуютъ на службѣ, наслаждаются поѣздками въ Питеръ, и съ 1863 г., т. е. въ 9 лѣтъ, напечатали много ли? Сосчитайте эти произведенія: „Торгаша“, „Юровую“, да что то въ „Искрѣ“!.. Отчего же вы ихъ не тормошите? Отчего имъ все простительно? Отчего все отвѣчаетъ мой шиворотъ. Вѣдь эдакъ скоро придется сказать, подобно нищему Гл. Успенскаго, отвѣтившаго разъ будочнику: „Батюшко! да у меня и шиворота то нѣту“. Хорошо

[1]) Наумова (*Ред.*).

[2]) Какъ нарочно, сейчасъ раздается въ кухнѣ моей голосъ: „хоть бы мнѣ рубля два“. Опять кредиторы. Проклятіе!!! Но тсс.! притаимся. Язви ихъ!

однако, я возьмусь и за беллетристику, но признайте же мои заслуги, Милостивый Государь, ежели я вамъ напишу первый сибирскій романъ и обращусь къ Шигину издать его отдѣльно. Нынѣ кончается 10 лѣтъ моей службы восточной литературѣ, вотъ почему я хочу запѣть:

Я десять лѣтъ въ рядахъ дружины ратной
Съ пером моимъ безъ устали служилъ.
Одно молю: за край мой благодатный
Сложить главу, чтобы хватило силъ.

Ежели бы были вмѣстѣ, мы бы выпили за юбилей une chope de bière.

Изъ газетныхъ новостей, которыми вы, вѣроятно, скоро будете сами изобиловать въ Тотьмѣ, могу сообщить, что въ „Голосѣ“ явился противъ „незнакомца“ защитникъ Паули („Голосъ“ № 113). Защитникъ плохой, онъ старается выставить, что и прежніе правители искореняли злоупотребленія, и тутъ же говоритъ, что поборы съ откуповъ и темные сборы по волостямъ были дозволены, какъ не вредящіе краю и служебной дѣятельности... (?!) Тотъ же защитникъ рисуетъ значеніе золотопромышленности, которая оказываетъ благодѣяніе краю. Злоупотребленія, конечно, бываютъ, но начальство и прежде слѣдило за ними. Между прочимъ, сообщается тоже въ видѣ замаскированной инсинуаціи, что Синельниковъ отправляетъ офицеровъ отбирать у рабочихъ деньги и препровождать ихъ мимо кабаковъ. Все это, конечно, напоминаетъ столько же благодѣянія, сколько и насильственную опеку, довольно безцеремонную въ обращеніи... Удивительно, что не придумаютъ простой вещи—основанія сберегательной кассы на пріискахъ съ управленіемъ изъ самихъ рабочихъ. По уставу, деньги пересылать впередъ въ деревни и основывать это на добровольномъ согласіи. Такой проектъ надо бы намѣтить. Полемика превосходно выясняетъ энергію и безкорыстіе начальниковъ, подобныхъ Муравьеву и Синельникову, но также ихъ наклонность къ насильственной регламентаціи и держимордству. Такъ и чешутся руки самому вступить въ эту полемику. Не утерплю, кажется.

Когда я получилъ ваше письмо, писанное послѣ тотемскаго фейерверка, я вернулся съ шенкурскаго фестиваля, съ обѣда у Серафима по случаю именинъ его супружницы. За обѣдомъ я затѣялъ споръ съ Серафимомъ и еще съ однимъ присутствующимъ студентомъ по поводу мѣръ Синельникова. Серафимъ Серафимовичъ, вѣрный своимъ давно вылитымъ убѣжденіямъ, находилъ хорошимъ, что Синельниковъ безцеремонно трясетъ купцовъ за бороды и за ихъ злоупотребленія требуетъ пожертвованій. Я говорилъ о другой сторонѣ дѣла, о диктаторской власти подобныхъ господъ, деморализующей нравы

общества. Чѣмъ подвиги графа Амурскаго были хороши, я не понимаю. Онъ тащилъ съ купцовъ, но все ухлопывалъ на Амуръ, Синельниковъ — на юнкерское училище. Вообще, вредъ дурной регламентаціи очевиденъ, это всегдашній недостатокъ на Востокѣ. Второе, какъ бы цѣли ни были хороши, но безцеремонное обращеніе съ обществомъ, этотъ абсолютизмъ подготовляетъ рабовъ. Это другой недостатокъ. Чему тутъ радоваться? Пора искать другихъ лѣкарствъ, другихъ средствъ. Пусть Генер.-Губернаторъ опирается на лучшіе элементы общества, пусть ищетъ тамъ поддержки и совѣта, а главное, новыя учрежденія: безъ нихъ ничего не будетъ, и дѣятельность Синельникова также эфемерна. Это я говорилъ изъ антипатіи къ единоличному coup'd'êtat, который всегда носитъ недостатки, какъ и петровская реформа. Надо искать спасенья не въ личности, а въ обществѣ. Не знаю, согласитесь ли вы съ этимъ? Не петровецъ ли и вы?

Въ „Иллюстраціи“ есть корреспонденція изъ Тобольска; на Тобольской губ. 400.000 недоимокъ. Описаны подвиги рыботорговцевъ, къ которымъ въ заработки общественныя управленія стали отдавать недоимочниковъ, а маклаки платили за сезонъ отъ 6—14 руб. и закабалили 2.000 народу. Этихъ рыботорговцевъ всего 25. Одинъ исправникъ борется съ ними въ защиту крестьянъ („Иллюстрація“ № 184). Купецъ Фунтусовъ на Енисеѣ посылалъ экспедицію для изысканій соединенія съ Обью. На Чуѣ идетъ торговля. Въ Нерчинскѣ Торгов. Домъ Бутина получаетъ 40 изданій русскихъ и иностранныхъ. О происхожденіи нерчинскихъ торговцевъ сообщу послѣ.

Когда получится „Дѣло“, посмотрите, какъ понравится Турбинъ. Я за него радъ очень. Ежели благополучно окончится „Англійская колонизація“, восторжествую. Молитесь за успѣхъ. У Серафима Испанія не пропущена. Недавно въ Питерѣ было auto da fe надъ книгой испанца Гаридо. Вотъ куда хватила Испанія то.

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

Что съ нами дѣлаетъ Благосвѣтловъ—одному только Богу извѣстно. Пятачка нѣту дома. Ну, работа у русскихъ издателей!

Книги вамъ посланы, извѣстите, получили ли?

Собираю свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне готовы перейти къ выкупу участковъ въ собственность.

Письмо XVII.

27 сентября 1872 г. Шенкурскъ.

Григорій Николаевичъ:

Милѣйшій другъ, дивлюсь, что вотъ уже нѣсколько недѣль не получаю отъ васъ писемъ и отвѣтовъ; получили ли вы въ тотъ мѣсяцъ мои два письма и книги. Не больны ли вы, или затрудняютъ финансы? Я сдѣлалъ порученіе въ Питеръ выслать вамъ часть денегъ изъ своей получки. „Дѣло“, вѣроятно, получили и прочитали, чѣмъ интересовались. Тѣмъ болѣе удивительно, что нѣтъ отъ васъ отвѣта.

Я писалъ вамъ, что желалъ написать теоретическую статью по поводу землевладѣнія. Поэтому добылъ статью Кавелина въ полномъ собраніи его сочиненій, наконецъ, отыскалъ Сборникъ Кобденскаго клуба, со статьями и изслѣдованіями о заграничномъ землевладѣніи.

Жду отъ васъ писемъ, чтобы отдать отчетъ о прочитанномъ. Въ Англіи готовится реформа землевладѣнія. Программу Джона Стюарта Милля можно перевести и выслать вамъ.

Я перевелъ статью изъ „Опытовъ“ или „Записокъ“ Бирмингамскаго клуба: „Hold fast your Colonies“. Новаго мало, но аргументація замѣчательная.

Авторъ помѣшанъ на величіи Англіи; выписки и конспектъ фактическихъ данныхъ вамъ представлю.

Дивлюсь, ждалъ отъ васъ письма и программы по поводу свѣдѣній, какія слѣдуетъ собрать о землевладѣніи, и собирался рекомендовать этнографа, который можетъ многое доставить, и на это нѣтъ отвѣта.

Нашъ редакторъ Григорій Евлампіевъ просто дуритъ и разсчета не дѣлаетъ. Извѣстилъ, что его не было въ Питерѣ, и прислалъ 25 руб. мнѣ съ недѣлю и болѣе назадъ. Между прочимъ, онъ извѣстилъ, что продолженіе статьи моей получено, но взглядомъ на колонизацію въ послѣднихъ статьяхъ моихъ остался не совсѣмъ доволенъ. Что онъ ожидалъ, не знаю.

Какъ бы то ни было, но, конечно, не онъ судья въ этомъ дѣлѣ. Буду ждать, какъ вамъ понравится.

Андрей Павловичъ извѣстилъ, что наконецъ уѣзжаетъ на родину. Получили ли вы отъ него что́, онъ долженъ былъ написать вамъ.

Газетныя извѣстія крайне скудны и печальны. Пресса едва дышитъ. Вѣрно, мало подписчиковъ. Григорій Евлампіевъ плачетъ: „Самъ графъ заплакалъ, а нашъ графъ не плакалъ никогда“. „Отеч. Записки“ вышли, а вашей статьи нѣтъ. Говорилъ, затянутъ. Что работаете теперь? Полу-

чаете-ли книги? Я выписалъ „Essays of Cobden Club“ со статьями о землевладѣніи; какъ получу, просмотрю и вышлю къ вамъ. Поручено и другія книги купить для меня.

Извѣщайте же скорѣе, что значитъ ваше молчаніе, вашъ братъ

Н. Ядринцевъ.

Пожалуйста, посылайте отвѣтъ, живы ли, здоровы ли.

Письмо XVIII.

1 октября, Шенкурскъ.

Милый другъ, сегодняшняя почта принесла мнѣ новость. Книга моя вышла и объявленіе въ газетахъ уже отпечатано. Жду экземпляровъ для пересылки вамъ. Итакъ, вамъ предстоитъ вновь рецензія. Отъ Битмида, удивляюсь, нѣтъ никакихъ извѣстій, хотя деньги для пересылки вамъ и на книги онъ получилъ. Я вамъ писалъ, что Сборникъ Кобденскаго клуба о землевладѣніи я предпочелъ выписать въ подлинникѣ и перешлю вамъ. Я прочиталъ сборникъ въ переводѣ Хана. Всѣ статьи подтасованы въ защиту мелкой поземельной собственности. Лавелэ, продолженіе статей котораго о первобытной общинѣ въ Россіи, Индіи, въ Германіи, Англіи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи, въ древнемъ Римѣ и Китаѣ помѣщены въ „Revue de deux mondes“ іюль, августъ и сентябрь, я дочитываю, наполнены, довольно подробными свѣдѣніями изъ Мэна Маурера и другихъ. Мауреръ изслѣдованію общины въ Германіи, говорятъ, посвятилъ 12 томовъ, но его симпатіи также къ мелкой собственности. Изъ всего прочитаннаго я было думалъ сдѣлать компиляцію по вопросу европейскаго землевладѣнія. Но, какъ вижу, не хватаетъ матерьяловъ, а вопросъ очень важный. Вычиталъ только я изъ Кобденскаго сборника, что мелкія поземельныя собственности въ Брабантѣ, во Франціи, прибѣгаютъ къ складчинамъ, входятъ въ союзъ для заведенія машинъ и усовершенствованныхъ орудій и проч. Это начало ассоціаціи; конечно, долженъ слѣдовать переходъ къ общей обработкѣ, но защитники мелкой собственности этого не хотятъ видѣть. Они настаиваютъ также, что latifundia т. е. абсорбированіе мелкой поземельной собственности крупною, не угрожаетъ нынѣшнимъ обществамъ, и ссылаются на Францію и Брабантъ. Во Франціи, говорятъ они, напротивъ, крупныя имѣнія распродаются и дробятся, въ Бельгіи, они говорятъ, нѣтъ опасности отъ крайне мелкаго дробленія, такъ какъ крестьяне имѣютъ инстинктъ и обычай не допускать участки при наслѣдствѣ до столь малыхъ дѣленій, что обработка становится невыгодной. Что касается Франціи, то фактъ этотъ требуетъ подтвержде-

нія статистикой, тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчитъ экономическому развитію народовъ и могуществу развивающагося капитала. Но провѣрить у меня нѣтъ подробной статистики, для этого надобно особыя спеціальныя работы.

Также защитники мелкой собственности умалчиваютъ о необходимости перехода этихъ собственниковъ къ хозяйствамъ фермернымъ, въ силу агрономическаго прогресса. Между тѣмъ авторъ статей объ общинѣ въ „Современникѣ“ именно указываетъ на эту необходимость. Замѣтно однако, что ученые защитники мелкаго европейскаго землевладѣнія, явившись въ лицѣ Лавелэ, Лесли, Милля и проч., стали на фактическую почву и подтверждаютъ свою теорію статистикой и наблюденіями. Стало быть, имъ можно противопоставлять только фактическія же доказательства.

Я перечиталъ статьи объ общинѣ въ „Современникѣ“ 1857, 58 и 59 г. Одна статья—2-й отвѣтъ Эконом. Указат. „Современникъ“ 1857 г. № 11 и 12, доказываетъ вліяніе агрономическаго прогресса на землевладѣніе и находитъ лучшую форму для этого прогресса—общину. Но доказательства не историческія и фактическія, а только теоретическія и логическія.

Однимъ словомъ, съ защитниками теоріи мелкой собственности вести борьбу надо новыми пріемами и новымъ орудіемъ.

Милль, какъ самый уступчивый, уже допускаетъ и предлагаетъ англійскому правительству выкупить земли и провести ассигновки для земледѣльческихъ ассоціацій. Вдобавокъ, кромѣ Кобденскаго клуба, есть еще клубъ съ болѣе радикальными требованіями, тамъ требуютъ полную экспропріацію земли въ пользу народа. Все это вопросы живые на Западѣ. Вопросъ о землевладѣніи поднятъ тамъ въ корнѣ. Вотъ те и отсталая Европа со старыми формами землевладѣнія, которыя считали столь присущими ей! Въ статьѣ Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“, которыя вы не получили при переходѣ въ Тотьму, есть кое что объ этомъ. Когда получу „Англо-Саксонскую Общину“ также вышлю вамъ.

Лавелэ во 2-й статьѣ своей объ общинѣ, разсматривая древнегерманскія марки, даже восхищается этимъ старымъ общиннымъ порядкомъ, несмотря на то, что находитъ его неприложимымъ. Онъ говоритъ, что то земледѣліе, которое описываетъ Тацитъ у германцевъ, теперь существуетъ въ Южной Сибири.

„Ce mode d'exploitation tout barbare, замѣчаетъ онъ,qu'il paraisse, est cependant le plus rationnel et le plus économique, car c'est celui, qui livre le plus de profit net. Tant que l'etendue ne manque pas, à quoi bon

accumuler beaucaup de travail et de capital sur un petit espace? справедливо замѣчаетъ онъ.

Въ статьѣ Лавелэ я долго отыскивалъ, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи частной собственности и вырожденіи ея изъ общины помощью *естественнаго*, а не насильственнаго порядка, и нашелъ только, что первое начало частной собственности положено самими общинами уступкою земель для расчистокъ и новинъ въ полную наслѣдственную собственность. Потомъ указанія, что неравенство богатствъ, зарождавшееся въ общинахъ, вліяло на степень обработки и предпріимчивости. Первые новинщики или кулижники, осѣвши, говоритъ Лавелэ, первые примѣнили трехпольное хозяйство. Итакъ, мое предположеніе, высказанное въ запискѣ, приготовленной для васъ, что міроѣды были и пропагандистами новыхъ способовъ хозяйства, оправдалось.

Я вамъ приготовилъ подробную записку разныхъ предположеній и объясненій о происхожденіи собственности, и мои картины полнѣе въ этомъ случаѣ Лавелэ. Записку эту, какъ невмѣстимую въ обыкновенное письмо, пришлю съ книгами и всѣми другими матеріалами о землевладѣніи.

Отчего вы не написали программу для отсылки этнографу Ефименкѣ, и что ваши изслѣдованія объ общинѣ, что вы замолчали? Мнѣ кажется, что изслѣдованіе о первобытной общинѣ на Востокѣ еще важнѣе, и я бы вамъ совѣтовалъ начать переписку съ Ровинскимъ чрезъ Андрея Павловича, чтобы узнать о добытыхъ имъ изслѣдованіяхъ. О вашемъ статистико-географическомъ описаніи вы тоже не упоминаете. Я готовъ составить программу. Но вы должны сообщить темы, которыя намѣреваетесь затронуть, будетъ ли тутъ исторія или одни этнографическіе очерки, хотите ли писать популярно à ля Завалишинъ или строго-ученое изслѣдованіе? Ничего этого я не знаю. Еще замѣчаніе объ изслѣдованіи общины въ Россіи. Не находите ли вы своевременнымъ и въ Россіи учрежденіе ученаго общества, подобно англійскимъ, для изслѣдованія землевладѣнія и общины, это могъ бы сдѣлать Семеновъ и другіе. Не напишете ли о важности такого изученія секретарю Географическаго Общества. Я о семъ очень размышлялъ и нашелъ, что это даже необходимо, какъ въ виду чистой науки, такъ и вообще для спасенія общины. Мысль блестящая и заманчивая.

Прочелъ на дняхъ одну статью Жуковскаго: „Вопросъ народонаселенія“ еще въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1871 г.; я ее оставлялъ до времени. Доказываетъ съ политико-экономической точки зрѣнія выгоды для мірового прогресса отъ колонизаціи. Принялъ къ свѣдѣнію и сдѣлалъ выписки. Въ послѣднемъ „Вѣстн. Евр.“ за октябрь прочиталъ его же разборъ „Соціальной науки“ Кэри. Жуковскій не доволенъ

пріемомъ доказательствъ противъ Мальтуса, но съ теоріей децентрализаціи вполнѣ согласенъ. Онъ самъ даже пускается въ подтвержденія необходимости переходить къ мѣстной мануфактурной промышленности и указываетъ, что вслѣдъ за мануфактурой явится и цивилизація. Благосостояніе рабочаго сословія и его развитіе будетъ все-таки выше, чѣмъ въ странѣ земледѣльческой. Извѣстно, что нѣкоторые соціалисты это оспариваютъ. По мнѣнію Жуковскаго, это истина, не требующая доказательствъ. Итакъ, мануфактуры и мануфактуры, хоть бы и при капиталистическомъ хозяйствѣ, вотъ средство поднять страну. Я ужъ это давно чуялъ, а вы все сомнѣвались. И буржуазія окажетъ благодѣяніе, и она имѣетъ роль въ развитіи народовъ, а расшириться можно ей и не дать. Не то время. Ея роль будетъ собрать народъ, устроить учрежденіе мануфактуры, а лучшая организація впослѣдствіи зародится уже въ этомъ учрежденіи, какъ новая потребность. Въ доказательство необходимости мѣстной промышленности Жуковскій приводитъ авторитетъ Ф. Тюнена (Уединенное государство). Тотъ доказываетъ различіе доходности, зависящее отъ разстоянія участка отъ рынка, доказываетъ это формулами и корнями. Давай сюда и *корни*: „все“ годится; подавай и веревочку, говоритъ Захаръ, но это не веревочка, а цѣлая веревка, канатъ, удерживающій теорію. Да здравствуетъ Тюненъ!

Нашелъ статью въ „Вѣстникѣ Европы“: „Очерки Тасманіи съ ея конституціей“, написанная морякомъ Линденомъ. И оттуда сдѣлалъ извлеченіе. Статью о колоніяхъ съ англійскаго перевелъ. Экстрактъ сообщу. Защитникъ англійскаго владычества чаще всего комиченъ, какъ Пиквикъ. Есть отрывочные факты о торговлѣ, о рабствѣ въ колоніяхъ и доказательства, что колоніи питаютъ уваженіе къ Британіи и благодарность за самоуправленіе. Недавно въ Англіи былъ конгрессъ по соціальнымъ наукамъ (извѣстіе изъ газетъ), гдѣ разсуждали о положеніи колоній и гдѣ одинъ ораторъ утверждалъ, что колоніи питаютъ миролюбивыя чувства и отдѣляться не хотятъ, но были и оппоненты (Отчеты, не знаю, есть ли въ печати).

Мою статью о колонизаціи въ „Дѣлѣ“, какъ и слѣдовало ожидать, Благосвѣтловъ обрѣзалъ жестоко, а мѣстами и исказилъ. Такъ что къ ней надо писать комментаріи. Въ концѣ, гдѣ я обращаюсь къ русскому читателю и говорю: „кто не эксплоатировалъ колоній, кто не желаетъ ихъ эксплоатировать и т. д.“ вычеркнуто. Конецъ о будущей колоніальной политикѣ—вычеркнутъ и замѣненъ. Просто руки опускаются! Хотѣлъ писать вторую статью о колонизаціи, но рѣшительно невозможно.

Я хотѣлъ написать о внутреннемъ развитіи колоній, но такъ какъ придется говорить, что это развитіе основано на политической и

кономической децентрализаціи, вмѣсто прогрессивной европейской централизаціи, то это-то и не понравится Благосвѣтлову. Къ тому же надо новыя книги, старый порохъ истраченъ. Шашковъ выписываетъ книги объ Индіи и хочетъ написать статью о привитіи англійской цивилизаціи въ Индіи *не съ одной обличительной* точки зрѣнія. Онъ уже получилъ огромное нѣмецкое сочиненіе. Не знаю, получаете ли вы вновь „Дѣло“. Въ августовской книжкѣ статья о политехнической выставкѣ въ Москвѣ написана Омулевскимъ, гдѣ онъ размечтался насчетъ почты по Сибири, о тундрѣ, объ оленяхъ и проч. Въ его мозгу все еще Сибирь—тундра и другихъ представленій нѣтъ. Въ сентябрьской книжкѣ онъ написалъ стихи „Друзьямъ“, гдѣ проситъ помянуть его, что онъ честенъ, честно мечтаетъ, живетъ и т. д. Одинъ изъ друзей его подписалъ подъ этимъ стихотвореніемъ:

Я читалъ твое признанье,
Гдѣ гордишься ты собой;
Вѣрю я тебѣ, что честенъ,
Но ты глупъ, любезный мой!
Кто про собственную честность
Накатаетъ мадригалъ,
Мысль рождается невольно:
Вѣрно, что-нибудь укралъ.

Хорошо ли?

Затѣмъ позвольте васъ поздравить съ новымъ романистомъ. Въ сентябрьской книжкѣ помѣщенъ романъ Каразина „На далекихъ окраинахъ“. Описана жизнь въ Ташкентѣ. Картины, сцены—прелесть. Его уже критика сравнила съ Герштеккеромъ.*) Но онъ лучше. Кисть шире, блеску больше. Стиль Гюго, мѣстами юморъ Гоголя, есть сценки Диккенса. Шикъ, я вамъ говорю, только много эффектовъ, авторъ очень любитъ ужасное. Авторъ рисовальщикъ и художникъ, отъ этого картины ему удаются блестяще. Особенно хорошо описаны звѣри: „степные волки“, верблюдъ, тигрица. Хороши и люди, походящіе на звѣрей. Героями—русскіе офицеры, кутящіе, шуллерничающіе и проч. (цивилизаторы). Природа—прелесть. Ароматъ юга, бархатный воздухъ, виноградники, арыки, ночи, освѣщенныя факелами сарты, —все это изображено дивно. Я читалъ этотъ романъ нашему бухарцу. Общее одобреніе. Кабы этого романиста въ наши края!

На дняхъ англійскія газеты сообщили о посольствѣ Бухарскаго эмира къ индійскимъ властямъ англичанъ о помощи. Эмиръ получилъ отказъ. Англичане пишутъ, что Среднюю Азію они рѣшили предоставить русскимъ, вплоть до Пешевара.

*) Нѣм. романистъ и путешественникъ (его романы изд. для юношества).

Венюковъ въ Географическомъ Обществѣ читалъ записку объ инородцахъ Сибири и рѣшилъ, что, при разнообразіи племенъ, въ Сибири нельзя теперь примѣнить никакого управленія. Общество аплодировало. Страна безъ управленія. Браво! Вотъ одолжилъ!

Довольно, пойдемъ служить молебенъ о рожденіи сына, котораго я давно ждалъ. Другъ мой, это первыя строчки не искаженныя.

Вашъ *Н. Ядр.*

Битмидъ меня бѣситъ своимъ молчаніемъ.

О своихъ работахъ въ будущемъ я только еще соображаюсь и прочитываю кое что.

Мирза Медичъ недѣли 3 тому назадъ получилъ лексиконъ тарско-тюркскихъ нарѣчій, очень подробный. Напишите, какъ называется сочиненіе Бабе́ра[1]) и что въ немъ?

Появилось объявленіе Иркутской газеты „Сибирь“; цѣна 5 руб.; кажется, будетъ очень мала. Едва ли тамъ удастся разъѣхаться.

Узнайте, не получаетъ ли кто въ Тотьмѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Послѣдите за ними, тамъ чаще новости.

Забылъ еще важную новость. Щаповъ написалъ: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ“. Мысли сибиряка о сибирскомъ обществѣ. „Отечественныя Записки“, сентябрь. Не читалъ еще.

Письмо XIX.

22 октября 1872 г.

Милый другъ, молчаніе ваше для меня было крайне загадочно и тяжело невыносимо. Я полагалъ, что что нибудь, кромѣ финансоваго кризиса, могло помѣшать вамъ писать, напримѣръ, болѣзнь. Къ тому же и положеніе журналистики было очень невеселое и загадочное. „Дѣло“ не выходило 2 мѣсяца. Редакторъ ничего не писалъ. Извѣстій ни откуда не было. Какой то туманъ заволокъ все. И въ это время ни строки, ни вѣсточки отъ друга, и загадочныя мученія, что съ нимъ дѣлается. Только предшествовавшая и сегодняшняя почта принесла кой-какія новости, а „Дѣло“, наконецъ, прорвалось, оно вышло—и, представьте, съ окончаніемъ моей статьи о колонизаціи. Съ этой же почтой и ваше письмо. Ура! Къ чорту сырую погоду и меланхолію, затопляйте каминъ, лампа дружбы снова сіяетъ въ моей комнатѣ.

---

[1]) *Баберъ*—Наме, «Записки о жизни Бабе́ра». Туркестанскій принцъ Бабе́ръ объединилъ значительную часть Туркестана подъ своей властью, двинулся со своей арміей черезъ долину Кабула къ Индіи, завоевалъ сѣверо-западную часть Индіи и положилъ начало имперіи Великаго Могола. (П.)

Садитесь-же къ огню, дружище, давайте, поговоримъ, чѣмъ вы озабочены, что васъ безпокоитъ.

Дѣло въ томъ, что васъ, вѣрно, сильно притиснули обстоятельства въ Тотьмѣ. Винить въ этомъ приходится нашихъ петербургскихъ знакомыхъ. Сидя безъ гроша, я уже нѣсколько недѣль послалъ довѣренность Битмиду получить у Благоса деньги за статью, изъ коихъ 25 руб. употребить на книги, нужныя мнѣ и вамъ (Канаду, Cobden Club Essays, Англосаксонскую Общину и Отчетъ о Тюремномъ Конгрессѣ). Остальные 25 р. поручилъ выслать немедленно вамъ. Благосъ, какъ оказалось, недавно былъ зачѣмъ то въ Самарѣ, и порученіе Битмида, вѣроятно, затянулось. Отъ него я еще не получилъ отвѣта. Но съ прошлой почтой Благосъ, посылая Серафиму деньги, сказалъ, что мои деньги 50 руб. выданы въ магазинъ Иногороднихъ на книги, т. е., Битмиду. За эту довѣренность Битмиду, который его врагъ, редакторъ отплатилъ мнѣ любезностью, неославъ лично мнѣ ни гроша. Ну, да мы съ нимъ разочтемся! Какъ бы то ни было, деньги теперь въ рукахъ Битмида, и, можетъ быть, съ слѣдующей почтой онъ выполнитъ мое порученіе, т. е. пошлетъ вамъ 25 руб., а мнѣ книги.

Чтобы дѣло съ Битмидомъ не затянулось, покуда Серафимъ пошлетъ вамъ малую толику. Кромѣ того, я просилъ одного знакомаго написать немедленно въ Петербургъ, чтобы вамъ выслали 30 руб. сер. (gratis). Итакъ, дѣла, можетъ, скоро поправятся. Но я проникаю кромѣ финансоваго кризиса, васъ сильно безпокоитъ вашъ журнальный дебютъ и нѣкоторыя неудачи. Вы огорчены возвращеніемъ статьи изъ „Отеч. Записокъ“ и опасаетесь за рецензію, приготовляемую въ „Дѣло“.

Ради Бога, не сокрушайтесь отъ этихъ неудачъ. Это дѣло обыкновенное, и у меня статьи возвращались изъ „Отеч. Записокъ“, Богъ знаетъ, почему. Напримѣръ, статья о Сѣверѣ, за которой я сидѣлъ полгода. У Серафима множество статей не проходило. Пишетъ, пишетъ человѣкъ и, трахъ! все потеряно. Я говорю, это вещи обыкновенныя. Не удалось, надо начинать снова, на другую, на третью, на четвертую тему. Таковы условія поденнаго журналиста. Необходимо только при писаніи какъ статей, такъ и рецензій пріобрѣсти сноровку и приноровиться какъ къ редакторскимъ, такъ и цензурнымъ требованіямъ. Для выполненія перваго условія, я такъ начиналъ первыя рецензіи, напримѣръ, о Максимовѣ: просто передавалъ содержаніе книги и лишь мѣстами и осторожно въ концѣ замѣчалъ несообразности,—рѣзкости прибавитъ самъ редакторъ. Такъ надо дебютировать. Но редакторъ еще не важное, важнѣе цензура, а она теперь строга,

изъ 72 напечатанныхъ листовъ для 8-ой книги „Дѣла“ пропущено менѣе 30. Вотъ что извѣщалъ редакторъ: „Пишите, но выкиньте все обличительное, ни слова, ни намека объ администраціи и чиновникахъ“; наконецъ, проситъ въ послѣднемъ письмѣ у Серафима статей, гдѣ бы *не было капли тенденціозности*. Таковы времена наступили[1]). Тутъ и приноровляйтесь! Напрасно озаглавили статью „Бюрократич. Наука на Востокѣ“, просто „Наука на Востокѣ“[2]). Потомъ, ежели не пройдетъ статья, или она еще не отослана; пишите по моему рецепту, передавайте просто содержаніе, дѣлайте выписки. Это благонадежная и вѣрная часть, въ концѣ прибавляйте, что хотите; ежели половину урѣжутъ, останется вторая половина. Совѣта этого особенно надо держаться теперь, во время литературнаго кризиса. Относительно статей, совѣтую по нынѣшнимъ временамъ начать какіе нибудь этнографическіе, географическіе очерки. Это по вашей части—разъ, второе—это въ самую шахту. (Помните, что тенденціозности ни-ни не допускается).

Такіе географическіе или этнографическіе, статистическіе и т. д. очерки Финляндіи, Сибири или Вологодской губ., ежели найдется матеріалъ, можете послать въ „Бесѣду“[3]), въ Москву. Въ „Бесѣдѣ“ есть отдѣлъ „Русская Земля“, гдѣ помѣщаются именно такіе очерки. Попробуйте. Мнѣ кажется, что именно очерки „Земледѣльческая Сибирь“ годились бы для этого журнала.

Я самъ думаю туда писнуть „Сѣверъ“. Въ „Дѣло“, между тѣмъ Серафимъ дастъ запросъ (онъ авторитетнѣе) о „Лютыхъ дняхъ“. Не знаю только, цензурны ли они по наступающимъ временамъ. Но никто, какъ Богъ! Литература, я вамъ говорю, въ худыхъ душахъ. Редакторъ пишетъ, что руки опускаются. На „Дѣло“ особенно налегаютъ, да не легче, вѣрно, и другимъ. Газеты, напримѣръ, „С. Петерб. Вѣдомости“ получаются въ образѣ стараго „Сына Отечества“, а скоро начнется Булгариновщина. Началось съ новыхъ правилъ о печати, по которымъ журналъ и книга можетъ быть взята и уничтожена безъ суда.

Началась паника. По газетамъ видно, 2 книги „Бесѣды“ взяты и уничтожены. „Дѣло“ два мѣсяца боролось съ цензурой. Ни одинъ издатель не осмѣливается выпустить книги, объявленій не появляется. Книгу Серафима „Судьбы женщины“ боятся выпустить 2-ымъ изда-

---

[1]) Серафимова „Испанія“ не прошла, ни одной статьи и рецензіи его не осмѣливался Б. представить въ цензуру. Погибнетъ.

[2]) Статья подъ заглавіемъ „Бюрократическая наука на нашемъ Востокѣ“ была напечатана Григ. Ник. Потаниным въ №№ 97 и 98 „Камско-Волжской Газеты“ за 1873 г. и подписана: — о — (Ред.)

[3]) „Бесѣда“—ежемѣсячникъ лѣваго крыла славянофиловъ, изд. С. А. Юрьевымъ 1871-72 г. г. (Ред.)

ніемъ. Нѣкоторыя книги, давно уже выпущенныя и распроданныя, изъимаются изъ продажи: Фердинандъ Л., Шигинъ на какой то книгѣ нажегся. Благосъ сдѣлалъ попытку выпустить рѣчи Борка, сами по себѣ невинныя и давнія,—провалились,книга пропала—взята. Былъ недавно положительный туманъ, и въ газетахъ ничего нельзя было разобрать.

Теперь появляются какія то отрывочныя лаконическія извѣстія, которыя, вѣроятно, пугали журналистовъ. Извѣстный адвокатъ Урусовъ[1]), пишетъ „Петерб. Листокъ", выѣхалъ въ Венденъ (Ревельской губ.), „Недѣля", № 21, 22, сообщаетъ о закрытіи всѣхъ школъ барона Корфа[2]). Не знаю, что принесутъ слѣдующія газеты. Скоро, вѣроятно, это натянутое положеніе кончится, и журналистика, такъ или иначе, войдетъ въ какую нибудь колею изъ своей „безъ пути дороги".

Я радъ за окончаніе „Колонизаціи". Теперь и съ колокольни! Больше статей моихъ не осталось въ редакціи. Стало быть, и „мнѣ нечего терять, нечего жалѣть", скажу я съ Чайльдомъ, и

Welcome, welcome ye, dark blue waves,
And when you fail sight,
Welcome ye, deserts, and ye, caves!
„Сильнѣе, синіе валы,
Когда жъ исчезнете и вы,
Привѣтъ, пустыни и скалы!"

Теперь придется приноровляться къ новымъ условіямъ, придется оріентироваться. Во время пути вы утеряли журналы[3]). Не задерживаются ли они въ Никольскѣ? Напишите объ этомъ туда исправнику и поручите справиться Битмиду, отосланы ли изъ редакцій Вамъ „Дѣло" съ „Колонизаціей" и Турбинымъ. Непремѣнно надо прочитать, для кого же я и писалъ иначе. Турбинъ во многомъ урѣзанъ и искаженъ, но кое-что осталось. Въ „Петерб. Вѣд." статья моя о „Борьбѣ Сиб. Губернаторовъ" не прошла. Я расчитывалъ писать далѣе о причинахъ, задерживающихъ реформы. Учитесь терпѣнію. Sic transit gloria mundi! Вы пишете, что начинаете страдать „кладбищенствомъ". Это прескверно, мой другъ. Повѣрьте, что иногда находитъ меланхолія и на насъ, но отъ нея надо освобождаться, этотъ червь хуже всякихъ самыхъ дурныхъ обстоятельствъ. Ищите общества и знакомствъ. Въ этотъ періодъ времени у меня было множество непріятныхъ обстоятельствъ. Отсутствіе извѣстій изъ „Дѣла", мракъ литературы, безденежье, загадочное ваше молчаніе, ко всему этому прибавилось то, что бомба влетѣла въ мое сердце. Женщинѣ, въ которой я принимаю

---

[1]) Вѣроятно, кн. А. И. Урусовъ (1843—1900), извѣстный представитель адвокатуры и писатель по вопросамъ искусства. (Ред.).

[2]) Бар. Н. А. Корфъ (1834—1883), земскій дѣятель и педагогъ, сторонникъ всеобщаго образованія, составлялъ книжки для народнаго чтенія и учебники, откр. школы (въ Александр. у., Екатеринослав. губерніи). (Ред.)

[3]) Что за странная Тотьма, я ожидалъ, что здѣсь выписываются всѣ журналы. Вѣрно, у васъ нѣтъ знакомствъ. Справьтесь хорошенько. Вѣрно, есть много учителей. Узнайте хорошенько.

горячее участіе, угрожало несчастіе. Она замужняя, и къ ней явился внезапно мужъ. Пришлось улаживать дѣла, откупаться, и все это во время тяжелаго безпомощнаго положенія. Окончилъ это. Наступаютъ другія заботы, третьи. Заболѣлъ Славянофилъ[1]) страшной болѣзнью, обнаружилось сумасшествіе отъ delirium tremens. Три дня няньчились, какъ съ ребенкомъ. Теперь поправляется. Все это время я былъ на ногахъ, а тутъ тоска жметъ сердце, чуть не отчаяніе нападаетъ за васъ. И вотъ, все прошло, уладилось до полученія вашего письма. Я опять бодръ и свѣжъ, и даже свѣжѣе. Я даже послѣ этихъ печалей и борьбы чувствую какую то новую силу, и, какъ арабскій конь, дрожу всѣми моими нервами и бью копытомъ (отъ) нетерпѣнія, готовый на новый бѣгъ.

Знаете ли, кто во время долгаго молчанія, когда ни откуда не было писемъ, кто, взамѣнъ моихъ друзей, подарилъ меня письмомъ и письмомъ въ стихахъ? Не отгадаете. Вотъ отрывокъ изъ этого посланія, замѣтьте, по этимъ стихамъ можно убѣдиться, что другъ:

Въ ту пору, когда бы кудрями
Лишь виться твоимъ волосамъ,
Съ тоски за глухими стѣнами
Они расцвѣли сѣдинами.
И духъ, какъ ни крѣпъ, ни мужалъ,
До грусти Овидіевой палъ!..
Не мерзнешь, мы знаемъ теперь,
На сѣверѣ ты полудикомъ,
Но чуемъ, какъ *грѣшникъ у Данта*,
Ты рвешься въ родные края.
Раздумье про нихъ у тебя,
Звучитъ, какъ труба Коривантовъ[2]),
И слезы жгутъ очи порой!
Чѣмъ жилъ ты (?), тобою что жило,
Все время въ землѣ схоронило (?).
Ты ива надъ *стеклой* (?) водой...

Скажите, каковъ другъ! Замѣтье, что это другъ, съ которымъ я не переписывался. Ежели бы этотъ одинъ отрывокъ былъ посланъ мнѣ отъ неизвѣстнаго, онъ можетъ быть и подкупилъ бы меня. Но остальныя строки полны ахинеи и разоблачаютъ автора. Авторъ—мой родственникъ, бывшій въ Вѣрномъ, теперь въ Симбирскѣ на тепломъ мѣстѣ при семинаріи.

Откуда онъ узналъ о моемъ раздумьѣ и моемъ влеченіи къ роднымъ краямъ, я догадываюсь. Онъ узналъ изъ статьи моей въ „Дѣлѣ“

[1]) Ушаровъ.
[2]) Миф. предшественники жрецовъ Кибеллы.

о ссылкѣ и по дифирамбу къ родинѣ, оканчивающему послѣднюю статью „Въ ссылкѣ“. (Письмо адресовано черезъ редакцію). Только теперь, узнавши имя автора, въ этихъ сладкихъ строкахъ можно разгадать шпильки, мною подчеркнутыя. Понимаете ли вы теперь, что эта сладкозвучная сирена есть тотъ же посланникъ, который леталъ надъ бѣднымъ Прометеемъ, когда онъ издавалъ стоны, и торжествовалъ надъ его муками. Этотъ вѣчный врагъ Прометея и его дѣтей точно также летаетъ и теперь, и въ то время, когда мы въ минуты невыносимыхъ душевныхъ мученій ударяемъ цѣпями, онъ прилетаетъ къ намъ съ обольстительными словами, подкупая любезностями, онъ торжествуетъ, какъ будто предвидя наше малодушіе и наше нравственное паденіе. Но, да не поторжествуетъ врагъ! Пусть у насъ вырываются стоны времени, но мы будемъ тверды духомъ и скроемъ свои муки. И такъ, будемъ же осторожно высказывать грусть и малодушіе, будемъ беречься „кладбищенства“, ибо оно будетъ принято за „дантовы муки грѣшника“, за раскаяніе и сожалѣніе о похищенномъ огнѣ съ неба. Я держалъ отрывокъ письма, чтобы передать вамъ, теперь оно презрѣнно брошено въ каминъ.

Въ каминъ и „кладбищенство“, чтобы и не явилась къ вамъ, гордому рыцарю, сирена торжествовать вашу тоску.

У насъ есть утѣшительница гордая, прекрасная и могучая—слышите ли вы вдали звуки арфы? Она приближается къ намъ (когда мы сидимъ у камина). Послушайте, что она поетъ:

Милый другъ, не мнѣ являться
Съ сладкимъ ядомъ утѣшеній,
Но моя душа страдаетъ
Отъ твоихъ нѣмыхъ мученій.
Милый рыцарь, гордый духомъ,
Я молю тебя, не падай,
И лучи зари грядущей
Ожидай во тьмѣ съ отрадой. (Въ альбомъ).

Слышите, слышите, что она говоритъ вамъ: она говоритъ: милый, дорогой, умный, другъ мой, ты можешь скорбѣть однѣми гражданскими скорбями, забудь свою темницу и одиночество, люби меня и вѣруй, вѣруй...“

Ахъ, какая это славная, умная подруга! Выпьемъ что ли за нее, мой другъ, бутылочку шипучки передъ нашимъ каминомъ, я васъ угощу бутылочкой не изъ Бургундіи и Шампаніи, я знаю, вы не любите этого вина. Я вамъ дамъ изъ молодого винограда Фергана и Болора, только что привезли. Слуга! Вина и арфу! Откупоривайте, не бойтесь, дружище...

Я рожденъ въ странѣ далекой,
Въ чьихъ гранитныхъ берегахъ
Вѣчно хладною струею
Плещетъ грозный океанъ.

* * *

Я рожденъ въ землѣ обширной,
Гдѣ границъ пространствамъ нѣтъ,
Гдѣ отъ моря и до моря
Развернулся бѣлый свѣтъ.

* * *

Я изъ той страны привольной,
Гдѣ начала нѣтъ рѣкамъ,
И „зелеными морями“
Лѣсъ бушуетъ по доламъ.

* * *

Я изъ той страны, гдѣ горы
Тонутъ въ бѣлыхъ облакахъ
И „извилисты какъ плети“
Расползаются въ степяхъ.

* * *

На горахъ шумятъ тѣхъ кедры,
Выше—снѣга полоса,
А внизу ихъ обвиваетъ
Виноградная лоза.

* * *

То гранитные обломки
Громоздятъ амфитеатръ,
То изъ тополей душистыхъ
Развернулся гордо садъ.

Въ горныхъ высяхъ поднялися,
Ровно чаши, рядъ озеръ,
Мягкой нѣгой, голубою
Очаровывая взоръ.

* * *

На вершинахъ горъ могучихъ
Вѣчно царствуетъ морозъ,
А въ долинахъ гіацинты,
На скалахъ букеты розъ.

* * *

Все, кажись, въ странѣ той диво,
Вся она полна чудесъ,
Горы съ розами близъ снѣга,
А зимой—зеленый лѣсъ.

* * *

Вверхъ стремящіяся рѣки[1]),
Въ бездну бьющій водопадъ,
Рай, раскинутый въ долинѣ,
И ущелій темный адъ.

* * *

Я изъ странъ, въ которыхъ соболь
Съ давнихъ поръ ведетъ свой родъ,
Гдѣ лисица съ горностаемъ
Драгоцѣнный мѣхъ даетъ.

* * *

Гдѣ олень стадами бродитъ,
Гдѣ боберъ родится сѣдъ,
Я изъ той страны, чьей краше,
И пушистѣй бѣлки нѣтъ.

* * *

Я оттуда, гдѣ роскошно
Разстилаются луга,
Что со временемъ поточатъ
„Рѣки меда и млека“.

* * *

Я изъ той земли, чьи нѣдра
Драгоцѣнный держатъ кладъ
Для дворцовъ—порфиръ и мраморъ,
Малахиты для палатъ.

* * *

---

[1]) Арыки, конечно (прим. Н. М. Ядринцева). Арыки, т. е. оросительныя канавы проводятся съ очень незначительнымъ уклономъ. Поэтому сибирскіе крестьяне часто съ удивленіемъ говорятъ, что вода течетъ «въ гору», вверхъ. (Ред.)

Я изъ той страны, что людямъ
Дорогой металлъ дала,
Для царей вѣнцы сковала
И въ порфиры облекла.

* *
*

Въ той странѣ сыздавна зависть
Въ людяхъ лютая живетъ,
Къ почвѣ дѣвственнаго края
День за днемъ маня народъ.

* *
*

И за дальними горами,
Край пустынный и нѣмой,
Постепенно оживляясь,
Блещетъ новой красотой.

* *
*

И я чую вѣщимъ сердцемъ,
Что великою судьбою
Начинаетъ уже вѣять
Надъ землей моей родною!

Писано въ сентябрѣ 1872 года.

Нравится ли Вамъ эта пѣсня стараго шутника Вайделота въ халатѣ и въ аракчинѣ? А вино? не молодъ ли еще виноградъ? скажите откровенно. Я, впрочемъ, боялся, чтобы не скислось. Когда я этимъ винцомъ попотчевалъ стараго нашего кутилу эксъ-славянофила, онъ нашелъ его превосходнымъ.

Перебрали мы пѣсни и Кондратовича „Земе, моя, земе“ и Лермонтова „Люблю я родину, но странною любовью“, и Тютчева „Край родной долготерпѣнья“. Но все это люди плачутъ надъ своей землей. Но молодое вино изъ роскошныхъ виноградниковъ молодой страны, по моему мнѣнію, должно бить ключемъ и шипѣть, какъ признакъ юности, свѣжихъ силъ и молодыхъ, гордыхъ надеждъ. Славянофилъ говоритъ, что это произведеніе слѣдовало бы поднести Омулевскому, ничего до сихъ поръ не выдумавшему, кромѣ плаксиваго „цѣпи, да люди“. И увѣряетъ, что онъ долженъ былъ бы послѣ этого удавиться. Ничего не знаю. Не судья моего „вина“. Критикуйте и ругайте! Стерплю.

Я оставляю покуда серьезныя темы, но въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ насчетъ прочитаннаго мною. Читаю статью Жуковскаго о населеніи, гдѣ выставлены выгоды колонизаціи.

Въ послѣднемъ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщена статья Жуковскаго о Кэри. Еще не читалъ. Прочелъ и то, что вы давно читали и от-

куда вы дѣлали выписки, 1-ю часть Луи-Блана, она на русскомъ. Философія его показалась очень простовата.

Упрекать финансистовъ и экономистовъ, какъ Кольбера, Кине и т. п., что у одного была душа, у другого нѣтъ, кажется, смѣшно. Приверженность къ централизму, все равно якобинскому или другому —претитъ. Все, что могъ извлечь хорошаго—извлекъ.

Шенкурскъ.

Вашъ *Н. Ядринцевъ*.

На поляхъ:

А что ваша статья объ общинѣ, что вы о ней не пишете?

Насчетъ программы этнографо-географо-статистико-историческаго описанія Востока напишу особо. Обдумываю.

Сбоку—къ стихамъ приписки:

Простите за эти попытки, ежели не удачны, но лучшаго я не писалъ и не напишу.

„Пѣсня“ никуда не пошлется. Она—ваша, какъ и все остальное.

Письмо XX.

7 ноября 1872 г.

Григорій Николаевичъ! Милый другъ, сижу и униженно жду, чтобы петербургскіе книгопродавцы смилостивились и прислали взглянуть мою книгу, но сердца ихъ, какъ истыхъ петербургскихъ ростовщиковъ, не растворяются, и они оставляютъ меня мучиться отъ нетерпѣнія. Нѣтъ ничего и отъ Битмида, аккуратнѣйшаго изъ петербуржцевъ, нѣтъ ничего и отъ неаккуратнѣйшаго Благоса (впрочемъ тутъ, денежный интересъ, и потому молчаніе въ порядкѣ вещей).

За то я получилъ „сибирскую почту“; ежели бы еще было письмо отъ васъ, то она была бы въ полномъ составѣ. Милѣйшій Андрей Павлычъ прислалъ письмо изъ Москвы и два послѣдующія письма. Карточка его получена, это вышелъ милѣйшій „бутуска“; онъ, кажется, пополнѣлъ. За неимѣніемъ его самого, я его карточку поставилъ на столъ, какъ фетишъ, и долго просидѣлъ передъ нею наединѣ. И чувство грусти, и затаенной радости, и чувства давно сдавленныхъ привязанностей и вѣры—все встрепенулось, ожило на минуту. Я знаю, что это единственное, можетъ быть, сердце, которое не проклинаетъ насъ, которое простило насъ и жалѣетъ почеловѣчески. А ежели есть одно такое сердце, ей Богу, жить можно.

Книгу мою, конечно, онъ получилъ, а если Благосвѣт. пришлетъ когда-нибудь деньги, то отплачу ему и карточкой. Все это, конечно, бу-

детъ его ожидать на родинѣ. Я сочту за честь встрѣтить его *тамъ*. Вслѣдъ за письмомъ друга, я прочелъ и многія другія строки, такъ или иначе наводящія на мысли о Востокѣ. Предо мною статья Щапова въ „Отечественн. Запискахъ“: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ.“[1]) Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества. (Таково заглавіе). Получены сейчасъ только извѣстія Сиб. Отдѣла т. III. съ статьей Ровинскаго о путешествіи по Забайкалью и со статьей Щапова же: „Объ измѣненіи славяно-русскаго племени въ Сибири“. Наконецъ, предо мною любопытное письмо Бутина, путешествующаго въ Америкѣ, помѣщенное въ 301 № Петербургск. Вѣдомостей“. Матерьялъ обширный для философствованія и раздумья. Къ этому же присоединилась книга, не имѣющая прямого отношенія, но косвенное, это книга Стронина: „Политика, какъ наука“, книга возбуждающая разныя мысли о русскомъ обществѣ и о жизни провинцій, есть и о Сибири (Стронинъ этотъ жилъ въ Шенкурскѣ подъ надзоромъ, малороссіянинъ изъ Полтавы, учитель исторіи бывшій, я съ нимъ былъ знакомъ). Эту книгу я только просматривалъ и говорю, что она наводитъ на мысли. Но разборъ ея, можетъ быть, отложу и до другого раза. Другое дѣло статья Щапова, заставляющая задуматься не столько надъ предметомъ, которому посвятилъ авторъ свою статью, сколько надъ судьбою самого автора. Представьте себѣ человѣка умнаго, даровитаго, высоко образованнаго, рѣшившагося отправиться для изученія общества и его жизни, ну хоть въ столицу. Вы ждете услышать отъ этого человѣка что-нибудь оригинальное, новое, во всякомъ случаѣ солидное, носящее печать самостоятельной мысли, изученія и наблюденія. Но вдругъ является онъ и не сообщаетъ ровно ничего, или, еще того хуже, огорошиваетъ васъ потокомъ самаго обыденнаго либерализма посредственной пробы, заключающаго кучу давно извѣстныхъ и поношенныхъ рецептовъ къ спасенію человѣческаго рода.

Согласитесь, что впечатлѣніе будетъ грустное. Вы вѣдь не того ожидали, ожидали большаго, ожидали чего то другого. Точно также и Щаповъ, человѣкъ давно живущій въ краѣ, начавшій спеціальное его изученіе, человѣкъ, вносившій столько новаго въ область своей науки, какъ бы тутъ ему не сказать чего-нибудь, какъ бы не открыть чего-нибудь въ этой завѣтной terra incognita всѣхъ ученыхъ. А между

[1]) „От. Зап.“, 1872 г., № 10: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“. Статья перепечатана въ „*Сочиненіяхъ* А. П. Щапова“ (изд. Пирожкова 1908 г.), т. III. Она носитъ отпечатокъ памфлета. Н. М. Ядринцевъ позднѣе и въ печати отмѣчалъ отрицательныя черты этой статьи. Нельзя признать справедливой реплику на отзывъ Ядринцева въ предисловіи къ „Сочиненіямъ А. П. Щапова“, стр. CVII—CVIII. (Ред.).

тѣмъ вотъ сущность его статьи. Она начинается учеными выписками и цитатами о томъ, что цивилизація въ человѣчествѣ способствовала высшему развитію нервной системы и высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, честности, кооперативной взаимности etc. Съ цивилизаціею пропадали животные и грубые инстинкты и грубыя эгоистическія наклонности. Ученый авторъ объясняетъ положеніе дикарей, имѣющихъ жестокія чувства, отчего произошло людоѣдство. (Отъ жестокихъ ли чувствъ оно происходитъ или отъ голода, какъ объясняетъ антропологія, мы это оставимъ другимъ доказывать автору). Далѣе авторъ доказываетъ, что у дикарей не было еще „нервнаго элемента“ для понятій о чувствѣ чести, справедливости и гуманности (оставимъ и это астрономамъ доказывать). Послѣ антропофагизма въ человѣчествѣ развились чувства эгоистически-поработительныя (рабство). Наконецъ, явилась новая религія, которая принесла чувство гуманности. (Такъ сказано у автора, и другихъ причинъ онъ *не* приводитъ, какъ измѣненіе экономическаго строя, новыя отношенія и проч.[1]). Этою схемою исторіи нравственныхъ чувствъ заканчиваются историческія объясненія и начинаются объясненія физіологическія. Поколѣнія, вырабатывающія высшія чувства, сохраняютъ за собою преимущества, въ нихъ вымираютъ животные и эгоистическіе инстинкты, естественный подборъ и наслѣдственность вырабатываютъ одни прекрасныя качества, наоборотъ, поколѣнія эгоистическія, обладающія низшею степенью чувства, поколѣнія односторонне-корыстныя, *буржуазныя* должны стремиться къ физическому и нравственному вырожденію и прекращенію рода. Эта смѣлая гипотеза основана на мнѣніи о томъ же физіолога Маудсли (Физіологія и патологія души), принимающаго однако эту гипотезу съ оговорками „можетъ быть“, „весьма вѣроятно“ и проч.

Нашъ компатріотъ вздумалъ доказать эту гипотезу примѣрами изъ жизни сибирскаго общества, представляя наглядно низшее развитіе чувствъ здѣсь изъ господства пріобрѣтательныхъ—корыстныхъ инстинктовъ.[2]) Авторъ увѣряетъ, что онъ зналъ 7 *родовъ* на Ленѣ разныхъ кулаковъ-эксплоататоровъ, поколѣнія которыхъ вырождались въ физическую и умственную слабость или прекращались. Конечно, 7 *родовъ* изъ всего человѣческаго рода, или даже всего сибирскаго населенія, не очень много, но будемъ довольны и повѣримъ автору. Корыстныя чувства передаются въ Сибири, пишетъ Щ. *наслѣдственно* (это непреложная истина). Сверхъ этого естественнаго неразвитія нервно-мозговой дѣятельности, авторъ находитъ и другія причины: индивидуальную

[1]) Авторъ только видитъ одни, такъ сказать, интеллектуальныя вліянія на образованіе высшихъ чувствъ: религію, знаніе, образованіе.

[2]) Мысль о корыстной наклонности и буржуазности сибирскаго общества, не знаю, считать ли открытіемъ автора?

борьбу съ природою за существованіе, вліяніе инородцевъ, естественно-историческія *условія хозяйственнаго* и нравственнаго развитія сибирскаго населенія (Это *второстепенныя* причины! sic!). Въ подтвержденіе, какъ развивались эгоистическіе пріобрѣтательные грубые инстинкты, приводится колонизація; характеръ ея сначала звѣроловный, затѣмъ торгово-промышленный, отличающійся начатками коммерческо-буржуазныхъ понятій и стремленій. Доказательствомъ, какъ крестьянъ (?) охватывали промышленныя и буржуазныя наклонности, нашъ историкъ приводитъ стремленіе ихъ въ городъ, которое необыкновенно усилилось въ половинѣ прошлаго вѣка. „Зло это происходило отъ умствованія, отъ стремленія къ наживѣ“ хитростью и неправдой, отъ зависти къ роскоши и суетному блеску, внѣдрившемуся у хлѣбопашцевъ. Фактъ этотъ, приводимый историкомъ о населеніи сибирскихъ городовъ *крестьянами, стремящимися къ наживѣ*, цѣликомъ заимствованъ (у кого бы думали?) у капитана Андреева, нашего друга и лѣтописца, который, какъ землевладѣлецъ-помѣщикъ, глубоко жаловался на крестьянское развращеніе. Нельзя, конечно, не признать такой авторитетъ! Далѣе развитіе корыстныхъ чувствъ въ Сибири излагается примѣрами: закабаленіемъ и похищеніемъ инородцевъ. „Сотникъ Дороховъ помощью Божіей вывелъ и проч.“ развитіемъ кулаковъ, золотопромышленниковъ (Виноватъ! о золотопромышленникахъ то ничего не говорится, а говорится о развитіи корыстныхъ чувствъ у крестьянъ, подстрѣливающихъ *горбуновъ*, возвращающихся съ пріисковъ). За маклачествомъ образовалась нажива кражей, грабежомъ, промыселъ обкрадыванія обозовъ и т. п. „Вообще въ сибирскомъ населеніи, повидимому, заключаетъ авторъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ, своекорыстныхъ-пріобрѣтательныхъ чувствъ“. И въ окончательное подтвержденіе публицистъ и наблюдатель ссылается на слова *поселенцевъ*: „Сибиряки грубы, немилосерды, *мошенники*, противъ россійскихъ людей далеко не будутъ по *добротѣ сердечной*, они скупы безмѣрно, не жалостливы, безсердечны“. Это тоже, конечно, самый безпристрастный авторитетъ! Далѣе уже слѣдуютъ подтвержденія и наблюденія самого автора. „По-сибирски, *умѣющій* человѣкъ значитъ хитрый наживало, обиратель“. „Сибирякъ бродягъ бьетъ“. „Въ Сибири жены мужей постоянно травятъ сулемой“[1]). „Члены Иркутской Городской думы не жертвуютъ денегъ на библіотеку“. „Когда я, Щаповъ, читалъ лекціи даромъ, одна иркутская *кумушка* спрашивала мою жену, неужели даромъ можно читать?“ (с. 478). „Сибиряки безчувственны, квартирантовъ не уважаютъ, грубы, ставятъ лошадей къ стѣнѣ, которая спать не даетъ, а когда *баринъ* проситъ лошадей убрать отъ

[1]) Обычай этотъ, *вѣроятно изъ Сибири*, занесенъ въ Архангельскую губернію гдѣ „сулема тебѣ въ ротъ“ вошло въ поговорку.

стѣны, не слушаютъ". (с. 479). Сибиряки зубоскалы, сплетники и насмѣшники. Ссыльныхъ высокаго образованія и высоко-образованнаго-западнаго типа не цѣнятъ, ихъ зло осмѣиваютъ и презираютъ. Доказательствомъ этого служитъ жизнь въ сибирскомъ обществѣ декабристовъ, случай съ Михайловымъ въ Тобольскѣ.

Тьфу! Нѣтъ не то, а то что я, Щ., разъ шелъ по иркутскому гостиному двору, вдругъ мнѣ кричатъ: „вишь *большеволосый* и большелобый чортъ, дуракъ, ишь, расхаживаетъ, не видали мы этакихъ дураковъ, эка диковинка!". (Надо замѣтить, что я ношу большіе растрепанные волосы и иногда, выпивши, произношу то, что именно не нравится народнымъ нравамъ и ихъ религіозному чувству, но должны же они меня цѣнить!) (с. 481).[1]) Такимъ доказательствомъ невѣжества, грубости и зубоскальства иркутскихъ гостинодворцевъ, кумушекъ, попадей переполнена половина статьи. Изъ всего этого выходитъ грязнѣйшая картина нравовъ народныхъ, переполненная грубостью, жестокостью, своекорыстіемъ и подлымъ обманомъ ближняго. Достойно ли была эта мелочность, эта мелкая злоба и личные счеты съ обществомъ въ статьѣ солиднаго историка! Не звучитъ ли здѣсь чувство самодовольной барской интеллигенціи, разочарованной въ народѣ и перешедшей къ безпощадному преслѣдованію того идола, котораго когда то возводили на пьедесталъ мученичества, терпѣнія, самые пороки котораго старались объяснить его несчастной жизнью, а за твердость, за его простосердечіе и сохраненіе человѣческихъ чувствъ при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ готовы были лобзать его ноги! Да, только у нашей интеллигенціи, не имѣющей никакой связи съ народомъ, у капризной, фанфаронской, проповѣдующей: „къ чему скотамъ дары свободы", можно встрѣтить столько яду! Есть у нашего историка *однисмягчающія* обстоятельства для его столь неосторожно раскрытой *личной* злобы. Это то, что это не спокойно мыслящій человѣкъ и пробѣгающій спокойнымъ окомъ всѣ коллизіи народной жизни, объясняя ихъ обстоятельствами, что это не членъ какой-либо націи, не гражданинъ, посвятившій себя служенію какой-либо человѣческой группѣ съ теплою любовью. Нѣтъ! Это *ссыльный*, человѣкъ безъ народной вѣры, безъ любви къ средѣ, въ которой живетъ, это человѣкъ безъ отечества, у котораго вѣчно кипитъ адъ въ сердцѣ![2]). Онъ маскируется любовью къ идеалу, желаніемъ блага людямъ, но проклятія звучатъ у него тому мѣсту, гдѣ онъ прикованъ, откуда онъ спѣшитъ вырваться. По странному случаю однако этотъ несчастный ссыльный какъ

[1]) Слова Щапова Ядринцевымъ намѣренно утрированы, а не переданы дословно. (Ред.)

[2]) „О,—воскликнулъ Ушаровъ, прочитавъ Щапова статью,—ежели бы мнѣ можно было написать объ Архангельской губерніи!"

бы прикованъ ссылкою къ мѣсту, которое онъ долженъ былъ любить по свойствамъ человѣческой природы и которое онъ, однако, ненавидитъ, какъ мѣсто своего изгнанія. Какая страшная судьба, какая драматичность положенія! Неужели неволя такъ ужасна, что даже сынъ, прикованный къ колѣнямъ матери, въ дикомъ гнѣвѣ искусаетъ сосцы, которые его вскормили?..

Вы, можетъ быть, мой строгій судья, найдете много извиняющихъ обстоятельствъ для нашего историка, виноватъ, не нашего, вы скажете, что буржуазность и своекорыстіе, какъ намъ извѣстно, фактъ (хотя не новый), что автора извиняетъ военное положеніе, которое онъ принялъ противъ буржуазіи и ея духа въ виду будущихъ поколѣній. Но мой другъ, вспомните же безпристрастныя задачи историка во имя хоть той же священной истины, во имя науки. Вспомните, *все ли* перечислено, что воспитывало жестокость въ народѣ и его портило. Здѣсь говорится о жалобахъ поселенцевъ, о битьѣ бродягъ, но ничего не говорится, какъ огрубила народъ эта борьба съ ссыльными, какъ развращали ссыльные этотъ народъ. Въ статьѣ говорится о притокѣ образованныхъ людей съ запада, а не говорится, какъ „навозъ“ развращалъ страну и какъ дѣйствовалъ и подавалъ примѣръ тѣмъ же своекорыстнымъ инстинктамъ. А золотопромышленники и ихъ абсентеизмъ? Здѣсь упоминается о пріобрѣтеніи дикости и звѣрства въ лѣсахъ у крестьянъ, о борьбѣ съ природой, развившей *только* своекорыстіе и индивидуализмъ, въ которомъ только указаны однѣ дурныя стороны. Но развѣ эта борьба, эти завоеванія огромнѣйшаго материка, эта чудовищная вѣковая культура не заслуживаетъ вниманія, развѣ не тому же народу она обязана, въ который теперь кидаютъ грязью, когда онъ, совершивъ могучую и великую работу, вышелъ не въ лайковыхъ перчаткахъ, а въ рабочемъ фартукѣ Вулкана? Развѣ въ этой страшной работѣ оставленному на произволъ народу среди лѣсовъ нѣтъ извиненія? Какое же тутъ безпристрастіе! Мало того, развѣ не той же погонѣ за наживой обязана страна была своимъ пріобрѣтеніемъ, трудомъ, подготовкой почвы для будущихъ счастливыхъ поколѣній? Индивидуализмъ, стремленіе къ наживѣ, къ богатству каждой личности—былъ прогрессивнымъ явленіемъ въ общемъ ходѣ исторіи. Во имя его люди шли въ одиночку по лѣсамъ, жили десятки лѣтъ въ тайгѣ, вели впередъ колонизацію, обрабатывали почву, отыскивали сокровища. Скажите, развѣ не та же страсть двигала С. Америк. Штаты!.. Я ничего не говорю въ защиту этой страсти, но мнѣ грустно за ту односторонность, съ какою стали смотрѣть наши образованные люди, какъ вообще на русскій народъ, такъ и на нашъ въ особенности. Мнѣ кажется, что въ нихъ говоритъ чувство болѣе личное, какое то самодовольство, гордость надъ униженнымъ, невѣжественнымъ народомъ, тогда какъ, только

благодаря ему, на его трудовыхъ плечахъ, на его гроши держится эта высокомѣрная цивилизація.

Что касается своекорыстно-пріобрѣтательныхъ инстинктовъ нашего населенія, то мнѣ кажется, что они слишкомъ преувеличены по отношенію къ нашей буржуазіи и къ крестьянству, а во вторыхъ, съ точки зрѣнія исторической, они имѣли, несомнѣнно, важное культурное значеніе. Историкъ-публицистъ нашъ претендуетъ, чтобы въ народѣ возникли новыя чувства и новыя кооперативныя учрежденія. Но чувства развиваются не отвлеченно, а изъ новыхъ отношеній людей; новыя отношенія создаются учрежденіями, а новыя комбинаціи труда возникаютъ только въ силу перемѣны культурныхъ условій и естественной обстановки страны. Когда страна была пустынна, народъ былъ въ раз-
бродѣ, естественно должны были возникнуть индивидуалистическія, хозяйства, а съ ними и индивидуально-корыстныя наклонности. Кончился этотъ періодъ, страна понаселилась, потребовалась ассоціація, и явились новыя условія. Крестьянство поэтому *„сѣло“* на землю, организовалось въ деревни, начало общинную жизнь, началось общинное пользованіе землей, артели и т. д. Все это доказываетъ въ народѣ зарожденіе чувствъ соціальныхъ и симпатическихъ, развитіе новаго соціальнаго склада и постепенное атрофированіе прежняго. Итакъ, развитіе исторической жизни массы совершенно обратное, чѣмъ его рисуетъ Щаповъ. Онъ указываетъ развитіе своекорыстныхъ мотивовъ въ массахъ и предсказываетъ ихъ развращеніе, вырожденіе и гибель, а массы не только не идутъ къ розни, а вырабатываютъ еще только земледѣльческую общину. Взглянемъ на нашу буржуазію. Опасность указывается въ ней. Но что такое буржуазія на Востокѣ, развѣ она крѣпкое, сформировавшееся сословіе, какъ на Западѣ? Развѣ она получила свое окончательное развитіе здѣсь? Но сила и роль у нашей
буржуазіи еще не проявилась. Наша буржуазія скорѣе страдаетъ апатіею, отсутствіемъ предпріимчивости, неумѣніемъ сознать свои промышленные интересы. Культурная миссія буржуазіи еще не начиналась. Какъ крестьянство выполняло ее въ пустыняхъ, такъ буржуазія должна выполнить свою промышленную миссію въ бѣдномъ земледѣльческомъ обществѣ. Пусть она группируетъ, научитъ рабочихъ, вливаетъ капиталъ, создаетъ заводы и фабрики. И, кончивъ эту задачу, уступитъ мѣсто общинной артельной организаціи, въ силу новыхъ условій и новыхъ потребностей. Такъ, по моему, ходитъ исторія, такъ она должна итти. Я признаю дурное вліяніе буржуазіи, но тогда, когда она есть, когда она сильна, а не тогда, когда ея нѣтъ. Я нарочно вникалъ въ обвиненія противъ нашей буржуазіи. И перечиталъ примѣры, какъ наживаются въ Сибири кулаки, у Флеровскаго (Раб. классы). И, удивительно, я въ этомъ явленіи рѣшительно не нашелъ той буржуазной

политики, которая проникаетъ западные классы и котор. возникла органически изъ экономическихъ условій. Напротивъ, у насъ нажива— это коммерческія злоупотребленія, явленіе *обмана, лихвы, обсчитыванія, самодурства.* Но это ли буржуазная тенденція, вызванная условіями жизни? Вѣдь эти вещи могутъ быть исправлены и смягчены судомъ и правильнымъ законодательствомъ. Ограничьте у насъ силу самодурства и беззаконія купцовъ и міроѣдовъ правильными судами, мировыми учрежденіями, земскимъ самоуправленіемъ, и наша буржуазія потеряетъ значительную силу вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, экономическій бытъ страны нисколько не способствуетъ ея развитію. Обширныя пространства, плодородныя земли, общинники-крестьяне, легкія условія для обогащенія всякому трудящемуся, высокая рабочая плата при недостаткѣ рукъ,—все склонно, все благопріятствуетъ не промышленнику, интересъ котораго безвыходность рабочаго населенія, а трудовой массѣ. Условія, совершенно противоположныя Западу, а подходящія болѣе къ демократической Америкѣ. Въ Америкѣ поднятъ рабочій вопросъ уже тогда, когда создалась мануфактура, а куда у насъ онъ примѣнимъ—къ крестьянамъ ли общественникамъ или къ народившейся буржуазіи?

Итакъ, у насъ еще не пробилъ часъ войны съ буржуазіей. Намъ, людямъ интеллигенціи, приходится только содѣйствовать и указывать ея культурную миссію—образованіе промышленности. Необходимъ еще періодъ, когда капиталы должны послужить странѣ, ибо у рабочихъ, у крестьянъ нѣтъ капиталовъ, и фабрикъ они не создадутъ. Тогда только, когда промышленность создастся и она начнетъ усиливаться, только тогда нужны будутъ средства ограничивать ее и начать эмансипацію городского рабочаго. Постояннымъ же противовѣсомъ противъ вліянія, нравовъ, привычекъ и тенденцій должны быть чувства демократической массы и поднятіе ея умственнаго уровня. Я совершенно спокоенъ въ этомъ случаѣ за будущее. Сила образованія, особенно университеты, будутъ способствовать развитію интеллигенціи не въ буржуазномъ, а въ демократическомъ духѣ, помните, что у насъ буржуазія не создалась въ крѣпкое сословіе и не создала своихъ образовательныхъ учрежденій. Эта демократическая интеллигенція, съ народомъ въ союзѣ, никогда не допуститъ олигархіи. Напротивъ, она будетъ сила, она дастъ новую демократическую окраску обществу и укажетъ направленіе жизни и ея строя.

Таковы естественныя, экономическія и соціальныя условія края, по моему мнѣнію. И вотъ почему, прежде, можетъ быть, чутьемъ, а нынѣ сознательно, я не придаю силы буржуазіи на Востокѣ, я не бью въ набатъ противъ нея, а предлагаю союзъ съ ней во имя единства общей идеи, преслѣдованіе которой необходимо для народа, какъ и

для буржуазіи. Пусть они совершатъ свою миссію вмѣстѣ, но потомъ уже раздѣлятся. У насъ еще нѣтъ единства сознанія интересовъ, нѣтъ любви къ своему мѣсту и народу. Куда же тутъ еще думать о раздѣленіи общества, о созданіи партій, могущихъ только раздробить общественную силу? Въ этомъ дробленіи, въ этомъ выдѣленіи рабочаго вопроса, въ войнѣ мѣстныхъ публицистовъ противъ буржуазіи, я вижу только опасность розни, разлагающей, обезсиливающей и придающей слабость народу, а не силу. Сила въ единеніи!

Вотъ въ силу то этого я нахожу, что доводы нашихъ публицистовъ, налегающихъ такъ на буржуазность и стремленіе къ наживѣ, сильно преувеличены и преждевременны. Истинный общественный дѣятель, истинный передовой человѣкъ, публицистъ долженъ понимать и мѣстныя условія, и историческій моментъ жизни и чувства массъ. Онъ долженъ сумѣть затронуть только такіе интересы, которые стоятъ на очереди у народа и у массы. Никогда Фердинандъ Л. (Лассаль) не рѣшился бы говорить противъ единства Германіи. Никогда практическій итальянскій дѣятель не станетъ сѣять антагонизмъ между партіями Италіи, пока она не достигла единства, а американскій соціалистъ не начнетъ проповѣди съ атеизма между пуританами. На этомъ основывается тактъ, популярность общественнаго дѣятеля, его сила, успѣхъ и его историческое значеніе въ подталкиваніи исторіи. Въ моментъ начинающейся исторической жизни, когда партіи не сформировались еще, когда интересы не выдѣлились, обязанность передовыхъ людей цивилизаціи давать прогрессивный толчекъ каждому отдѣльному сословію, пользоваться всѣми слоями народа, всѣми интересами, стараясь придать имъ лучшее направленіе, осмыслить, смягчить грубую форму требованій и дать имъ прогрессивное и цивилизующее значеніе. Пусть образованный человѣкъ не пренебрегаетъ ни развитіемъ буржуазіи, ни крестьянства, ни интеллигенціи. Пусть онъ ищетъ единенія во имя блага.

А наши образованные люди, какую они жалкую роль играютъ въ отношеніи къ массѣ, имѣютъ ли они хоть какое-нибудь вліяніе, авторитетъ въ ней? Они не имѣютъ вліянія ни на крестьянина (ибо онъ не читаетъ), ни на купца (котораго онъ позоритъ и отталкиваетъ съ своей кафедры), ни на землевладѣльца, который не боится и презираетъ журналиста, ни на чиновника, который читаетъ однѣ „Сенатскія Вѣдомости“, ни на раскольника, ни на православнаго. Гдѣ же его партія? Что онъ создалъ, чѣмъ онъ гордится? И вотъ, не умѣя ни съ кѣмъ говорить, оставаясь одинъ, нашъ нигилистъ злится проклинаетъ исторію, климатъ, почву, расу, чувства массъ и т. д.[1]).

[1]) Эту манію образованн. русскихъ людей я бы совѣтовалъ назвать „spectre jaune“ въ противоположность „spectre rouge“ и „blanc“, а по-русски перевести „го...маніей“.

Онъ преисполненъ желчи, и, не вѣруя въ народъ, предсказывая его вырожденіе, однако проповѣдуетъ по извѣстному рецепту ассоціацію, кооперацію, фребелевскіе сады, соціально-эстетическія ассамблеи и проч. Тутъ нѣтъ ни приноровленія принциповъ къ мѣстнымъ условіямъ, ни разработки предмета, куда они могутъ примѣниться, гдѣ сложилась уже потребность въ нихъ, съ какихъ учрежденій начинать. Нѣтъ, словомъ, никакой самостоятельной работы, а просто затасканный старый „рецептикъ отъ почечуя, зубной боли и насморка“, ото всего вмѣстѣ. Не такъ, мнѣ кажется, долженъ былъ бы говорить публицистъ съ массой, свое поученіе онъ долженъ былъ бы основать на мѣстныхъ интересахъ, на потребностяхъ жизни, онъ одинаково долженъ мягко и поучительно говоритъ со всѣмъ обществомъ во имя цивилизаціи, человѣчности, не отталкивая заранѣе, не выставляя врагами никакую общественную фракцію. Онъ долженъ говорить обо всей странѣ, обо всемъ народѣ и его пользахъ во всѣхъ сферахъ, говорить съ полною вѣрою въ народъ, въ его силы и вдохнуть въ него живой пламень надежды, увлечь массу! Тогда его будутъ слушать, а не изрыгать одно сквернословіе.

Скажу еще о двухъ статьяхъ остальныхъ въ Извѣст. Сиб. Отдѣла. Статья Щапова это антропологическое изслѣдованіе о вырожденіи славяно-русскаго типа въ Сибири при смѣшеніи съ инородцами и особенно о вырожденіи въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ русскіе становятся остяками, якутами и отличаются тѣмъ же слабосиліемъ. Съ этой *туруханской точки зрѣнія*, вѣроятно, будетъ разсмотрѣна вся Сибирь. Г. Ровинскій помѣстилъ очеркъ „Забайкальской Руси“, т. е. семейскихъ. Очеркъ слабый, сухой, не дающій яркой и полной картины жизни, это кусочки статистики, кое-какихъ педантическихъ, географическихъ и историческихъ обрѣзковъ и только. Самъ Ровинскій однако восхищается семейскими раскольниками, какъ истинными культиваторами страны. Заслуги ихъ въ Сибири огромны. „Семейскіе лучше сибиряковъ, они сохранили чистый славяно-русскій типъ и обычаи, они не соединялись съ инородцами въ бракахъ, не допускали къ себѣ посельщиковъ и не смѣшивались съ ними. Это была замкнутая земледѣльческая община, тѣсно сгруппированная, не расходящаяся и обработавшая только свой участокъ, на которомъ поселилась“... Заслуга громадная! Можно ли ея подвиги сравнивать съ тою ничтожною дѣятельностью туземцевъ, которые пришли въ огромную страну, сначала закрѣпили за собой всю землю, разсыпались, вырубили лѣса, жили по тайгамъ, ведя колонизацію на всѣхъ главныхъ пунктахъ страны, положили начало осѣдлости и указали топографическій планъ страны, которые начали слитіе съ инородцами и понизили расу, хотя принесли жертву собственной кровью и качествами во имя единенія

народовъ, эти люди одни вынесли на себѣ тяжесть „ссылки“, но они деморализировались, правда, они, приноровляясь къ условіямъ страны, расчищая ее, убѣлили своими костями эту землю, предназначенную для грядущихъ поколѣній, но эта заслуга все-таки ничтожная предъ „Забайкальской Русью“.

Такъ пишутъ исторію русскіе образованные люди, и мы будемъ имъ вѣрить, будемъ вѣрить въ ничтожество нашего народа, его вырожденіе, его историческую ничтожность, тупость и глупость. И въ то время, когда это пишутъ наши благожелатели, ученые и публицисты, какой то простой сибирскій купецъ Бутинъ, путешествуя по Америкѣ, осмѣливается писать о необходимости желѣзной дороги на всемъ протяженіи Сибири, съ цѣлью двинуть сюда колонизацію, и онъ осмѣливается еще надѣяться. Но будемъ ли мы такими глупостями заниматься, будемъ ли мы мечтать о громадной колонизаціи, о поднятіи экономическаго и промышленнаго уровня страны, объ университетѣ, о прессѣ и т. д., когда наши *публицисты-западники* намъ даютъ рецептъ излѣченія ото всѣхъ золъ самый простой. Усладимся лучше фребелевскимъ садомъ въ Иркутскѣ и будемъ *мечтать* объ ассоціяціяхъ и коммунахъ, авось, 2 нигилиста и 1½ нигилистки заведутъ ихъ, соединясь для совмѣстнаго жительства.

Въ Петербургѣ лучшая молодежь уже начинаетъ разочаровываться въ игрушкахъ, она увидѣла, что (она) толчетъ воду, и мучится сомнѣніями въ плодотворности своего сектантства, въ своей кружковой замкнутости, она начинаетъ обсуждать практическіе вопросы жизни и придумываетъ сближеніе съ народомъ. Но въ Иркутскѣ г. Щаповъ и т. п. иркутскіе *западники* все еще самодовольно щеголяютъ въ старомодныхъ шляпкахъ съ бумажными цвѣтами, сшитыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ, все еще воображая, что это послѣдняя мода. Такова участь тащиться въ хвостѣ петербургскаго западничества, не имѣя никакого родного практическаго идеала и дѣла. А знаете ли, что подъ вліяніемъ этихъ господъ можетъ развиться часть мѣстной интеллигенціи съ той же самоувѣренной заносчивостью своимъ грошовымъ коммунизмомъ и съ презрѣніемъ къ народу. Это будетъ настоящая шишка подъ носомъ у Тунисскаго бея...

Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходима была бы книга для руководства мѣстнаго населенія. Я давно обдумываю:

„Общественные и экономическіе вопросы нашего Востока“. Не посвятить ли на это настоящую зиму?

15 ноября. Вашъ *Н. Ядринцевъ*.

Письмо залежалось. Книга получена и сейчасъ же послана вамъ, дружище. Готовьте рецензію въ „Дѣло“. Обнимаю и цѣлую.

Ни Благос., ни Шигинъ, однако, денегъ не шлютъ. Благо, хоть книгу прислали.

Письмо XXI.

29 ноября—2 декабря 1872 г.

Добрый другъ. Письмо Ваше отъ 25 ноября я получилъ. Вамъ послана уже моя книга, теперь вы навѣрно ее получили. Разумѣется жду рецензіи въ томъ духѣ, что вы выберете изъ моего матеріала все, что касается мѣстнаго ссыльнаго вопроса и сведете то, что у меня разбросано въ разныхъ частяхъ. Между прочимъ, выясните тождество послѣдствій какъ нашей, такъ и заграничной ссылки. Теперь можно объ этомъ говорить смѣло, ибо ссылка на поселеніе, по всей вѣроятности, отмѣнится, можно смѣлѣе писать и для „Дѣла“, тамъ новый цензоръ, пишетъ редакторъ. 3 выпуска „Извѣстій Сибирск. Отдѣла“ послали и мнѣ, значитъ вамъ пересылать ихъ не нужно. Я бы вамъ послалъ кое-какихъ книгъ, напримѣръ Revue de deux mondes, Маркса и т. п., но Благосъ мнѣ еще денегъ не выслалъ. Шигинъ также еще не успѣлъ выслать за книгу. Битмидъ ничего не пишетъ[1]).

Спасибо, что вамъ денегъ послалъ. Вы будете имѣть еще изъ Петербурга, по всей вѣроятности, рублей 30, это будетъ на книги. Только выписывайте самыя капитальныя для себя. Канаду и проч. я выписалъ уже. Редакторъ „Дѣла“ прислалъ письмо Шашкову и проситъ, знаете-ли, о чемъ написать? опять о вымираніи и судьбѣ сибирскихъ инородцевъ. Шашковъ, конечно, не будетъ болѣе объ этомъ писать, поэтому не годится ли эта тема для васъ. Пользуйтесь временемъ и запросомъ, если хотите. Можете, конечно, писать въ параллель съ инородцами другихъ странъ. Тутъ же Благосъ предлагаетъ и другую подходящую тему: объ основаніи и колонизаціи С. Американскихъ Штатовъ. Это было бы подходяще для меня. Но надъ ней надо много потрудиться, чтобы сказать что нибудь новое. Правда, у меня есть Банкрофтъ, Токвиль, Лабуле, Нейманъ, да все это мало. Нуженъ мнѣ былъ бы А. Смитъ съ главой о колонизаціи, Рошеръ и вообще время и запасъ книгъ побольше. Поэтому я еще въ раздумьи. О колонизаціи мнѣ хотѣлось бы продолжать работы, но я могу ихъ выполнить только постепенно. У меня и былъ планъ, за I-ой статьей начать обзоръ колоній и разсмотрѣть ихъ отношеніе къ метрополіи съ точки зрѣнія интересовъ колонистовъ, сначала Америку, потомъ испанскія. Но для этого надо подробно знать внутреннюю жизнь колоній, а матеріаловъ еще недостаточно. Книги приходится пріобрѣтать по одной, да и то цѣлые мѣсяцы не высылаютъ. Хоть плачь! Даже какая то тоска и досада нападаетъ. Ежели бы теперь въ большую библіотеку засѣсть, думаешь... Счастливы вы, что можете читать такіе ка-

[1]) 2 декабря получилъ, наконецъ, отъ него письмо. Книги высланы изъ-за границы.

питальные труды, какъ Вайца[1]). Я не знаю, хочу вамъ предложить: не выписать ли для васъ Рошера о колоніяхъ.

Конечно, я это дѣлаю и съ эгоистической цѣлью, вы подѣлитесь и со мной отрывками. За это я вамъ переведу съ англійскаго какую либо изъ книгъ въ томъ же родѣ.

Свѣдѣнія объ оленѣ постараюсь достать. Вотъ бѣда, въ Шенкурскій округъ олень мало заходитъ и оленьяго охотника въ городѣ нѣтъ ни одного. Слышалъ, что иногда охотятся въ уѣздѣ и зимой иногда раза два привозятъ оленину. Охота за ними трудная. Крестьяне догоняютъ ихъ на лыжахъ и бѣгутъ дня два, передовой охотникъ сбрасываетъ съ себя все платье по дорогѣ и когда убьетъ оленя, то, въ ожиданіи товарища съ платьемъ, онъ завертывается въ шкуру убитаго оленя, которую онъ немедленно сдираетъ. Вотъ охотка-то за ними! Такъ какъ теперь зима, и крестьяне бываютъ въ городѣ, то оленьяго охотника постараюсь заручить къ себѣ и распросить. Въ губерніи не знаю, къ кому обратиться. Нѣтъ ни одного естественника. Въ Архангельскѣ есть учитель ест. исторіи Бѣлинскій, но это офиціальный естественникъ, должно быть, что нибудь въ родѣ Егорушки Парамонова[2]). Человѣкъ, не любящій науки и ничего не собирающій[3]). Хотя мы живемъ далеко отъ моря, на югѣ, но море иногда даетъ себя знать. Такъ недавно, нынѣшней осенью, въ Двину кинулись табуны миноги (вы знаете эту рыбу) и появились около Шенкурска. Она шла, такъ густо сплетаясь, что крестьяне ее выкидывали на берегъ палками. Это было здѣсь явленіе невиданное. Сначала крестьяне приняли ее за змѣй, мало того, что сами не ловили, но боялись везти и въ городъ. Наконецъ, началъ кто то скупать ее, и тогда поняли, что это рыба. Когда мнѣ домой принесли ее для образчика, у меня не хотѣли женщины чистить и варить ее, боялись, какъ гада. И я принужденъ былъ сдѣлаться піонеромъ кулинарнаго искусства, и самъ сварилъ ее. Вкусно особенно съ уксусомъ, это гастрономическое блюдо. Хороша и уха, напоминаетъ стерлядь, которую я здѣсь ни разу не ѣлъ. Замѣчательно, что здѣсь ранѣе также бросали и считали гадомъ *самую стерлядь*. Мало того, не ѣли и кидали *телятъ*, ободравъ шкуру. Не ѣли и не ѣдятъ пѣтуховъ. Вотъ вамъ Архангельская губернія. Недаромъ Ушаровъ, въ спорахъ съ руссофилами, хватается за нее, какъ Самсонъ за ослиную челюсть, желая нанести пораженіе филистимля-

---

[1]) Apropos Вайца, томъ. гдѣ говорится о древней Мексикѣ, проситъ выслать *на время* въ Шенкурскъ одинъ изъ доставляющихъ вамъ книги. Ему нужно для изученія мексиканскихъ общинъ. Этотъ томъ, вѣроятно, вамъ не нуженъ.

[2]) Это былъ учитель въ Томской женской гимназіи. (Ред.)

[3]) Я полагаю, есть свѣдѣнія объ охотѣ за оленями въ кое-какихъ книгахъ объ Архангельской губ. Есть книга какого то Михайлова объ охотѣ въ Арханг. губ., еще кого-то. Справлюсь.

намъ. Относительно миногн должно сказать однако, что появленіе ея здѣсь бываетъ въ 30 лѣтъ разъ. Вамъ, какъ естественнику, можетъ быть, любопытенъ этотъ фактъ.

Вашъ трактатъ объ оленѣ, конечно, будетъ очень полезенъ для Сибирскаго Отдѣла, но не отдавайте ему все время. Отплатите же мнѣ и катните что нибудь въ „Дѣло“, хоть объ инородцахъ.

О вашемъ географическо-статистическомъ описаніи мы можемъ бесѣдовать не цѣликомъ, а по частямъ...

Офицеры Генеральнаго Штаба, составлявшіе статистическое описаніе степей, говорятъ, что киргизская торговля до сихъ поръ въ рукахъ бухарцевъ. Статистическое описаніе киргизской степи надо будетъ вамъ выслать. Что-то, было, зарился на извлеченіе изъ этой книги Ушаровъ, но нашу степь ему ни за что не отдадимъ искажать. Она всецѣло принадлежитъ вамъ. Мейеръ и Красовскій, оба говорятъ о несостоятельности таможенной линіи для киргизской степи. Эта внутренняя область отдѣлена отъ своего Государства таможенною линіей и тарифомъ, и открыта со стороны сосѣдей, страна непромышленная и полудикая, окруженная государствами, болѣе развитыми и взимающими съ ея произведеній значительную пошлину. Такъ пишетъ Мейеръ. Черняевъ составлялъ также протекціонный тарифъ въ Ташкентѣ, но Дюгамель предлагалъ отмѣнить для степи таможенную линію.

Кстати, напишите мнѣ, ради Бога, о происхожденіи бухарцевъ, не въ родствѣ ли они съ арабами? Необходимо упомянуть объ ихъ расѣ при возвеличеніи ихъ торговыхъ способностей.

Вы пишете, что насъ здѣсь трое восточниковъ, но прибавьте еще четвертаго. Это сосланный бухарецъ, купецъ, торговавшій въ Ташкентѣ и въ Петропавловскѣ, имѣетъ домъ въ Туркестанѣ и Сузакѣ. Я испытываю удовольствіе бесѣдовать съ нимъ, онъ былъ у меня въ гостяхъ. Позавидуйте!

Вы спрашиваете, какъ мы столкнулись въ Шенкурскѣ, это исторія длинная о трехъ пѣтухахъ, когда нибудь напишу о моихъ мытарствахъ въ Архангельскѣ.

Дѣла ваши, мой другъ, и регулярное обезпеченіе на все время, сколько желаете, можно будетъ устроить. Потому что мы имѣемъ постоянную работу и теперь уже Азія мнѣ задолжала 150 руб., да съ слѣдующей книжкой столько же будетъ. Шашковъ же деньги получаетъ постоянно отъ Блогосвѣтл. Къ редакціямъ вамъ будетъ пристроиться легко. Я васъ извѣщу, ежели не будетъ аккуратенъ „Вѣстникъ“[1]) въ деньгахъ, тогда вамъ будетъ лучше помѣщать въ „Дѣло“. „Люты

[1]) Вѣроятно, «Вѣстникъ Европы» (П.)

дни" непремѣнно пошлите въ „Дѣло", это прочнѣе. Омулевскаго съ книгами турнемъ. Онъ, говорятъ, въ заключеніе, еще пьетъ. Этому олуху я, было, послалъ стихи разъ и ничего не добился. Намъ надо также будетъ устроить присылку газетъ.

Вамъ съ этой почтою посылается тюкъ книгъ, и я присоединяю свой Азіатск. Вѣстникъ. 2-ой книги не выходило. Посылаю вамъ также выписанную мною „Барабу", Миддендорфа и каталоги.

Зачѣмъ вы наняли маленькую такую квартирку? Вы шутите надъ этимъ, но повѣрьте, что ваша бѣдность и скромность наведетъ на насъ уныніе и будетъ горькимъ упрекомъ. „Распространитесь", какъ говоритъ мой хозяинъ; квартиры, должно быть, у васъ въ Никольскѣ дешевы, наймите столъ. Скоро, что нужно, будетъ вамъ выслано. Еже-ли же будете стѣснять себя, „упорный", я на васъ нарисую въ самомъ дѣлѣ карикатуру, да напишу стихи. Вы спрашиваете про Федорову. [1]) Я знаю, что и онъ и сестра живутъ въ Питерѣ, проѣзжій технологъ мнѣ сказывалъ, что онъ былъ на заводѣ около Петербурга, но опустился и зашибаетъ. Сестра его, кажется, уже акушеркой. Николай Ивановичъ Наумовъ, я не слыхалъ, чтобы былъ въ Петербургѣ. Вы пишете: былъ да исчезъ. Куда ему исчезнуть. Поди, уѣхалъ опять становымъ, пожалуй, въ „Западный Край" или въ Ташкентъ, тамъ тоже мѣста хорошія. Я Николая Ивановича зналъ съ малыхъ ногтей. Онъ и юнкеромъ питалъ слабость къ хорошему сюртучку, а теперь онъ съ этимъ сюртучкомъ ни за что не разстанется. Есть люди, которые никогда въ свою жизнь не испытали богатства и никогда его не достигнутъ, они не знаютъ ни его тщеты, ни его пресыщенія. Это средній людъ, который постоянно топорщится и ищетъ барскаго комфорта, но сколько ни топорщатся,—барами не бываютъ. Прицѣпившись къ комфорту, они страшатся больше всего бѣдности и непріятностей. Николай Ивановичъ на этой дорогѣ. Его бѣдность не заставляетъ писать, а внутренно онъ, кажется, разжирѣлъ и разложился.

Разочарую васъ и въ другомъ беллетристическомъ талантѣ. Омулевскій идетъ дорогой Шеллера (Михайлова), дорогой тенденціознаго романа, но умишка у него плохой, знаній нѣтъ, художественнаго воображенія тоже. Въ своемъ романѣ онъ выгрузилъ свои воспоминанія и автобіографію, выставивъ себя героемъ, которымъ онъ никогда не бывалъ. На воспоминанія его еще хватило, вѣдь это напишетъ и гимназистъ, но дальше у него матеріала не будетъ. Востока онъ не знаетъ и не понимаетъ. У него нѣтъ способности подмѣчать этнографическія особенности и характеристики... Сибирскаго въ его романахъ то, что вмѣсто Царево-Самчурска поставленъ Иркутскъ. Настолько же онъ

[1]) Сестра бывшаго учителя въ Томскѣ; онъ потомъ кончилъ Петрогр. технол. институтъ.(П.)

поэтъ, какъ и романистъ. Стихи его—тенденціозная риторика, да еще не своя, а заимствованная. Его „Странникъ“, въ сущности, посвященъ страданіямъ ссыльныхъ въ Сибири, и, пожалуй, можетъ войти въ разрядъ стихотвореній, изъ которыхъ одно начинается: „Ужъ, ты, мати, кнутобойная Сибирь“ и т. д., а насчетъ мѣстнаго колорита—ужъ будто ему у Омулевскаго уступочка сдѣлана. На него придется питать или вѣчныя надежды, или разочароваться. Другихъ беллетристовъ я и не знаю. Ушаровъ опять хочетъ писать „Забайкальскую Русь“. Дивлюсь я, сударь мой, на нашъ народъ и на восточную интеллигенцію, въ родѣ Николая Ивановича, Парамонова и т. п. Мы ужъ и посидѣли и походили, и жизнь намъ „курташа“ задала, а все еще успѣли кое-что написать, пишемъ мы три года въ журналахъ. А что эти люди, хранящіе свое драгоцѣнное здоровье и собственную персону, дѣлаютъ, написали ли они что нибудь, изслѣдовали ли что, принесли ли какимъ нибудь трудомъ пользу?... „жрррать!“—восклицаю я съ Щедринымъ. Слышно, что Иркутское казачье войско уничтожается, куда же дѣнется Андрей Павловичъ Нестеровъ. Назадъ что ли, въ Омскъ? О Чичероваккіо, [1]) объ Зерчениновѣ и его знакомомъ ничего не знаю. Писалъ разъ въ Тюмень Андріану Шешукову, [2]) просилъ свѣдѣнія о торговлѣ по поводу Печерскаго Вопроса, отвѣтовъ не получилъ. Вообще, гордая восточная красавица не удостаиваетъ своимъ вниманіемъ насъ или воспоминаніемъ. Эта одалиска все еще, вѣроятно, въ объятьяхъ пріѣзжихъ любовниковъ. Я пересталъ писать домой и не хочу вымаливать отвѣтовъ и вниманія изъ милости отъ разныхъ знакомыхъ. Многіе знаютъ, гдѣ мы, но не пишутъ. Приходится похоронить себя надолго. Буду писать статьи для васъ, а послѣ смерти, читай—кто хочешь. Напишу развѣ одному Евгенію Яковлевичу. [3])

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

P. S. Теперь узналъ изъ письма Битмида, что вамъ выслано изъ моихъ денегъ всего 20—30, значитъ, будете имѣть на книги отъ меня. Я вамъ писалъ, что Ганкенъ [4]) въ Ладогѣ, я, кажется, ошибся; Феденька писалъ, онъ въ „Вытегрѣ“, это вѣрнѣе.

Гдѣ Иванъ Федоровичъ и кѣмъ? Гдѣ Катанаевъ и что онъ?

Вообще, другъ, я меньше вашего знаю.

Читали ли вы Флеровскаго о Рабочемъ классѣ? У меня есть свой. Если надо, вышлю.

---

[1]) Томскій мѣстный купецъ Пичугинъ. (П.)

[2]) Сынъ Тюменскаго купца, товарищъ Ядринцева и Г. Н. Потанина по университету.

[3]) Колосовъ.

[4]) Товарищъ Г. Н. П—на по кадетск. корпусу. (П.)

Письмо XXII.

8 декабря 1872 г. Шенкурскъ.

Любезный другъ, послѣднее письмо ваше съ запросомъ о статьѣ, касающейся Березовскаго Округа, я получилъ. Вотъ эта статья: „О болѣзняхъ, господствующихъ въ Березовскомъ краѣ“ медико-топографическіе матеріалы д-ра Соколова (бывшаго Тобольскаго вице-губернатора). Они помѣщены въ Арх. Судебн. Медицин. въ 1867 г., іюнь. Удивляюсь, почему вы ея не нашли, или вы полагали, можетъ, про другую статью. Статья эта отличается довольно подробными и характеристическими данными.

Ежели нѣтъ у васъ этой книги, вотъ нѣкоторыя любопытныя выписки, сдѣланныя мной.

Населеніе остяковъ и самоѣдовъ въ 1763 г. было 8.303, въ 1850—10.879 м. и 10.634 ж.

Въ 1-й періодъ въ 53 года оно увеличилось на 2431, во второй въ 12 лѣтъ увеличилось на 259, и въ 3-й періодъ въ 22 г. остяковъ *уменьшилось* на 127 человѣкъ, самоѣдовъ увеличилось *на 13*! Уменьшеніе и приростъ инородч. населенія различенъ по волостямъ и объясняется ухудшеніемъ быта и положеніемъ промышленности. Пища, б. ч., рыба; хлѣба ѣдятъ меньше русскихъ. Голода часто посѣщаютъ инородцевъ. Въ 1862 году варили кротовъ въ котлахъ и ѣли. 20 человѣкъ умерли голодною смертью. Торговля русскихъ съ инородцами въ долгъ, инородцы закабалены. Купцы пользуются случаемъ продавать затхлую муку, какъ, напримѣръ, въ 1862 г. Мука была со всякимъ соромъ и мышинымъ пометомъ. Этому д-ръ Соколовъ приписываетъ развитіе тифа (Вотъ истинное міазматическое вліяніе *культурныхъ расъ*)! Далѣе, Соколовъ говоритъ, что русскіе пріучили инородцевъ къ потребленію хлѣба, но не удовлетворили этой потребности. Прежде, говоритъ онъ, когда инородцы питались оленьимъ мясомъ, молокомъ и рыбьимъ жиромъ, они были здоровѣе, такъ какъ эта пища, имѣя азотистыя вещества и углеводы, была питательнѣе и лучше. Та же дурная мука, продаваемая инородцамъ, содѣйствуетъ и развитію у нихъ цынги. Сифилисъ, цынга, горячки и ревматизмы здѣсь производятъ осложненныя болѣзни, представляя поражающую патологическую картину (Онѣ въ подробности перечислены).

Самоѣды, не пріученные къ хлѣбу и оставшіеся при животной пищѣ, здоровѣе остяковъ. Вино самаго дурного качества составляетъ также отрасль для эксплоатаціи. Мутная, разведенная водой, бурда продается по 20 р. с.; съ уничтоженіемъ откупа производится свободная продажа. *Христіанство*: $^2/_3$ инородцевъ березовскаго округа счи-

тается православными съ первой четверти прошлаго столѣтія, но они *не* отрѣшились отъ языческихъ понятій, (ссылка на Губарева, „Современникъ“ 1863 г., ссылка на Щапова).

Причины *истребленія* инородцевъ: сначала войны, потомъ болѣзни, наконецъ *промышленная эксплоатація*. „Гдѣ коснулась русская колонизація, пишетъ Соколовъ, тамъ стада оленей начали уменьшаться“. Вытѣсненіе инородцевъ совершается промышленниками систематически, хотя правительство за первыми укрѣпило пастбища и рыбныя ловли.

Русскіе эксплоататоры разными косвенными путями завладѣваютъ ими. Еще Арцимовичъ пробовалъ бороться съ этими злоупотребленіями, но ничего не могъ сдѣлать. „Исчезновеніе“, вымираніе инородцевъ, пишетъ Соколовъ, не обѣщаютъ ничего хорошаго. Мѣста, откуда удалились или гдѣ вымерли инородцы, остаются пустыми. Поэтому, по мѣрѣ распространенія болѣзней, при голодахъ и промышленной эксплоатаціи, Березовскій край угрожаетъ обезлюдѣть и *обратиться въ пустыню*. Что же выиграютъ отъ этого русскіе люди и государство?

Для сохраненія инородцевъ есть два пути, пишетъ авторъ: избавленіе ихъ отъ эксплоатаціи, сближеніе съ инородческимъ племенемъ и непосредственное внесеніе просвѣщенія въ среду его (Приведены примѣры о способности къ обученію инородч. мальчиковъ въ уѣздн. училищахъ). Количество добываемаго звѣря и условія обмѣна также есть въ статьѣ. Но самую большую пользу въ торговлѣ, говоритъ Соколовъ, получаютъ русскіе рыбопромышленники. Барыши огромны до того, что трудно представить. За мелкій товаръ получается такое количество рыбы, которое бы хватило инородцу на цѣлый годъ. Одинъ Тобольскій губернаторъ, остановясь у зажиточнаго крестьянина въ Самаровѣ, получилъ слѣдующій отвѣтъ на вопросъ: „какъ тутъ живется?“—„Благодаря Господу Богу, *остячками* живемъ, хорошо кормятъ насъ“, отвѣчалъ герой „Юровой“. Цивилизующее вліяніе русскихъ въ Березовскомъ округѣ очень мало замѣтно, пишетъ тотъ же авторъ. Остяки носятъ слѣдъ заимствованій въ привычкахъ и образѣ жизни у татаръ (чувалы),[1]) но русскія культурныя привычки не входятъ (исключая, конечно, хлѣба и вина). Причиною, что русскіе не вліяютъ цивилизующе, д-ръ приписываетъ тѣмъ же своекорыстнымъ отношеніямъ русскихъ къ инородцамъ. Большая часть инородцевъ приходитъ съ русскими въ сношеніе только по необходимости, да и то на короткое время. (Ар. С. М. с. 12. Тоб. Губ. Вѣд. 1858—1865). Инородцы боятся *привитія оспы*, такъ какъ „прививать оспу“, по какому то странному каламбуру, переведено на ихъ языкъ однозначущимъ съ понятіемъ „рѣзать ребенка“.

[1]) Чувалы—камины у татаръ, башкиръ и др.; печей у нихъ нѣтъ (П).

Но и русскіе крестьяне такъ же боятся въ Тоб. губ. привитія оспы, какъ и инородцы. О нравственности сообщаетъ авторъ слѣд. „Остяки были прежде честны, но русскій торговецъ-эксплоататоръ измѣнилъ ихъ добрые нравы, научилъ ихъ хитрости, обману и лукавству. Долговъ они стараются нынѣ не платить (Сок. Арх., іюнь, с. 9). Вотъ нѣкоторыя подробности изъ статьи, въ подлинникѣ болѣе. Вы хотите Щапова сопоставить со Сперанскимъ въ конвикты —отлично. Прибавьте еще, что на образованныхъ людей ссылка должна бы, кажись, меньше вліять, они болѣе космополиты, но, оказывается, что и такихъ людей пробираетъ, а глубина ихъ чувства, какъ изгнанниковъ, вѣроятно сильнѣе, такъ какъ развитый человѣкъ больше дорожитъ свободой. Ежели будете писать о развитіи буржуазныхъ мотивовъ въ нашемъ обществѣ на Востокѣ, не забудьте мою мысль, что есть люди, которые не боятся буржуазныхъ инстинктовъ, что наши буржуазные инстинкты не похожи по качеству на западно-европейскіе, они ниже ихъ, что они иногда приносятъ пользу молодымъ странамъ, отождествляясь съ мотивомъ предпріимчивости[1]), наконецъ, что у насъ общество никогда не выродитъ сильную денежную аристократію, примѣры которой представляли прежде Голландія, Венеція, нынѣ Англія, —напротивъ, по составу населенія мы походимъ скорѣе на Норвегію и С. А. Штаты, т. е. преобладаетъ элементъ демократическій. Типъ Чичикова у меня разобранъ съ другой точки для одной критической статьи. Я поставилъ его въ параллель съ Миссъ Шарпъ (Ярмарка Тщеславія Теккерея). Эти два художественныя произведенія и великіе таланты, затронувшіе одну и ту же тему, не были никогда еще сопоставляемы. Разница только въ обществахъ: въ Англіи—тщеславные глупцы, эксплоатируемые умной мошенницей, у насъ—добрые олухи въ рукахъ смышленаго Павла Ивановича.

Участія среды въ подвигахъ умныхъ плутовъ еще не касалась натуральная критика. Впрочемъ, это частный интересъ уголовныхъ спеціалистовъ, подобныхъ мнѣ.

Съ мнѣніемъ нашимъ о семейскихъ несогласенъ авторъ „Забайкальской Руси“, [2]) онъ находитъ, что семейскимъ не только не давали 40 очковъ впередъ, но они были, напротивъ, много притѣсняемы. (Это ужъ вы тамъ съ нимъ спорьте). Гораздо интереснѣе для меня экономическія воззрѣнія Георгія Ефремовича, [3]) которыя заслужатъ отъ меня подробнаго разбора въ письмѣ къ нему.

---

[1]) Примѣровъ буржуазной предпріимчивости можно много найти въ исторіи. Изъ буржуазнаго міра я знаю случай, когда шли пренія о судоходствѣ по Турѣ и Пртышу. Въ отвѣтъ на теоретическіе доводы купецъ Колчинъ *на свой счетъ* двинулъ пароходы и расчистилъ въ одно лѣто фарватеръ. Это по американски! Я аплодировалъ. А созданіе Кузнецкой Земледѣльческой Академіи? Всего этого, конечно, еще мало!

[2]) т. е. Ушаровъ. (П.)

[3]) Катанаевъ. (П.)

Доводы его и пріемъ доказательствъ характеризуютъ чистаго либръ-эшанжиста. Онъ наивно думаетъ, что торговля и вывозъ сырья обогатитъ народъ и создастъ капиталы, но когда и кого обогащало сырье? Дикари всѣ торгуютъ сырьемъ, а много ли у нихъ капиталовъ. А Индія, Турція, Испанія?.. Дѣло въ томъ, что, какъ ни будь огроменъ запасъ сырья, но при обмѣнѣ на мануфактуру или на деньги, цѣна его такъ понизится,—и чѣмъ больше будетъ вывозъ, тѣмъ больше понизится,—что производитель его останется при самыхъ скудныхъ средствахъ, да и понизитъ производительность страны, т. е. и капитала не пріобрѣтетъ, да и основной фондъ для накопленія этого капитала въ будущемъ вывезетъ. Я сравню это дѣло съ банкомъ.

Что бы сказать о финансистѣ, который, видя, что оборотный капиталъ банка даетъ мало процентовъ, вздумалъ бы въ предпріятіе пустить весь основной фондъ, т. е., на которомъ держится весь кредитъ; не сдѣлался ли бы онъ скоро банкротомъ?!. Я знаю, чѣмъ увлеченъ нашъ молодой другъ [1]). Какъ агроному и сельскому хозяину, ему грезится блестящая и грандіозная картина разработки естественныхъ и земледѣльческихъ животныхъ продуктовъ страны. Но онъ не знаетъ—что, чтобы достичь своего идеала и блестящихъ сельскохозяйственныхъ фермъ, необходимо поднять заводскую промышленность, однимъ словомъ, онъ не знаетъ еще благотворнаго вліянія мануфактуръ на прогрессъ сельскаго хозяйства.

Это у меня развито въ недоконченномъ, но имѣющемъ кончиться, трактатѣ къ вамъ объ общинѣ и землевладѣніи на Востокѣ. Онъ отрицаетъ значеніе протекціонизма, понимая его въ смыслѣ однихъ тарифовъ, покровительствующихъ буржуазіи. Но ни вы, ни я не оказываемся протекціонистами въ этомъ смыслѣ. Даже протекціонизмъ Кэри я нахожу очень узкимъ и несовершеннымъ. Я признаю протекціонизмъ болѣе глубокій и всесторонній. Подъ именемъ его я признаю сосредоточеніе государственной опеки и всестороннее покровительство такъ же, какъ и областную дѣятельность земствъ, способствующихъ поднятію народной промышленности и экономическому прогрессу страны вообще: 1) въ этомъ случаѣ я отношу покровительство колонизаціи и снабженіе страны руками, 2) поднятіе техническаго образованія, 3) содѣйствіе основанію заводской промышленности нравственнымъ вліяніемъ, путемъ техническихъ съѣздовъ и обществъ, литературы и т. п.

Привлеченіе капиталовъ къ новымъ отраслямъ производства и льготы, доставляемыя новымъ промышленнымъ заведеніямъ, колонизаціи и техническому образованію, я придаю громадную важность. Желѣзная дорога можетъ быть употреблена какъ средство для колонизаціи, какъ средство для ввоза машинъ, мастеровъ, какъ цивилизующее

[1]) Катанаевъ оконч. курсъ въ Петровско-Разумовской академіи. (П.)

средство въ смыслѣ доставленія нематеріальныхъ благъ, для быстрой циркуляціи знаній, опыта и т. п. Вотъ эти вещи заставляютъ меня не бояться ея, а считать прогрессивнымъ явленіемъ для человѣчества и благомъ для страны. Я признаю ея благодѣяніе, только по другимъ причинамъ, чѣмъ нашъ молодой другъ. Я могу опасаться только, чтобы она не была направлена въ районъ, гдѣ будетъ служить только для высасыванія сырья, какъ громадный насосъ, напримѣръ, въ степь, а покушенія уже есть.

Вотъ вамъ въ заключеніе цѣлая масса общественныхъ газетныхъ извѣстій. *1-е. Мануфактура на Востокѣ.* Въ Москвѣ составляется огромное акціонерное общество для созданія въ Ташкентѣ хлопчато-бумажной мануфактуры. Итакъ мануфактура на Востокѣ осуществляется. *2-е. Вятка—центръ сибирскаго просвѣщенія.* Вятскій корреспондентъ Петерб. Вѣдом. пишетъ о типографскомъ дѣлѣ въ Вятской губ. (№ 331, Пет. Вѣд.). Въ Вяткѣ 6 типографій и 2 литографіи, въ губ. *еще* 6 типографій и одна литографія. Кромѣ Москвы, Петербурга и Херсонской губ. нѣтъ ни одной такой губерніи. Въ незначительномъ разстояніи отъ Вятки 3 бумажныхъ фабрики. Благопріятному развитію здѣсь печатнаго дѣла способствовала *дешевизна* рабочихъ рукъ (наборщикамъ платятъ 3 руб. 50 к. и 4 руб. за листъ). Но всего важнѣе близость огромнаго *сибирскаго рынка.* „Необъятная Сибирь почти *лишена* (?) типографій (частныхъ?) и бумажныхъ фабрикъ".

Сибирь выбираетъ Вятку предпочтительно передъ Москвой, потому что разстояніе сокращается на 1.000 верстъ. Сибирскіе заказы составляютъ важнѣйшее питательное средство для вятскаго типографскаго дѣла. Такъ, типографія Красовскаго работаетъ на Омское интендантское правленіе, на Енисейскія пріисковыя конторы, на почтовыя конторы Семирѣчинской области, на Верхнеудинскъ, на Благовѣщенскъ на Владивостокъ (horreur, horreur'!) и т. п.

Мало того. Типографія Красовскаго получила въ послѣднее время *очень интересное приглашеніе изъ Иркутска.* Нѣкто *Клиндеръ*, получивъ разрѣшеніе издавать *газету „Сибирь"* на 1873 годъ, увидѣлъ, что онъ *почти лишенъ надежды* вести свое изданіе въ Сибири *по отсутствію правильно-организованныхъ типографій, и потому принужденъ перенести изданіе въ Вятку* (№ 331 Пет. Вѣд. буквально.).

Что же это такое? Иркутскъ-батюшка! г. Синицынъ, иркутскій типографщикъ, погубили! Что же вы! Г. Клиндеръ, наконецъ, вопію я къ вамъ. Какъ вы будете писать о сибирской жизни въ Вяткѣ? Бѣдная страна всевозможныхъ аномалій! У тебя оказывается *голова* съ ея мозговой дѣятельностью *въ Вяткѣ, сердце въ Арх. и Вологодск. губ.,* азорванное пополамъ и на долю *столицы края, въ Иркутскѣ*, оста-

лась одна *з . . . . . а*! О, чудовищный организмъ. Въ довершеніе всего, г. Пашино опять кукурикаетъ съ своимъ банкротскимъ объявленіемъ, обѣщая удовлетворить подписчиковъ, и торжественно заявляетъ, что „Азіатскій Вѣстникъ“ будетъ издавать почетный мировой (вѣроятно, міровой) судья Московск. Округа, Иванъ Сергѣевичъ Дурново, какъ наиболѣе компетентный человѣкъ въ азіатскихъ дѣлахъ. Господи, Боже мой! Московскій мировой судья и „Азіатскій Вѣстникъ“! Газета Сибирь и Вятка!

Да ужъ не помѣшался ли я, или все прочее перемѣшалось? Можетъ быть, всѣ ошиблись въ призваніяхъ. Г. Клиндеръ, по настоящему, съ И. С. Дурново только и призваны быть сибирскими литераторами. А мы тутъ не при чемъ. Можетъ, мое мѣсто быть половымъ въ Новотроицкомъ трактирѣ въ Москвѣ, а вамъ, бѣдный другъ мой, *консерваторомъ музея* на О-вѣ Исландіи. Каковы пилюли?! Но еще. Что это такое?.. Извѣстіе изъ Тюмени. Ну-ко, прочтемъ. „На дняхъ былъ второй съѣздъ Общества для содѣйствія русской, т. е. россійской, торговлѣ и промышленности (ура!) въ Тюмени (ура, ура!), при чемъ участвовать на этомъ съѣздѣ просилъ дозволенія одинъ петербургскій корреспондентъ (кто бы это?). Но при этомъ заявленіи какой то купецъ Канонниковъ заявилъ, что корреспондента пускать опасно, „такъ какъ можно сказать словечко, которое нежелательно, чтобы другіе слышали“, и корреспонденту *отказали* (Пет. Вѣд.). Словечко! Гм! Что же это за странное словечко, которое скрываютъ тюменцы? О динамитѣ или объ обжиганіи горшковъ, о томъ, что скрывается подъ покровомъ Изиды, о голубомъ цвѣткѣ любви, или о томъ, что скрываютъ подъ полой тюменскіе шорники, т. е. о своей ярмаркѣ и закабаленіи березовскаго края? Боже, неужели и тутъ разочарованіе. Ну, сюрпризы! Вашъ бѣдный Іорикъ *Н. Ядринцевъ*.

Вы потребуете, конечно, отъ меня мнѣній для вашей книги только по экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ; такъ какъ я самъ думалъ обрабатывать книжицу исключительно объ этихъ вопросахъ въ подробностяхъ, то, можетъ быть, по нѣкоторымъ частямъ и могу служить. Я свой трактатъ хотѣлъ такъ расположить, онъ вамъ дастъ понятіе о темахъ:

1. Историческій очеркъ экономической жизни Востока. Періодъ завоевательный. Періодъ расхищенія естественныхъ богатствъ и періодъ примитивной культуры.

2. Промышленныя потребности Востока. Очеркъ современной промышленности. Отчеты статистическаго Временника, пам. книжка Тоб. губерн., матеріалы изъ послѣдняго военно-статистическаго Сборника, свѣдѣнія мои о ярмаркахъ за многіе годы и т. п. (Надо достать только Иркутскую и Забайкальскую памятныя книжки черезъ Андрея Павлыча. Для васъ можно сдѣлать отдѣльный сводъ изо всѣ-

го. Недостатки современной промышленности. Остатки старыхъ періодовъ и привычекъ. Положеніе земледѣльческой страны и ея бѣдность. Потребность гармоническаго и всесторонняго развитія промышленности. Основаніе заводской промышленности. Что ей мѣшаетъ, чѣмъ она можетъ двинуться. Выгоды мануфактурной страны, и вліяніе ихъ на земледѣліе. Значеніе мануфактурнаго рынка на Востокѣ для цивилизаціи Азіи и для Средне-азіатскихъ владѣній въ особенности. Англичане, рѣшающіе судьбу Средней Азіи и отдающіе ее Россіи отъ границъ Пешавера. (См. газетн. извѣстіе: переговоры съ Остъ-Индскимъ губернаторомъ Нордбрукомъ Хивинскаго Хана.). Вотъ глава! Не знаю, въ какой подробности все это доставить. И такъ какъ для характеристики промышленности цифры все-таки необходимы, то не знаю, какъ вы ихъ избѣгнете. Второй очеркъ или главу я предполагалъ: *Колонизація и значеніе ея для Востока*. Выгоды ея для метрополіи и колоніи. Недостатки прежней колонизаціи. Условія для переселенія по Своду Законовъ и положен. о крестьянахъ. Выгоды колонизаціи хотѣлъ собрать по книгѣ Legoyt и о всемірномъ значеніи колонизаціи въ экономическомъ смыслѣ мысли Жуковскаго. (Ежели бы можно было гдѣ нибудь добыть цифры о выселеніяхъ изъ Россіи, хорошо бы было, но, къ сожалѣнію, не имѣю.) 3) *Вопросъ ссыльный*, помогали ли они колонизаціи. 4) *Вопросъ Путей Сообщенія*, желѣзнодорожный и водяной. О значеніи вообще для края желѣзной дороги (Прекрасно всѣ выгоды развиты у Жуковскаго). Борьба за желѣзно-дорожный вопросъ. Русскіе протекціонисты, склоняющіе его въ свою сторону, Пермскіе пароходчики—Любимовъ и т. д. (У меня есть трактатъ Любимова и друг. проекты). *Вопросъ инородческій* въ его современномъ состояніи. Расы, способность ихъ къ культурѣ, къ цивилизаціи. Подлежатъ ли онѣ сліянію. Завоевательный періодъ конченъ. Взгляды русскаго населенія на инородцевъ. Средства къ патронажу инородца, какъ слабаго, и средства его цивилизаціи. *Вопросъ Поземельный* о способѣ владѣнія землею. Особенности условія земледѣльческаго быта въ колоніяхъ. Раздача земель, къ чему она приведетъ, наконецъ, о правилахъ колонизаціи въ связи съ поземельнымъ вопросомъ. *Вопросъ административный*. Очеркъ прежняго управленія. Его особенности. Различныя мнѣнія о реформахъ и что задерживаетъ реформы. Какія особенности страны должны быть приняты при новомъ проектѣ.

Вопросъ Просвѣщенія и Школъ. Обзоръ современнаго состоянія, (Статистика). Нужды будущаго. Вліяніе просвѣщенія на развитіе страны. Наконецъ, *Вопросъ ученый и литературный*. Объ ученыхъ обществахъ и мѣстной журналистикѣ.

Всѣ эти вещи я хотѣлъ изложить въ особой брошюрѣ. Вы видите, что вопросы касаются только современнаго положенія. Это была

моя цѣль, и чтобы она затрагивала живой интересъ. Удастся ли это, когда выполнить, не знаю. По части исторической я не знаю, какъ я вамъ могу быть полезнымъ, потому что матеріаловъ у меня положительно нѣту. Для васъ я вотъ что придумалъ на основаніи опытовъ: вы будете, навѣрно, нуждаться въ путешествіяхъ и спеціальныхъ книгахъ о Сибири, которыя и невозможно, и дорого пріобрѣсти на свой счетъ. Поэтому, вы можете обратиться въ Географическое Общество съ просьбою высылать вамъ ихъ на время, принимая, конечно, пересылку на свой счетъ. Я знаю, что Вольно-Экономическое Общество разсылаетъ такимъ образомъ книги своимъ иногороднимъ сотрудникамъ. Ежели вы сами не рѣшитесь этого сдѣлать, то возьмется Серафимъ. Я объ этомъ ему говорилъ, а это было бы полезно и для меня. Что вы на это скажете?.. Я положительно въ отчаяніи, куда мнѣ придется писать о Востокѣ. Въ „Азіатскій Вѣстникъ“ я не вѣрю, кто купитъ обанкротившуюся фирму. Буду ждать, что скажетъ Андрей Павловичъ о „Сибирякѣ“ Иркутскомъ. Объявленіе въ газетахъ о немъ было. Всего 5 руб. Значитъ, будетъ маловатъ. Услужить для Сибирск. Отд. Географ. Общества и мнѣ желательно, только не знаю чѣмъ. Писать о промышленности, но на это есть Техническое Общество. Для разработки исторіи матеріала нѣтъ. Не о Куткинѣ же посылать. Стыдно. Надо что нибудь видное и ученое. Ровинскій получилъ серебряную медаль изъ Петерб. Геогр. Общества за „Изслѣдованье Забайкалья“. Статьи въ „Извѣстіяхъ“: не ахти мнѣ. Въ газетахъ появилось извѣстіе о взятіи Хивы, хотя и передаваемое въ видѣ слуха. Должно быть, до Пешавера-то пройдемъ.

„Московскія Вѣдомости“ гремятъ о значеніи Средней Азіи и даже въ № 292 заявили о потребности въ Ташкентѣ и на окраинахъ основать мануфактуры и заводы для переработки богатой производительности новопріобрѣтеннаго края. Конечно, для заведенія обширныхъ мануфактуръ среди азіатцевъ существуетъ много затрудненій, но тѣмъ настоятельнѣе долженъ быть поднятъ, кажется, теперь вопросъ о значеніи мануфактуры въ Сибири. Здѣсь уже слагаются болѣе подходящія условія. Ташкентецъ Каразинъ выпустилъ продолженіе романа „На Окраинахъ“, гдѣ представляетъ участь героя, попавшаго въ плѣнъ къ бухарскимъ барантачамъ[1]). Тутъ выставлено возмутительное обхожденіе съ плѣнными, подземныя тюрьмы, „клоповники“, рѣзанье головъ и проч. Авторъ ужъ слишкомъ ударяется въ эффекты. Онъ явно подражаетъ Гюго и не можетъ сладить съ матеріаломъ, а матеріалъ богатый. Онъ могъ представить домашнюю жизнь бухарцевъ, мусульманскій міръ съ его молитвами, обаяніе Востока, отношеніе

[1]) Барантачи—киргиз. слово, употребл. Ядринцевымъ въ смыслѣ „разбойники“. (П.).

русскихъ къ инородцамъ и т. д., но все это у него вскользь. Кромѣ того, изъ нѣкоторыхъ Ташкентцевъ, этого сброда карьеристовъ, скандалистовъ и шулеровъ, изъ этого прототипа „навоза", авторъ старается извлечь героевъ. Такъ, его герой, игрокъ и пьянчуга, рисуется красками байроновскихъ идеаловъ. Все это недостатки. Герой неудаченъ, но картинъ много прекрасныхъ, Романъ, однако, занялъ вниманіе русской публики. Въ „Недѣлѣ № 31 и 32 Боборыкинъ помѣстилъ уже рецензію на него, гдѣ говоритъ, что типъ „хищника и дармоѣда", изображаемаго сатирою Щедрина, начинаетъ появляться въ реальномъ изображеніи, что хищническіе инстинкты надо изучать на окраинахъ, гдѣ имъ больше простора; что эти хищники не вносятъ цивилизаціи, но развращаютъ инородца и т. д. Ежели выйдетъ романъ Каразина отдѣльно, то я напишу рецензію съ физіологіей ташкентца и вообще „навоза", на Востокѣ. Это моя собственность, и я никому не отдамъ этой темы. На книгу[1]) вашего покорнѣйшаго слуги появились двѣ рецензіи. Въ „Сынѣ Отечества" № 255 сдѣлано извлеченіе—цѣлый фельетонъ, и отзывъ вполнѣ благопріятный. Въ „С. Петерб. Вѣдомост.", въ библіографіи также отзывъ. По обыкновенію въ духѣ Пет. Вѣд. т. е. „должны признаться, хотя нельзя не сознаться". Вообще книга найдена заслуживающей вниманія, *но* нѣкоторые беллетристическіе очерки найдены не вполнѣ обработанными,—*хотя* видна жизненная правда и подкладка дѣйствительности. *Но вообще* заслуживаетъ вниманія въ виду и проч. Вотъ видите, я къ беллетристикѣ совсѣмъ неспособенъ. А вы меня съ нашимъ библіографомъ увѣряете въ противномъ. (Письмо я его получилъ вчера. Милый юноша мнѣ наклалъ страшно много сахару, не зная, что я пью въ прикуску). Итакъ, рецензентъ сознался, что у меня видна дѣйствительная правда жизни, но я не совсѣмъ обработалъ ее въ литературномъ отношеніи, значитъ, не могу производить. Сознаюсь, однако, вамъ по секрету, что *Петръ Рѣшето* (божественный Петръ Рѣшето), „Жиганъ" и „тюремный сказочникъ", типы мною созданы изъ общихъ качествъ поселенцевъ. Скажите откровенно, похожъ ли Петръ Рѣшето на сочиненіе?! Скажу вамъ еще по секрету, хотя мнѣ и не слѣдуетъ заниматься беллетристикой, но я согрѣшилъ и, знаете ли, попробовалъ себя въ какомъ родѣ, въ—драматическомъ, т. е. написалъ комедію въ 5 актахъ, хотя изъ скромности именую ее *сценами*. Это сцены изъ прошлой провинціальной жизни. Въ нѣсколько дней я испыталъ страшную работу фантазіи, просто ударъ нашелъ: типы, комическія сцены—такъ и лѣзли въ голову. Я испыталъ, просто, горячку творчества. А какая богатая мысль была для разработки, какая канва, хоть для Гоголя. „Донкихоты нашего времени"—вотъ на-

[1]) „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ". (Ред.).

званіе и смыслъ пьесы. Фигурируютъ два типа донкихотизма: молодой либералъ конца 50 годовъ въ губ. городѣ, обличитель, шумиха, энтузіастъ (типъ Щукина). Кругомъ молодежь: Утиковъ (Фединька. только мельче), гимназисты и проч. Другой видный герой Рыкаловъ (Рыкачевъ), занятый подозрѣніями, истый Донкихотъ. Сцены смѣняются самыя комическія, читалъ кое-кому и Серафиму. Помираютъ со смѣху.

Есть сцена драматичная. Утиковъ въ сумасшествіи на допросѣ. (Мотивъ сумасшедшаго изъ Гоголя). Конецъ: Геркулесовы столбы донкихотизма Рыкалова. Исповѣдь его Дулепову. Санхо-Пансо, страшится всѣхъ: жены. Подозрѣнія его атакуютъ совершенно. Конецъ похожій на Гоголевскаго ревизора.

„Прекратить слѣдствіе“. Рыкаловъ мечется въ горячкѣ и совершенно обезумѣваетъ. Обрабатываю въ „Отеч. Записки“.

Этой темой еще не пользовались беллетристы. Пора.

Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу на счетъ плана романа. Присылайте Ваши матеріалы, золотопромышленниковъ.

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

P. S. Еще газетныя извѣстія: циркуляръ Синельникова, еще злоупотребленія, берутъ на перевозахъ Вост. Сибири. Приказано губернаторомъ наблюдать и даже данъ выговоръ симъ.

Все это, конечно, оттого, что мало читаютъ циркуляровъ, но краснорѣчіе ихъ, конечно, искоренитъ всѣ злоупотребленія. Синельниковъ, проѣзжая въ Сибирь черезъ Перм. губ., далъ телеграмму въ Петербургъ, что дороги плохи, и онъ шелъ пѣшкомъ (истый Донъ-Кихотъ!). Въ Петербургѣ, въ Обществѣ для содѣйствія Россійской промышленности нѣкто Шавровъ дѣлалъ обзоръ Азіатской торговлѣ и вычислилъ, что наша русская торговля съ Китаемъ составляетъ 4%, а по отношенію ко всей Азіи 1½%. (Пріятно и это слышать). Докладчикъ дѣлитъ Азію на три рынка: *Китайскій*, отъ океана до Иртыша, *Туркестанскій и Персидскій съ прилежащей Индіей.*

Поэтому разсматривается три дороги: путь по Волгѣ и Каспію, на Красноводскъ и Хиву, 2-й путь на—Оренбургъ и Ташкентъ.

Первый путь хвалитъ, второй находитъ неудобнымъ.

3-й путь на *Нижній, Казань, Екатеринбургъ и Иртышъ*, очень одобряетъ. По его, нужна *желѣзная дорога на Омскъ* (!!!) и *вѣтвь* на Тюмень. Отличный проектъ, особенно дорога на *Омскъ*. Это тотъ насосъ для сырья, который желаетъ нашъ наивный юноша либръ-ешанжистъ. Только г. Шавровъ не совсѣмъ попалъ. Есть проектъ Любимова (пермскаго заводчика) отъ Перми черезъ Екатеринбургъ къ Кургану, на Тоболъ.

Я вижу, какъ уже у этихъ торгашей ташкентцевъ бѣжитъ по губамъ сибирское сало! Еще не все. Въ „Русскомъ Техническомъ Обществѣ“ (сколько ихъ развелось) золотопромышленникъ Маркеловъ читалъ докладъ *объ истощеніи сибирскихъ золотыхъ розсыпей* (вотъ-те, здравствуй) и о необходимости въ скоромъ времени приступить къ разработкѣ *жильныхъ* мѣсторожденій. (Ну, хоть наши не робѣютъ. Истощилъ одно, за другое принимайся: ну-ко, *жильные золотоискатели*, съ Божьей помощью, начинай). Итакъ вотъ, сколько извѣстій и все восхитительныя. Г. Клиндеръ, Дурново и г. Турбинъ обѣщаютъ создать литературу, г. Шавровъ и Любимовъ устроить торговлю бараниной, г. Маркеловъ—обновить золотопромышленность... Эй, нѣтъ ли тамъ кого еще изъ благодѣтелей?..

Боже мой, да они съ ума сведутъ вашего бѣднаго Іорика...

P. P. S. Справки объ оленѣ дѣлаются, нашелъ охотника. О сбрасываемой одеждѣ—не мифъ, а истина. Разсказывалъ Шенкурскій охотникъ. Программы вы не прислали послѣдней, хотя въ концѣ письма объ этомъ сказано.

Еще просьба: напишите—славянофилу нашему, [1]) чтобы онъ занялся работой какой нибудь и дайте ему тему, потребовавъ непремѣнно исполнить. Онъ б. ч. дуритъ, и не оставляетъ пить жестоко, до сумасшествія, да вдобавокъ и ничего не дѣлаетъ. Жалко и этотъ отечественный у . . . . . къ. Авось, ваше нравственное вліяніе его образумитъ, онъ, конечно, васъ чтитъ и боготворитъ. Спросите, грозно только: Что онъ дѣлаетъ? Я ему покажу письмо.

У Бухарца выписанъ Сравнительный словарь татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ арабскихъ и персидскихъ словъ. Составилъ Лагирь Будаговъ. 1863 г. Какія бы еще татарскія книги ему выписать?

Пошлю свою книгу Андр. Павлычу на имя Чукреича. [1]) Надо ли послать библіографу или Ивану Федоровичу, [2]) какъ раздѣлить, не знаю. Экземпляровъ уже не много. Надо еще въ Сибирскій Отдѣлъ презентовать.

Хочу еще васъ упрекнуть: почему вы не сдѣлали отзыва, какіе недостатки вы нашли въ стихахъ: „я изъ той страны далекой“? вамъ не понравилось? я это узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Ежели не отвѣтите, что вы нашли въ стихахъ, и что надо передѣлать, не получите больше поэзіи и „Пѣсни о Предкѣ“, въ особенности.

---

[1]) Т. е. Ушарову.

[1]) Однокашникъ по кадетскому корпусу съ Г. Н. Потаниным и съ Нестеровымъ Чукреевъ.

[2]) Соколовъ.

Письмо XXIII.

12 декабря 1872 г., Шенкурскъ.

Дорогой другъ, окончивши послѣ прошлой почты отвѣтъ на 1-е письмо ваше (съ запросомъ о медико-топограф. статьѣ), я, однако, не успѣлъ его отослать и находился въ самомъ мучительномъ состояніи. Петербургскіе *варнаки*, Благосвѣтловъ и Шигинъ, до сихъ поръ мнѣ ничего не пишутъ и ничего не посылаютъ, какъ-будто они меня не знаютъ. Кромѣ того, разныя милыя газетныя извѣстія подбавили удовольствія (я ихъ помѣщу). Теперь я вамъ отвѣчаю на 2-е ваше и послѣднее письмо изъ Тотьмы, такъ какъ вы переселяетесь. Дивлюсь вашимъ капризамъ, истинную причину я знаю. Какъ „ни красно чужое море“, „какъ ни красна чужая даль“, какъ ни пріятна Тотьма въ сравненіи съ Тимбукту, но, согласитесь, что вѣдь въ сущности эта разница не большая, во внѣшнемъ отношеніи. Будете ли вы одни въ Никольскѣ, или вкупѣ съ сотоварищами это важнѣе, я имѣю основаніе полагать, что вкупѣ. Замедленіе *варнаковъ* въ высылкѣ денегъ не позволило еще мнѣ отослать моей книги въ Омскъ, но терпѣніе лопнуло. Сегодня займу немного и пошлю 2 экземпляра на имя Чукреева, такъ же, какъ и письма. Вчера весь вечеръ читалъ вашъ очаровательнѣйшій очеркъ „Тайжане“, сегодня всталъ въ 5 часовъ утра, чтобы успѣть набросать письма всѣмъ. Съ планомъ о колонизаціи согласенъ. Въ „Бесѣдѣ“ появилась философско-историческая статья объ Американскихъ Штатахъ (фамилію забылъ). Но еще не читалъ, зато прочиталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью „Американскій протекціонизмъ“. Она написана по поводу 2-го выпуска „Essays Cobden Club“; онъ заключаетъ развитіе политическихъ идеаловъ Кобдена по международному праву, между прочимъ, тамъ помѣщена какая-то прекрасная статья о колоніальной политикѣ Англіи и объ ихъ федераціи (Надо непремѣнно выписать). Тутъ же статья объ американскихъ протекціонистахъ, написанная съ точки зрѣнія libre échangiste'овъ. Авторъ упрекаетъ въ своекорыстіи и въ громадныхъ злоупотребленіяхъ американскій буржуазный протекціонизмъ. Очень можетъ быть, что онъ и правъ, но, мнѣ кажется, не нужно смѣшивать злоупотребленія принципомъ съ самимъ принципомъ. Эгоизмъ буржуазнаго протекціонизма достаточно извѣстенъ. Надо пожить только въ Сибири или въ Архангельской губерніи, чтобы поблагодарить и испытать благодѣянія для народа московскихъ протекціонистовъ-мануфактуристовъ (сапоги рвутся на второй день, ножи ломаются о тарелку, купленая матерія рвется мгновенно, какъ старая тряпка, а купцы говорятъ подъ сѣнію этого протекціонизма; „не надо баловать покупателей“). Россіи дѣйствительно пора переходить къ свободной торговлѣ, но тамъ, гдѣ еще и

не возникло мануфактуръ—другое дѣло. Тутъ нуженъ даже не столько протекціонизмъ (тарифный), а патронажъ промышленный (Voilà le mot!).

Ежели вамъ не нравится слово протекціонистъ, создадимъ новое—патронажистъ, желаете ли вы принадлежать къ этой новой экономической партіи?

Кромѣ того авторъ „Американскаго протекціонизма“, ярый антагонистъ Кэри, взялъ періодъ исключительный для характеристики послѣдствій протекціонизма. Это періодъ войны и займовъ, причины были сложныя, породившія разныя соціальныя ненормальныя явленія, и это надо было отдѣлить. Битмитъ для меня выписалъ книгъ изъ-за границы. Покуда онъ мнѣ прислалъ „Австралію“, изданіе Лихачевой и Суворіной. Теперь уже поздно писать рецензію, изданіе 1871 г., но можно было сдѣлать выписки о ссылкѣ. О политической жизни колоній мало поминается, но географическая и этнографическая часть довольно наглядна. О самыхъ любопытныхъ фактахъ изъ соціальной австралійской жизни я вамъ дамъ по окончаніи книги отчетъ. Рошера выпишемъ непремѣнно. Какъ я васъ подловилъ на стихахъ. Ай, ай, какъ я васъ подловилъ, мой наивный другъ! О вашемъ мнѣніи о стихахъ: „Я изъ той страны“ я догадывался по вашему молчанію и нарочно написалъ, что мнѣ уже сказывали это мнѣніе. Ну, вотъ видите, а вы еще спорите, что я могу быть поэтомъ и художникомъ. Зачѣмъ вы, наконецъ, смягчили приговоръ на счетъ ихъ? „Риторика“—такъ? Я это самъ чувствовалъ. Знайте же, милостивый государь (по прочтеніи „Тайжане“[1]) я въ этомъ убѣдился), что *художникъ и поэтъ это вы*, а не я! У васъ образность, блестящій языкъ, художество въ полномъ смыслѣ, а у меня только мѣстами немного страсти и лирики, остальное проза. Вотъ почему я постоянно упираюсь и постоянно требую у васъ самаго строгаго и безпощаднаго критическаго разбора моего заказного виршеплетства. То, что вамъ иногда въ этихъ стихахъ можетъ еще казаться сноснымъ (вы судья пристрастный), то для другихъ потеряетъ смыслъ, и вирши не имѣютъ никакого, достоинства. Жгите б. ч. ихъ безъ всякой церемоніи. Я знаю, на что я способенъ; стихи не по моей части, полная отдѣлка ихъ не удается. Вы хотите заставить плавать прозаическаго рака въ восточномъ морѣ беллетристики за неимѣніемъ поэтической рыбки. Когда-нибудь, можетъ быть, вынырнетъ и эта блестящая и проворная рыбка, вольно и свободно заныряетъ она въ своей стихіи, а теперь бѣдному раку плохо приходится въ ея шкурѣ. Милый натуралистъ, не показывайте его изъ сво-

---

[1]) «Тайжане»—это матеріалъ для повѣсти изъ міра золотопромышленниковъ. Эти наброски Г. Н. Потанинымъ были отосланы Я—ву, въ печать не попали. (П.)

его мѣшка: васъ обличатъ. А вы еще увѣрили нашего наивнаго молодого библіографа въ моемъ поэтическомъ талантѣ. Что же это вы дѣлаете? развиваете безвкусицу въ соотечественникахъ. Проза Словцова и Щапова и поэзія Семилужинскаго! о страна татаросамоѣдской словесности! О несчастное отечество![1]) Что я сказалъ относительно способности своей къ поэзіи, тоже скажу и о беллетристикѣ. Я способенъ къ беллетристикѣ немногимъ болѣе, я могу написать отрывочные очерки, разсказы, но не цѣльное художественное произведеніе. Поэтому романъ можетъ писаться только ради tendence, но не для изображенія вѣрной копіи жизни. О нашемъ художественномъ творчествѣ потомство скажетъ, что мы были „добрые люди, но плохіе музыканты“. Въ свое оправданіе мы можемъ только сказать, что мы должны были, какъ наши отцы, первые шлепать броднями по нерасчищеннымъ дорогамъ таежной словесности, что патфайндерамъ трудно было проложить рельсовую дорогу въ тайгѣ и не замочить сапогъ. А все же эта таежная дорога остается такой, какъ она у васъ описана..... Недостатокъ творчества можно было бы замѣнить наблюденіями, подробной этнографической картиной, но мы и этого лишены. Вотъ почему я боюсь, что шлепанье таежныхъ бродней слишкомъ будетъ замѣтно въ нашемъ импровизированномъ романѣ, который мы однако обязаны написать, такъ какъ дали слово своимъ друзьямъ.... Исключеніе составятъ только живописныя, вѣрныя и истинно художественныя картины изъ „Тайжанъ“, да кое какіе мои бродяжескіе очерки. Отъ „Тайжанъ“ я положительно въ восторгѣ. Зачитался вчера. Канва широкая, превосходная. Языкъ—чудо образности, наблюдательность и эти естественно-историческія параллели недоступны ни для одного художника-диллетанта, какъ величественныя высоты Альпъ, какъ міросозерцаніе на природу Гумбольта недоступно для простого смертнаго. Встрѣчаются микроскопическіе недостатки, тяжеловатость юмора, напр., „Ѣхалъ не легіонъ, а Ваныкинъ“, палеонтологическій картузъ очень растянутъ, но все это пустяки, можно сгладить. Я не зналъ, что вы такъ мѣтко схватили Любимова, что вы взяли его въ герои, это восхитительно. Я знаю изъ его біографіи много случаевъ и совершенно вѣрно, онъ на моихъ глазахъ соблазнилъ дѣвицу, бывавшую въ нашемъ домѣ. Знаете ли вы, что онъ былъ студентомъ въ Казанскомъ университетѣ и т. п. Вы его выставляете туземцемъ, но туземецъ ли онъ? Впрочемъ онъ совершенно вѣренъ и въ тузем-

---

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу мой другъ Сержантъ: (Hold fast your colonies): the coarse vice of small and now republics (т. е. государствъ, странъ, колоній): the rude dialect (въ другомъ мѣстѣ есть даже особое названіе этого языка). the slovenly administration, the bowieknife and revolver (дрючки и винтовка), the vigilence committee and Lynch low (судъ бродягъ) см. Birmingham speculative club, p. 77). Я прежде думалъ, что сибиряки говорятъ чисто и правильно, но литература показываетъ этотъ колоніальный недостатокъ!

ной средѣ. Герой вашъ Ваныкинъ блѣденъ (но герои всегда бываютъ блѣдны, герой—это точка, пустой центръ для разсказа, около котораго вертятся событія), не сдѣлать ли Ваныкина аксессуаромъ и придумать ему характеръ юноши, полнаго надеждъ .. Героя же для романа можно выбрать почище. Изъ наѣзжихъ я бы выбралъ Аркашева, придавъ ему наѣзжее происхожденіе; изъ ссыльныхъ у васъ нѣтъ героя, но можно создать его, это образованнаго мерзавца и плута высшаго полета, оставляющаго въ дуракахъ общество изъ туземцевъ, я бы взялъ типъ Чичеровакіо (котор. я разрабатывалъ). Всѣ категоріи этихъ героевъ у насъ есть въ жизни. Описаніе природы тайги у васъ вышло очень ужъ мрачно и особенно сравненіе съ тюрьмою. Тюрьма одинъ пріискъ. Здѣсь можно изобразить расхищеніе естественнаго запаса природы и философическое размышленіе надъ этимъ. Остальные лѣса, горы это должно быть грандіозно, прекрасно, дико и восхитительно. Красота, непонятная для людей, воспитанныхъ на будничныхъ жидкихъ пейзажикахъ съ лужайками. Пусть пріѣзжій восхищается этимъ сначала, а потомъ, какъ развитой человѣкъ, чувствуетъ только тоску, изолированный отъ цивилизаціи жизни, тоску отъ окружающихъ его безобразій и порчи людей.... Но природа пусть остается прекрасная и холодная зрительница человѣческихъ преступленій.

Мнѣ кажется надо подвести именно такую штуку. Вы вѣроятно были на какомъ то уныломъ пріискѣ. Я припоминаю описаніе пріисковъ Флеровскаго и Блюммера въ романѣ „Около золота“; тамъ пріиски описаны гористые и природа восхитительная. Начавъ читать ваши очерки, я увидѣлъ, что у васъ продолжаются приключенія того ссыльнаго парня, которыя у меня начаты въ моихъ очеркахъ (парень, бѣгущій съ пріисковъ). Одну уже нить и причину для брака нашихъ дѣтей я уже поймалъ. Вопросъ только въ томъ, сдѣлать ли темой романа *одну* штрафную колонизацію? Это сдѣлать легко, соединивъ „На чужой сторонѣ“ съ „Тайжанами“, связь есть.

Можно заставить нѣсколькихъ моихъ героевъ фигурировать на пріискѣ Геллера. И потомъ окончательную судьбу нѣкоторыхъ подхватить въ концѣ. Кромѣ того, тогда нужно будетъ вывести, въ видѣ гостя или служащаго въ семействѣ Геллера, ссыльнаго—аферисга въ союзѣ съ Аркашевымъ. Туземный герой Ваныкинъ однако будетъ слабъ. Имѣя въ виду такую тему, я долженъ справиться, будетъ ли печататься въ продолжающемся „Азіатскомъ Вѣстникѣ“ продолженіе на „Чужой сторонѣ“ (рукописи у меня нѣтъ). Другая варіація. Ежели мы захотимъ ссыльный вопросъ затронуть, какъ частность въ общей картинѣ сибирской жизни, то придется начать не съ „Чужой стороны“, а съ другого. Жизнь же ссыльныхъ сдѣлать эпизодомъ и отвести на второй планъ. Вотъ программа моего собственнаго романа. На Уралѣ

мчатся нѣсколько повозокъ въ Сибирь, тюменскіе купцы съ приказчиками, тянутся переселенцы, идутъ ссыльные (картины). Все спѣшитъ въ Сибирь съ разными идеалами. Между прочимъ, отличаются двѣ пары проѣзжихъ. Молодой человѣкъ изъ коммерческаго училища Жуковъ, съ капиталомъ, прожектеръ и теоретикъ, ѣдущій наживаться въ Сибирь, и рядомъ старый приказчикъ Барабановъ (типъ хищника). „Поскорѣй бы намъ ее въ лапы-то, въ лапы-то, Сибирь то эту!“ Вторая пара: приказчикъ Еремеичъ, добрый старикъ, сибирякъ, служака, съ ярмарки и молодой человѣкъ, мѣщанинъ, возвращающійся на родину послѣ разныхъ приключеній *Чичерова* (Чичеровакіо). 2) Тюмень; какъ молодой прожектеръ Жуковъ знакомится съ мѣстными купцами. Что они дѣлаютъ? Тюменскіе нравы и игры. У Барабанова хищника глаза разгораются на золото. 2-я сцена—исповѣдь за чайкомъ Чичерова Матвѣичу, кто онъ такой. 3) Томскъ, занятый наемкой рабочихъ, кутежи и проч. Чичеровъ ищетъ мѣста на пріискѣ и поступленіе къ Геллеру на пріиски. 4) Пріисковые порядки, кража золота, эксплоатація рабочаго. Знакомство Чичерова съ простымъ народомъ. Ссыльные на пріискахъ, ихъ вліяніе и проч. 5) Бунтъ на пріискахъ Геллера, дѣла у Жукова[1]). Разореніе. 6) Чичеровъ идетъ по большой дорогѣ съ рабочими. Енисейскъ, большая дорога, встрѣча съ бродягами, съ монетчиками. Облава. Законъ Линча. 7) Чичеровъ въ острогѣ. 8) Вышедши изъ острога, Чичеровъ опять встрѣчаетъ Жукова-идеалиста, растерявшаго часть состоянія. Какъ Жуковъ на розыскахъ *съѣлъ* свой чемоданъ. Новое предпріятіе. Сельское хозяйство. 9) Заимки, пасѣки и проч. идиллія. Заимка, подожженная ссыльными бродягами, новое разореніе. 10) Жуковъ, идеалистъ и теоретикъ, разочарованъ Сибирью, будучи не въ силахъ заняться безцеремонными средствами наживы, за то Барабановъ ограбилъ какого то хозяина и сталъ капиталистомъ—золотопромышленникомъ. Достигнувъ цѣли, закутилъ. Типъ „Лей, Ванька, на меня шампанское. Былъ Васька, теперь Василій Иванычъ!“ Чичеровъ послѣ загула въ молодости искалъ честнаго куска хлѣба и спокойствія и вышелъ разочарованнымъ; его мутило, онъ болѣлъ за все, съ чѣмъ сталкивался, на него напала меланхолія. Онъ пустился было пить, потомъ кинулся отъ бѣдности въ рабочіе, потомъ въ писцы. Больной, раздраженный, онъ, наконецъ, лежалъ въ какой то глуши, ожидая смерти, проклиная все. Оправляясь отъ болѣзни, онъ случайно знакомится съ декабристомъ въ уѣздномъ городѣ, который ему раскрываетъ глаза. Чичеровъ оживаетъ. Послѣ разговора онъ стоитъ на горѣ и думаетъ мрачную думу, грудь поднимается, то какая-то злоба душитъ, то приливъ восторга. Онъ ожилъ, онъ помолодѣлъ.

---

[1]) Эту главу можно вашу вставить.

„Теперь знаю, зачѣмъ надо жить“, заговорилъ этотъ плѣшивый человѣкъ. „Теперь есть цѣль — копить деньги.“ „Пойду въ тайгу, осную артели и проч.“ Въ этотъ моментъ застаетъ его уѣзжающій разорившійся Жуковъ, онъ везетъ съ собой молодого человѣка въ университетъ и навсегда оставляетъ Сибирь. Прощаніе. Жуковъ говоритъ дифирамбъ Сибири, обращаясь къ Чичерову: „У васъ страна богатая, благодатная, ежели бы ея не разоряли, не опустошали, ежели бы вамъ интеллигенцію и проч.“... Чичеровъ поцѣловалъ ихъ, благословилъ юношу и быстро пошелъ по дорогѣ. Онъ шелъ быстро, увѣренно по дорогѣ вдаль, оставляя городъ. Куда?.. Должно быть, у него были новыя цѣли. Эпилогъ. Дорога на Уралѣ. Выѣзжающіе изъ Сибири. Картина. Накопившій деньги „навозъ“, абсентеисты, разочарованные Сибирью, ссыльные назадъ и Барабановъ, разоренный новымъ хищникомъ, идетъ пѣшкомъ. Вотъ широкая рамка, въ которую можно вставить все, что угодно; у меня есть въ виду представить горячку золотопромышленности. Мать моя, собирающаяся ѣхать въ тайгу искать золото съ лопатой, даже въ горѣ около Томска искала (золотая манія). Чиновникъ, пасѣчникъ и заимщикъ. (Манія аграрная). Навозный—просвѣтитель, промышленникъ сибирской... [1]) (Тецковъ) и проч. и проч. Не знаю, развѣ только ужъ очень широко, не совладать. Я просто вамъ набрасываю, что я думалъ ранѣе о романѣ. Можетъ быть гораздо практичнѣе и легче намъ будетъ, покуда представить одинъ штрафной романъ съ „Тайжанами“ вкупѣ. Я ваши идеи, намѣченныя въ вашей программѣ, ловлю на лету, какъ опытная собака. Въ дѣтствѣ Баклайки надо представить отношеніе къ инородцу („киргизская лопатка“ и проч.). Такъ онъ воспитывается. Я видѣлъ въ Томскѣ типъ таежнаго доктора, бывшій ветеринаръ Гинцбургъ, нѣмецъ и шутъ у золотопромышленниковъ. Прелесть, что за типъ для тайжанъ. Роману штрафному и золотопромышленному теперь появиться самое время.

Въ послѣднихъ газетахъ есть два извѣстія. I Министръ разрѣшилъ всѣхъ каторжныхъ обращать на *частные золотые пріиски*. Прежде былъ только опытъ. Что изъ этого будетъ, сами можете представить. 2) Обществамъ предоставлено выселять въ Сибирь административно неблагонадежныхъ членовъ, и Самарское земство великодушно на это отпустило 12000 рублей. Я думалъ, что съ тюремною реформою ссылка на поселеніе отмѣнится. Не тутъ-то было. За штрафной вопросъ, вѣрно, еще придется долго бороться. Моя книга, это только первый „das ist Telle's geschoss!“ а ихъ надо много. Итакъ романъ будетъ 2-й geschoss. Даже одинъ россійскій извѣстный либералъ пустилъ въ насъ стрѣлу. Фельетонистъ „Недѣли“, имѣющій претензію подражать Гейне и поющій о „соловьяхъ въ гречи“ и персидской поэзіи, что также къ нему идетъ какъ галопъ коровѣ, подражающей

[1]) Неразборч. написано слово, (Ред.).

арабскому коню, успѣлъ заявить, что видно изъ корреспонденцій (корреспонденціи подобраны юмористическія), что „Сибирь вся проситъ выселить ее на о. Сахалинъ“. Разумѣй: „вы хотите избавиться отъ ссылки, да вы всѣ ссыльные“. Вотъ вашъ хваленый другъ Сибири Шелгуновъ, это онъ. Ужъ я бы эту корову, ежели бы писалъ фельетоны гдѣ-нибудь! Слава Богу, однако, что Россія нашла своего Гейне въ Николаѣ Васильичѣ, сухомъ лѣсничемъ, пишущемъ водяныя статьи и посылающемъ аккуратно Благосвѣтлову аптекарскіе счета съ *копѣйками* построчно. Я узналъ его не по подписи, а потому, что въ концѣ фельетона красовалось: 7 рубл. 34 копѣйки съ $^1/_4$.

Вотъ вамъ въ заключеніе „Вѣтрянка“. Прежнее было очень сантиментально, я измѣнилъ тонъ:

Вѣтрянка.

Снѣгъ обогрѣло, ручьи зажурчали,
Ранней весной выхожу я на поле,
Надо взглянуть, какъ природа цвѣтетъ
Грудью больной подышу я на волѣ.
Поле пустынно, но символъ весны,
Первый цвѣтокъ появился наружу.
Робкая Вѣтрянка робко взошла,
Робко взошла и поникла предъ стужей,
Холодъ ручьи леденитъ вкругъ нея,
Мелкая травка кой гдѣ выползаетъ,
И на открытый едва лепестокъ
Пурга весенняя снѣгъ навѣваетъ.
Съ видомъ отчаянья шепчетъ цвѣтокъ:
„Страшно цвѣтамъ, что всѣхъ ранѣе зрѣютъ,
Много погибнетъ несчастныхъ, пока
Солнце поля обогрѣетъ.
Счастливы сто-кратъ другіе цвѣты,
Гордо взойдутъ они въ жаркое лѣто,
Пышно разряженный ихъ хороводъ
Встрѣтитъ природа привѣтомъ.
Жизнь ихъ начнется въ веселой семьѣ
Нѣжною дружбой, любовью согрѣта,
Лѣто откроетъ имъ тысячи чаръ,
Таинства жизни и свѣта.
Мы же стоимъ одиноко средь бурь,
Вѣтеръ холодный въ лицо наше вѣетъ,
Смерть наступаетъ, когда на землѣ
Все вкругъ нея молодѣетъ.

Вѣтеръ холодный вдругъ тутъ пахнулъ,
Снѣгъ понесло, и цвѣтокъ умолкаетъ,
Ровно чахоточный, ранней весной,
Скошенный онъ умираетъ.
Эта весенняя тихая смерть
Странное чувство во мнѣ пробудила:
Въ раннемъ цвѣткѣ я свой жребій проникъ,
Въ позднихъ цвѣтахъ счастье родины милой...

Ну что, надо ли еще разъ поправлять? А то, такъ опять въ „воду“ пустимся.

Готовый къ услугамъ пудель.

Toujours „à Madame Varnhagen“ *Н. Ядринцевъ.*

Посылаю съ этою почтою книги Чукреичу. Но писемъ не успѣлъ написать. А все виновата мадамъ Варнгагенъ,[1]) увлекся ею.

На дняхъ получилъ карточку отъ одного стараго знакомаго. Азіатскіе усы, куда дѣвались азіатскіе усы? Отыскать![2])

О фельдшерскихъ училищахъ для женщинъ будетъ наведена справка въ Питерѣ. Такія училища есть, кажется, въ Самарѣ, въ Петербургѣ и др. м. Только это дѣло не Сераф. Сераф.

Письмо XXIV.

Шенкурскъ, 17 декабря 1872 г.

Свадебное.

Дорогой и любезный другъ, спѣшу увѣдомить васъ, что 15-го числа вечеромъ я совершилъ бракосочетаніе нашихъ молодыхъ[3]). Это случилось такъ скоро потому, что невѣста (т. е. „Чужая сторона“, моя повѣсть) была очень нетерпѣлива и съ ума сходила по таежникѣ. Романъ я, обдумавъ, предпочелъ сдѣлать исключительно штрафнымъ, остальные интересы и темы должны быть вводными. Въ предшествовавшемъ письмѣ я изложилъ программу прежде задуманнаго романа съ другимъ героемъ. Но теперь раздумалъ. Я взялъ сначала самую скромную и узкую задачу—ввести только то, что у насъ написано, т. е. 9 главъ „На чужой сторонѣ“, и потомъ глава

---

[1]) Знаменитая Рахиль Варнгагенъ фонъ-Энзе, жена нѣмецкаго писателя Карла Августа В. Ф. Э.; въ ея литературномъ салонѣ бывали передовые писатели, какъ Гейне и др. (Ред.).

[2]) Можно предположить, что дѣло идетъ о фотографической карточкѣ Г. Н. Потанина; въ Свеаборгѣ онъ былъ снятъ съ бритыми усами, бородой и коротко остриженной головой. Какъ каторжнику, ему брили волосы на половинѣ головы. (Ред.)

[3]) Съ боку приписка: Во время вѣнчанія пѣлъ «Исаіе ликуй» на мотивъ «Наша идея». (Ред.)

„Таежники“, но это оказалось ужъ очень узко, а главное связь обѣихъ частей вышла механическая и натянутая[1]). Это выйдетъ два отдѣльныхъ очерка, двѣ повѣсти, но, какъ и вы, вѣроятно, согласитесь, два очерка издать не годится, надо издать одно популярное произведеніе, цѣльное, связанное гармонически и имѣющее героевъ, проходящихъ по всѣмъ главамъ. Въ новомъ варіантѣ я взялъ и рѣшилъ взять въ герои вашего Ваныкина, снабдивъ его большими характеристическими чертами. Кромѣ того, начать романъ путешествіемъ ссыльныхъ и острогомъ мало будетъ интереснаго для туземцевъ. Надо сначала романъ ввести прямо въ сибирскую жизнь. Надо, чтобы каждый городъ нашелъ свою копію, свой портретъ, тогда онъ будетъ читаться вездѣ. Согласно съ этимъ составлена программа[2]). Я придумалъ *нашимъ* молодымъ слѣдующую фамилію: „*Сибирь-Мать и Мачиха*“, т. е. кому мать, кому мачиха. Гл. 1) По Уралу мчатся тройки въ Сибирь, тюменскіе купцы съ ярмарки, чиновники на службу, разухабистый морякъ, буйствующій по дорогѣ; молодой коммерсантъ съ приказчикомъ поживиться (абсентеисты), переселенцы, ссыльные. 2) Тюмень. Оргія въ тюменскомъ вкусѣ у купцовъ, Шешуковъ и проч. „наѣзжихъ“ заливаютъ шампанскимъ.—„Эй, подайте ихъ благородіямъ шампанскаго, въ Питерѣ-то, поди, не полакали!“ кричитъ Шешуковъ. Подъ конецъ „навозъ“ качаютъ на рукахъ. Тюменская игра въ карты, гдѣ обыгрываетъ купцовъ Капкановъ (Кошкодамовъ, извѣстный ссыльный авантюристъ 40 и 50 годовъ въ Тюмени, онъ теперь въ Иркутскѣ. Его зналъ Ушаровъ. Я его зналъ, нѣчто въ родѣ Лаврова, только образованнѣе). Скандалъ. Капканова проѣзжій морякъ ловитъ въ шулерствѣ. Входъ ссыльныхъ въ Тюмень. Гл. 3) Появляется герой. Начнется такъ: Перевалила вторая половина 50-годовъ, кончилась Крымская война. Въ Россіи шумъ, гремятъ витіи и проч. Въ Сибирь ничего не доносилось. Она играла и пила попрежнему. Тюмень обжиралась и зубилась въ „горку“, Тобольскъ гнилъ и опускался, Томскъ танцевалъ, Енисейскъ кутилъ. Въ Иркутскѣ подготовлялась Беклемишевская исторія[3]). Книги и журналы почти не существовали для сибирскаго общества, а ежели и доносились, то въ нихъ ничего не понимали. Учитель словесности въ одной гимназіи рекомендовалъ одного Панаева, принимая его за „новаго поэта“ и молодой талантъ (Картина невѣжества). Общество Томска веселилось: балы, вечера и

---

[1]) 1-ая часть: партіи, ссыльные, деревня, побѣгъ, а потомъ 2-ая и вдругъ—пріиски и новыя лица. Не годится.

[2])Не бойтесь, однако, «Чужая сторона» войдетъ эпизодами вся.

[3]) Изрѣдка по Сибири проскачетъ чиновникъ, прокричитъ: «прогрессъ!» и снова исчезнетъ, оставивъ въ недоумѣніи купцовъ...

т. п. Въ это время въ городъ въѣхалъ степнякъ Ваныкинъ. Сначала Томскъ его поразилъ живостью и торговой суетой. По воротамъ гостиницы, по цилиндрамъ, онъ припоминалъ Диккенса. Однако онъ скоро началъ скучать. Его окружали увеселенія, но онъ не былъ созданъ для нихъ. Самая его фигура и лицо не соотвѣтствовали прозванію дэнди. Онъ былъ карымъ[1]). Молодой человѣкъ заходитъ въ семейный домъ, гдѣ дѣвицы играютъ въ фанты. Онъ любуется ими, но въ сторонѣ. Онъ попалъ на балъ и видитъ пріѣзжихъ франтовъ изъ Питера во фрачкахъ, очаровывающихъ туземокъ. Заговорилъ съ франтами, видитъ ихъ пустоту, но самъ все-таки на второмъ планѣ. Онъ бы долго скучалъ, ежели бы не познакомился съ Брониславомъ Каетановичемъ, полякомъ 30 годовъ. Онъ былъ образованъ, имѣлъ книги, былъ типъ европейца, но, какъ всѣ поляки, жилъ замкнутой жизнью. Это былъ типъ образованнаго ссыльнаго, не любившаго Сибири, питавшаго къ ней антипатію. Въ Ваныкинѣ онъ однако развиваетъ критику и выставляетъ варварскія стороны общества. Бронславъ Каетановичъ отнюдь не активная личность, не учитель, не развиватель, это желчный полякъ и чистокровный патріотъ. Однако Ваныкинъ беретъ у него книги. Книги развиваютъ. Какъ въ молодомъ человѣкѣ развивается жажда знанія. Онъ хочетъ вырваться изъ Сибири. Все ему противѣетъ. Гл. 4) Опять ссыльные предъ выходомъ на поселенье. Деревня. Выходъ ссыльныхъ въ городѣ, какъ они устраиваются, первое впечатлѣніе. Гл. 5 . . . . (Вотъ для этой главы мнѣ и нужно, мой другъ, матерьяла, который есть у васъ), Ваныкинъ у Бронислава Каетановича встрѣчается съ русскимъ ссыльнымъ. Это также человѣкъ европейскаго образованія, открытый, добродушный, не унывающій типъ русскаго. По натурѣ космополитъ, потому что всю жизнь прожилъ за границей. По уму и образованію — видная личность. Его зовутъ „Король ума“, фамилія же была Бакановъ[2]). Отъ васъ мнѣ нужно получить свѣдѣніе о домашней жизни одного изъ подобныхъ героевъ, жившаго въ Томскѣ, самыя остроумныя его замѣчанія, привычки, часть его разговоровъ, его пріемы, его манеры, словомъ, его закулисную жизнь и казовые концы его ума. Напишите главку: знакомство Ваныкина съ такой фантастической личностью, или изложите въ письмѣ. Сколько понимаю, такой типъ (Бакановъ) какъ философа, я думаю, что онъ на Сибирь смотрѣлъ объективно, не ругая особенно и не хваля ея. Собственно онъ, не имѣя здѣсь особаго живого дѣла, относился къ ней индифферентно, но, какъ философъ, дѣлалъ иногда мѣткія замѣчанія насчетъ ея исторіи, и своеобразнаго склада общества. Онъ глубже и проницательнѣе

[1]) Карымомъ называется сибирякъ съ чертами туземца («татарковатость» «братсковатость») (Ред.)

[2]) Бакунинъ М. А. (Ред.)

Бронислава Каетановича объяснялъ различныя общественныя явленія. Можно представить споръ Каетановича съ Бакановымъ. Споръ сначала о Сибири. Каетанычъ считаетъ все продуктомъ татарщины, пониженіемъ расы (аргументы Щапова). Бакановъ объясняетъ другими причинами. Онъ сравниваетъ Востокъ съ Австраліей, съ западомъ Америки, съ Калифорніей, гдѣ были тѣ же условія.

„The coarse vices of small and new colonies, the rude dialect, the bowielife, and Lynch law", говоритъ онъ по англійски. Бакановъ даже видитъ у этой громадной страны недюжинное будущее.

Въ этомъ случаѣ Бакановъ правъ. Въ другомъ спорѣ съ Каетановичемъ уже правда на сторонѣ послѣдняго. Они спорятъ о патріотизмѣ и космополитизмѣ. Каетановичъ защищаетъ, конечно, себя. Онъ не признаетъ человѣка способнымъ творить великое безъ патріотизма. Онъ говоритъ, что патріотизмъ это-гражданская религія, говорящая чувству и вызывающая его, а чувства или страсти двигаютъ событіями (Спенсеръ). Бакановъ оспариваетъ. Онъ признаетъ только міровой интересъ; „Онъ", говоритъ Бакановъ, „столь же могущественъ и обаятеленъ для возбужденія личности. Наконецъ, онъ представляетъ болѣе простора для дѣятельности, больше свободы для личности, онъ ничѣмъ ея не связываетъ: хочешь работай въ Америкѣ, хочешь въ Италіи, хочешь въ Колывани".

Каетанычъ находитъ эту теорію эгоистической, она даетъ слишкомъ много свободы личности, она снимаетъ съ него обязанности. Примѣръ семьи: слѣдуетъ ли покидать мать въ нуждѣ, кидаясь помогать другимъ. Мало того, Каетанычъ предлагаетъ взвѣсить и принять во вниманіе качество труда. Воодушевленный патріотъ, по его, представитъ лучшаго качества трудъ, чѣмъ расплывающійся и холодный космополитъ. Наконецъ, переходитъ на историческую почву, гдѣ указываетъ на значеніе и подвиги патріотизма. Бакановъ не согласенъ. Этотъ философскій споръ, конечно, долженъ быть сжатъ. Ваныкинъ налету ловитъ новыя мысли. Его озаряетъ новымъ свѣтомъ, безпредѣльное море знанія и міровыхъ интересовъ выдвигается передъ нимъ. У Бакайова на обѣдѣ онъ просто гость, свидѣтель. Бакановъ блещетъ умомъ и роняетъ свои червонцы безъ всякой заботы, что ихъ кто нибудь подберетъ. Но когда въ другое время они пропадаютъ даромъ, здѣсь незамѣтный хищникъ, крадучись, тихо подбиралъ ихъ.

Какъ вы думаете о такой главѣ? Согласны ли?

Далѣе романъ идетъ по вашей программѣ. Желая учиться, Ваныкинъ ѣдетъ на пріиски. Въ Томскѣ Аркашевъ посылаетъ своего агента слугу (типъ поселенца, извѣстный мнѣ) Геллеру. На пріискахъ встрѣчаетъ Ваныкинъ Мавзолевскаго, конторщика изъ ссыльныхъ. (Это подъ

новымъ псевдонимомъ Тюменскій знакомый Капкановъ, бѣжавшій изъ Тюмени).

Дѣйствіе тянется по вашему плану. Въ дѣйствіи будетъ только больше живости и романтическаго. Аркашевъ ночью подъ окнами цѣлуетъ Аннушку, жену лакея. Ваныкинъ принимаетъ это за свиданье Натальи съ Аркашевымъ; вбѣгаетъ къ ней, ищетъ ее, какъ сумасшедшій и совсѣмъ опростоволосивается. Наталья считаетъ это за обиду Интрига затѣмъ опутываетъ Геллера. Аркашевъ подѣйствовалъ на Наталью и устроилъ отъѣздъ; Наталья подѣйствовала на отца. Наканунѣ Ваныкинъ, бродя ночью по пріиску, натыкается на какую то сцену на опушкѣ лѣса. Это пріятели Аркашева и Капкановъ отправляютъ ворованное золото. Но Ваныкинъ ничего не понимаетъ. Онъ сбитъ проносшимся всадникомъ съ ногъ. На другой день отъѣздъ. Все какъ у васъ, только вставить эпизодъ, какъ Аркашевъ гарцуетъ съ Натальей и, рисуясь на крутизнѣ, чуть не упалъ съ конемъ, но онъ спасся, а конь улетѣлъ съ утеса. Наконецъ, Аркашевъ въ качествѣ рыцаря ловитъ несчастнаго бродягу. Гдѣ у васъ говорится: а далѣе за горами и тайгой лежала бахрома деревень... тутъ будетъ мой эпизодъ, поселенцы въ деревнѣ, ихъ ссоры, побѣгъ, поджогъ и законъ Линча, т. е. будетъ раскрыта жизнь этихъ деревень (изъ „На чужой сторонѣ“) Городъ. Отсылка Ваныкина опять на пріиски по интригѣ Аркашева. Онъ опять ѣдетъ осенью въ проливной дождь старой дорогой. Подъѣзжая къ пріиску, онъ видитъ съ горы бунтъ рабочихъ, онъ скачетъ. Толпа налегла на домъ управляющаго. „Вересовые Глаза“ въ рукахъ рабочихъ, съ нимъ готовится расправа. Только пріѣздъ Ваныкина его спасаетъ. Ваныкинъ остался одинъ. „Вересовые глаза“ и конторщикъ Капкановъ исчезли съ пріиска. Рабочихъ не расчитываютъ. Они удаляются съ пріиска кромѣ конюховъ. Ваныкинъ писемъ не получаетъ. Три березы и его думы. Вдругъ онъ получаетъ отчаянное письмо отъ Натальи. Отецъ ея обанкротился, интрига раскрылась. Въ заключеніе является на пріиски Аркашевъ. Онъ съ презрѣніемъ спрашиваетъ Ваныкина, останется ли онъ караулить курятники. Ваныкинъ молча, съ холоднымъ презрѣніемъ въ сердцѣ прошелъ мимо него. Онъ понялъ, что съ подлецами нечего говорить. Ихъ надо или убивать на мѣстѣ, или бороться иначе съ причиной ихъ возникновенія, съ самымъ соціальнымъ явленіемъ.

Эпилогъ. Ваныкинъ разочарованный, почти убитый въ своихъ надеждахъ, идетъ по лѣсу. Здѣсь его встрѣчаетъ Цитроновъ. Онъ утѣшаетъ его, предлагаетъ свои маленькія средства на поѣздку въ Питеръ. Словомъ, посылаетъ челобитчика. „Да, откройте, разкажите бѣлу свѣту, что здѣсь *варнаки* дѣлаютъ, какъ они жизнь нашу отравили“, говоритъ Цитроновъ. Не будетъ этой странѣ счастья, пока *они* будутъ

подъѣдать наше существованіе. Ваныкинъ отправляется въ путь, передъ отъѣздомъ онъ цѣлуетъ землю.

Эпилогъ, конечно, можно будетъ изъ ѣнить лучше. Вы видите, что интрига у меня развивается свободно. Сдѣлайте свои замѣчанія. Помните, что я буду съ вами постоянно совѣщаться на счетъ хода романа, а каждую главу буду посылать вамъ на просмотръ. Работой займусь немедля. Она первой на очереди. Романъ издадимъ отдѣльно, не помѣщая въ журналы, можетъ потому, что его не примутъ. Критика пусть ругаетъ, намъ наплевать. Она въ этомъ ничего не пойметъ.

Еще замѣчаніе. Я придумалъ происхожденіе Любимова (Аркашева) разказать въ романическомъ духѣ, между дѣломъ, рисуя характерно Сибирь въ 30 и 40 годахъ. Разбои партіи бродягъ, осада заимокъ. Объ Аркашевѣ разсказываютъ такой мифъ*).

Въ одной деревнѣ живетъ засѣдатель. Жена его сходится съ простымъ ссыльнымъ, бывшимъ разбойникомъ; отъ этой связи родился Аркашевъ. Разбойникъ былъ сосланъ на каторгу, но далъ слово явиться къ прежней любовницѣ. (Это часто бываетъ). Въ ночь рожденія (ребенка) онъ стучится у окна. Домъ окруженъ шайкой. Засѣдатель скрывается съ женой въ церкви или въ часовнѣ, гдѣ рождается мальчикъ.

Въ письмахъ дѣвушки можно разсказать обольщеніе ея „навознымъ“. Я обдумываю романъ даже ночами. Придумалъ множество эпизодовъ изъ Томскихъ гостинницъ, изъ Тюменской жизни и проч. Взялъ для изученія и повѣрки Скарятина, книги о золотопромышленности, Кривошапкина и проч. Полагаю, придется романъ составить главъ изъ 16-ти. Листовъ въ 10 печатныхъ *съ небольшимъ*.

Сообщу слѣдующія новости. Я вамъ писалъ, что крестьянскимъ обществамъ предоставлено выселять за худое поведеніе въ Сибирь. Но вотъ еще извѣстіе. Военный министръ назначилъ изъ арестантскихъ ротъ послать 12000 штрафныхъ солдатъ, какъ когда то посылали на Амуръ, теперь только размѣстятъ, кажется, не на Амурѣ. Каразинъ кончилъ свой романъ быстро; я его еще не читалъ. Но кто читалъ, говорятъ, этотъ восточный романистъ, къ сожалѣнію, кончилъ очень жалкимъ образомъ, онъ свернулъ себѣ шею на эффектахъ и вышло нѣчто въ родѣ Понсонъ-дю-Тюррайля. Вышелъ фейерверкъ, подъ конецъ даже утомительный, но не осталось никакого представленія ни о цѣлой жизни, ни о характерахъ. Жалко!

Рецензію все-таки можно будетъ писать по поводу.

Не совсѣмъ пріятная новость, для меня и для васъ, заставляетъ совѣтовать вамъ послать рецензію на мою книгу или въ „Отечественныя Записки“ отдѣльной статьей съ особымъ заглавіемъ, а ежели не примутъ, въ „Бесѣду“. Благосвѣтловъ пишетъ, что за разборъ моей

[1]) Это мы выдадимъ за мифъ.

книги взялся Ткачевъ. „Пусть не прогнѣвается Ядринцевъ“, прибавляетъ редакторъ. Что это значитъ? Значитъ, будетъ за что гнѣваться? Вообще это не совсѣмъ мнѣ пріятно. Да и что можетъ сказать новаго Ткачевъ, исписавшійся либералъ! Рецензію писать на мою книгу однако никакъ не оставляйте. Знаете, меня что подмываетъ. Поступить фельетонистомъ къ Клиндеру, хоть и *даромъ*. Но это надо сдѣлать черезъ третье лицо. Обращаясь прямо къ Клиндеру, можно только уронить себя, не добившись цѣли. Завтра утромъ пишу нашимъ друзьямъ.

На дняхъ Муза въ лаптяхъ опять меня побезпокоила.

Вотъ отрывокъ изъ Гейне. Онъ еще не обдѣланъ. Скажите, стоитъ ли его обдѣлывать[1]).

Она. Посмотри, мой другъ, на землю,
Какъ сегодня міръ прекрасенъ,
Какъ поля цвѣтутъ душисто,
Какъ хорошъ зеленый ясень.
Онъ. Ахъ, мой другъ, туманъ я вижу,
Сонъ глаза мои смежаетъ,
И на мертвенныя вѣжды
Мракъ свой саванъ опускаетъ.
Она. Милый другъ, больныя грезы
Отгони при свѣтѣ солнца,
Посмотри, какъ жизнь трепещетъ,
Все зоветъ къ любви и счастью.
Онъ. Милый другъ, я вижу только
Вокругъ себя однѣ могилы,
Гдѣ въ бою погибшей столько
Молодой и честной силы.
Она. Ободрись, мой гордый рыцарь,
Залѣчу твои я раны,
Живы мы съ тобою будемъ
Для борьбы еще и славы!
Онъ. То не жизнь, мой утѣшитель,
Лампа тухнетъ, догорая.
Слышишь ли, какъ кровь сочится?
Смерть я вижу, дорогая...
Она. Другъ, еще одно усилье,
Жизнь опять къ тебѣ вернется.
Чу! Я слышу гордый топотъ—
То друзей отрядъ несется.

---

[1]) Напечатано въ Камск.-Волжск. газетѣ, 1873 г. № 41, подъ псевд. Семилуженскаго. Въ напечатанномъ варіанты: вмѣсто «міръ прекрасенъ» «день прекрасенъ» вм., «зеленый ясень»—«душистый ясень», вм. «на помощь»—«на смѣну», вм. «навѣрно»—„должно быть“. (Ред.)

Онъ. Слышу, другъ, то вѣрный признакъ!
Жду на помощь я отряда (или „на смѣну“),
Но въ тотъ мигъ и жизнь потухнетъ...
Такъ судьбѣ, навѣрно, надо!

Можетъ быть, не владѣя нѣмецкимъ, я не такъ передалъ стихъ, но мысль мнѣ нравится.

P. S. Курочкинъ снова издаетъ „Искру“. Будетъ выходить два раза въ недѣлю, и будетъ литературно-политической но не переставая быть сатирической газетой.

Пишу и ему письмо, прося прислать газету и обѣщаю сотрудничество. Пошлю даже стихи для пробы, которые вы совѣтовали „Изъ Гавличка“. На сей разъ попробую.

Письма мои длинны, и, вѣроятно, скоро я совершенно сведу васъ съума своимъ длиннословіемъ. Но чтобы избавиться отъ этого, пристройте же меня съ Андреусомъ скорѣе къ фельетону Клиндера, и я вамъ не буду надоѣдать, по крайней мѣрѣ, въ такой степени.

Боже мой! Когда же мнѣ удастся расписаться такъ, какъ я хочу, вволю!..

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

Письмо XXV.

17 января 1783 г. Шенкурскъ.

Любезный и безцѣнный другъ, меня крайне удивляетъ Ваше долгое молчаніе на письма мои, посланныя въ Никольскъ. Я Вамъ выслалъ до 3-хъ писемъ по поводу нашего романа. Я получилъ отъ Васъ только книги. На дняхъ получено извѣстіе о курсахъ для фельдшериць. Они учреждены въ Петербургѣ, насчетъ женскаго комитета для раненныхъ. Экзаменъ пустой, надо знать читать, писать, 4 правила ариѳметики, Священную Исторію и краткій катехизисъ. 2) имѣть паспортъ и метрику (года вступленія не опредѣлены), курсъ 3 года. Предметы преподаются: анатомія (описательная, общая и патологическая), физіологія, патологія, терапія, хирургія, фармакологія, фармакогнозія, рецептура, русскій языкъ и латинскій (который не требуется на экзаменѣ). Практическія занятія въ больницѣ и въ аптекѣ. Главное вниманіе обращено на хирургію, такъ какъ устроено комитетомъ о раненныхъ, платы никакой нѣтъ, стипендіатокъ комитета 10, которыя обязаны прослужить 3 года по указанію комитета. Мѣста лекарскихъ помощницъ могутъ получаться въ земствахъ и въ больницахъ. Земства приглашаютъ ихъ уже съ августа 1872 года, адресъ: въ Петербургъ, Пески, въ Школу фельдшериць при Рождественской больницѣ.

Вотъ покуда извѣстіе объ одной школѣ, а о другихъ обѣщается сообщить. Относительно сѣвернаго оленя свѣдѣнія столь недостаточны, что совѣстно писать. Онъ того же вида какъ и самоѣдскій, заходитъ не только въ Шенкурскій уѣздъ, но и въ Вологодскую губернію, ходитъ онъ въ одиночку и стадами, роняетъ рога весною, тогда же и ярится. Охотятся тогда, когда осенью образуется на снѣгу твердая кора, на лыжахъ удобно идти, но олень проваливается. Его утомляютъ погоней за нимъ. Мужикъ бѣжитъ, держа полушубокъ привязаннымъ за плечами. Винтовки плохія, и потому стараются подбѣжать къ нему близко. Домашніе олени водятся въ Кеми, около города. Одинъ изъ очевидцевъ сообщалъ, что лѣтомъ они представляютъ жалкій видъ, преслѣдуемые оводами, они уходятъ въ рѣку и стоятъ тамъ цѣлый день, высунувши поверхъ морды. Весною рога у нихъ лупятся, кожа виситъ клочками съ кровяными слѣдами. Видъ жалкій. Подробныя свѣдѣнія, я узналъ, находятся въ слѣдующей: книгѣ „Охота въ Шенкурскомъ уѣздѣ (или: въ Архангельской губерніи)“. Воропая. Выпишите изъ магазина иногородныхъ; здѣсь я книги этой не видалъ. Не надо ли Вамъ книгу Черкасова, та есть. Объ оленяхъ можетъ еще чего узнаю. Въ „Недѣлѣ“ появилась статья г. Авесова[1]), высылаютъ ли ее Вамъ, статья была для меня сюрпризомъ. Въ отвѣтъ на „гдѣ нашъ рынокъ сырья?“ Я послалъ отвѣтъ: „Желѣзная дорога бѣдствіе ли для Сибири?“ въ ту же „Недѣлю“. Не знаю, напечатаютъ ли. Ежели г. Авесовъ явилсяпротекціонистомъ, я долженъ былъ выступить либръ-эшанжистомъ. Ежели г. Авесовъ говорилъ о туземной промышленности въ смыслѣ интересовъ однихъ купцовъ, я долженъ былъ замѣтить другую сторону и упомянуть о патронажѣ народной промышленности и о будущемъ развитіи востока въ этомъ смыслѣ. И такъ нечаянно роли перетасовались. По поводу статьи Авесова я прозондировалъ русскихъ прогрессистовъ насчетъ вопроса о либръ-эшанжизмѣ. Любопытныя изслѣдованія сообщу послѣ.

Серафимъ, кажется, статью не читалъ вовсе, все это его мало интересуетъ. Съ прискорбіемъ долженъ сообщить, что „Бесѣда“ на которую мы возлагали нѣкоторыя надежды, прекращается съ 1873 года. 12-я книжка ея все еще не выходитъ. Смерть скоропостижная, за невозможностью продолжать изданіе по цензурнымъ условіямъ. О смерти журналовъ теперь не рѣдкость слышать. Ежели у васъ не отправлена рецензія на „Общину и ссылку“, пошлите въ редакцію „Отеч. записокъ“. Хлопотать тамъ найдется кому. На дняхъ мнѣ прислалъ письмо В. Курочкинъ, взявшій „Искру“ опять въ свои руки и всту пившій въ долю съ богачемъ Катоминымъ, приглашаютъ сотрудничать Я спрашивалъ В. Курочкина объ „Отечеств. запискахъ“ по поводу помѣщенія своихъ „Донкихотовъ“. Василій Степанов. пишетъ, что у

[1]) т. е. Г. Н. Потанина.

Краевскаго чуть-ли не три закулисныхъ цензора, съ которыми онъ совѣтуется. Съ прошлой почтой я послалъ переписанныхъ „Донкихотовъ“, не знаю, что будетъ. Переписка отняла у меня порядочно времени. Объ Азіатскомъ Вѣстникѣ ровно ничего не слыхалъ. Едва-ли и выйдетъ. Я хлопоталъ о 2-й книжкѣ „Аз. В.“, которая, я слышалъ, была напечатана, но не выдавалась изъ типографіи за неплатою денегъ. Оказалось, что былъ только сдѣланъ наборъ и разобранъ снова. Мнѣ остается отъ Пашино добиться рукописей „Чужой стороны“, такъ какъ нѣкоторыхъ главъ черновыхъ не осталось. Романа я написалъ 2 главы, идетъ ничего. Какъ окончу одну поденную статейку въ „Дѣло“, тогда примусь быстро оканчивать---Тайгу. Въ „Дѣлѣ“ нѣтъ ни одной статьи, надо торопиться, не то сядемъ на бобахъ безъ денегъ. Шигинъ написалъ, что онъ до 15-го января денегъ не можетъ выслать. Вотъ тутъ съ ними и поживите. Битмидъ книгъ не высылаетъ еще, не пришли въ иностранные магазины. „Австраліей“ Суворина остался недоволенъ, дѣтская книжонка.

За то объявляю Вамъ, что появилась капитальная вещь Дрепера „Природа и жизнь Америки и ихъ отношеніе къ происхожденію войны“. Теперь она переведена на русскій языкъ, изд. Хина, переводъ говорятъ, плохой, но я выписываю. Это батюшка, вещь геніальная. Я познакомился съ ней изъ статьи Трачевскаго въ II № Бесѣды „Очерки историческаго развитія Америки“. Книги Дрепера, особенно, кладъ для насъ. Знаете ли, что мы теперь отыскали программу, по которой надо составить Географич.-Историческое Обозрѣніе Востока. Да, именно, оно даетъ полное указаніе, какъ составить описаніе Востока съ новѣйшей исторической и философской точки зрѣнія. Она открываетъ намъ нашу философію исторіи. Климатомъ Дреперъ называетъ всѣ естественно-историческія условія, вліявшія на развитіе культуры и цивилизаціи въ Америкѣ. Это естественно-историческій и соціальный и антропологическій трактатъ, какъ вліяли климатъ, топографія страны, горы, рѣки, естественныя произведенія на бѣлую расу въ Америкѣ, на экономическій складъ ея жизни, на нравы и прочее. Я уже составилъ тѣ паралели, которыя можно извлечь. Подробную программу пришлю, какъ только получу первое письмо отъ Васъ. Параллель между земледѣльческими Южными штатами и между Сѣверными промышленными блистательна и поучительна. Это новое доказательство, что только мануфактура создаетъ цивилизацію. Онъ разсказываетъ о физическихъ и географическихъ условіяхъ, располагающихъ къ развитію тѣхъ или другихъ отраслей хозяйства. Географическая картина такъ хороша, что вы придете въ восторгъ. Но это лакомство еще для Васъ впереди.

По поводу Дрепера будетъ моя вторая статья—о Колонизаціи, Удивляюсь, что Благосвѣтловъ не пишетъ ничего о „Лютыхъ Дняхъ". ему давно сдѣланъ запросъ.

Возобновленіе знакомства съ Искрой даетъ мнѣ возможность помѣстить „Исторію съ Колонкомъ" давно ожидающую своей очереди.

Вы, вѣроятно, прочитали въ газетахъ, что появилось новое капитальное твореніе Дарвина „О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ". Надо Вамъ эту книгу прислать. Какъ только получу деньги, пришлю обозъ книгъ. Сообщаю газетное извѣстіе: Японія прогрессируетъ наперекоръ Европѣ, которая начинаетъ регрессировать. Микадо, этотъ японскій Петръ Великій, раздѣлилъ имперію на 8 округовъ, въ каждомъ будетъ по университету, 32 средне-учебныхъ заведеній, 200 техническихъ училищъ и 53760 первоначальныхъ школъ. Онъ пригласилъ въ министры просвѣщенія берлинскаго профессора, запретилъ брить головы и приказалъ японцамъ носить европейское платье отправляетъ массу стипендіатовъ въ европейскіе университеты. Мало того, даетъ конституцію и учреждаетъ парламентъ изъ 600 человѣкъ. Китайскій императоръ положилъ отправить 300 человѣкъ въ Америку, въ высшее учебное заведеніе, и часть изъ нихъ прибыла въ С.-Франциско. По поводу успѣховъ Азіи даже „Московскія Вѣдомости" замѣчаютъ, что нашему Востоку не мѣшало бы прибавить образовательныхъ средствъ, дабы не отстать, а также и позаботиться о желѣзной дорогѣ. Сибирское купечество просило на дняхъ Хрущова передъ отъѣздомъ въ Петербургъ похлопотать о желѣзной дорогѣ. Въ Иркутскѣ учреждается учительская семинарія Вѣ Забайкальѣ сахарный заводъ. Въ Курганѣ купецъ Березинъ предложилъ пожертвованіе въ 1000 р. на преобразованіе женскаго училища въ прогимназію. На 20-е января въ Иркутскѣ при Техническомъ обществѣ готовится съѣздъ золотопромышленниковъ. Я вамъ, кажется, писалъ что Техническое общество обсуждало проектъ о предупрежденіи побѣговъ съ пріисковъ Въ Забайкальѣ открываются богатѣйшіе пріиска и находятъ ½ ф. золота на 100 пуд. песку Нерчинскъ становится новымъ Томскомъ. Изъ засѣданій Геогр. общества видно, что Пржевальскій идетъ на Куку-Норъ. Полярная Австрійская экспедиція зимуетъ нынѣ около новой земли на адмиралтейскихъ островахъ. Отъ Шпицбергена къ сѣверу пройти не удалось. Встрѣчнаго парохода не встрѣтили (вѣрно, сибирскаго); одна яхта изъ экспедиціи пойдетъ продолжать попытки къ сибирскимъ рѣкамъ. „Голосъ" пишетъ, что въ С. Франциско все продолжаетъ Гончаренко издавать русскую газету, а англійскій редакторъ "Alasca Herald" продалъ ему свой отдѣлъ. Газета плоха, пишетъ объ эксплоатаціи американцами Аляски и—что при русскихъ было лучше. Вотъ все покуда...

Вашъ *Н. Я.*

Жду письма непремѣнно. Что за срамъ.

С б о к у: Англія сдѣлала какіе-то запросы на счетъ Средн.-Азіатск. дѣлъ. Посланъ посолъ Шуваловъ. Московскія В. изумляются перемѣнѣ политики.

Письмо XXVI.

7 февраля 1873 г. Шенкурскъ.

Дорогой другъ, письмо Ваше послѣ долгаго Вашего молчанія я получилъ наконецъ. А, признаться, на меня уже нападала тоска отъ ожиданія. Вы знаете, что я принадлежу по характеру къ тѣмъ несчастнымъ скворцамъ, инстинкты которыхъ вы охарактеризовали въ послѣднемъ письмѣ по Брэму. Мнѣ нужно чирикать, мнѣ нужно симпатизировать, а здѣсь нѣтъ кругомъ людей одинаковой породы со мной. С. С. слишкомъ сосредоточенъ въ себѣ и живетъ другими интересами, славянофилъ нашъ опускается день ото дня и дѣлается дичѣе. Я одинокъ, какъ и Вы, и космополитическая среда, и ея интересы, и разговоры не удовлетворяютъ меня. Мнѣ нужны птицы одной породы и за сосѣдство съ Вами я промѣнялъ бы всѣ прочія сосѣдства. Оттого на меня послѣ долгой разлуки нападаетъ меланхолія. Время слишкомъ изгрызло меня, а нервы порой натянутые какъ струны подъ вліяніемъ страстныхъ порывовъ вдругъ иногда изнемогаютъ въ какой то изнывающей безнадежной тоскѣ. И иногда я боюсь за себя. А къ тому же нѣтъ вѣстей и отъ нашихъ уѣхавшихъ друзей. „Камско-Волжскую газету“ и мы получили, не знаю, кто ее презентуетъ. Конечно, сухощавый бѣдный отпрыскъ провинціальной журналистики, но такъ какъ мои симпатіи лежатъ къ всякому чаду провинціальной жизни, то я угадалъ что надо дѣлать и накидалъ уже для газеты „Новости Нашего Востока“, это будетъ рядъ извѣстій, касающихся интересовъ восточной жизни, конечно, самыя коротенькія. Объ Андреянѣ Кондратьевичѣ[1]) я возрадовался, наконецъ то онъ въ пристани, чуть не написалъ письмо ему, попробую даже. За то, приготовивъ статью въ газетку, я чуть не помѣстилъ въ ней неподходящее и нелѣпое введеніе подъ вліяніемъ слишкомъ мѣстныхъ чувствъ. Мнѣ представилась картина, что мы, восточные журналисты, не имѣемъ своего угла на свѣтѣ, мы музыканты, неимѣющіе инструмента на что купить, мы странники, блуждающіе по пустынѣ, останавливаемся для отдыха во всякомъ мѣстѣ. „Все равно гдѣ ни отдыхать, гдѣ ни сидѣть, подумалъ я. И вотъ мы остановились на берегу Камы и Волги и смотримъ въ ту же даль, гдѣ за мохнатыми горами, раскидываются зеленыя степи и широкія рѣки, гдѣ качаются задумчивые родные кедры... Такъ на одной изъ картинъ на художеств. выставкѣ недавно кто-то представилъ одного изъ учителей, которому „также некуда было преклонить голову“[2]). Онъ сидитъ въ пустынѣ и смотритъ на голые камни, а его взоръ

[1]) Шешуковъ, тюменецъ, купецъ стараго закала.

[2]) Ядринцевъ говоритъ о появившійся на выставкѣ въ 1872 г. знаменитой картины Крамскаго «Христосъ въ пустынѣ». (Ред.)

погруженъ внутрь и ему рисуются дорогія картины Назареи"... Но къ чему это было писать для Камско-Волжской публики? Родная Дездемона пойметъ и безъ того бѣднаго Карыма и узнаетъ его по огню сердца, по любовной рѣчи и полному муки взору.

Благосу я ничего не посылаю покуда, такъ какъ онъ не высылаетъ мнѣ денегъ по окончательному расчету. Серафиму однако онъ написалъ такую новость: ему нужны статьи о Сибири. Не мѣшаетъ, говоритъ, напоминать о ней,-не то ее забудутъ. С. С., кажется, не думаетъ покуда писать, матеріаловъ нѣтъ, Я по заказу не могу трогать этой темы, да и что напишешь безъ книгъ, дряни же писать не хочу. Въ январьской книгѣ „Дѣла" вышла статья С. С. объ Индіи. Каразинъ пустился въ новый романъ „Погоня за наживой", не знаю, что будетъ, но онъ, кажется, начинаетъ галопировать, и ежели не могъ выдержать хорошо перваго бѣга, теперь совсѣмъ собьется съ ноги. Омулевскій тоже помѣстилъ романъ, какой-не знаю. Въ „Недѣлѣ" моей статьи, вѣроятно, о желѣз. дорогѣ не помѣстятъ. Я поручу ее взять Битмиду; но, боюсь, онъ оказывается очень неисправенъ. Книгъ не высылаетъ, другихъ порученій не выполняетъ[1]). Такъ, его просилъ сходить къ Пашино взять хоть рукописи, но онъ ничего не отвѣчаетъ, а безъ рукописей я и романъ замедлился писать. Сбиваетъ меня также и новое заглавіе романа Каразина. У меня есть главы, тоже напоминающія эту тему, на подражаніе не хочется сбиться. Боюсь, не слишкомъ ли я широко задумалъ и не свести ли „Тайжанъ" въ тѣ рамки, въ какихъ они у Васъ были задуманы. Начать партіей, описаніемъ прохода Тюмени, Томска, это будетъ половина романа, а никакихъ „Тайжанъ" еще являться не будетъ, это будутъ ссыльные, боюсь, чтобы романъ также не вышелъ растянутымъ и не выходилъ путешествіемъ и географическимъ описаніемъ мѣстности. Все это меня мучитъ. Хотя подробности романа рѣзче теперь обрисовываются въ головѣ. За то оставить однихъ „Тайжанъ", а „Чужую сторону" по боку-опять неудобство. У васъ только намеки на штрафную колонизацію, а судьбы и явленія штрафнаго населенія не изображены. Примусь однако на дняхъ болѣе обдуманно сводить концы съ концами. Характеръ Ваныкина, по Вашей послѣдней характеристкѣ, мнѣ сталъ понятнѣе, именно это должна быть симпатичная и впечатлительная натура; я думалъ, Вы его хотите изобразить болѣе суровымъ. Вы пишете, чтобы не кончить такъ романъ, какъ Омулевскій на Тальцинской фабрикѣ. Я „Свѣтлова" конца не читалъ. Что это значитъ? Ваныкинъ не принимаетъ участія въ отказѣ рабочихъ, онъ свидѣтель только.

[1]) Гдѣ Musicien имѣете ли о немъ извѣстія—и его товарищъ по квартирѣ? Musicien мнѣ ничего не писалъ.

А роль Аркашева, какъ Вы ее описали, уже слишкомъ... не ладится что-то. Она пахнетъ шаржемъ, сатирой.

Подробно послѣднюю сцену на пріискахъ и невозможно мнѣ описать, я ея не видалъ. Но, впрочемъ, мы все это обдумаемъ лучше и при постепенномъ писаніи само покажетъ себя что надо выкинуть. Я Вамъ написалъ о дебатахъ Ромуальда съ Бакановымъ, но теперь испугался: эти дебаты должны быть очень умны и блестящи; вѣдь, Бакановъ „Король Ума“, а какъ у нихъ выйдетъ пустое резонерство Вотъ Вамъ вызовъ на разговоръ: Вы пишете: А и вправду развѣ не космополитизмъ вызываетъ новые голоса въ фугѣ? Отвѣчаю: Да, космополитизмъ науки, мысли, философіи творитъ великое дѣло и одѣляетъ драгоцѣнными дарами равно все человѣчество, объединяетъ его. Но наука и философія не творитъ жизнь, не дѣлаетъ исторіи, она указываетъ путь, а творятъ жизнь, даютъ идеѣ плоть практическіе дѣятели, другой разрядъ людей, которые всѣ—патріоты.

Чтобы осуществлять идею, надо мѣсто, лицо, которое и полюбишь а не пустое пространсво, Надобно любить очень горячо то, для чего работаешь, а не общую филантропію. Кто творцы космополитизма? эмигранты, люди безъ мѣста, безъ дѣла, безъ среды. Европа, правда, отличается теперь космополитическимъ направленіемъ въ высшихъ интеллигентныхъ спорахъ, но это потому, что она живетъ въ теоріи и не перешла еще къ практической дѣятельности, къ осуществленію идеи. Подобныя темы я хотѣлъ бы выразить въ спорѣ интеллигентныхъ ссыльныхъ. Мнѣ хотѣлось показать, что космополитизмъ науки и философіи можетъ мириться съ разумно-патріотическимъ направленіемъ. Вы же думаете представить патріотизмъ только узкій. Я полагаю, что есть уроды и космополиты. Филиппики Ромуальда я прямо извлеку изъ статей Щапова. (Получили ли Т. III № 4 извѣстій С. Отд. съ окончаніемъ статьи Щапова?). Послѣ указаній на пониженіе расы и на разныя измѣненія при сліяніи съ инородцами, она оканчиваетъ статью, предсказывая выработку новой народности въ будущемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже упоминаетъ, что помѣсь бурятъ и русскихъ производитъ красивые типы, похожіе на греческій и итальянскій. Vive le karimstvo!). Изъ газетныхъ извѣстій—я, кажется, Вамъ писалъ о пребываніи въ Петербургѣ Лонга изъ Индіи и о лекціяхъ его. Средне-Азіатскій вопросъ очень занимаетъ Европу и Англію, но не петербургскую прессу. Европейскія газеты послали упрекъ русскимъ за молчаніе. И потому въ „Пет. Вѣд.“ было двѣ статьи Каульбарса или кого-то другого о томъ что мы ничего не боимся и Хиву накажемъ. Походъ наХиву рѣшенъ. Говорятъ, у англичанъ недоразумѣніе, гдѣ раздѣлить Средн. Азію

съ русскими. Полагаютъ Афганистанъ сдѣлать нейтральной почвой Иностранн. газеты говорятъ, что спорный вопросъ вертится на Кабулѣ. Qu'est ce que ce Кабулъ?" Спрашиваетъ игривый фельетонистъ „Петерб. Вѣд." „Мы знаемъ, пишетъ онъ, одинъ „кабульскій соусъ" Я давно жду отдѣльнаго романа Каразина для рецензіи, чтобы поговорить объ этихъ цивилизаторахъ (oder sifilisator), съ остротами о „кабульскомъ соусѣ". Слышали ли, что вышла на нѣмецкомъ „Исторія Бухары" Вамбери?[1]).

Изъ особыхъ новостей на дняхъ слышалъ отъ пріѣзжихъ докторовъ, присутствовавшихъ на наборѣ здѣсь, что какой-то медикъ Селетовъ умеръ. О Шайтановѣ говорятъ, что онъ освобожденъ, но живетъ въ Пинегѣ, у него троедѣтей.

Спросилъ, какъ онъ живетъ; говорятъ: „пьетъ очень", будто получилъ деньги и вздумалъ домъ красить, проектъ въ его духѣ. Почему не ѣдетъ никуда, не знаю, думаю сдѣлать справки. О Феденькѣ слышалъ отъ каргопольскаго слѣдователя, что онъ сходилъ съ ума, былъ въ Петрозаводскѣ долго въ сумашедш. домѣ, но подъ конецъ поправился. Ему то разрѣшали выѣздъ, то отказывали; въ это время опять было помѣшательство. Правда ли, что онъ переведенъ только въ Семипалатинскую область? Да, на дняхъ еще въ „Пет. Вѣд." появилась корреспонденція изъ Ямышева объ эпидеміи между киргизами „джатаками[2])" и устройствѣ ихъ жилищъ,—не писало ли это знакомое перо Андр. Павл?. Но тутъ же упомянуто о смертности дѣтей отъ скарлатины, кажется, въ Коряковѣ. Гдѣ его сынъ остался, въ Коряковѣ?... Вы пишете, чтобы я помѣстилъ пѣсню „о пѣснѣ",—но куда ее дѣну? Подумайте сами, гдѣ найдете удобнымъ, а я не соображу и съ Благосомъ въ размолвкѣ, „Искра" еще не разрѣшена Вотъ Вамъ новый переводъ изъ Байрона, посвященный А. П. Н. и Г. Е. К.[3]) Welcome! Welcome! эпиграфъ: „Welcome, ye deserts, and ye caves!" (Cont. I. Byron):

Привѣтъ, привѣтъ, друзья мои,
Завидую я вамъ.
Вы на землѣ теперь родной,
Гдѣ нѣту мѣста намъ.
Не тѣсный кругъ чужихъ столицъ
Вашъ кругозоръ тѣснитъ:
Природа и родной просторъ
Вамъ сердце веселитъ.

---

[1]) Объ обостреніи въ то время интереса въ З. Европѣ къ средне-азіатскимъ дѣламъ много интереснаго въ недавно изданномъ русскомъ переводѣ воспоминаній Вамбери. (Ред.)

[2]) Бѣдное киргизское населеніе.

[3]) А. П. Нестерову и Г. Е. Катанаеву.

Широко степь видна вокругъ;
Безбрежны небеса,
И свѣтитъ нѣгой голубой
Привѣтно ихъ краса.
Вамъ пѣсню старую поетъ
Прибой знакомыхъ волнъ,
И страстныхъ грезъ, и сладкихъ думъ
По прежнему онъ полнъ.
Тамъ переливчаты цвѣта
Родныхъ волшебныхъ горъ;
Лелѣетъ зеленью полей
Давно отвыкшій взоръ
Здоровый воздухъ вѣетъ вкругъ
Больную лечитъ грудь,
Ахъ, кто имъ долго не дышалъ
Такъ сладостно вздохнуть!
Опять родимый тихій кровъ
Вамъ видѣть суждено,
Что вы для пышныхъ городовъ
Оставили давно.
Васъ встрѣтитъ въ дебряхъ и лѣсахъ
Народный скромный трудъ,
И силы новыя въ груди
Тѣ подвиги вдохнутъ.
И если старый жизни видъ
Разрушилъ вашъ кумиръ,
То здѣсь надежду воскреситъ
Цвѣтущій новый міръ.
Когда же не дали утѣхъ
Скитанья многихъ лѣтъ,
То, можетъ, здѣсь найдете вы
Что сердцу дастъ отвѣтъ!
Такъ странникъ въ поискахъ любви
Обходитъ шаръ земной,
Но лишь тогда найдетъ ее,
Когда придетъ домой.
Къ родной землѣ онъ будетъ полнъ
Прощенія и любви.
И кто увидѣлъ вновь ее
Свой рокъ благослови.
Ахъ, жажду эту испыталъ
Лишь тотъ, кто въ тьмѣ ночей

Метался горько и рыдалъ,
Безумствуя по ней.
Ахъ, тотъ, кто не былъ разлученъ,
Быть можетъ, не любилъ,
Какъ тотъ свободы не цѣнилъ,
Кто цѣпи не носилъ.
Вдали просторъ, вдали привѣтъ!
Край неба виденъ изъ тюрьмы,
Свободно птица мчится вдаль,
Не вырвешься лишь ты.
Кто зналъ, какъ тяжко умирать
Приходится вдали,
И мутнымъ взоромъ не найти
Кругомъ родной земли[1]).
(Конечно, Байронъ это говоритъ
о смерти въ Греціи).

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

Не замедляйте отвѣтами, я отъ нихъ оживаю, ибо взоры милой, рѣчи милой силу въ сердцѣ оживляютъ. Вотъ видите и опять заговорилъ стихами. *Н. Семилуженскій.*

Сбоку прописка: „пишутъ въ газетахъ, что Тюмень просила основать ремесленное училище".

Письми XXVII.

1873 г. 11 февраля. Шенкурскъ.

Милѣйшій другъ, боюсь, чтобы настоящее письмо не было наполнено тѣми же грустными мотивами, какъ и предыдущее, посланное съ прошлой почтой. Мои препирательства съ Благосомъ изъ за денегъ получили крайне печальный конецъ по пословицѣ: „корова съ волкомъ тягалась" и проч. На мѣсто слѣдуемыхъ 95 руб., онъ выдалъ по моей довѣренности 21 р., а остальные засчиталъ за прежніе годы и подвелъ самый плутовской счетъ такъ, что не подточи носа. Все своей тяжбой я хотѣлъ принудить его къ аккуратности, но, видно, онъ гнетъ на свое, и никакіе исправительные опыты надъ нимъ невозможны, такъ какъ это человѣкъ безнадежный и потерявшій окончательно совѣсть. Я, какъ спеціалистъ пенитенціарной науки, даже отказываюсь что нибудь съ нимъ сдѣлать. Но знаю, какъ даже эта размолвка отзовется на дальнѣйшемъ пріемѣ статей, онъ можетъ, наоборотъ, проучить меня и ежели не отвергнетъ, то затянетъ печатаніе „А вотъ ты," скажетъ, „теперь подожди-ка!"

---

[1]) Это стихотвореніе помѣщено въ „Камско-Волж. Газ." 1873 № 41 (Ред.)

Впрочимъ это очень обыкновенныя условія при теперешнихъ литературныхъ спекуляторахъ. Недавно, мѣсяца 1½ или 2, Шигинъ выслалъ мнѣ послѣдніе 100 руб., которые пошли цѣликомъ на долги. Представьте, что изъ Благовѣтловскихъ 21 руб. я еще выписалъ Дрепера „Природа Америки“ и проч. и мнѣ пришлось потому 18 руб. Но такъ какъ эта важная книга уже выслана, то я душевно радуюсь, и подѣлюсь ею съ вами, какъ только прочитаю.

Впрочемъ, эти мелочи мѣщанскихъ интересовъ меня менѣе всего тревожатъ: я впадаю иногда въ меланхолію только отъ болѣе глубокихъ причинъ. Досадно, что надобно было выслать часть суммы вамъ, но, теперь придется обратиться къ Серафиму; когда то онъ обѣщалъ. Его дѣла идутъ лучше, бладаря постоянно мягкому и терпѣливому обращенію съ редакторомъ. И такъ, лично меня мое положсніе не тревожитъ, Кажется, 12 лѣтъ пролетаріатской жизни должны, наконецъ пріучить или пріурочить человѣка ко всему этому, и потому все это bo away! [1])

Поздравляю васъ съ выходомъ „Сибири“, которая вышла не въ Вяткѣ, какъ покушалась, но въ Иркутскѣ. Я узналъ это изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей.“ Онѣ говорятъ, что получили № 1 „Сибири,“ и что газета эта по виду должна занять видное мѣсто въ провинціальной журналистикѣ. О, ежелибъ! Изъ „Сибири“ въ газетахъ извлечены два извѣстія: 1-ое—объ открытіи книжнаго магазина въ Томскѣ при городской библіотекѣ. Это радостное извѣстіе въ pendant съ выходомъ нового литературнаго органа на Востокѣ. 2-ое извѣстіе: Синельниковъ по случаю нового года пригласилъ 150 представителей мѣстныхъ сословій на обѣдъ, гдѣ послѣ тостовъ за Государя Императора, за преосвященнаго Парфенія, провозгласилъ тостъ даже „за народъ.“ Вотъ и все, что въ „С. Петербургск. Вѣдомостяхъ“ извлечено изъ „Сибири“. Будемъ ждать, что это будетъ за органъ. Не приберетъ ли его только къ рукамъ маленькій микадо Синельниковъ, по обычаю „Амура“ и проч. мѣстныхъ изданій, и не сдѣлаетъ ли своимъ органомъ и тимпаномъ?.. A propos. Не знаю позаботится ли Андрей Павлычъ высылкой намъ этой газеты. А видѣть бы любопытно. Что касается участія въ немъ, то надо тоже подождать извѣстія изъ Иркутска. Ежели уже писать, то надо, чтобы сотрудничество цѣнили (конечно, не на деньги) и имѣть вѣсъ въ газетѣ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ на нее вліяніемъ. Заочно кинувшись, можно будетъ очутиться Богъ знаетъ въ какой компаніи. [2]) И такъ уже нетерпѣливъ и успѣлъ послать въ Камско-

---

[1]) Ступай прочь.

[2]) Спбирь» изд. ниж. Клиндеромъ, разочаровала Н. М., когда онъ ее получилъ. Онъ посвятилъ огорчившему изданію одинъ изъ своихъ остроумныхъ фельетоновъ въ «Камско-Волжской Газ». подъ загл. «Пельмень» (1873, № 77 Газ. велась безграмотно и бездарно. [Ред.]

Волжскую Газету „ Новости нашего Востока“, а съ слѣдующей почтой еще пошлю. Я думалъ, что „Сибирь“ не выйдетъ, и придется о Востокѣ писать корреспонденціи туда. Впрочемъ, это всегда не мѣшаетъ. что не удастся провести въ Иркутскѣ, то можетъ пройти въ Казани. Самъ по себѣ этотъ органъ, т. е. „Камско-Воложская Газета,“ крайне плохъ до послѣдней почты, кромѣ рубрики мелкихъ извѣстій изъ газетъ, подъ пикантными заглавіями. Можетъ быть, въ сибирякѣ удастся помѣстить и стихотворенія. Я не знаю, писалъ ли я вамъ о недавнемъ циркулярѣ Синельникова, по которому, въ виду недостатка народныхъ учителей, онъ открылъ широкій выходъ для учительницъ изъ Иркутскихъ женскихъ учебныхъ заведеній. За это онъ просто маленькій микадо. И припомнимъ, что le temps n'est pas bon pour la saison: Занесите и это въ новости.

Настоящій японскій микадо дѣлаетъ чудеса. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за январь появилась статья о Японіи, кажется, Елисѣева, въ восторженномъ публицистическомъ духѣ указывающая на Японію. Оказывается, что тамъ идетъ и религіозная реформа, очищеніе прежней религіи отъ предразсудковъ, бонзы также отправлены въ Европу учиться и искать лучшей вѣры, какъ у насъ при Владимірѣ. Возведено уже 8 академій, 53.000 училищъ. Выписывается 1000 учителей изъ Америки. Наконецъ, микадо созвалъ конституціонный совѣтъ изъ 600 человѣкъ. Желѣзныя дороги, армія, флотъ, все растетъ, идоловъ разрушаютъ, бороды летятъ, кафтаны надѣваются. Словомъ, обновленіе стараго міра полное. Въ Европѣ сначала на эти реформы смотрѣли легкомысленно, узнали объ одной реформѣ и то изумились, ну, думаютъ, какъ то сладятъ; вдругъ другая, третья, четвертая и одна другой радикальнѣе. Только теперь Европа догадывается, что это серьезная перестройка. Молодой китайскій императоръ также послалъ нѣсколько изъ китайской молодожи въ Америку, но только онъ занятъ самъ бракосочетаніемъ. Желательно, чтобы когда пройдетъ „утѣха любви“, начался періодъ гражданства и здѣсь. А Китай тоже живетъ наканунѣ этого. Сообщаютъ, что въ Японіи очень быстро перенимаются мануфактурныя производства и свои такъ превосходно развиты, что едва ли европейцамъ удастся найти здѣсь поживу. Припомните тѣ же слова Гюка и Гобе насчетъ Китая и отзывы американцевъ о китайцахъ въ Калифорніи, сдѣлавшихся даже дамскими портными. Итакъ цивилизація Азію охватываетъ съ трехъ сторонъ: съ юга-англичане, заводящіе университеты для индусовъ, американцы съ востока, являющіеся профессорами въ японскія академіи, и съ сѣвера-русскіе (покуда не заводящіе университетовъ). Меня даже подмываетъ написать статейку „Обновляющаяся Азія“, для „Дѣла“ недостаточно ма-

терьяловъ, но для „Сибири“ можно бы. [1])Есть здѣсь Вамбери [2]) и книги объ Индіи. Надо только переводъ сдѣлать съ англійскаго объ индійскомъ университетѣ. Мнѣ хочется именно появиться въ отечествѣ съ статьей, которая произвела бы впечатлѣніе, сенсацію. Буду готовиться. Для „Обновляющейся Азіи“ не мѣшаетъ даже ударить въ струны, конечно, въ домашнемъ кругу. Попробуемъ!

Кромѣ того въ „Отеч. Записк.“ появилась статья „Хивинское Ханство“, статья впрочемъ, очень не большая, а въ „Журналѣ Путешествій“—„Заравшанскій Край“ изъ „Туркестанск. Вѣдомостей.“ „Туркестанскій Сборникъ“ будетъ присланъ Серафиму, о коемъ дамъ отчетъ, а можетъ и самый пришлю.

Хивинское ханство и анекдоты, извлеченные изъ него, дали поводъ подтрунивать надъ бѣднымъ нашимъ другомъ, стыдливымъ Мурза—Медичемъ. Иронія С. [3]) надъ Азіей и издѣваніе эксъ-западника Ушарова производятъ на него болѣзнное впечатлѣніе и совсѣмъ его отбили отъ „европскаго народа“, какъ онъ называетъ. Живой, впечатлительный, и даже прогрессистъ, онъ теперь становится снова узкимъ патріотомъ. Ему (нѣтъ, и) невозможно сообщить извѣстій изъ газетъ. Было извѣстіе, что начали насильно прививать оспу, и кончилось катастрофой надъ тѣми, кто сопротивлялся пьянымъ фельдшерамъ. Другое извѣстіе—походъ на Хиву. Мирзу Медича нашъ „европскій народъ“ постоянно увѣряетъ, что имъ теперь по завоеваніи будетъ лучше, такъ какъ *привьютъ* цивилизацію (можетъ быть несчастное слово напоминаетъ ташкентское привитіе оспы). Какъ ни симпатизируетъ инородецъ цивилизаціи и ея благамъ, которыя онъ охватываетъ своимъ умомъ, но съ положоніемъ народа покореннаго, и который останется вѣчно покореннымъ, его чувству, вѣроятно, трудно примириться. Онъ скроменъ, задумчивъ, видно, что нѣжное растеніе вянетъ подъ суровымъ небомъ Сѣвера.

Къ тому-же, съ нимъ, при непривычкѣ къ „европскимъ обычаямъ“, постоянные казусы и „большой кампозъ“, какъ онъ называетъ конфузъ. Напримѣръ, вмѣсто: салфетка, онъ проинесетъ въ дамскомъ обществѣ: салпистка. Начнетъ разсказывать, какъ онъ, жалѣя хозяина, у котораго много было людей по случаю ярмарки, хотѣлъ позвать спать къ себѣ на диванъ (Мурза Медичъ жалостливъ и гуманенъ до невѣроятія,—никакому европейцу не угоняться) и, какъ вмѣсто хозяина, нашелъ на печкѣ женщину въ томъ видѣ, какъ рисуютъ нимфъ.

---

[1]) Въ К.-В. Газ.—была напечатана ст. «Возраждающаяся Азія» (1873, № 40). (Ред).

[2]) Вамбери—знаменитый путешественикъ, подъ видомъ паломника—турка совершившій путешествіе въ педоступную тогда для европейца Бухару. Вамбери венгерецъ (Ред.)

[3]) т. е. Серафима (Шапкова). (Ред.)

Опять „большой кампозъ“. Такъ со свѣчкой и остолбенѣлъ. Въ крайнемъ случаѣ при „кампозѣ“ онъ бѣжитъ въ уголъ и закрывается рукавомъ. Къ тому же у него случилось еще несчастье. До выписки татарскаго лексикона онъ засыпалъ съ шахматной доской, рѣшая на ней задачи. Его мучатъ „безсонныя ночи изгнанія“ (какъ и одного моего знакомаго, который пишетъ письмо въ 2½ч. ночи, поднявшись съ постели). Поэтому Мурза Медичъ засыпалъ, читая татарскій лексиконъ, въ которомъ онъ иногда могъ услаждаться роднымъ шрифтомъ и словами, стоящими иногда безъ особой логической связи. Разъ, поставя свѣчку, онъ забылъ ее затушить и середина одного тома выгорѣла. Я просилъ нашихъ знакомыхъ не производить надъ нимъ злыхъ шутокъ. Онъ всего боится, и это давало поводъ его пугать. Дошло до того, что онъ сталъ бояться произносить слово „ботаника“ или „физіологія“. Онъ такъ страшился съ пріѣзда, что солдата, пришедшаго по случаю своихъ именинъ съ тарелкою, на которой былъ пирогъ, принялъ за стража, могущаго ему отрубить голову и положить на блюдо. Отъ „кампоза“ онъ иногда плачетъ. По-русски читаетъ, но слова плохо понимаетъ. Я ему читалъ романъ Каразина. Упомянуто, что купецъ бухарскій бралъ рукой сардинки. „Это, говоритъ, клевета, нарочно написано.“ Его, къ сожалѣнію, никто не учитъ, и я не имѣю времени, да и педагогомъ неспособенъ быть. Но Мурза Медичъ купилъ бумажный глобусъ. Иногда ему сообщаются свѣдѣнія, но часто онъ самъ составляетъ свои теоріи, размышляя ночами надъ глобусомъ; такъ онъ изобрѣль теорію рѣкъ, бѣгущихъ отъ полюсовъ къ экватору, ибо рѣки должны бѣжать внизъ. Я говорилъ о насмѣшкахъ надъ нимъ. Не знаю, какъ американцы и англичане цивилизуютъ, но русскіе люди примѣшиваютъ много къ этому издѣванья, „наскоружничества“.[1])

Эта черта не пропадаетъ и у наиболѣе цивилизованныхъ. Можетъ, это черта русскихъ нравовъ,—общество грубое, праздное, любитъ потѣху грубую; ему надо шутовъ, есть шуты-дѣти, шуты-приживалки; инородца скорѣй другихъ обращаютъ въ шута. Замѣчали ли вы этотъ фактъ? Каразинъ, кажется, его не подмѣтилъ, но я внесу въ нашъ романъ, это руссификированье! Цивилизуемый инородецъ! а? похвалите—ка меня за изобрѣтеніе такой темы, которая сама далась въ руки. Мурзѣ Медичу пришлите слово утѣшенія и поощренія къ наукѣ. Я жалѣю, что здѣсь нѣтъ для него вашей нѣжной руки.[1])

---

[1]) По сибирски = издѣвательство. (П)

[2]) Вопросы цивилизаціи на Востокѣ, въ частности—Средней Азіи очень занимали Н. М. См. его статьи въ «К.—В. Газ.»—„Чѣмъ мы покоримъ Среднюю Азію“ (№ № 49 и 50). „Крестовый походъ науки на Востокъ“ (№ № 54 и 55), „Цивилизація и Востокъ“ (№ № 94 и 125) и др. (Ред.)

Вышло „Дѣло“ съ романами Каразина и Омулевскаго. Каразина „Погоня за наживой“—новая канитель во вкусѣ Понсонъ дю Террайль. Такъ и начинаетъ. „Чуть не застрѣлился,“ говоритъ. Начинаетъ описывать сборы и причины, принудившія разныхъ лицъ ѣхать въ Туркестанъ. Замѣчательно, что въ этой части цензура вычеркнула мѣсто, куда ѣдутъ, осталось только одно упоминаніе о баранинѣ. Оригинальнѣйшій эпизодъ изъ цензурныхъ нравовъ. Это даетъ поводъ для каламбуровъ. Такъ и будемъ звать „Страна баранины“. Романъ Омулевскаго не относится къ области восточной беллетристики, а потому и не заслуживалъ бы упоминанія, но упомянемъ, какъ о знакомомъ. Въ Петербургѣ онъ говорилъ (въ пьяномъ видѣ, ибо пьетъ и ведетъ себя прескверно), что выведетъ такую женщину – прогрессистку, до которой и воображеніе не достигнетъ и потому на нее будутъ всѣ плевать. Я боюсь, что только, какъ бы не наплевали не на женщину, а на романъ. Серафимычъ помѣстилъ „Индію“. Я „Дѣла“, впрочемъ, еще не читалъ. Такъ какъ васъ вопросъ о русской общинѣ, какъ и меня, интересуетъ (по Кобденъ-Клубу я пишу статью), то сообщу вамъ, что въ Харьковѣ учреждается земскій банкъ для доставленія возможности крестьянамъ покупки земли до 24 десятинъ *и для облегченія къ выходу изъ общины.*

Проектъ выработанъ извѣстнымъ И. В. Вернадскимъ и профессоромъ Сокольскимъ, издавшимъ „Англо-Саксонскую Общину“. Писалъ ли вамъ что Андрей Александровичъ изъ Харькова? Вы отъ него могли бы вытребовать изданіе Биллина. Это кооперативное общество издателей, издающее книги о кооперації. Ими изданы „Рабочіе союзы въ Англіи“ графа Парижскаго, его же изданье я видѣлъ недавно здѣсь— „Кооперативное Общество въ Европѣ“, не помню точное заглавіе. Мнѣ ее дадутъ прочитать. Замѣчательно, что пересматривая я нашелъ тамъ лѣсную кооперацію Канады и сооруженіе кооперативной колонизаціи въ Новой Зеландіи. Попытки, обращающія на себя вниманіе.

Подобные факты даютъ поводъ представить новое основаніе для колонизаціи въ новыя страны въ противоположность прежнимъ пріемамъ колонизаціи буржуазнаго міра. Какъ прочитаю книгу, сообщу объ этихъ фактахъ подробнѣе.

Я какъ то упоминалъ вамъ, что я иногда спорю съ образчиками взглядовъ современной молодежи, на которыхъ я пробую иногда мѣстные вопросы. Мнѣ это важно потому, что я имѣю одно лицо новаго направленія, изъ современнаго россійскаго молодого поколѣнія, имѣющаго законченные взгляды. На сколько мои мѣстныя убѣжденія могутъ быть симпатичны, и на сколько они противорѣчатъ ихъ симпатіямъ, выработаннымъ на лучшихъ основаніяхъ европеизма, мнѣ было любо-

пытно знать. Они не мѣшаютъ моимъ мѣстнымъ симпатіямъ и стремленіямъ къ мѣстной дѣятельности, но они отрицаютъ многіе пути и союзы. Такъ было столкновеніе по поводу статьи г. Авесова. Они говорятъ, что развитіе мануфактуры на Востокѣ создастъ царство буржуазіи, поощрять это развитіе, быть въ союзѣ съ буржуазіей непослѣдовательно, желая служить народу. Востокъ можетъ даже остаться производителемъ сырья, лишь бы развилъ раціональное и хорошее хозяйство. Желѣзная дорога не повредитъ, а принесетъ Востоку пользу. Эксплоатація сырья ничего не значитъ, такъ (какъ?) запросъ вызоветъ и большую производительность, будутъ разводить больше скота и т. д Современный идеализмъ отрицаетъ союзъ съ буржуазіей. Развитіе ея считаетъ даже гибельнѣе теперешняго дикаго состоянія.

Словомъ, онъ сосредоточенъ всецѣло на идеѣ эмансипаціи труда и больше ничего не хочетъ знать. Всѣ улучшенія, усовершенствованія, дѣлаемыя въ странѣ при нынѣшнихъ условіяхъ, ведутъ не къ разлитію благосостоянія въ народѣ, а къ сосредоточенію его вверху пирамиды.

Народъ въ 16 стол. лучше жилъ, чѣмъ теперь въ Англіи, такіе афоризмы можно постоянно слышать. Идея національности, пишетъ Михайловскій въ послѣднемъ журнальн. обозр. „Отеч. Зап.“, по столько полезна, по скольку она удовлетворяетъ общечеловѣческому развитію. Она иногда бываетъ въ союзѣ съ этими цѣлями, иногда нѣтъ. Патріотизму современные идеалисты поэтому готовы на столько только дать мѣста, на сколько онъ способствуетъ идеѣ труда. Идея эмансипаціи труда становится религіей передовой Европы, а русская молодежь еще болѣе европеизировалась, чѣмъ въ 60 годахъ. Она безусловно слушаетъ каждое слово учителей Запада и повинуется. На Западѣ между тѣмъ, одинъ интересъ—борьба съ капиталомъ.

Идея патріотизма и національности, правда, имѣла много подкладокъ, поэтому, я думаю, что она можетъ быть и на собачьемъ мѣху, и на горностаевомъ. Конечно, она должна служить общечеловѣческому развитію и лучшимъ идеаламъ, но общечеловѣческія потребности, единыя въ идеалѣ у всѣхъ народовъ, могутъ быть различны въ данный историческій моментъ при извѣстныхъ условіяхъ. Какъ одинъ человѣкъ страдаетъ отъ тучности, другой отъ худобы, такъ и страны —однѣ страдаютъ отъ избытка національнаго и патріотическаго чувства, напримѣръ, завоевательный Римъ,—другія—отъ его недостатка. Идея—національности скрывала сначала очень реальный человѣческій интересъ,—это стремленіе къ автономіи. Она зарождалась подъ вліяніемъ опасностей или въ рабствѣ. Идея національности, т. о., скрывала въ прежнее время идею свободы и самоуправленія. Могутъ и теперь находиться нѣкоторыя страны въ такомъ положеніи. Это стремленіе можетъ быть у нихъ на первомъ планѣ. Имъ будутъ говорить, какъ

Прудонъ Италіи, объ эмансипаціи труда, но онѣ скажутъ: дайте намъ сначала освободиться отъ владычества внѣшняго, и мы начнемъ освобождаться отъ внутренняго. Какъ невозможно эмансипировать человѣка, пока онъ связанъ патріархальной отеческой властью, такъ и народъ, пока онъ не достигъ автономіи. У каждаго народа въ извѣстный возрастъ есть свои историческія задачи. Вотъ этого, кажется, не понимаютъ идеалисты. У нихъ всѣ народы одинаковы, у нихъ одна точка зрѣнія сектантовъ. Но можно ли сектантскую точку зрѣнія примѣнять къ исторической жизни?

Пока интересы не наросли, вы ихъ не поднимите. Есть стремленія, идеи, охватывающія народы всецѣло, и вы ихъ ни за что не собьете съ пути. Угадайте эти текущія историческія потребности, и вы будете служить жизни, иначе вы будете въ сторонѣ и останетесь несчастнымъ идеалистомъ. Идея національности не заключаетъ въ себѣ идеала полнаго человѣческаго развитія,—это правда, но она сосредоточиваетъ часть идеала—автономію.

Могутъ явиться патріоты—клерикалы, буржуа и рабовладѣльцы—правда, но всѣ они могутъ служить въ данный моментъ общей идеѣ, которая прогрессивна.

Такъ служили всѣ партіи автономіи Америки. Что же тутъ вышло худого? Насталъ другой моментъ, и явилась новая идея аболиціонизма, охватившая общество. Могла ли она явиться раньше? Исторія показала что нѣтъ, но ежели бы и явилась борьба въ защиту негровъ ранѣе, то развѣ устранила бы стремленіе къ автономіи? Зарождающаяся идея національности есть первый пробный камень для народовъ и ихъ способности къ исторической жизни. Она столь могущественна, столь обаятельна, имѣя подкладкою свободу и стремленіе къ самостоятельной работѣ, что можетъ пробудить и воодушевить общество къ дальнѣйшей жизни и всестороннему человѣческому развитію. Однимъ словомъ, это пробужденіе націи. Можно ли пренебрегать такимъ пробужденіемъ, для другихъ отдаленныхъ цѣлей!

Идея національная еще тѣмъ важна, что она первая пробуждаетъ общественный интересъ, идею широкаго коллективизма. А безъ сознанія этого общественнаго интереса, что такое общество? Пусть національная идея сосредоточиваетъ по моему, всѣ лучшіе современные идеалы, но пусть она будетъ національна; только тогда, она будетъ соотвѣтствовать симпатіямъ народа и имѣть корень въ жизни. Идеалы общечеловѣческаго развитія воспримутся, они носятся въ современномъ воздухѣ, они пройдутъ и въ зарождающуюся національность, но имъ надо дать почву, надобно зародить пламенную патріотическую любовь къ своему народу. Космополиты-идеалисты, служа общимъ человѣчес-

кимъ идеаламъ, потеряли всякую почву, или имъ все равно до этой почвы. Подъ вліяніемъ общечеловѣческихъ идеаловъ, русскіе люди часто уѣзжаютъ въ Америку, мечтаютъ о созданіи своего идеала въ лѣсахъ Бразиліи, трутся на Женевскомъ митингѣ и сыплютъ деньги еврепейскому рабочему, забывая часто, что въ саратовской степи умираютъ тысячи такихъ же несчастныхъ. Развѣ это нормально, развѣ это не крайности?!

Я заговорилъ о безпочвіи, и боюсь, чтобы подобно Аксакову не дойти до фигуры форейтора. Впрочемъ, я недавно читалъ сказку. У одного мальчика Карыма было много учителей. Его выучили и физикѣ, и механикѣ, и антропологіи, и лучшимъ соціальнымъ ученіямъ, но онъ все еще не зналъ, что дѣлать, и болтался по свѣту. Недоставало ему только одного учителя, и онъ съ нимъ столкнулся. Этотъ учитель научилъ его немногому: любви, и съ тѣхъ поръ знанія его получили приложеніе. Скажите, неужели былъ лишній учитель любви для этого мальчика? Неужели тотъ, кто вдыхаетъ жизнь, душу при помощи національной идеи и одной идеи въ цѣломъ народѣ, не создастъ ничего великаго!...

Довольно теоретическихъ расужденій. Пойду собирать книги съ кошелемъ для бѣднаго карымскаго учителя. Собралъ Дарвина, Die Arbeiterfrage—Lange; тутъ есть, говорятъ, и краткое изложеніе Маркса. Я думалъ вамъ послать Торренса, но Серафимъ отрекомендовалъ Geschichte des Englischen Reiches in Asien, гдѣ есть много свѣдѣній и о средней Азіи, наконецъ, „О рабочемъ классѣ“ Флеровскаго, котораго обѣщалъ. Дарвина и Arbeiterfrage вышлите по прочтеніи,—чужіе,—особенно Дарвина. Въ слѣдующій разъ пошлю Маркса, который еще не освободился, и Тейлора.

Съ вашими справками объ оленѣ рѣшительно не знаю, что дѣлать: въ городѣ нѣтъ оленьихъ охотниковъ и на ярмаркѣ не разыскалъ. Надо выждать, Лѣсничіе и городскіе охотники охоты и нравовъ оленя не знаютъ или даютъ пустыя свѣдѣнія. Романъ не пишется, но зрѣетъ. Оканчиваю другую статью. Напала разъ охота писать „смертельныя“ стихотворенія. Написалъ „Смерть Питта Старшаго“ (Лордъ Чатамъ[1]). Не надо ли вамъ?

Вашъ *Н. Ядринцевъ.*

---

[1]) Англійскій государственный дѣятель XVIII в., отецъ знаменитаго противника французской революціи и Наполеона (Ред.)

Письмо XXVIII.

Шенкурскъ. годъ 1873-й 25 февраля.

Милый, дорогой и любезный другъ. Письмо ваше съ заботливымъ участіемъ и запросомъ о здоровьи получилъ, также какъ и предыдущее съ дополненіями къ „Тайжанамъ“. 1-ое письмо было отъ 26-го января, 2-ое, нынѣшнее, отъ 16 февраля. Послѣ 1-го письма я уже послалъ вамъ два отвѣта, вы, навѣрно, ихъ уже теперь получили, въ одномъ еще стихи: „Привѣтъ, привѣтъ, друзья мои“. 2-ое послано съ книгами вамъ и съ извѣстіемъ о выходѣ „Сибири“ Клиндера. Надѣюсь, что я въ этомъ былъ исправенъ. Подобное же нетерпѣніе у меня было передъ письмомъ вашимъ отъ 26-го января, въ которомъ вы пишете, что замедлились потому, что писали статьи. Все дѣло въ томъ, что сердце наше желаетъ чаще бесѣдовать и надо исполнять его желаніе. Въ промежутки нашихъ молчаній я даже начинаю хандрить, о чемъ вы увидите въ посланныхъ цедулкахъ. Въ особенности меня разстроили дѣла съ негодяемъ Благосомъ и нѣкоторый разрывъ съ нимъ изъ за денегъ. Придется, можетъ, пережить тяжелый кризисъ. Когда меня душитъ тоска, я только съ вами и могу бесѣдовать, отъ остальныхъ запираюсь. Боюсь, чтобы не сдѣлаться меланхоликомъ, ссылка мнѣ порядочно-таки надоѣла, даже въ этомъ случаѣ перемѣна тюремъ лучше. Но я крѣплюсь еще.

Сер. Сераф., кажется, сбирается хлопотать о свободѣ, и приметъ участіе въ этомъ Благосъ, за добрыя съ нимъ отношенія, обратясь къ протекціи знатныхъ барынь.

У меня же нѣтъ ничего впереди,[1]) и ежели потерпится-потерпимъ. Ежели бы я хотѣлъ для чего освободиться, то для того, чтобы приспособиться лучше къ спеціальнымъ занятіямъ и предаться одному Востоку. На заданныя темы Благосомъ у меня не лежитъ сердце писать, и онъ изъ меня холопа своего никогда не сдѣлаетъ, какъ я ни несчастенъ. Я могу только работать то, чему я преданъ душой и тѣломъ, и пусть меня сгубитъ нужда, но не продамъ своей вѣры и своего слова. Моя проклятая натура требуетъ вдохновенія, а это вдохновеніе приходитъ только съ одной идеей. Вотъ нѣсколько недѣль назадъ я пробовалъ писать компиляцію о землевладѣніи въ Европѣ и объ отзывахъ иностранцевъ о русской общинѣ. Ну, не лежитъ душа, хотя и матерьялы нашлись, все равно, какъ будто я пера никогда въ руки не бралъ, а взялся въ одинъ вечеръ писать нашъ любезный романъ и съ лихорадочнымъ жаромъ написалъ нѣсколько уже главъ.

---

[1]) Дама моего сердца живетъ далеко.

Главы эти скоро я вамъ вышлю для прочтенія. Меня безпокоитъ только, гдѣ намъ удастся его напечатать. Я надѣялся на Битмида, но тотъ и отвѣтовъ не посылаетъ, когда его просишь нынче о чемъ. Сообщите ваши предположенія насчетъ печатанія романа и не можете ли пригласить Битмида, чтобы онъ нашелъ намъ издателя. Я не знаю согласитесь ли вы такъ, чтобы уступить издателю половину экземпляровъ, а половину намъ для домашняго употребленія. А то вотъ что вышло съ моей книгой—я и разослать ее не могу. Все Шигинъ захапалъ, да вѣрно и держитъ подъ спудомъ. А на Востокѣ книгу и не читаютъ, не для тюремнаго комитета я писалъ ее.

Конечно, денежное вознагражденіе для насъ, нищихъ, важнаа вещь. Но въ концѣ то концовъ оказывается, что и капитала то не пріобрѣтешь (какъ я отъ Благоса[1]) и невинность не соблюдешь. Одно только грустно, что нѣтъ изданія, гдѣ бы можно сдѣлаться постояннымъ сотрудникомъ по дѣламъ Востока и притомъ, чтобы быть независимымъ въ своихъ мысляхъ. Я начерно написалъ маленькую статейку о Возрожденіи Азіи, гдѣ я провелъ взглядъ на будущую ея цивилизацію, но куда она можетъ годиться? Всякія надежды на успѣшное развитіе жизни въ Азіи, всякая хвала способностей китайцевъ, бухарцевъ, инородцевъ можетъ показаться парадоксомъ.

Возьмемъ опять романъ. Я его пишу въ мѣстномъ духѣ, для мѣстнаго общества, но что бы вышло, ежели бы онъ попался въ руки Благосвѣтлова, который вычеркиваетъ и передѣлываетъ, что вздумается? Мнѣ Соколовъ, бывшій ссыльный и извѣстный сотрудникъ, разсказывалъ слѣдующій анекдотъ про авторскія способности Григ. Евл.. Какая то женщина принесла къ нему повѣсть, онъ ее, не прочитавъ, бросилъ въ уголъ. Это складъ всѣхъ произведеній. Наконецъ, разъ, когда не хватило матерьяла, Григ. Евламп. идетъ въ уголъ. роется тамъ и находитъ повѣсть г-жи N. Прочелъ, нюхнулъ носомъ,—ничего, говоритъ, только конецъ не понравился. Взялъ перо и придумалъ развязку въ своемъ духѣ. Изобразилъ даже, какъ помѣщичій домъ поджигаютъ. Каковъ беллетристъ! Ну, что если и къ роману нашему онъ придѣлаетъ свой конецъ? вотъ будетъ репримандъ!

Нѣтъ, ужъ лучше я вамъ отдамъ его цѣликомъ на храненіе въ архивѣ. Впрочемъ, теперь у „Дѣла“ два геніальныхъ беллетриста, Каразинъ и Омулевскій. Читали ли ихъ новые романы? Каразинъ трогаетъ ту же тему ташкентцевъ, но менѣе даровито. Одна сцена безобразно и невыносимо глупа. Какой то молодой господинъ, только

---

[1]) Знаете, сколько я получилъ за книгу? 6 руб. за печатный листъ, хуже переводчика! да деньги по 25 руб. высылали, да въ счетъ поставили книги, которыя пріобрѣтены для писанія въ «Дѣло».

что женившись, убѣдился въ невѣрности жены и желаетъ застрѣлиться. Онъ рветъ галстухъ, рубаху, кидаетъ вещи. Это приготовленія. Да такъ всегда люди стрѣляются. Авторъ, должно быть, всѣ внутреннія, бури и можетъ только выражать рваньемъ платья да галстуковъ. „Петерб. Вѣдом.“ сильно начали нападать на его дефекты, и Буренинъ Z пишетъ пародіи. Недурно изображенъ самъ Евстафій Благодуровъ за счетной книгой, рѣшающійся застрѣлиться изъ за того, что передалъ 2 руб. 41¼ коп. какому то публицисту Отпущенскому.

Но пріятель Каразинъ совѣтуетъ ему ѣхать въ Ташкентъ. Тамъ, говоритъ, вамъ самое мѣсто, (Григ. Евлампіевичъ знаетъ свое мѣсто. У него и въ редакціи Ташкентъ.)

Что касается Омулевскаго, то это, батюшко, патріотическій романъ. Начинается онъ съ выпивки у Вольфа въ Петербургѣ и рисуется какой-то докторъ, весь въ черномъ, съ проницательными глазами и тремя брилльянтовыми запонками въ рубашкѣ. Весь въ черномъ и съ тремя брилльянтами,—очаровательно! Докторъ узнаетъ, что живетъ какая то сумасшедшая за Ураломъ, авторъ немного смѣшиваетъ, правда, на Уралѣ съ за Ураломъ, но простимъ ему, пусть будетъ „за Ураломъ за рѣкой“[1]) За Ураломъ этимъ оказываются женщины необыкновенной красоты (именно такъ. Ну какъ же не патріотическій романъ). Далѣе героиней оказывается княгиня, что ли, живущая въ помѣстьѣ около завода. Она обнесла домъ тыномъ, не принимаетъ мужчинъ и допускаетъ только женщинъ, она же стрѣляетъ изъ карабина, зачѣмъ-неизвѣстно. Да, еще разсыпаетъ у бабъ и дѣвокъ ягоды, не стоитъ, говоритъ, этимъ заниматься. Вотъ вамъ и эмансипированная героиня за Ураломъ. Вѣроятно, дальше еще будетъ интереснѣе. Вотъ какъ нынче рисуютъ героевъ. Мы своего Ваныкина непремѣнно вооружимъ, надѣнемъ черкесскую шапку и дадимъ два карабина и четыре брилліантовыхъ булавки.

Героиню же заставимъ не только разсыпать ягоды, но и сѣчь бабъ.

Сер. Сер. написалъ цѣлыхъ три статьи. „Нѣмецкое мошеничество“, объ Индіи и рецензіи. Объ Индіи покуда только обличенія неистовствъ англичанъ. Я просилъ свѣдѣній о просвѣщеніи и университетѣ индусскомъ, но онъ говоритъ, у него въ книгахъ нѣтъ, а жалко.

Получилъ я Дрепера. Ежели писать по нему статью, то надо въ связи съ Банкрофтомъ, это матерьялъ для будущаго. Расположеніе книги превосходное, но слишкомъ занятое географическими и топо-

[1]) Даже вѣдь Некрасовъ въ княгиняхъ Трубецкихъ и Волконскихъ надѣлалъ географическихъ ошибокъ: въ Енисейск. губ., оказался бурятъ ямщикъ, а Волгойская ѣхала въ Нерчинскъ черезъ Алтай. Омулевскому ужъ подавно простительно.

графическими подробностями. Читаю теперь: „Кооперативное Земледѣліе“ Баллени. Вильямъ Пэръ, написавшій статью объ ирландскихъ кооперацiяхъ, говоритъ: хорошо бы было, ежели бы намѣревающіеся эмигрировать соединили свои усилія на устройство кооперативныхъ фермъ; они избѣгли бы несчастій и бѣдствій, которыя постигаютъ разобщенныхъ въ лѣсахъ колонистовъ. Они бы избѣжали многихъ издержекъ, многихъ опасностей и болѣзней. Въ Алжирѣ уже существуетъ кооперація, ей положено основаніе фурьеристами. Въ Канадскомъ полѣсьи и существуетъ Галибертонская кооперативная ферма, въ провинціи Онтаріо, въ графствѣ Петерборау. Въ ней выстроены дома для пріема эмиграціи и предлагаются всѣ услуги на первое время. При ней земледѣльческая коллегія для прибывающихъ молодыхъ людей изъ Англіи. Что касается кооперативной эмиграціи въ Новую Зеландію, то для этого основывается цѣлое общество и планы его обширны. Кооперативное общество предлагало купить 100.000 акровъ съ овцами и со всѣми принадлежностями по самой дешевой цѣнѣ. Оно предлагаетъ прибѣжище всѣмъ сословіямъ: джентри, работникамъ, механикамъ, конторщикамъ. Выгоды для эмиграціи и для колоніи отъ кооперативной эмиграціи слѣдующія: 1, рабочіе и поселяне останутся на землѣ при хозяйствѣ на мѣсто того, чтобы ходить на пріиски; 2, всѣ профессіи въ кооперацiи найдутъ возможность трудиться сообразно призванію, дѣти джентри пріучатся къ труду; 3, живущіе обществомъ будутъ имѣть свои мѣстные интересы, пріобрѣтутъ политическое значеніе въ провинціи, будутъ легче получать отъ колоніальнаго правительства помощь для устройства дорогъ, мостовъ, школъ, больницъ etc., они научатся понимать соединенные интересы; 4, выгоды ассоціаціи привлекутъ лучшія силы изъ Англіи и интеллигенцію въ колонію; 5, техники и мастера легче согласятся сопутствовать въ компаніи съ другими; 6, чѣмъ больше будетъ такихъ обществъ, тѣмъ больше будетъ возникать сила колоніи. (Къ сожалѣнію неизвѣстно, чѣмъ окончились эти приготовленія компаніи). Мнѣ кажется, что пункты 3, 4, 5, и 6 могутъ быть очень выгодны колоніи. Не есть ли это форма раціональнѣйшая эмиграціи будущаго? Изучить этотъ вопросъ и особое обратить вниманіе—стоитъ. Ежели придется говорить о такой формѣ эмиграціи, то она пріобрѣтетъ болѣе симпатіи, чѣмъ нынѣшнее выселеніе, которое стало считаться простой палліативой (по Марксу). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не пожалѣть сколько интеллигентныхъ силъ, даже русскихъ, эмигрируетъ въ Америку для устройства раціональныхъ колоній, и даже на Сандвичевы острова; какъ извѣстный Бахметьевъ (онъ же и извѣстный Рахметовъ), кіевскій студентъ, богачъ. Неужели на окраинахъ нашихъ не легче было бы тысячу разъ устроиться, и, благодаря единству національности, слиться съ народомъ? Будущность

эмиграціи на новыхъ началахъ уже предвидитъ Вильямъ Пэръ. „Я думаю, говоритъ онъ, придетъ время, когда вмѣсто армій, идущихъ истреблять туземцевъ, у насъ будутъ арміи трактирщиковъ, вооруженныя метлами и лопатами. Они пойдутъ туда, какъ святые піонеры, чтобы покорить безплодныя земли и дѣвственныя лѣса, чтобы они распускались и расцвѣтали какъ розы, и устраивались для человѣческихъ жилищъ“ (с. 5 и 6 Земл. Кооперації).

Вотъ еще слова, выписанныя мною изъ статьи Михайловскаго противъ ученія о національностяхъ. Я ихъ вложу въ уста Баканова въ романѣ, ибо это слова цѣлой нынѣшней европейской школы, исключительно кооператоровъ. „Въ обществѣ, имѣющемъ пирамидальное устройство, всевозможныя улучшенія, если они направлены не непосредственно къ благу трудящихся классовъ, а ко благу цѣлаго, ведутъ исключительно къ усилію верхнихъ слоевъ пирамиды“. Т. е. желѣзныя дороги, мануфакт. промышленность, телеграфы (и университеты?) Такъ ли? Совокупность цивилизующихъ средствъ и улучшеніе не поднимаютъ ли благосостояніе всего народа, а образованіе, хотя и для верхнихъ слоевъ, не образуетъ ли арміи на помощь нижнимъ? Риббонъмэны въ Ирландіи, говоритъ авторъ, т. е. аристократы клановъ, эксплоатируютъ народъ, пользуясь его національнымъ чувствомъ. Правда, но англичане не эксплоатируютъ пользуясь не національнымъ чувствомъ? Національное чувство не всемогуще, конечно, но въ данную минуту сила, а уничтожить его въ людяхъ возможно-ли? „Добиваясь національнаго богатства, мы его получаемъ, но получаемъ вмѣстѣ съ „тѣмъ нищету народа.“ Все это доказывается цѣлой школой. Желѣзныя дороги, телеграфы, мануф. промышленность обѣдняетъ народъ; добиваясь благосостоянія народа (какъ, какимъ путемъ, и не можетъ ли идея національная утилизироваться въ пользу народа?), мы получаемъ и національное богатство.

Вотъ эссенція космополитизма. Разжевывайте какъ хотите. Les idées de societé internationale охватываютъ европейскихъ либераловъ. Они поражаются союзами, солидарностью народовъ и грандіозностью силы. Но какъ видно, фракціи союзниковъ и партіи до безконечности различны по *мѣстностямъ*. Въ Англіи свое, въ Германіи свое, сами представители ученія дѣлятся до безконечности. Самая общая идея, однако, какъ мы видимъ, націонализируется, и это еще во время своего теоретическаго существованія, а что будетъ во время практическаго примѣненія?... Между тѣмъ, какъ идеи національныя и получившія корень въ извѣстной мѣстности всегда единодушно охватываютъ народы. Кстати, ежели вы хотите видѣть новую философію юной Россіи, то можете прочитать „Историческія письма“ Миртова, и статьи по по-

воду Лекки въ „Отеч. Зап.“, кажется 1871 г. г-на Л. (того же Мирто-ва) „О нравственности“.

Прошлый разъ съ книгами я не успѣлъ вамъ отправить Тейлора „Первобытную культуру“. Это блестящее сочиненіе, особенно превосходны главы 3 и 4 о переживаніи въ культурѣ. Переживанія, суевѣрія, дѣтскія игры, азартныя игры, ворожба, магія, хиромантія, спиритизмъ и т. п.

Мнѣ сказывали, что есть мысль у Тейлора, что рядъ цивилизацій отъ древняго времени до настоящаго имѣетъ представителей, конечно, въ нынѣшнихъ дикаряхъ, и даютъ данныя, что жизнь многихъ дикарей лучше, чѣмъ жизнь низшихъ классовъ въ странахъ цивилизаціи. Вырожденіе послѣднихъ и искаженіе ихъ даетъ поводъ сомнѣваться въ способности ихъ къ быстрому совершенствованію, между тѣмъ какъ многіе дикари способны воспринять живѣе, по благопріятнымъ условіямъ своего существованія, цивилизацію будущаго.(Словомъ, это поздніе цвѣты). Ежели это такой авторитетъ, то это любопытно. Прочту. Какъ извѣстно, мы часто восторгались юморомъ и поэзіей киргизъ. Вотъ что о насъ говоритъ Тейлоръ: „Русскіе въ Сибири, прислушиваясь къ разговору киргизъ, были поражены ихъ поэтической импровизаціей Чтобы бы эти люди ни увидѣли, у нихъ все вызываетъ новыя фантазіи“. Тейлоръ представляетъ это образчикомъ древнихъ народовъ, творившихъ мифы. (Мы живемъ въ источникѣ мифизма и антропоморфизма)· Чтобы понять характеръ и міровозрѣніе этихъ народовъ, надо быть поэтомъ. Вордстворт, прозванный Максомъ Миллеромъ „современнымъ древнимъ человѣкомъ“ могъ писать о Бурѣ и Зимѣ, какъ поэтъ Ведъ, говоритъ Тейлоръ.

Какъ отразится этотъ духъ, полный блестящей фантазіи, при принятіи цивилизаціи, это очень любопытно. Какое вліяніе, наконецъ, этотъ духъ первобытныхъ народовъ окажетъ на сосѣдніе загрубѣлые отъ вынесенной культурной борьбы народы землевладѣльческіе, какъ, напримѣръ, на сибиряковъ. Не возвратитъ ли онъ имъ потерянное ими достояніе, живость ума и фантазіи?

—Отчего у сибиряковъ, окруженныхъ поэтическимъ народомъ, съ восточной фантазіей, не рождалось до сихъ поръ поэтовъ? спрашиваетъ Цитроновъ. Они долго копаются съ Ваныкинымъ въ причинахъ, перебираютъ и свойство расы,—и въ соціальныхъ условіяхъ.

— „Ха, ха, ха! восклицаетъ внезапно Цитроновъ, да посмотрите, конюхъ Абрамъ запѣлъ, какъ только сложилъ балаганъ. А вѣдь мы еще не покрыли свой балаганъ... вотъ и разрѣшеніе вопроса[1])!.

[1]) Ранѣе въ Америкѣ существовала напыщенная поэзія, а потомъ Лонгфелло, продуктъ вліянія инородцевъ. Сначала дифирамбы, въ родѣ: „Я изъ той страны далекой“, а потомъ только переводы и подражаніе киргизской пѣснѣ. Это отражается и на сибирскомъ *стихоплетѣ*.

Вы видите, для вашего романа я собираю медъ отовсюду, и даже изъ мифическаго міра.

Все знаю я, Одинъ,
Гдѣ скрылъ ты одинъ глазъ!

говоритъ улыбаясь Ваныкинъ Геллерту, который, подобно Одину, чтобы напиться въ колодцѣ Мирмира, долженъ былъ оставить ему въ залогъ одинъ глазъ. Тоже и золотопромышленники.

„ Но едва ли его (глазъ) нужно отыскивать", продолжаетъ Ваныкинъ Цитронову, въ мифическомъ колодцѣ, какъ солнце, про которое сочиненъ мифъ. Каждый прудъ (т.е. каждый пріискъ) разъясняетъ эту загадку; тамъ видно, почему золотопромышленнику выгодно зажмурить одинъ глазъ. И насъ не обманешь, указывая на кривое солнце политической экономіи.

Я написалъ біографію Ваныкина, въ которой помѣстилъ сжатыя воспоминанія о гимназіи. Тутъ же сдѣлалъ очеркъ оригинальныхъ чертъ сибирской гимназіи. Демократическій складъ, дѣти въ мундирахъ солдатскаго сукна, иногда сшитыхъ изъ цвѣтныхъ лоскутковъ, полы зеленыя, рукава синіе, старыя пуговицы разныхъ вѣдомствъ, преслѣдованіе баричей, демократическіе нравы, обычаи „войнишекъ", боевъ, занесенныхъ въ гимназію, тавлинки, но рядомъ съ этимъ и развращеніе,

Дѣти, являясь, выносили и передавали свои впечатленія изъ всѣхъ слоевъ общества, начиная съ лавки, кончая кабакомъ; были дѣти и бѣдной, честной мѣщанской семьи, и изъ притоновъ горемычныхъ поселенцевъ, бывали дѣти, прошедшія съ отцами остроги и партіи (какъ у насъ), незаконнорожденныя дѣти разбойниковъ (Аркашевъ) и т. п.

Дѣти рано узнавали жизнь со всѣми ея подробностями, и увы... часто ядъ рано разоблаченной жизни похищалъ ужасныя жертвы изъ дѣтской среды. Тутъ же вліяніе развращеннаго золотопромышленнаго города, жизнь поселенцевъ, бродягъ, кутежи рабочихъ и приказчиковъ. Такія зрѣлища, оказывая губительное нравственное вліяніе на среду, отражались и въ самомъ корнѣ народнаго воспитанія. За то Ваныкинъ извлекаетъ изъ этой же среды чувство равенства. Нравы гимназіи походятъ мѣстами даже на острожниковъ и проч. Видя развращенныхъ дѣтей на пріискахъ, Цитроновъ вздыхаетъ, когда этому явленію Ваныкинъ раскрываетъ смыслъ, Цитроновъ вздыхаетъ не о простыхъ дѣтяхъ, а о собственныхъ. Знаете ли вы судьбу дѣтей Горохова, особенно Владимира? онъ учился со мной въ гимназіи въ 3-емъ классѣ, онъ былъ уже зараженъ сифилисомъ, совершалъ кражи со взломомъ, развращенъ до невѣроятія. Его выгнали; онъ уѣхалъ на пріиски и тамъ пробовалъ

стрѣляться, наконецъ его вытурили въ юнкера. А остальные братья? Вотъ какъ первый милліонеръ сибирскій пожалъ плоды трудовъ своихъ на своихъ дѣтяхъ. А самъ онъ, промотавшійся, разбитый параличемъ въ своей цвѣтной бесѣдкѣ въ Томскѣ... Какіе это внушительные эпизоды! Да, золотопромышленность отжила въ первомъ же поколѣніи на собственныхъ дѣтяхъ золотопромышленниковъ. Цитроновъ долженъ вздохнуть предъ этимъ фактомъ.

Вы видите, что меня очень занимаетъ романъ, и въ невнимательности къ нему меня упрекнуть не можете. Я хотѣлъ также представить Ваныкина пріѣхавшимъ на первомъ пароходѣ въ Томскъ и прибытіе этихъ пароходовъ. Утро. Раздольная Томь въ весеннемъ разливѣ, зеленые острова и синѣюшая даль. Набережная, домики, фанарики и разрушающійся домъ бывшихъ томскихъ масоновъ, все освѣщено ярко солнцемъ. Старикъ мѣщанинъ сидитъ, и прикрываясь рукою, смотритъ вдаль. Но мелькнетъ парусъ лодки изъ Нарыма и исчезнетъ въ синевѣ. Подъѣхалъ обласокъ съ остякомъ, прибывающимъ на весну; на берегу стоитъ работникъ, поселенецъ, смотритъ на Томь и думаетъ о Волгѣ, гдѣ тамъ хорошо: сады зрѣютъ, пароходы и расшивы идутъ, пѣсня бурлачья слышится, знакомыя лица мелькаютъ; что то давитъ поселенца подъ сердцемъ. И вдругъ подлѣ него рыданія. Онъ вздрогнулъ, оглянулся. Это плакалъ остякъ. Онъ плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, не удерживаясь. По его черному лицу текли и смѣшивались слезы съ потомъ, которыя онъ утиралъ грязнымъ рукавомъ рубахи. Онъ ходилъ въ кабакъ, а въ это время у него украли рыбу. „Ишь, азіатъ“, говоритъ поселенецъ, „наши не дремлютъ“... „Ермакъ, Ермакъ“, кричитъ мѣщанинъ. Струйка дыма на Томи, наконецъ, бѣлое облако, и свистокъ застоналъ. Пароходъ. Масса публики оживила берегъ.

Есть еще другая сцена. Ваныкинъ сидитъ на Мухиномъ Бугрѣ и думаетъ о своемъ положеніи. Геллерта онъ не засталъ въ Томскѣ, онъ грустенъ, а кругомъ крики: „Караулъ, рѣжутъ!.. Лошадь угнали!“ Это сезонъ преступленій въ Томскѣ. На Мухиномъ Бугрѣ раздаются выстрѣлы, точно въ осажденномъ городѣ. Ночью, изрѣдка, гудитъ набатъ и дальній городъ освѣщается зловѣщимъ заревомъ. Это идутъ пожары. Все это, дѣйствительныя, картины сибирской жизни. Нравятся ли онѣ вамъ и будутъ ли умѣстны? Меня тоже позываетъ аппетитъ изобразить золотопромышленный Томскъ во время прохода или возвращенія рабочихъ (картина знакомая). Крикъ на улицахъ, рабочіе валяются въ новыхъ полушубкахъ и шаляхъ въ грязи, дебошъ въ трактирахъ, музыка, звонъ посуды, трепакъ, хриплая пѣснь шарман-

щика; на болотѣ, на кучугурахъ[1]) ломятся и громятъ рабочіе притоны разврата и кабаки, будочники обираютъ пьяныхъ.

Изъ видной гостинницы выскочиль пьяный, опоенный дурманомъ, приказчикъ и кричитъ: „Ограбили“!..

А по улицѣ несутся, въ кожанныхъ курткахъ и причудливыхъ кожанныхъ шляпахъ съ длинными полями, верхами какіе-то люди. Это конюхи и таежные служащіе отыскиваютъ раскутившихся и запропавшихъ въ торговыхъ баняхъ „довѣренныхъ“. Припоминаете вы это? Эти картины такъ рѣзко рисуются въ моемъ воображеніи. Боюсь только, чтобы это не растянуло романа, и поэтому буду производить по временамъ очищеніе. Скажите, что вы думаете насчетъ этихъ сценъ. Все это не входило въ вашъ планъ. Многое изъ чужихъ сторонъ я похѣрю, особенно субъективныя страданія поселенцевъ, и самую чужую сторону внесу извлеченіями.

Я самъ теперь испугался широкихъ рамокъ романа. Я вамъ писалъ, что, изобразивъ Тюмень, Томскъ и городскую жизнь, мы могли бы заинтерисовать грубый вкусъ мѣстныхъ читателей: „а что тамъ про насъ писано“. Вотъ единственная цѣль придать популярность произведенію. За то, можетъ быть, произведеніе потеряетъ въ сжатости и въ эстетическомъ отношеніи; многія личности будутъ въ похожденіи вялы, особенно Ваныкинъ[2]). Напримѣръ, когда я описываю Томскъ, онъ только и дѣйствуетъ, что пріѣхалъ на пароходѣ, да засѣлъ на Мухинъ Бугоръ. Во всемъ этомъ я сознаюсь. У насъ любятъ, чтобы герой постоянно фигурировалъ на первомъ планѣ, то онъ совершалъ подвиги, то стрѣлялся и привлекалъ своей эффектной фигурой и подвигами, какъ С. Марсъ, Ламоль, и т. п. куклы. Такой манеры держится и Каразинъ. Но я извинялъ себя тѣмъ, что представлялъ обыкновеннаго человѣка, проходящаго съ своими субъективными ощущенія путь жизни, съ своими стремленіями и желаніями мимо различныхъ явленій жизни и обстановки, которые б. ч. не гармонируетъ съ нимъ[1]). Самъ онъ есть поводъ для изображенія обстановки, а потому я было увлекся этой обстановкой, забывъ совершенно о героѣ, который давно посаженъ мной куда-то на стулъ, да такъ и сидитъ-дожидается. Сознаюсь, что это комично. Теперь я все это перестраиваю. Когда написалъ, все это вышло рѣзче, хотя многимъ новымъ блесткамъ я буду обязанъ тѣмъ, что попробовалъ писать.

Всѣ эти недостатки, замѣченные мной при широкомъ развитіи темы, я передаю вамъ откровенно.

---

[1]) Окраины города, гдѣ населеніе ютится въ землянкахъ. (П.).

[2]) Иныя личности придется указать да такъ ихъ и оставить или *сочинить* о нихъ ненатурально.

[1]) Вѣдь, онъ и у васъ на пріискахъ такимъ же.

Теперь я начинаю задаваться мудрымъ девизомъ редакціи „С Пет. Вѣдомостей," изображеннымъ Щедринымъ: „Не разъѣзжаться, не разпространяться" и т. п. Не бойтесь, въ сжатомъ видѣ, при обиліи тѣхъ сценъ, которыя мнѣ рисуются, мнѣ еще легче сладить съ темой. Такъ, напримѣръ, 1-ая глава: проѣздъ Ваныкина по тайгѣ, 2-ая, думы его, гдѣ и изображена будетъ его біографія, жизнь въ Томскѣ, Брониславъ, Бакановъ, ихъ вл:яніе. Дѣтство Натальи раскрывается á propos, когда она знакомится съ Ваныкинымъ,—глава 4. Далѣе, біографію Аркашева разсказываетъ Цитроновъ Ваныкину въ интимной бесѣдѣ буквально вашими словами. (Это замѣна болѣе подробнаго описанія воспитанія Аркашева и его дѣятельности, съ которой можно не сладить.)—Гл. 9. Г. 10. Ухаживанье Аркашева за Натальей, Аннушка, вечеръ у Геллерта и споръ съ Ваныкинымъ о золотопромышленности. 11 гл. Утро. Ваныкинъ выходитъ на прогулку и встрѣчаетъ Аркашева, который иронически ему говоритъ: „Пойдемте агитировать пріискъ", и развиваетъ ему планъ, какъ это можно сдѣлать. „А далѣе", говоритъ, „это будетъ мое дѣло. Я пріѣду, произнесу рѣчь, пересѣку, усмирю, и у меня будетъ Анна. Я все же въ барышахъ!" (Вотъ и вашъ планъ вошелъ). Знакомство съ личностью Капканова, конторщика, будетъ не въ Тюмени, а на пріискахъ. Ихъ подозрительныя сношенія съ Аркашевымъ. Сначала Ваныкинъ и не разберетъ, онъ послѣ догадается. Трагическихъ эффектовъ можно избѣжать. Вмѣсто бунта на пріискахъ можно представить ропотъ по случаю не отдачи денегъ.

Ваныкинъ говоритъ: „правъ Аркашевъ,—народъ нашъ—мирный народъ." Убійство Смазного можетъ быть замѣнено, дѣйствительно, прекрасною сценой путешествія бродяги въ тайгѣ, послѣ нѣсколькихъ дней онъ выходитъ изъ нея, или натыкаясь на веселый бродяжескій костеръ, или въ Черепаниху. (Это посмотримъ по обстоятельствамъ.) Конецъ думы Ваныкина и письмо сестры о разореніи. Затѣмъ финалъ. Вечеръ у Цитронова, который даетъ ему средства ѣхать учиться и наставленіе. Вотъ и все. Вышло 14 главъ. Но за то ничего лишняго. Тюмень, партіи и эпизоды „Чужой стороны", съ жизнью поселенцевъ въ деревнѣ и съ закономъ Линча улыбнулись. Отвѣтьте мнѣ на послѣдній планъ, считаете ли вы его болѣе совершеннымъ и уполномочиваете ли дать отставку „Чужой Сторонѣ", которую ко мнѣ не присылаютъ. Отвѣтьте, сэръ, а то вы какъ предсѣдатель въ старомъ присутственномъ мѣстѣ, что ни подай столоначальникъ,—все подписываете: „согласенъ, да, согласенъ!"

Я перечиталъ записки Скарятина о золотопромышленности, чтобы узнать подробности о кражѣ золота и изъ любопытства, чтобы

не впасть въ подраженіе съ Тайжанами, романъ „Около золота“ Блюмера, который бьетъ весь на пошлѣйшіе эффекты. Сопровожденіе по тайгѣ Ваныкинымъ Геллерта и Аркашева я полагаю представить—якобы онъ ихъ поѣхалъ съ Цитроновымъ проводить и послѣ опять воротиться. Можно ли такъ? Но довольно!

Я пишу рецензію на изд. Баллина „Кооперативное земледѣліе“, книжечку, невыполнившую своей задачи. Это и изданіе то кооперативное въ Харьковѣ. Переписываетесь ли и не получали ли извѣстій объ Андреѣ Александровичѣ[1]) у Карпа.[2])

Серафимъ получилъ „Туркестанскій Сборникъ“, но я еще не читалъ. Возьму. Съ картой Средней Азіи. По случаю похода въ Хиву для изысканій, Географическимъ Обществомъ командируется Венюковъ. Въ „Петерб. Вѣдомостяхъ извѣщаютъ, что судебная реформа въ Сибири будетъ введена въ 1874 г., причемъ мировые судьи будутъ по назначенію. Такъ же извѣщаютъ, что нашъ знакомый Струве переводится изъ начальниковъ дипломатическаго корпуса въ Туркестанскомъ краѣ посланникомъ въ Японію. Вы не пробовали ему письмо писать? Не будетъ ли онъ въ Петербургѣ, чтобы хоть немного воспользоваться его протекціей вамъ.

„Искру“ видѣлъ 1 №. Она выходитъ въ видѣ газеты общаго направленія и юмористическій отдѣлъ исчезъ. Не знаю, помѣстятъ ли тамъ посланную мною статью. Мнѣ рѣшительно не везетъ. Отвѣта г. Авесову[3]) въ „Недѣлѣ“ не помѣстили. Я писалъ, кажется, вамъ, что одинъ изъ молодой интеллигенціи у насъ, прочитавши и не зная г. Авесова-принялъ статью, что она написана буржуа. Онъ до сихъ поръ пристаетъ ко мнѣ съ категорическимъ вопросомъ, желательно ли развитіе мануфакт. промышленности на Востокѣ и имѣютъ ли основаніе, публицисты Востока ее желать, когда она послужитъ *только* къ возвышенію буржуазіи и *къ нищетѣ* рабочихъ классовъ, противъ даже нынѣшнаго. Якобы все это доказываетъ Англія и многіе авторитеты, какъ Роджерсъ. Отвѣчать на ученые аргументы предоставляю (зачеркнуто: Вамъ, что посовѣтуете.)

Несчастіе мѣстныхъ вопросовъ состоитъ въ томъ, что постепенно съ ними натыкаешься на косякъ космополито-соціальнаго вопроса, выработавшаго свой шаблончикъ, напр. эмиграція вредна для странъ, изъ которыхъ производится. Это пишетъ Марксъ,—говорятъ, хорошо! Но какъ же быть, когда въ нашемъ интересѣ привлекать эмиграцію, т. е. колонизацію. Вѣдь этимъ ихъ не примиришь и съ

---

[1]) Тахтаровъ (П)
[2]) Библіотека Карпъ въ Харьковѣ. (П)
[3])Г. е. Г. Н. Потанину.

кооперативной эмиграціей. Неуступчивость крайняя. Скажу, кстати что выписывается здѣсь на аглицкомъ книга Ноэса, о кооперативныхъ Обществахъ въ Америкѣ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ я прочиталъ статью о тюремномъ международномъ конгрессѣ, но о штрафной колонизаціи тамъ ничего нѣтъ. Я извѣщалъ, что послалъ въ „Камск.-Волжск. газету“ „Новости нашего Востока“, и не знаю, помѣстятъ ли. Кто такой переселившійся редакторъ „К. В. газеты“ въ Никольскъ и коллизіи этой газеты любопытно знать. Будете ли что писать въ нее? Она получается все и у насъ. Есть, какъ вамъ извѣстно, корреспонденція изъ Енисейска.

Слышали ли объ органѣ молодыхъ литераторовъ польскихъ. Przeglad Tygodniowy, дешевое изданіе—5 р. 50 томовъ, статьи тамъ будутъ Милля, Спенсера, Дрепера, Смайльса, Фараддея, Сѣченова и Писарева. Въ „Вѣстн. Евр.“ хвалять газету и изданіе, это новое направленіе въ Польшѣ. Есть, говорятъ, грузинская газета очень замѣчательная. Но довольно. Видите, какъ я расписался. Буду ждать отъ васъ равносильнаго же вознагражденія

Вѣчно преданный и любящій васъ

Н. Ядринцевъ.

Приписка: Написавъ это цвѣтное*) посланіе, я забылъ упомянуть, что въ подобную же цвѣтную книгу переписалъ стихи и не могъ безъ улыбки увидать, что тамъ 11 стих. о смерти. Это показываетъ временами мое расположеніе духа. Прочитавъ эти стихи, кто нибудь бы подумалъ, что писалъ ихъ непремѣнно самоубійца. Но, можетъ, это, показываетъ, что я наоборотъ требую жизни, кот. можетъ возвратиться только со свободой.

Сверху, сбоку написано: grande lettre.

Письмо XXIX.

Шенкурскъ. 4 марта 1873 г.

Получивши ваше письмо съ извѣстіемъ о полученіи книгъ, я немедленно принялся за выполненіе вашихъ совѣтовъ и темъ, которыхъ вы такую кучу навалили на меня, мой дорогой, но безжалостный другъ. Хотя я не имѣю еще изъ редакціи „Камск. Волжской газеты“ извѣстій, будутъ ли печататься статьи мои и помѣстятся ли „Новости Востока“, но по вашему настоянію написалъ о Японіи: „Возрождающуюся Азію“, [1]) и съ этою же почтою отсылаю. Вотъ суть

[1]) Письмо написано на 5 листкахъ: зеленомъ, розовомъ, сиреневомъ, голубомъ и желтомъ.

[1]) Напеч. въ № 40 «Камско-Волжск. Газ.» за 1873 г. (Ред.).

статейки. Извѣстіе о Японскихъ реформахъ, донесшееся въ Европу. Очеркъ культуры Японіи. Оживленіе Японіи, какъ фактъ знаменательный и для другихъ азіатскихъ странъ. Китай находится въ такомъ же положеніи. Молодой Китайскій императоръ и его манифестъ о женскомъ образованіи. Знакомство Китая съ европейской наукой. Способности китайцевъ. Отзывы Тейлора о китайской наукѣ. Культура и цивилизація Китая, ставящая его въ параллель съ Японіей для воспріятія европейской цивилизаціи.

Другія азіатскія страны. Индія. Цивилизующее вліяніе англичанъ, университетъ и проч. Покушенія англичанъ проложить сношенія съ Южнымъ Китаемъ. Раздѣленіе Средней Азіи между Россіей и Англіей. Проэкты желѣзныхъ дорогъ русскихъ и англійскихъ изъ Индіи. Сношенія съ Туркестаномъ, съ Джунгаріей, Зап. Китаемъ. Пароходы на Сыръ-Дарьѣ. Занятый постъ въ Кульджѣ. Европейская цивилизація охватываетъ Азію съ трехъ сторонъ. Значеніе этого движенія въ исторіи. Сравненіе съ открытіемъ Америки. Пріобрѣтеніе въ духовную среду новыхъ народностей, ихъ способности и важность соединенія съ расами, которыя клали первые камни культуры и цивилизаціи при всходѣ человѣческой исторіи. Картина древней цивилизаціи Азіи. Зарожденіе науки въ Азіи. Наука и открытія браминовъ. Арабская наука. Наука въ Бухарѣ. Азія порождаетъ не однихъ Аттилъ. Великіе люди Азіи, начиная съ Будды, Магомета и проч., кончая Авиценой и Абдулъ Фазилемъ, равнымъ Лейбницу, показываютъ такую даровитость расъ, что едва ли кто нибудь отниметъ у нихъ способность къ высшей цивилизаціи. Несчастіе Азіи были дикія племена, разрушившія ея цивилизованные центры. Несчастіе Китая. Царство кочевниковъ и разбойниковъ въ Азіи кончается. Европейскій Drang nach Osten способствуетъ этому. Приближается время, когда Азія вступитъ на путь мирнаго развитія.

„Чѣмъ отразится слитіе Новаго міра Европы съ старымъ міромъ Азіи, какое оригинальное зданіе водрузится изъ этого объединенія народовъ, когда то разъединенныхъ исторіей,—вотъ вопросы, достойные остановить вниманіе философа-историка“. Все это умѣщено въ сжатомъ видѣ на $1^1/_2$ почтовыхъ листахъ мелкаго письма. Это только начало этой статьи, которую я хотѣлъ писать. Ежели будетъ помѣщено, я, конечно, въ продолженіи коснусь задачъ русской цивилизаціи на Востокѣ. Но я до сихъ поръ не имѣю ручательства, что статьи будутъ помѣщены. Можетъ, я просто очужусь въ дуракахъ, наславши туда статей, и отвлекусь даромъ отъ другихъ работъ. Во всякомъ случаѣ, это на вашей отвѣтственности. Кстати, мы чуть ли ужъ не столкнулись съ вами въ темахъ. Вы написали to be, oz no to be[2]) же-

[2]) Гамлетовское «быть или не быть» (Ред.)

лѣзной дорогой, а я въ первомъ письмѣ тоже говорю о желѣзной дорогѣ по поводу статьи Авесова и привожу выгоды желѣзной дороги, но тутъ же и о промышленности Сибири. Я рѣшительно не знаю состава редакціи и не знаю, есть ли хоть одинъ у нея, который бы могъ вести серьезно дѣло. Ежели она безъ головы, это плохо. До сихъ поръ видно, что редакція не сознаетъ своей задачи. Прошлый годъ я не видалъ газеты, можетъ, она была порядочная. Но нынѣ, ужасъ, что такое! Я получивши ее, началъ подбирать, чтобы послѣ сдѣлать отчетъ о провинціальной газетѣ и характеризовать, какъ она понимаетъ свое дѣло. Знаете, какъ я хотѣлъ назвать статью? „Казанскіе татары". Ежели бы это былъ сборникъ цѣнъ, объявленій, пригодныхъ для города въ родѣ продажи фортепьянъ да перепечатки курьезовъ изъ газетъ, я бы пропустилъ эту газетку и не поднялась бы у меня рука на бѣдную провинціальную газетку, пусть печатаетъ объявленія. Но она старается выставить мѣстный интересъ, и весь интересъ состоитъ въ городскихъ сплетняхъ и самыхъ пошлыхъ извѣстіяхъ, разсказываемыхъ съ бойкостью прапорщика. А, вы слышали, докторъ Н . . а, вы слышали, нѣмцы безъ масляницы остались, а, вы слышали, жена убѣжала?.. Это прихожая съ лакейскими новостями помѣщается впереди газеты, тогда какъ ей мѣсто назади. Въ Америкѣ городская газета имѣетъ смыслъ потому, что тамъ въ каждомъ городѣ широкая общественная жизнь, митинги, лекціи, выборы, а у насъ въ Казани отражается жизнь и будничная сплетня казанскихъ татаръ. Въ Америкѣ обличеніе имѣетъ просторъ, а тутъ приходится выбирать, кого обличить, кого нѣтъ, и приходится, что можно только обличать извощика или горничную. Поэтому у насъ провинціальная газета можетъ существовать, только охватывая интересъ области, чтобы быть живою и касаться общественныхъ вопросовъ. Газета, видимо, вдобавокъ старается литературничать. Это какіе то птенцы, въ первый разъ взявшіеся за перо, у которыхъ въ зобу дыханіе спираетъ кого нибудь уязвить, обличить.

Эти фельетоны какъ будто бы пишетъ Дмитрій Львовичъ [3]) вкупѣ съ Лосевымъ. [4]) Самъ по себѣ уже безцѣльный фельетонъ пошлъ, и усиліе фиглярствовать вызываетъ отвращеніе, а тутъ еще это дѣлаетъ бездарность съ ловкостью медвѣдя, танцующаго кадриль. И зачѣмъ они заразились этимъ фельетономъ, усвоивъ манеру старой пчелки, думая, что это самая литература и есть. Здѣсь выражается и дурной вкусъ и неразвитіе казанскаго студента. Этотъ языкъ: „чахотка въ головѣ", „кислятину изображаешь", „нагъ человѣкъ" и вдругъ—„физіономіи то, доложу вамъ", такъ и вѣетъ старыми

[3]) Учитель гимназіи въ Томскѣ Д. Л. Кузнецовъ (П.)
[4]) Студентъ С.П.Б. университета, сынъ забайк. купца. (П.)

годами казанщины и доморощеннымъ писарскимъ юморомъ за бутылкой водки. А эта театральная манія, этотъ интересъ къ актрисамъ, о которыхъ и въ извѣстіяхъ пишутъ, и въ корреспонденціяхъ, и въ повѣстяхъ изображаютъ, и изъ за которыхъ въ клубахъ дерутся (см. „Искра“ № 4, 5) вѣдь, это—волочащіеся студенты, да клакеры какіе-то.

Вы хотите, чтобы я написалъ туда что такое провинція, но тамъ у меня и говорится о провинціальной литературѣ и литераторахъ-обывателяхъ, т. е. Камск. Волжск. газетѣ. Я вѣдь, долженъ буду сказать: литераторъ-обыватель не понимаетъ никакого другого важнаго событія, кромѣ лужи на большой улицѣ, обѣда у НН, родинъ у Марьи Ивановны, закуски въ клубѣ случившагося пожара и проч.,— словомъ, онъ тотъ же „глуповецъ“, только взявшійся за перо, „онъ также на солнцѣ онучи сушитъ“. Онъ прикрывается только, что ему не о чемъ писать, кромѣ мелочей; но онъ вретъ. Пусть онъ выйдетъ и съ извозчикомъ поговоритъ, можетъ, онъ узнаетъ жизнь хоть одного простого человѣка, а потомъ напишетъ: „я, извозчикъ, стою тамъ то, вожу разныхъ баръ, получаю столько-то, живу у хозяина, сплю подъ лѣсницей“ и т. д., и это будетъ интереснѣе фельетона. Пусть онъ поговорилъ бы съ мѣщаниномъ, съ мужикомъ, онъ нашелъ бы матерьялъ. Но, литераторъ—обыватель не таковъ, Онъ ѣдетъ въ клубъ, въ маскарадъ, заранѣе задавшись цѣлью обличать, затѣмъ обличаетъ плохенькія домино и бѣдные костюмы какихъ нибудь несчастныхъ горничныхъ. (см. Кам. Волжск. газету). А самъ фельетонистъ даетъ понять, что онъ, будто, въ бѣлыхъ перчаткахъ, со шляпою, со стеклышкомъ въ глазу (и все вретъ) стоитъ и смотритъ съ отвращеніемъ на плохія домино, старыя юбченки и подержанныя перчатки. Ему, какъ фешенеблю, надо брилльянты и костюмы á la Louis XIV.... „Ахъ ты, сволочь,“ скажетъ проходящій мѣщанинъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ литераторъ-обыватель на маскарадъ еще съ точки зрѣнія правности непривыкъ смотрѣть. Это все еще барчукъ со своими предразсудками, а жизнь то ужъ ушла впередъ, предразсудки уничтожены, и вмѣстѣ съ благородными чиновниками топчутся горничныя. „Чалдонье“ въ маскарадъ зашло, вотъ что его возмущаетъ. Вы думаете внушить понятіе подобнымъ субъектамъ о серьезныхъ матеріяхъ и мѣстныхъ задачахъ, но какъ вы ни способны культивировать инородцевъ, а съ литераторомъ-обывателемъ трудно что нибудь сдѣлать. Вѣдь, онъ ужъ имѣетъ самомнѣніе.

Мнѣ говорилъ Христофоровъ (типичный казанскій студентъ), живущій здѣсь, что даже въ Казани можно было бы подмѣтить много любопытнаго; напримѣръ, туда является несчастная мордва, ея жизнь

любопытна; около Казани есть деревни „выкрестовъ“, оригинальная смѣсь русскихъ нравовъ съ татарскими, даже по костюму, бросается рѣзко въ глаза: бритая голова и въ пальто, или длинные волосы и въ халатѣ. Эту смѣсь и борьбу цивилизаціи можно было ярко подмѣтить. Наконецъ, онъ же говорилъ, что можно было прислушиваться въ земскихъ собраніяхъ, въ думахъ, въ обществахъ, гдѣ обсуждается общественный интересъ, мнѣнія, которыя часто заглушаются и не принимаются большинствомъ; оффиціальное ихъ названіе „особыхъ мнѣній“. Можно было бы заносить это, и лицамъ этимъ предлагать услуги газеты. Наконецъ, въ газетѣ ничего нѣтъ о жизни университета, о правахъ студенчества и т. п. Это интереснѣе было бы крестинъ у Маріи Ивановны. Нѣтъ ничего о литературѣ и знакомства съ ней публики, по крайней мѣрѣ съ замѣчательными вещами ея. Ежели будутъ помѣщать мои статьи, я напишу и образчикъ фельетона, и образчикъ журнальнаго обозрѣнія для провинціальной публики. Да, мало ли еще что можно было затронуть въ провинціи. О, провинціалы! Намѣренія то есть благія, а способности и умѣнья ни капли. Вотъ тоже въ Харьковѣ Баллинъ на кооперативныхъ началахъ сталъ издавать книги о кооперації, и благія намѣренія, а неумѣлость полная. Изданіе вышло преплохое, а кооперації взяты самыя неудачныя. Что же? пиша рецензію долженъ былъ взбрить. Посылаю въ „Дѣло“. Ужъ не при сихъ ли убожескихъ трудахъ и задачахъ состоитъ Андрей Александровичъ? Промѣнялъ онъ кукушку на ястреба.

Для рецензій я выписалъ „Путешествіе Бутина по Америкѣ“ и Славинскаго—то же. Бутинъ мѣстами, кажется, говоритъ и о своей родинѣ, это даетъ случай написать: Америка ли Сибирь? и погладить соотечественника противъ шерстки. На статью о Сперанскомъ я вполнѣ согласенъ, прочтите Вагина, послѣ книжку и мнѣ пришлите, хоть на время.

Клиндера газету, я не знаю, скоро ли придется получить. Я просилъ С. С., чтобы онъ написалъ въ Иркутскъ о ея присылкѣ. А Благосу снова сдѣлалъ вопросъ о вашихъ „Лютыхъ дняхъ“, ранѣе онъ забылъ отвѣтить. Есть объявленіе о 2-й книгѣ „Дѣла“, но продолженія романовъ ни Омулевскаго, ни Каразина не появилось. Вѣроятно, не пропущены. О романѣ Каразина когда придется писать рецензію, я сдѣлаю выписку изъ рѣчи Борка о пріѣзжихъ англичанахъ въ Индіи и о голландцахъ на Явѣ.

Читаю Тейлора съ удовольствіемъ. У него попадаются такія мѣста: „Рабство, имѣвшее мѣсто у дикихъ и варварскихъ племенъ, было, въ сущности, гораздо лучше того, какое цѣлые вѣка существовало въ позднѣйшихъ европейскихъ колоніяхъ“. То же говоритъ и о пра-

вленіи. У Тейлора есть много фактовъ о вырожденіи и о смѣси съ инородцами, также объ одичаніи при жизни въ захолустьяхъ, куда цивилизація не проникаетъ. Но Тайлоръ абсолютно говоритъ противъ вырожденія въ состояніи дикости. Напротивъ, ассимиляція низшихъ расъ съ высшими вела къ постоянному возвышенію и совершенствованію типа, т. е. смѣсь съ инородцами въ концѣ приведетъ къ тому же уравненію. „Въ настоящее время кажется, что если нѣкоторыя вѣтви какой-либо расы своею культурою значительно превосходятъ остальныя, то это различіе происходитъ чаще путемъ возвышенія, чѣмъ упадка. Но такое возвышеніе легче можетъ быть произведено иноземнымъ, чѣмъ туземнымъ вліяніемъ". Изъ высокаго уровня цивилизаціи не можетъ быть вырожденія.

Вырожденіе, однако, дѣйствуетъ сильнѣе при низшей культурѣ. Варварскіе народы способны легко подвергаться принижающимъ вліяніямъ. Наконецъ, столкновеніе высшихъ съ низшими расами можетъ повести къ средней. Единственнымъ рецептомъ изъ этихъ выводовъ выходитъ цивилизація и снабженіе ею народовъ, имѣющихъ призваніе или необходимость ассимилировать инородцевъ. Это аргументъ, что колоніи особенно должны быть снабжаемы цивилизующими средствами А бываетъ—всегда напротивъ. У Тейлора я нашелъ описаніе колоній Томы на берегахъ Чернаго моря, сдѣланное въ стихахъ Овидіемъ, гдѣ греческое населеніе было смѣшано съ варварами, которыхъ увозили въ плѣнъ сарматскіе наѣздники.

Пѣснь Овидія есть пѣснь посельщика, рисующая рѣзкія черты колоніи.

Эта не кроетъ сторона богатыхъ и цѣнныхъ металловъ,
Хищный набѣгъ грозитъ пахаря мирнымъ трудамъ.
Яркій багрецъ на каймѣ алѣетъ твоихъ покрововъ,
Но не въ сарматскихъ водахъ добыта краска его
(Носятъ, значитъ, привозный кумачъ).
Жестко руно овецъ, богини Паллады искусство
Здѣсь въ удѣлъ не дано женамъ въ семьѣ томитянъ
(какъ и томичанъ также)
Шерсти не треплютъ онѣ, а дары молотятъ Цереры.
Или, на темя подъявъ, носятъ сосуды съ водой (вѣрно).
Нѣтъ виноградныхъ гроздей, обвитаго лозами вяза
(какъ у насъ въ Симбирской губерніи).
Ты не увидишь вѣтвей, согнутыхъ ношей плодовъ
(у насъ яблоки то, дули!)
Жалкой травой заросли равнины пустыни,
Горька эта трава, горьки растенья ея.
Ovid. III. 8. Ex Ponto.

Гдѣ бы достать этого Овидія? Тамъ, навѣрное, есть драгоцѣнности, судя по этимъ стихамъ. Я давно уже хотѣлъ избрать себѣ псевдонимъ Овидія съ Томи, употребляя его при случаѣ,и даже мой родственникъ попъ сравнивалъ мою посельщицкую тоску съ грустью Овидія A propos,—и я съ Томи. Каламбуръ о Томи и стихи Овидія я также думалъ вложить въ уста Брониславa въ романѣ. Это былъ-бы Свифтофски-классическій каламбуръ Припомните Свифта. Mantua ovae по поводу разбитой кремоновской скрипки мантильей). Ваныкинъ, проѣзжая задумчиво по тайгѣ, смотритъ на спину конюха, одѣтаго въ рубаху съ кумачными ластовицами, вдругъ почему то у него всталъ въ памяти стихъ Ромуальда:“ Яркій багрецъ на каймѣ твоихъ алѣетъ покрововъ, но не въ сарматскихъ водахъ добыта краска его“.

Кстати о „Тайжанахъ“,—я окончательно утверждаюсь въ мысли написать ихъ въ сжатомъ видѣ и хочу все с вое похерить. Тутъ вопросъ знаете, фатальный: или представитъ эстетическую картину таежной жизни, съ елико возможно меньшей тенденціозностью, и тогда насъ эстетикъ похвалитъ, или прибавить направленія, каламбуру, намеки, но это будетъ нѣчто публицистское, но въ эстетическомъ отношеніи—вещь плохая. Обѣ эти стороны непримиримы. Лично я бы пренебрегъ эстетикой, но знаю, что вы этого не допустите, а въ концѣ концовъ нашъ романъ не пустятъ и въ журналъ. У Тайлора также есть множество фактовъ объ оставшихся предразсудкахъ и суевѣріяхъ, и я припомнилъ Canad, о которомъ у него есть.

Въ запоздавшей „Бесѣдѣ“ вышло продолженіе статьи объ Америкѣ по Дреперу. Тамъ говорится, что Америка намѣрена нынѣ оставить старую политику невмѣшательства въ европейскія дѣла и намѣрена поддерживать и вносить сюда новое движеніе и американскія начала. Авторъ статьи, Трачевскій, ждетъ обновленія Европы изъ Америки. Замѣчательно также, что Дреперъ склоняется къ необходимости въ Америкѣ централизма. Такъ мѣняются потребности. Въ сущности, кажется, какъ та, такъ и другая идея можетъ требоваться по обстоятельствамъ и по противовѣсу какому—нибудь чрезмѣрному развитію другой.

Историческія условія и жизнь у каждаго народа въ данную минуту могутъ быть различны (это обусловливается, конечно, періодами историческаго развитія и разницею возрастовъ). Поэтому мѣстные вопросы не есть, кажется мнѣ, только одни территоріальные, вызванные мѣстными физическими и природными особенностями, но и историческіе, они вопросы времени, кромѣ вопросовъ пространства. Тутъ также, какъ и въ организмахъ, мало того, что каждый организмъ можетъ отличаться нѣсколько отдѣльной организаціей: одинъ толстъ,

другой худъ, у этого желудокъ развитъ, а у этого голова, но эти организмы, живя каждый особо и не имѣя еще общаго историческаго table d' hôt'a, въ разное время имѣютъ особые позывы, обусловливаемые потребностью ихъ желудка въ разное время. Одинъ уже пообѣдалъ и пьетъ кофе, а другой еще селедкой закусываетъ Человѣкъ, пьющій послѣ обѣда шоколадъ или кофе, будетъ съ отвращеніемъ смотрѣтъ на закусывающаго селедкой, но, вѣдь, это потому, что онъ свою селедку раньше съѣлъ, и желудокъ его находится совершенно съ другими позывами. Мнѣ кажется, что нашъ промышленный вопросъ-тоже селедка. Не развивайте своихъ мануфактуръ, не ѣшьте селедки, отъ нея стошнитъ.—Да, хорошо вамъ, милостивый государь, это говорить, когда вы ужъ покушали, а я еще не обѣдалъ, да и не закусывалъ. Американцы также, пообѣдавши децентрализаціей, пожелали дессерта изъ централизма, а на завтра, или къ вечеру-же, можетъ, опять захотятъ пообѣдать тѣми-же блюдами. Мнѣ кажется, что космополиты, стараясь нивеллировать историческую жизнь всѣхъ народовъ, внезапно вообразили, что они уже ее нивеллировали, это перенесеніе желанія на дѣйствительность бываетъ въ человѣческой логикѣ, поэтому, мѣряя всѣ потребности мѣркою извѣстныхъ потребностей европейскаго общества, преподносятъ только одинъ вопросъ, который должны разрѣшить, ибо они убѣдились, что разрѣшеніе этого вопроса тамъ настоятельно. Они приглашаютъ кучу народа откушать. Гости бросаютъ домъ и являются, одинъ еще чаю не пилъ, другой гречневой кашей облопался, третій только что рюмку водки успѣлъ выпить, но не закусилъ, а вѣжливый хозяинъ съ улыбкой выноситъ всѣмъ по чашкѣ шоколаду. Онъ увѣряетъ, что это превосходнѣйшее питье для сваренія желудка, и даже для питанія. Вдругъ, съ однимъ изъ гостей случается скандалъ, съ тѣмъ, который выпилъ рюмку водки. Подлецъ-желудокъ измѣнилъ! какъ воскликнулъ я въ одной пріятной бесѣдѣ у штабсъ-капитана Гинкена. Когда вы сами будете со временемъ въ интеллигентномъ столичномъ обществѣ, когда васъ будутъ угощать этою чашкою шоколада, вы припомните это пріятное ощущеніе. Мужикъ и чалдонъ еще будетъ болѣе дикъ относительно угощенія. Онъ superbe juge de son ventre! Я согласенъ съ Галіани. Американская жизнь даетъ поразительные уроки. Дреперъ говоритъ, что Америка обязана своимъ процвѣтаніемъ промышленности и мануфактурѣ, всѣ силы народа были сосредоточены на ней. Многіе негодовали за промышленный духъ, за торгашеское направленіе здѣсь, какъ напр. Пьеръ-Жакъ. Но народъ, вѣрно, какъ человѣкъ, не можетъ все творить разомъ. Онъ былъ занятъ созданіемъ своего шалаша, онъ говорилъ: не вмѣшивайтесь въ постройки сосѣдей, пусть они сами строятся, а когда мы свой шалашъ

покончимъ, такъ другимъ поможемъ (такъ и хотятъ теперь дѣлать) а то—не себѣ и не другимъ. Еще считаютъ недостаткомъ Америки отсутствіе въ ней людей съ высшимъ административнымъ талантомъ, наконецъ, отсутствіе такой высоко-ученой интеллигенціи, какъ въ Европѣ. Дреперъ уже по этому поводу думаетъ; кажется, объ аристократіи, которая одна можетъ дать интеллигенцію, имѣя досугъ и средства. Но какъ замѣтилъ Бокль, что Америка представляетъ и занята была распредѣленіемъ просвѣщенія въ массѣ, а не сосредоточеніемъ его. Благодаря этому, могутъ только держаться ея учрежденія. Это даже замѣтилъ японецъ Мори въ статьѣ, помѣщенной у Чарльза Лемана: „Японія и Америка“. Погруженная опять таки всѣми духовными, силами въ эту работу равномѣрнаго распредѣленія, она не могла, не успѣла еще выдвинуть высшее образованіе въ полной силѣ. Она просто крыла свой шалашъ и покрыла, теперь она запоетъ пѣсню. А ее хотятъ упрекнуть, этого дѣятельнаго работника въ менѣе чѣмъ въ 100 лѣтъ, создавшаго первое государство въ мірѣ, какое могли только производить тысячелѣтія, отчего онъ не поетъ руладъ. Да, вѣдь, вонъ, кто пѣлъ рулады, то даже и балаганъ то не успѣлъ покрыть, вонъ, крыша то съ Парижской ратуши какъ грохнула, и Вестминстерское аббатство покосилось, надо новый фундаментъ подводить. (Поземельный вопросъ, сирѣчь).

Я жалѣю, что вы не написали въ „Дѣло“ статью о моей книгѣ. Ткачевъ не пишетъ, и не знаю, напишетъ ли. Есть такіе публицисты-„вали по всѣмъ“, все они забираютъ въ руки, все имъ обнять хочется, такой же и Ткачевъ, „поповскіе глаза“. Это разбрасываніе—à ля Шелгуновъ, тоже не послѣдній недостатокъ космополитизма. Ежели хотите писать въ „Недѣлю“, и то ладно. Характеристика бродяги и ссыльнаго можетъ дать вамъ поводъ характеризовать человѣка безъ отечества, безъ патріотизма. У него нѣтъ поля, семьи, нѣтъ уголка, на которомъ онъ съ любовью бы остановилъ взоръ. Любовь изглаживается изъ его сердца, люди передъ нимъ, какъ шахматы какіе то. Нѣтъ у него къ нимъ симпатіи, нѣтъ связи съ обществомъ, нѣтъ у него тутъ своего интереса, и къ чужимъ онъ чужой. А вмѣстѣ съ этимъ потерялось и всякое воодушевленіе къ труду, къ подвигу, къ героизму, къ самопожертвованію, т. е, все, что возвеличиваетъ и облагораживаетъ человѣческую природу.

Вы хотите сравнить его съ дикаремъ инородцемъ и показать его отступленіе отъ культуры. Прекрасно! Вотъ вамъ выписка изъ Тейлора: „Если бы мы вздумали сравнить, говоритъ Тейлоръ, папуасовъ Новой Каледоніи съ обществами европейскихъ нищихъ, воровъ, мы бы должны съ грустью признать, что среди насъ самихъ находится нѣчто худшее дикарей“. (Перв. Культур. с. 39). По поводу добродѣтелей

бродяжества можете привести тоже слова Тейлора: „О караибахъ разсказывали, что это добродушный, скромный, вѣжливый народъ, до такой степени честный въ сношеніяхъ между собою, что ежели въ домѣ исчезала вещь, они простодушно говорили: „здѣсь былъ христіанинъ“. Однако же утонченная жестокость, съ которою эти почтенные люди мучили своихъ военноплѣнныхъ ножемъ, огнемъ, краснымъ перцемъ, и затѣмъ жарили и съѣдали ихъ, подала справедливо поводъ тому, что имя караиба (каннибала) сдѣлалось на европейскихъ языкахъ синонимомъ людоѣда“. (Rochefort „Hes Antilles“, p. 400—480) „Когда мы читаемъ описаніе гостепріимства, кротости, храбрости и религіозности американскихъ индѣйцевъ, мы согласны, что они заслуживаютъ нашего удивленія, но мы не должны забывать, что ихъ гостепріимство переходитъ въ недостатокъ, что ихъ кротость при малѣйшемъ неудовольствіи переходитъ въ бѣшенство, что ихъ храбрость запятнана жестокостью и предательствомъ“. (Тейлоръ, с. 27) Одинъ мой знакомый замѣтилъ, когда я говорилъ съ нимъ объ инородцахъ: „правда, дикари отдадутъ все вамъ, но и сами не задумаются ночью убить васъ подъ вліяніемъ наивнаго и мгновеннаго желанія отобрать, что ему нравится. Желаніе и инстинкты его неудержимы. Бродяга также живетъ инстинктомъ, минутой онъ беззавѣтенъ, все отдастъ, но когда ему захочется—все возьметъ. Привязанность къ чему-нибудь—есть уже культура, а у него это культурное чувство потеряно. Очеркъ вашъ объ инородцахъ въ тюрьмѣ, буду ждать. Это мнѣ случай для новаго тюремнаго очерка. Напишите о Камско-Волжской газетѣ, что тамъ за редакторъ.

Преданный *Н. Ядринцевъ.*

Письмо XXX.

14 марта 1873 г. Шенкурскъ.

Милѣйшій другъ, прошлый разъ я побранилъ вашу „Камско-Волжскую газету“, но потомъ и смиловался. Этому бѣдному волжскому бурлаку я послалъ теперь до 5 статей, кромѣ напечатанныхъ „Новостей Востока“. Статьи эти, какъ и мои симпатіи, обнимаютъ двѣ категоріи вопросовъ: провинціальную мѣстную жизнь и Азію. Я даже написалъ спеціальную статью о казанскомъ обществѣ и его отношеніи къ литературѣ. Поводомъ мнѣ послужила корреспонденція изъ Казани въ „С. Петербургск. Вѣдомости“ о количествѣ выписываемыхъ журналовъ въ Казани и объ уменьшеніи подписки на 400 экземпляровъ на сей годъ. Сдѣлавши рубрики журналамъ, я указалъ, какую тутъ роль играютъ журналы консервативные, педагогическіе и проч. Наконецъ, далъ выговоръ провинціальному обществу за охлажденіе

къ литературѣ. „Литературой можно быть недовольнымъ, можно болѣть за нее, но это не значитъ бросать книгу, отвыкать отъ чтенія“. Наконецъ разобралъ вопросъ, дѣйствительно ли выше стало общество литературы и предубѣжденія къ ней. 2-ю статью я посвятилъ статической картинѣ о количествѣ подписчиковъ по губерніямъ на число жителей, о количествѣ выпускаемыхъ провинціальныхъ изданій въ сравненіи съ столичной литературой. Закончилъ желаніемъ развитія провинціальной литературы. 3-я статья „Возрождающаяся Азія“, 4-я—„Новости нашего Востока“. На основаніи печатныхъ извѣстій о нашихъ проектахъ по поводу завоеваній, увлеченій желѣзными дорогами и проч. и тутъ же отчетъ Забайкальской миссіи о томъ, что ламаизмъ проникаетъ въ Забайкалье, наперекоръ христіанству, и объ обращеніи инородцевъ. Тутъ же по поводу образованія инородцевъ прибавляю извѣстіе о киргизскомъ султанѣ Нураліевѣ, котораго „Русскій Міръ“ съ Комаровымъ (извѣстный пасквилянтъ, замѣнившій Скарятина) заставилъ разыграть передъ публикой шута и претедента на Хивинскій престолъ. Вкупѣ эта корреспонденція получила характеръ отъ начала до конца сдержанной иронiи. И въ этомъ удачномъ тонѣ я теперь буду продолжать „Новости Востока“. Наконецъ я просилъ одного юношу здѣсь, не имѣющаго мѣста въ Петербургской журналистикѣ, но способнаго писать, составить обзоръ послѣднихъ журналовъ для провинціи. И эта статья отослана. Будемъ ждать, что пройдетъ и заслужитъ печатанія. Что же ваши статьи не появляются въ „К. Волжской газетѣ“, или мы выйдемъ подъ ручку? Тогда очень радъ. Получилъ № 25 и 26—пустыня! Я начинаю угадывать тонъ, какимъ задались нѣкоторые сотрудники, такъ наприм. авторъ фельетона „Какъ будто правда“, № 23—о Фаустѣ. Авторъ не безъ способности писать и обладаетъ юморомъ, но тонъ онъ заимствовалъ изъ петербургской журналистики, тонъ, этотъ—высокомѣрное презрѣніе ко всякимъ проявленіямъ провинціальной жизни, ко всему провинціальному. Это и не могло быть иначе. Образованность въ провинціи начинается съ самоотреченія, съ насмѣшки надъ провинціей въ тонъ Петербургу. Мы вѣдь всѣ холопы столичной литературы. Намъ надо только одни курьезы подмѣчать въ провинціи, одно тупоуміе. Что видитъ петербургскій литераторъ въ провинціи? Прекрасный матерьялъ потѣшиться, высказать ей презрѣніе, но не научить ея. Онъ радъ порисоваться, показать высоту своего развитія. Съ этой высоты онъ и, относится ко всѣмъ явленіямъ русской жизни. Что ему Гекуба, что ей! Онъ человѣкъ кружка, замкнутаго въ столицѣ, у него есть 5, 6 пріятелей, которыми онъ дорожитъ, которые въ немъ уважаютъ человѣка, стоящаго выше Россіи, человѣка, готоваго мѣтко поиронизировать и мало вѣрующаго въ россійскій прогрессъ и россіянъ. Чѣмъ

онъ будетъ скептичнѣе, недосягаемѣе, чѣмъ онъ болѣе будетъ трунить и все презирать, тѣмъ онъ будетъ выше, загадочнѣе для своихъ друзей. До остального ему—плевать. Таковы всѣ петербургскіе олимпійцы, этотъ взглядъ самоувѣренности и высоты корпораціи отражается даже и на прихвостняхъ, какъ Суворинъ, Буренинъ etc. Типъ этотъ Щедринъ назвалъ „Неуважай-корыто“. Людямъ этимъ, какъ я сказалъ, провинція-матерьялъ для курьезовъ.

— „А вы слышали, тамъ то мировой плюху далъ... а вонъ женщину растлили, а вонъ мужика задрали, а вонъ въ клубѣ земледѣльцы подрались“—и т. д. И картиной этой писатели довольствуются. Но вотъ, что всегда забываютъ, что подъ провинціей всегда разумѣютъ только „кадыковъ“, верхніе слои, обладающіе полу-цивилизаціей; желая захватить все лучшее, эти люди, какъ писаря и камердинеры, захватили у своихъ господъ только черное бѣлье. Жизнь этихъ кадыковъ и имѣютъ въ виду. Но кадыки ли одни живутъ въ провинціи и нѣтъ ли за кадыками кого другого, интересы, нужды и желанія кого слѣдуетъ отыскивать? Вотъ еще вопросъ, на который провинціальные литераторы глухи. Провинціальный литераторъ любитъ бить съ носка, онъ начинаетъ съ обличенія „кадычьей жизни“, но дальше—дальше онъ и не постигаетъ, что дѣлать. У него далѣе не выдвигается никакого идеала, нѣтъ ничего, что бы ему было дорого, у него нѣтъ новой идеи, которую бы онъ постоянно выдвигалъ въ замѣнъ старой провинціальной жизни. У него, словомъ, нѣтъ вѣрованія. Этотъ идеалъ для провинціи еще надо вырабатывать, потому что столичная журналистика его не создала. Этотъ идеалъ можетъ бы предписалъ провинціальному журналисту удариться въ другія сферы и бросить кадыковъ и ихъ обличеніе, онъ бы заставилъ спуститься къ народу и и увидѣлъ бы здѣсь обновленіе провинціи, ея тѣсное единеніе съ народомъ, близость свою къ массѣ и понялъ бы нѣкоторыя ея выгоды, такъ какъ поставилъ бы себѣ задачею способствовать ея воспитанію и развитію мѣстныхъ интересовъ. Я именно такъ смотрю на провинцію, я бы желалъ создать для нея „новый завѣтъ“, я бы презрѣлъ рутину столичнаго журнализма, его разъединеніе съ народомъ и его презрительно гордое отношеніе къ жизни массъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого мои статьи будутъ носить слѣдъ нѣкоторой восторженности къ тому, что привыкли только презирать и надъ чѣмъ смѣяться. Ежели мое отношеніе къ провинціи сочтутъ за наивныя увлеченія россійскимъ прогрессомъ и потаканіемъ провинціальной апатіи, это только покажетъ, что люди сами не понимаютъ своихъ задачъ въ провинціи и не имѣютъ никакого идеала.—Лакеи! только скажу я имъ. О лакействѣ провинціальнаго общества, о подражаніи всему столичному (исключая только хорошее) я напишу вскорѣ

особый фельетонъ въ щедринскомъ духѣ. Теперь я высылаю только застрѣльщиковъ.

Главную идею должны будутъ пояснить статьи" Qu'ect-ce que la province?" которыя я помѣщу не вдругъ. А сначала буду щекотать этотъ вопросъ, то съ той, то съ другой стороны. Наша здѣшняя интеллигенція смотритъ на сотрудничество въ „Камско-Волжской газетѣ" презрительно, одинъ только бывшій казанскій студентъ, умница, о которомъ я вамъ писалъ, раздѣляетъ симпатіи къ провинціальнымъ дѣламъ. Я собралъ матерьялъ о цивилизаціи, которую вносятъ казанскіе и румынскіе татары въ Бухару; цивилизація эта состоитъ только въ бешметахъ и самоварахъ. О Казани, какъ единственномъ до сихъ поръ цивилизованномъ постѣ для Востока и инородцевъ, я нѣчто начерчу, также какъ коснусь цивилизаціи татаръ и много ли ихъ оцивилизовали, о роли университета по отношенію къ инородцамъ и о прочемъ... Мой философско-историческій трактатъ о слитіи съ инородцами и азіатскими народностями, о выгодахъ и невыгодахъ этого слія-нія, явился слишкомъ серьезнымъ и научнымъ, а потому я посмотрю еще, умѣстно ли его помѣстить въ „К. В. газету" или придется послать въ другое мѣсто.

На дняхъ прочиталъ объявленіе въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" о выходѣ въ „Недѣлѣ" статьи „Судьбы Сибири", это былъ истинный сюрпризъ неизвѣстнаго друга. Глубоко опечалился, что не могу прочесть, ибо статьи моей въ „Недѣлѣ" не было, а потому ея не высылали. Какъ вдругъ получилъ съ прошлой почтой и „Недѣлю" неизвѣстно изъ какого снисхожденія присланную. Это № 6, 7, 8 и 9 и хотя „Судьбы Сибири" еще нѣтъ, но надѣюсь увидѣть. Еще и другой маленькій сюрпризъ. Въ „Дѣлѣ" окончена „Англичане и Индостанъ" и въ концѣ говорится о „Возрожденіи Азіи" и какъ о будущемъ центрѣ цивилизаціи. Серафимъ, скептическій Серафимъ, и тотъ удивилъ. Слово въ слово о томъ же у меня послана статья въ „Бурлака"[1]). Возрожденіе Азіи надо будетъ разработать поосновательнѣе. Еще будетъ сюрпризъ. Серафимъ пишетъ хронику, гдѣ будетъ говориться и о Средней Азіи. По обыкновенію для сего онъ воздвигъ порядочные лѣса, то есть перечиталъ исторію Средне-Азіатскаго вопроса. Тутъ же хотѣлъ помѣстить и кое-что изъ показаній Мирзы. Наконецъ, увидѣлъ я извѣстіе въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" о доставленіи въ Географическое Общество карты инородцевъ Томской губерніи и „подробной записки"[2]) члена сотрудника, о коей Семеновъ упомянулъ въ отчетѣ съ должнымъ почтеніемъ. Къ сожалѣнію, далѣе отравила мое расположеніе духа выходка Венюкова, которому пору-

[1]) Т. е. въ Камско-Волжск. газету» (Ред.).
[2]) Карта эта была съ запиской составлена Гр. Ник. Потанинымъ.

ченъ былъ просмотръ этого труда. Г. Венюковъ замѣтилъ, что карта не совсѣмъ полна, хотя и..., а записка, по *выправкѣ автора* можетъ быть и напечатана. Не тотъ ли это офицеръ Генеральнаго Штаба, авантюристъ и шарлатанъ, который огорашиваетъ петербургскихъ ученыхъ новыми данными и корчитъ спеціалиста, будучи просто недобросовѣстнымъ вралемъ и нахаломъ. Кажется, про него разсказывалъ Соколовъ, что онъ, послѣ смерти извѣстнаго геодезиста или топографа (Лебедева,[3]) что ли,—вы еще съ нимъ были знакомы), укралъ выкладки и описанія и выдалъ за свои. Я знаю много такихъ нахаловъ и шарлатановъ. Типъ ихъ—Чубинскій, бывшій въ Архангельской губерніи секретаремъ статистическаго комитета, человѣкъ, бравшій горломъ и хвастовствомъ, самый посредственный человѣкъ въ знаніяхъ, но умѣвшій *самъ себя* прославить между петербургскими учеными обществами. (Я ему, впрочемъ, много обязанъ и личныхъ непріязней не питаю). Такимъ людямъ-лафа. Когда я пришелъ къ Ушарову (онъ въ больницѣ, selon la soutume), то нашелъ его возмущеннымъ тоже Венюковымъ. Напишите-ка, кто такой Венюковъ, мнѣ нужно это знать, и не имѣли ли какихъ столкновеній съ нимъ? Еще пріятная новость. Я узналъ, что Александръ Дмитріевичъ Шайтановъ вовсе не въ безнадежномъ состояніи, и что многіе слухи о немъ были несправедливы. Онъ занялся окончательно технологіею. Подбилъ Пинежскихъ негоціантовъ основать заводъ для моховки, (основанъ въ 30.000 рублей), вызываетъ основать поташный заводъ и проч. Со многими производствами, какъ напримѣръ, съ выдѣлкой бульоновъ, онъ познакомился. Теперь онъ освобожденъ 2 мѣсяца тому назадъ и поѣдетъ весной въ Усть-каменную. Я ему послалъ воодушевляющее письмо и скоро получу отвѣтъ. Не мѣшало бы, чтобы онъ навѣстилъ насъ и утѣшилъ. Я предлагаю ему написать записку о промышленности Востока для прочтенія или передачи въ Тюменское Общество для содѣйствія торговлѣ и промышленности. На Шайтанова наврали мнѣ пріѣзжіе доктора, сами послѣдняго рода шваль и пьянчужки. Извѣстно же, что у обыкновенныхъ людей не считаютъ недостаткомъ, или тѣ отдѣльные случаи, которые въ своей средѣ легко прощаются, по отношенію къ ссыльному могутъ казаться вещью чудовищной. Это ужъ фактъ. Кажется тутъ будь хоть святой, такъ и то не убережешься отъ пересудовъ.

Еще о журналистикѣ. Она серьезно начала знакомить читателей съ Средней Азіей по поводу похода на Хиву. Статьи о ней—и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ „Вѣстникѣ Европы“, и въ „Бесѣдѣ“, и въ „Всемірномъ Путешественникѣ“. Замѣчательно, что во

---

[3]) Голубева (п.)

всѣхъ статьяхъ у Петровскаго въ „Вѣстникѣ Европы“ и у Каульбарса въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ господствуетъ одинъ тонъ, одно убѣжденіе, что съ Средне-Азіатскими государствами и ханствами не можетъ быть договоровъ, что ежели мы не возьмемъ силой, то это покажетъ нашу слабость. Можно было бы бы предположить, что это основательно выходитъ изъ знакомства съ Средней Азіей различныхъ авторовъ и наблюдателей. Какъ вдругъ неожиданно встрѣтилъ въ статьѣ „Всемірнаго Путешественника“, что эти мнѣнія заимствованы „навозомъ“ и давно высказаны въ замѣткѣ генерала Безека[1]). Признаюсь, ново! А русская журналистика полагаетъ все это очень важнымъ наблюденіемъ. О, столичные прогрессисты! вѣрно, ваша участь всегда довольствоваться матеріаломъ и обрывками соображеній съ заднихъ дворовъ оффиціальности, изъ сокровищницы околоточныхъ надзирателей. Замѣтьте, въ этой журналистикѣ въ то же самое время ни слова не упоминается объ усиленіи образовательныхъ средствъ на Востокѣ, о необходимости цивилизаціи новыхъ народовъ и о мирномъ сліяніи съ ними.

Я читаю теперь Дрепера, но такъ какъ мнѣ придется писать о немъ, то я его штудирую и рядомъ просматриваю Банкрофта, выходитъ нѣчто прелестное. Вы знаете, что колониз. очерки мои остановились передъ трудною задачею излагать исторію первой англійской колоніи Америки. Пережевывать прежнее не хотѣлось. Теперь нашелся новый богатый матеріалъ. Теперь можно провести на Америку философско-историческій взглядъ, конечно, отмѣчая тѣ черты, которыя любопытны для насъ. Между прочимъ, замѣчательна параллель земледѣльческаго Юга и мануфактурнаго Сѣвера. Даже въ спеціальной отрасли Юга въ земледѣліи, и то мануфактурные Сѣверные Штаты опередили его на 50.000.000 доходовъ (ежегодно). Сѣверъ на одномъ сѣнѣ выручаетъ болѣе, чѣмъ Югъ на хлопкѣ, табакѣ и рисѣ ensemble Наконецъ, по общей оцѣнкѣ выходитъ, что общая сумма богатствъ вдвое на Сѣверѣ, чѣмъ на Югѣ, принимая во вниманіе даже высокую цѣну рабовъ. Одинъ штатъ Нью-Іоркъ могъ скупить 8 невольничьихъ штатовъ и у него осталось бы еще полтораста милліоновъ долларовъ. Сравнительно съ Югомъ, у Сѣвера вдвое больше войска, впятеро—кораблей, вшестеро—дохода, всемеро—питейнаго сбора, вчетверо—школъ, вшестеро—учащихъ, впятеро—газетъ. И послѣ этого говорятъ еще, что мануфактурное развитіе страны поведетъ къ худшему. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Михайловскій, какъ дятелъ, долбитъ все одну мысль: политическая свобода, свобода прессы, промышленность, всѣ плоды цивилизаціи ничего не стоятъ и не стоитъ ихъ добиваться, на-

---

[1]) Оренбургскій ген.-губернаторъ. (П.).

до имѣть въ виду одинъ соціально-экономическій Бельведеръ. Но Боже мой! развѣ онъ строится безъ другихъ средствъ, развѣ цивилизація не пришла къ идеѣ объ этомъ бельведерѣ, только благодаря своимъ свободнымъ учрежденіяхъ. И развѣ въ Средней Азіи или Индіи, напримѣръ, умѣстно теперь мечтать только объ этомъ бельведерѣ и проповѣдывать его инородцамъ, когда на очереди борьба съ суевѣріемъ, съ магометанизмомъ, когда необходима борьба за свободу международныхъ сношеній, за просвѣщеніе, за право слова чужестранной цивилизаціи въ средѣ народовъ дикихъ и темныхъ. Нѣтъ! только тотъ можетъ подвинуть жизнь, только тотъ можетъ совершить великія задачи, кто понимаетъ задачи историческаго момента, кто подсаживаетъ народъ на слѣдующую ступеньку для того, чтобы достигнуть когда-нибудь верха пирамиды. Не обращать вниманія на жизненныя задачи, на ходъ жизни и съ презрѣніемъ относясь ко всему посредствующему, думать только о прекрасномъ бельведерѣ, замкнувшись въ свой кабинетъ,—это можетъ только петербургскій литераторъ, его упоеніе—западное движеніе. Но чѣмъ оно достигнуто? развѣ не той же кропотливой работой, которую онъ презираетъ? Да, мнѣ кажется, надо начинать съ мелочей, и да посвятитъ себя самый горделивый философъ интересу массъ, какъ мы готовы посвятить себя бѣдной провинціальной газетѣ. Отъ васъ жду писемъ.

Вашъ провинціалистъ *Н. Ядринцевъ.*

Готовлю статью въ „Сибирь“ Клиндера о золотопромышленности.

Серафимъ выписалъ энциклопедію Американской литературы.

Освобожденіе Шайтанова привѣтствовалъ и стихомъ (копію доставлю).

Письмо XXXI.

Шенкурскъ, 18 марта 1873 года.

Милый другъ, Григорій Николаевичъ. 2 письма вашихъ, разомъ посланныя, я получилъ, и Серафиму его письмо передано. Онъ вамъ будетъ писать особо съ нынѣшней почтой или съ будущей. Вы мнѣ, мой другъ, столько предложили темъ и задачъ, для Камско-Волжской пріятельницы, что мы, пожалуй, забудемъ и Клиндера. „К.-В. Газета“ едва ли такъ будетъ сильно распространена на Востокѣ. Для нея, кажется, надо исключительно посвятить разработку провинціальнаго вопроса, и развѣ тѣ корреспонденціи, которыя, по язвительному тону, не могутъ быть помѣщены у Клиндера. Во всякомъ случаѣ, получивъ извѣстіе, что для „Кам-Волж. Газеты“ я тружусь усердно, вы будете

успокоены. Все будетъ зависѣть отъ готовности ихъ помѣщать мои статьи, что придастъ мнѣ энергію.

Къ сожалѣнію, вы не пишете, гдѣ вы читали мой отвѣтъ Авесу. Напечатанъ онъ въ „Недѣлѣ“ или нѣтъ? Я получилъ ее, номера 4, но статьи тамъ ни своей, ни новой вашей не видѣлъ. Вы недовольны, конечно, маленькой замѣткой „Новости Востока“. Но я ей и не придавалъ особаго значенія, она написана въ вечеръ, по памяти и безъ бойкости, даже со скромностью, не зная условія газеты и ея требованій. Теперь могу писать вдохновеннѣе и игривѣе.

Знаете ли, какой важный вопросъ поднятъ снова въ газетахъ относительно нашего Востока? Это вопросъ—опять административный. При Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Деспота-Зеновича и съ участіемъ Венюкова, имѣющая цѣлью обсужденіе новаго административнаго раздѣленія Сибири. Венюковъ высказалъ свое мнѣніе въ Географическомъ Обществѣ объ этомъ. Онъ полагаетъ два пограничныхъ генералъ-губернаторства: въ Средней Азіи и на Амурѣ, съ присоединеніемъ Приморской области, для Сибири же, собственно, полагаетъ нужнымъ отдѣлить Томскую губернію къ Восточной Сибири, а Тобольскую къ Россіи на общее положеніе. Совѣты Главнаго Управленія упразднить.

„Московскія Вѣдомости“, №№ 37 и 60, соглашаются отчасти съ этимъ проектомъ; какъ защитники централизаціи—полагаютъ, что можно уничтожить и Восточно-Сибирское генералъ-губернаторство. Мотивируютъ это тѣмъ, что опека болѣе Сибири не нужна. Тоже въ № 60 пишетъ какой то №, кажется, Дмитрій Завалишинъ. Прибавляютъ, что для разрѣшенія важныхъ вопросовъ теперь существуетъ телеграфъ и губернаторъ легко можетъ сноситься съ Министерствомъ. У этихъ людей, какъ видно, сложилось странное понятіе объ администраціи края, а именно, „получать и отдавать приказанія“. Они забыли, что генералъ-губернаторская власть, кромѣ разрѣшенія важныхъ вопросовъ, имѣла въ виду контроль надъ губернаторами и уничтоженіе взяточничества. Въ важныхъ вопросахъ надо было изученіе и обслѣдованіе мѣстныхъ вопросовъ на мѣстѣ, что и возложено было на эту высшую инстанцію. Телеграфъ этого ничего не замѣнитъ. Онъ выразитель *голоса*, а не *ока*, да и голоса отдаленнаго, не знающаго условій края Съ уничтоженіемъ генералъ-губернаторствъ, Сибирь рискуетъ обратиться ко временамъ, существовавшимъ до Сперанскаго Послѣдняя высшая и, все-таки болѣе или менѣе безпристрастная, инстанція рушится. Что теперь можетъ рѣшиться вопросъ именно въ сторону уничтоженія генералъ-губернаторствъ, на это много шансовъ. Зеновичъ, какъ извѣстно, также за усиленіе губернаторской власти,

Стоитъ только припомнить его полемику съ Главнымъ Управленіемъ Зап. Сибири. Поэтому надо писать и писать. Замѣчанія на проекты Венюкова и „Моск. Вѣдом.“ я представлю въ „Пет. Вѣдомости“. Очеркъ управленія Сибирью и борьбу генералъ-губернаторовъ съ злоупотребленіями—въ „Недѣлю“. Я рѣшительно склоняюсь къ оставленію генералъ-губернаторской власти. Сибири, предоставленной однимъ губернаторомъ, грозитъ много неблагопріятныхъ случайностей. Ни одинъ важный вопросъ, касающійся цѣлаго края, не будетъ поднятъ. Выборъ губернаторовъ въ отдаленную мѣстность будетъ неблагопріятенъ. Присоединеніе Тобольской губерніи къ Россіи рѣшительно не вяжется по географическо-административному дѣленію Сперанскаго. Обь связываетъ Тобольскъ съ Томскомъ. Противъ присоединенія Томска къ Иркутску говорятъ и „Московскія Вѣдомости“.

Я упомяну, конечно, что упраздненіе генералъ губернаторовъ могло бы быть тогда, ежели бы они были замѣнены такой же высшей и еще болѣе компетентной инстанціей, (т. е. ежели бы земство было широко развито, и его члены имѣли голосъ въ Главномъ Управленіи). При теперешнихъ условіяхъ, Совѣты Главныхъ Управленій, конечно, могли бы быть замѣнены канцеляріею генералъ-губернатора съ выборомъ чиновниковъ, знающихъ положеніе края. Но, сами по себѣ, генералъ-губернаторства должны остаться. Единственное ихъ сокращеніе можетъ быть въ слѣдующемъ родѣ. На границахъ въ Средней Азіи и въ Приморской области съ Амуромъ и китайской границей необходимо управленіе военное и дипломатическое; пусть тамъ будутъ два военныхъ начальника съ генералъ-губернаторскою властью. Забайкалье, по проектамъ, отходитъ къ Амуру. По моему, туда же бы отнести и Якутскую область для заведенія сношеній съ Амуромъ и моремъ. Тогда въ остальной Сибири останутся 4 губерніи съ мирнымъ гражданскимъ населеніемъ, нѣтъ ничего легче, какъ подчинить ихъ одному генералъ-губернатору и центромъ сдѣлать Томскъ. Омскъ, не имѣющій никакого важнаго торговаго значенія, всегда мѣшалъ генералъ губернаторамъ наблюдать край. Иркутскъ, съ отдѣленнымъ отъ него Забайкальемъ, очутится на концѣ незначительной губерніи и въ углу всей Сибири, стало быть, главнымъ административнымъ центромъ не можетъ быть. Такой проектъ, кажется, будетъ совершеннѣе, уничтожая или сокращая все-таки одно генералъ-губернаторство и объединяя Сибирь. Всѣ доводы прожектеровъ я употребляю въ пользу такого проекта. Какъ вы думаете о моемъ проектѣ? По поводу теперешнихъ дѣленій я напишу въ К.-В. пріятельницу ироническую замѣтку съ новостями, гдѣ обрадую сибиряковъ „новыми петербургскими выкройками“, посожалѣю объ уничтоженіи главныхъ управленій. На что и 2 театра строились въ Иркутскѣ! Но и этого мало. По

поводу самыхъ проектовъ мнѣ хочется послать А. П-чу нѣкоторую юмористическую вещь, давно, какъ нарочно, написанную на этотъ случай. Это „Колонокъ".

Приготовилъ я также двѣ философско-историческія статьи о средствахъ цивилизаціи Азіи, а именно, для достиженія сближенья необходимо составить передовой отрядъ изъ образованныхъ магометанъ и бурятъ—инородцевъ, легче могущихъ сблизиться съ азіатцами. Необходимость образованія инородцевъ обусловливается выгодами—удержать Средне-Азіатскія владѣнія, достигнувъ сближенія съ ихъ народностями. Второе—вліяніе торговое. Для этого—мануфактуры на Востокѣ. Еще статья о послѣдствіяхъ слитія съ азіатскими народностями славянскаго племени и о метисаціи, которые неминуемы. Обрисую характеръ расъ, упомяну и о пониженіи типа и культуры и объ опасностяхъ этого. Опасность велика. Востокъ преобразится въ дикарей. Правда, правда ваша, господинъ Щаповъ. Спѣшите же помочь этому, поднимайте образовательный и культурный уровень русскаго населенія на Востокѣ. Больше, больше цивилизаціи, которая должна искупить это фатальное пониженіе природныхъ качествъ вашего племени. Спасайте Востокъ! Вашъ „Аулъ",[1]) какъ всегда прекрасенъ, но мы еще его украсимъ и отошлемъ Агафонову[2]). Радость кучумова татарина раздѣляю, и желаю ему скорѣе отправиться за стрѣлой, которая въ нашъ цивилизованный вѣкъ должна обратиться въ пальмовую вѣтвь. Нѣчто же было подобное съ Ааронovымъ жезломъ, ну, а тутъ стрѣла,—изъ чего она тамъ, изъ лиственницы, что ли дѣлается,—вдругъ пуститъ вѣтви прекраснаго хвойнаго дерева. Татаринъ, отправленный въ лагерь, чтобъ подготовить смерть и несчастіе, принесетъ миръ и любовь съ парламентерскимъ флагомъ. Не на этомъ ли должна быть основана новая легенда, взамѣнъ старой, измѣнническої?

Я хочу, въ заключеніе Вамъ сдѣлать маленькій выговоръ. Какъ можно такъ безцеремонно поступать съ дружескимъ подаркомъ. Вы его грудой свалили первому провинціальному пріятелю. Кстати ли тамъ будутъ мои стихи? Помните, что родные наши—восточные ко мнѣ могли бы быть менѣе требовательны, снисходительнѣе, а тутъ еще петербуржцы, неравно, нападутъ, да начнутъ ошибки находить. А Казань, вѣдь, совсѣмъ и не пойметъ этихъ пѣсенъ бѣднаго восточнаго „баклашки"[3]). Вѣдь, это все я полагалъ для мѣстнаго журнала, когда-нибудь, когда-нибудь бы, да пріютившаго насъ. Впрочемъ, бѣд-

---

[1]) „Аулъ" напечатанъ за подписью обоихъ (Г. П-нъ и Н. Ядринцевъ) въ „К. В. Газ." 1873 № 43 (ред.).

[2]) Издатель „Камско—Волжск. Газеты" (ред.).

[3]) Слова изъ татарской пѣсни (п.).

ный „баклашка“, ежели ужъ ему суждено, пусть поетъ свою пѣсню, очищая провинціальное отхожее мѣсто, хоть и въ г. Казани.

На дняхъ я прочиталъ „Русскую Старину“. Тамъ помѣщаются записки жены Вадима Пассека. Жена была подруга Александра Иваныча Г.[4]) и описываетъ его дѣтство. Боже мой! Какая это была богатая натура. Кажется, вы говорили, что Пассеки братья –сибиряки? Этотъ вопросъ напоминаетъ анекдотъ со мной. Читая біографію русскихъ знаменитостей въ одномъ календарѣ, въ присутствіи нашей молодежи въ Шенкурскѣ, я разъ нечаянно вскликнулъ:—А, вѣдь, Перовъ то (художникъ) сибирякъ!—Смотрите, замѣтилъ мой другъ, казанецъ, вы скоро найдете Вашляпскихъ и... (Ослинскихъ,—мой другъ не договорилъ... [5])—Перовъ—нашъ первый художникъ, замѣтилъ я. Но, въ самомъ дѣлѣ, сколько у насъ Вашляпскихъ, да всѣ, кажется, Вашляпскіе, А кто—не Вашляпскіе то полное отреченіе. Величіе, купленное измѣной,—я бы его никогда не купилъ.

Я буду, конечно, помѣщать статьи много, много, но позвольте вамъ сдѣлать серьезное нота-бене, по поводу уже вашего дебюта. Въ интересахъ *литературныхъ*, понизьте камертонъ. Pas trop de zèle, pas trop de zèle! Вѣдь, ежели я напишу такую же эффектную статью, да другіе такую же напишутъ, то обдастъ такимъ запахомъ, который напомнитъ киргизское прокопченое платье, за которое могутъ вывести изъ гостинной. Въ интересахъ литературныхъ же замѣчу,—вы напрасно заботитесь о заявленіи сотрудниковъ полными фамиліями; вы хотите показать. что въ скромномъ провинціальномъ журналѣ участвуютъ и люди, которые извѣстны въ столичной литературѣ, но вы забыли, что это же покажетъ нашимъ милымъ знакомымъ, что это ихъ знакомые. Вы понимаете, что эффекта не будетъ, или будетъ ужъ слишкомъ большой. Конечно, я знаю, что найдется веселая гостиная нашихъ друзей, гдѣ по поводу нашихъ шутокъ и псевдонимовъ, и фамилій, начнется веселый говоръ, смѣхъ, напримѣръ, въ Омскѣ; но я, право, не самолюбивъ, а также не хотѣлось бы съ перваго же раза нашимъ знакомымъ, какъ Порфирій Петровичъ, Владиміръ Петровичъ, дать посмѣяться. Но и псевдонимы не помогутъ, надо измѣнить тонъ надо было начать издали говорить о предметахъ веселыхъ, а нѣкоторые авторы съ перваго раза начали шутками. Конечно, можно пошутить, посмѣяться, но умѣренно, изрѣдка, а то отъ нѣкоторыхъ статей можно помереть со смѣху. Я припоминаю, какъ мы до боли

---

[4]) Герцена (ред.).

[5]) Это изъ Гейне: воспоминаніе поляковъ (примѣч. Ядринцева. Намекъ на „Двухъ рыцарей“ Г. Гейне: „Наши женщины рожаютъ, и дѣвицы наши тоже насъ героями снабжаютъ“. Рядомъ съ Собѣсскимъ издѣвающійся надъ дешевымъ патріотизмомъ Гейне выдумываетъ фамиліи „героевъ“ Шельмовскаго, Плутовича и „великаго Ослинскаго“).

въ животѣ хохотали у Дмитрія Львовича на ужинахъ, по поводу тѣхъ же шутокъ. Вышло презабавно, но я жалѣю, что я не могъ долго продолжать тогда ѣсть превосходныя котлеты. Я желалъ бы теперь побольше кушать котлеты, слушать веселые разговоры, отвѣчать на милыя шутки и встрѣтить на раутѣ не обрюзгшую рожу извѣстнаго статскаго совѣтника и обидчивого скалозуба, а просто хорошее общество дамъ. Сцены изъ моего дѣтства мнѣ часто приходятъ во снѣ. Вы помните, какъ я былъ влюбленъ 9 лѣтъ отъ роду въ одну госпожу, какъ кошка; а помните святочный вечеръ—тогда еще я незамѣтно для нея началъ кидать цвѣты въ нее, *она* разсердилась, пошла по комнатѣ и нашла въ углу маленькаго шалуна. Но, ежели бы я теперь встрѣтилъ эту госпожу, я любилъ бы ее иначе, и она не выдрала бы меня за ухо, не поставила бы меня въ уголъ. Недавно, нынче, даже въ самое неподходящее время, именно, когда писалъ статью, куда, бишь, не помню, да, кажется, „Новости нашего Востока“, я вспомнилъ эту госпожу. Можетъ, и она прочтетъ. Теперь она тучная дама, у ней, вы знаете уже 7 человѣкъ дѣтей, и вспомнилъ я мой дѣтскій романъ.

Всѣ эти воспоминанія я потому пишу, что дѣтство, вообще, представляется въ прекрасномъ, очаровательномъ свѣтѣ.

Но обратимся къ литературнымъ работамъ. Я подъ „Ауломъ“ только подписалъ свою фамилію и даже рядомъ поставилъ Г. П.—и это довольно. Теперь я буду разнообразить псевдонимы и тоны[1]) Наконецъ, хотя и страстно желаю, но за неимѣніемъ времени буду рѣже помѣщать „Новости“, хотя ихъ накопляется много, а займусь отдѣломъ провинціальнымъ. Обдѣлаю 6 провинціальныхъ писемъ, напишу фельетоны и журнальное обозрѣніе, которые уже начертаны въ планѣ, и вы будете довольны. По поводу изданія провинціальной газеты я редактору написалъ воодушевляющее письмо черезъ васъ, съ разными критическими замѣчаніями. Прочитайте сами и перешлите. Отъ него я получилъ дружеское письмо и даже предложеніе, ежели нужно будетъ, обращаться за деньгами, чего, конечно, никогда не сдѣлаю. О другихъ сотрудникахъ я позабочусь. Къ сожалѣнію, многіе сотрудники очень плохи. Напримѣръ, я насилу вынудилъ написать Розанова,—студентъ москвичъ, мальчикъ ничего, но закрутился въ ссылкѣ и пьянствуетъ часто. Когда къ нему было получено письмо редактора газеты, онъ пьетъ. Этотъ—плохая поддержка. Напрасно истратился Агафонычъ на газету.

Я получилъ вспоможеніе изъ общества литераторовъ и, потому могу теперь опять работать для газеты. Времени будетъ много.

---

[1]) И покажу вамъ остроумную газетную игру и фокусы, также изобрѣтенный мной способъ гриммировки, подъ которой не узнать чертъ лица. Я, вѣдь, актеръ и испыталъ игру. Я бы вашей фигурѣ совѣтовалъ тоже гриммироваться.

Получилъ письмо отъ Битмида. Онъ пишетъ, что выслалъ мнѣ книги,—какія, не знаю еще. Спрашивалъ объ адресѣ Musicien'a. Онъ живетъ въ консерваторіи и занятъ экзаменами. Онъ сообщилъ слѣдующую новость: какой то Иннокентій Васильичъ переселяется изъ Петербурга въ страны съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ, какія—не сказано. Долго я не могъ понять, какой Иннокентій. Славянофилъ догадался: это имя Омулевскаго. Переселеніе его сгубитъ: характеръ тряпичный, и въ Питерѣ жаловался на судьбу, пилъ жестоко, дрался въ клубахъ и начиналъ неблаговидныя спекуляціи съ своими произведеніями; можетъ вмѣстѣ злачномъ еще хуже опуститься. Человѣкъ ненадежный, и поэтому, ежели и узнаете, гдѣ онъ, а также будете писать, не очень надѣйтесь на него, ни на его аккуратность.

Съ слѣдующей почтой уже вышлю вамъ книги и Тейлора, теперь положительно некогда, занятъ расплатами. Напишите, куда вы распорядились высылать Каму-Волгу на Востокъ и много ли туда ея высылаютъ. За 2 стихотворенія, помѣщенныя: „Вѣтренка“ и „Пѣсня“—не сержусь, конечно, но другія есть неудачныя, другія пикантныя, неужели вы всѣ взбурили туда, отецъ мой? Я вамъ еще вышлю нѣсколько стиховъ.—Опять накопилось.

До свиданья, mein Herr. Вашъ фингалъ.

Припомните совѣты и загладьте чистосердечіе Авесова.

Кромѣ того, приноровляйте статьи къ цензурѣ и не слишкомъ явно о теоріи Пьеръ-Жака. Гримировкою.

Изъ головы вонъ: носятся слухи въ газетахъ, что Синельникова долой. Въ Вост. Сибирь назначается Качаловъ[2]); ежели назначатъ,—охарактеризую.

Серафимъ о буддизмѣ рекомендуетъ „Budha und seine Lehre“ Koeppen; у него она есть. Надо ли?

Письмо XXXII.

1 апрѣля 1873 года.

Письмо ваше, въ отвѣтъ на grande lettre, получилъ, въ которомъ вы начинаете съ безпокойства о моихъ финансахъ и предлагаете даже свою бѣдную казну. Не безпокойтесь, мой другъ, опасности миновались, и я все-таки могу извернуться легче васъ, недаромъ я „строчила“ въ петербургскіе журналы. Я уже получилъ извѣстіе отъ Благоса, статья моя туда дошла, и наши отношенія возобновляются. Благосъ, наконецъ, отвѣтилъ о вашихъ „Лютыхъ дняхъ“, которые почему то

[2]) Качаловъ былъ архангельскій губернаторъ, назначеніе его въ Сибирь не состоялось (П.).

назвалъ „Злыми днями“, обѣщаетъ ихъ напечатать въ лѣтнихъ книжкахъ. Намъ все равно до его вкусовъ, были бы напечатаны, и потому оставьте ихъ тамъ и не требуйте покуда*). Я „Люты дни“ беру подъ свое покровительство для 2-го изданія моей книги. Рецензія, написанная Ткачевымъ, по поводу общины, „прекрасная по мысли и полезная для книги“, какъ выразился Благосъ, не прошла въ цензурѣ. Можете теперь смѣло писать въ „Дѣло“, ежели захотите. Не забудьте только провести и общую гуманную мысль, кромѣ спеціально туземной, иначе редактору не понравится. Туземная мысль еще бочкомъ должна завоевывать себѣ мѣсто. Это не надо забывать. Почему то Благосъ думаетъ, что вамъ свойственна болѣе ученая работа. Надо показать, что вы и блестящій литераторъ. Книга моя *понемногу* расходится, прибавляетъ Благосъ, т. е. расходится. Я выпишу у Шигина еще нѣсколько экземпляровъ уже въ счетъ статей и разошлю въ Сибирь и А. П. для Географическаго Общества Иркутскаго и проч. Не сдѣлать ли объявленіе въ „Сибири“ и по *пути* въ „Kama à Volga“. Извѣстный Сидоровъ въ письмѣ къ Серафиму С., извѣстилъ, что ему Деспотъ-Зеновичъ сказывалъ: „книга Я-цева понравилась въ Министерствѣ и высшихъ сферахъ“, по сему поводу я написалъ Сидорову письмо, нельзя ли поэтому поводу предъявить желаніе заниматься тюремнымъ и ссыльнымъ вопросомъ, при условіи свободы или въ столицѣ, или въ какомъ—нибудь большомъ городѣ, гдѣ строится исправительное заведеніе, напр. земледѣльческія колоніи, напр. въ *Казани*. Однимъ словомъ, мнѣ, можетъ быть, придется купить свободу мѣстож. цѣною стрѣлы и какого-нибудь подвига.

Въ „Недѣлю“ и „Петерб. Вѣдомости“ посланы мною статьи объ административной реформѣ. Въ „Камско-Волжской“ нѣсколько статей моихъ, но теперь печатается „Сырьевская дорога“ (эдакой карымск. языкъ). Вы дѣлаетесь тенденціознымъ писателемъ, поздравляю! По сему мысль основная прекрасна, а историческіе факты подбираются и освѣщаются не всегда такъ, и съ ними не всѣ могутъ быть согласны. Съ однимъ фактомъ я не согласенъ, что сибирское купечество *всѣ* коровцы. Коровцевъ и туземныхъ торговцевъ можно видѣть въ каждомъ сибирскомъ городѣ, дѣло въ томъ, что только коровцы богаче и шире ведутъ дѣла; это то же, что иностранные дома въ Россіи, за ними подчиненная масса туземныхъ торговцевъ. Вы у туземныхъ купцовъ не предполагаете пониманія мѣстныхъ интересовъ, и солидарности съ народомъ, и мечтаете о quatrième сословіи крестьянства, но исторія идетъ такъ, что иногда интересы или дворянства, или буржуазіи сов-

*) Промахъ вышелъ кажется тотъ, что вы ихъ дали „Отеч. Запискамъ“, гдѣ вамъ удружили—возвративъ ихъ въ „Дѣло“. Поймите, что Благосъ, видя бракъ въ „О. З.“, не могъ прямо одобрить. Ибо, дескать, Отеч. Заб.“ не взяли.

падаютъ съ народными и только послѣ развѣтвляются. Насколько буржуазія солидарна съ народомъ въ извѣстныхъ интересахъ, она должна быть поддержана. Мнѣ кажется, что моего друга здѣсь увлекла слишкомъ демократическая тенденція съ исторической почвы. Другое замѣчаніе дѣлаетъ другое лицо. Оно касается научной правды. Я вамъ послалъ выписку изъ Тейлора, что дикарь поражаетъ широтою фантазіи, но за то его другія способности хуже. Чисто первобытныя свойства здѣсь принимаются за высшій уровень. А, между тѣмъ, такія сравненія разныхъ степеней культуръ и предпочтеніе, предшествовавшихъ степеней позднѣйшимъ—нерѣдки. Напримѣръ, говорятъ, что земледѣлецъ-*сырьевикъ лучше жилъ* и былъ развитѣе, чѣмъ нынѣшній фабричный англійскій. Это говорятъ люди, пристрастные къ рабочей тенденціи и желающіе доказать, во что бы то ни стало эксплоатацію фабричнаго труда. Дѣйствительно ли жизнь земледѣльца XVI столѣтія была лучше фабричнаго, нынѣшняго? дѣйствительно ли духовныя способности тогдашняго земледѣльца были лучше нынѣшняго рабочаго? Это еще вопросъ. На этомъ положеніи строится и для насъ теорія. Вы хотите эксплоатаціи фабричнымъ трудомъ рабочаго, оставьте его земледѣльцемъ—онъ лучше живетъ, словомъ, оставайтесь *сырьевиками*, оставайтесь въ застоѣ. Что вы скажете на это? Я могу то отвѣтить, что, замѣчая однѣ темныя стороны фабричнаго труда, забываютъ о темныхъ сторонахъ предшествовашаго, земледѣльческаго труда; второе, забываютъ культурное значеніе, которое вносится переходомъ къ высшей степени труда. Эти культурныя черты, изъ которыхъ складывается все міросозерцаніе, всѣ общественныя отношенія, столь важны для цивилизаціи, что не позволяютъ никакого сравненія съ предшествовавшимъ періодомъ, не имѣвшимъ многихъ культурныхъ преимуществъ. Какъ нельзя сравнивать фабричнаго рабочаго, пьющаго кофе, пиво, кушающаго сыръ, сахаръ, читающаго газеты и участвующаго на митингахъ, съ допотопнымъ земледѣльцемъ старой Англіи, такъ и невозможно сравнивать земледѣльца, который, какъ ни приниженъ къ землѣ, но уже выработалъ поземельное право, юридическія отношенія, создаетъ ячейку государства, наконецъ, обладаетъ способностями не столь блестящими, поражающими полетомъ, сколько прочными, обладающими строгой логикой и послѣдовательностью, съ дикаремъ, еще бродящимъ по пустынямъ, не выработавшимъ, правда, горькихъ отношеній къ людямъ, но непонимающимъ и сладкихъ, не имѣющимъ понятія о соціальныхъ отношеніяхъ и руководствующимся мифологическимъ міросозерцаніемъ, живущимъ въ области безпредѣльной фантазіи, но плохо умѣющимъ связать два силлогизма, Ergo, завидуя широкой свободѣ дикаря предъ земледѣльцемъ, вы должны и восторгаться бытомъ земледѣльца и его культурой въ

сравненіи съ культурой фабричнаго. Но на послѣднее вы не согласитесь, ибо понимаете преимущество фабричнаго государства, ежели бы вы были дикаремъ, а не земледѣльцемъ, если бы вопіяли о переходѣ къ земледѣльческой промышленности и *рабскій* трудъ земледѣльца предпочли бы беззавѣтной свободѣ индѣйца и номада. Признавая одно, отрицая другое, могутъ упрекать насъ, что нашей логикой постоянно играетъ мѣстная симпатія. Когда наука представляла хаосъ и была запутана казуистикой схоластики, въ этомъ мракѣ по-неволѣ старый Жанъ-Жакъ, въ отчаянной тоскѣ за настоящее, кинулся къ прошедшему, чтобы отыскать Аріаднину нить, потерянную для человѣчества въ его темныхъ переходахъ изъ варварства, и остановившійся на распутьи, онъ создалъ невинное и чистое сердце дикаря, взамѣнъ испорченнаго сердца полуварварствомъ, чтобы показать людямъ, что ихъ инстинкты могутъ служить указателемъ въ будущей дорогѣ, и что ихъ настоящій фонарь льетъ ложный свѣтъ. Эта иллюзія прошлой исторической жизни была однако ложью: никогда люди не были блаженными и строго логичными.

Вы спрашивали меня о легендѣ „Изиды и мальчика изъ Саиса". Я всей легенды не знаю, надо въ какомъ нибудь мифологическомъ лексиконѣ, но это любимое мѣсто Шпильгагена. Дѣло въ томъ, что въ Египтѣ былъ храмъ, Изиды, лицо которой было подъ покровомъ, и кто его открылъ бы, тотъ узналъ бы истину. Жрецы, конечно, никого не подпускали до этого. Но любознательный юноша изъ Саиса, прокравшись ночью въ храмъ, поднялъ завѣсу, что онъ увидѣлъ— неизвѣстно, ибо на утро найденъ былъ мертвымъ. Эта легенда похожа на извѣстнаго сфинкса.

Ваше письмо я передалъ Мирзѣ Медичу, онъ приложилъ къ глазамъ и, какъ слѣдовало ожидать, прослезился. Онъ вамъ напишетъ. Жилъ онъ въ Сузакѣ, имѣетъ тамъ домъ и сады, но болѣе въ Петропавловскѣ. Я ему совѣтовалъ начать письмо эпиграфомъ: „Родъ мой Азра, родъ, въ которомъ рядомъ смерть идетъ съ любовью". Забылъ я прошлый разъ вамъ упомянуть, что отъ Александра Дмитріевича я потребовалъ записать киргизскія пѣсни, у живущихъ въ Пинегѣ киргизъ, а вамъ записку объ оленѣ. Обѣщалъ. На дняхъ еще азіатъ явился въ Шенкурскъ, мулла, переведенный изъ Пинеги, это татаринъ изъ подъ Оренбурга, 15 лѣтъ въ ссылкѣ и помѣшанный. Религію онъ составилъ себѣ свою, *космополитическую*, ходитъ съ удовольствіемъ въ русскую церковь, въ синогогу, въ кирку, ему, все-равно. Вездѣ, говоритъ, одинъ Богъ. Какъ всегда въ жизни, здѣсь безуміе явилось сходнымъ съ величайшей мудростью. На дняхъ, записывая въ одну книгу, въ которую вношу все замѣчательное при чтеніи, записывая о

Бухарѣ, какъ о магометанскомъ фанатическомъ центрѣ, который надобно стереть цивилизаціи, я вдругъ былъ пораженъ на этихъ словахъ раздавшейся магометанской молитвой, полной невыразимой тоски и грусти. Это въ другой комнатѣ молился мулла, оставшійся ночевать у насъ. Жизнь всегда насъ образумливаетъ.

Въ тотъ же день, когда я получилъ отъ васъ письма со столь милыми извѣстіями о вашей судьбѣ и надеждахъ, какъ разъ, пришло *освобожденіе* товарищу, живущему со мной, Христофорову. Онъ поѣдетъ въ Казань и, конечно, найдетъ Агафонова и К-о. Я вамъ мало его рекомендовалъ ранѣе. Ребенокъ въ практической жизни, но проницательный философъ, блестящій наблюдатель, угадывающій живыя потребности общества, человѣкъ положительныхъ знаній, неоцѣненная личность въ средѣ образованныхъ людей. Онъ здѣсь былъ заинтересованъ изданіемъ въ Казани. Онъ можетъ много помочь совѣтами.

На *ваши пельмени* я только сейчасъ изготовилъ экспромтъ, онъ написанъ наскоро. Не пеняйте!

Предокъ нашъ любилъ пельмени,
И какъ съ ними свелъ знакомство,
Сдѣлалъ онъ пельмень огромный,
Въ назиданіе потомству.
Поразилъ пельмень тотъ видомъ
И своей массивной грудой;
Ровно китъ заморскій вышелъ
Онъ пельменемъ чудо-юдо.
Какъ и слѣдуетъ пельменю,
Былъ онъ съ длинными ушами.
И лежалъ между Ураломъ
И Амура берегами.
Неугодно ли откушать?
Предложилъ нашъ предокъ міру.
Повалилъ народъ россійскій,
Повалилъ ко звану пиру.
Благо, былъ пельмень пшеничный,
Начиненный вдосталь мясомъ
И пропитанный разсоломъ
Ровно былъ подернутъ масломъ.
Стали гости его кушать,
Да похваливать отъ сердца,
Даже жарить принялися,
Подсыпая щедро перцемъ.
Ѣли три дня и три ночи,

Говоря: „какая туша“!..
Ѣли много, ѣли жадно,
Не могли однако скушать:
Жидковаты они были,
Не хватило у нихъ духу,
Тотъ пельмень могъ умѣститься
Лишь купцамъ сибирскимъ въ брюхо,
Но на пирѣ этомъ званномъ,
Только избранные были,
А сибирскіе желудки,
Почему то позабыли.

Пельменная притча.

Вашъ другъ *Н. Я.*

Италію сравнивали съ сапогомъ, я отечество предлагаю сравнить съ пельменемъ. Географъ, разрѣши!

Этотъ отвѣтъ я хотѣлъ сдѣлать въ газетѣ же. Ежели понравится, выпишите и пошлите*).

Письмо XXXIII.

4 апрѣля 1783.

Любезный другъ, въ послѣднемъ письмѣ вы упрекаете меня, что я слишкомъ отношусь строго къ знакомому намъ провинціальному изданію. На мои замѣчанія вы указываете на тѣ трудности, которыя приходится претерпѣвать провинціальной газетѣ. Я догадываюсь объ этихъ трудностяхъ. Но мое недовольство вовсе не обусловливалось тѣмъ, что я бы желалъ въ провинціальной газетѣ самыя рѣзкія обличенія, блестящія произведенія, достойныя столичныхъ газетъ и т. п, Нѣтъ, я знаю трудности провинціальнаго изданія, недостатокъ силъ. талантовъ, внѣшнія условія, мѣшающія развитію литературнаго дѣла. Но, мнѣ кажется, что слабость и недостатки провинціальныхъ изданій не отъ этого одного происходятъ, что недостатки эти коренятся въ самихъ редакціяхъ и въ ихъ способѣ веденія дѣлъ. По этому поводу для васъ и для другихъ, заинтересованныхъ газетой, я хочу сказать нѣсколько словъ.

Видите, при изданіи каждой провинціальной газеты представляются самыя разнообразныя и сложныя задачи на первый взглядъ. И трудности состоятъ въ стремленіи удовлетворить этимъ многочисленнымъ задачамъ. Провинціальный редакторъ желалъ бы сдѣлать свою газету, подобно столичнымъ газетамъ, доставляющей міровыя извѣстія, словомъ, начинаетъ бить на конкуренцію, онъ желалъ бы давать и свѣжія новости и телеграммы, затѣмъ предоставлять такой же литера-

*) Послѣдній абзацъ-приписка къ тому мѣсту письма, гдѣ говорится о сравнительной соцѣнкѣ земледѣльческаго труда и пр. (Ред.)

турный матерьялъ, какъ и столичныя газеты: политику, фельетонъ и проч. Къ этому присоединяются частныя провинціальныя задачи: дать свѣжія провинціальныя новости съ направленіемъ, и рядомъ—новости города, уѣзда, интересующія публику, т. е. разныя сплетни, извѣстія о предстоящихъ удовольствіяхъ и т. п. Въ его цѣляхъ—дѣлать пикантныя обличенія и въ то же время быть воспитателемъ, быть занимательнымъ и серьезнымъ, и строго относиться къ публикѣ, и льстить ея инстинктамъ, давая ей угодный матерьялъ. (театры и т. п.). Желательно ему и полиберальничать—и дрожитъ онъ за безопасность газеты, хочетъ придерживаться „направленія"—и вести дѣло на коммерческихъ основаніяхъ. Набравъ цѣлую охабку задачъ, онъ постоянно разсѣивается и не можетъ удовлетворить ни одной вполнѣ, особенно на двухвершковой газеткѣ желая помѣстить все, онъ не находитъ ни силъ, ни сотрудниковъ; преслѣдуя всевозможныя цѣли, онъ разомъ гонится за ста зайцами и ни одного не достигаетъ. Имъ недовольны и за обличеніе, и за необличеніе, за сплетни и за отсутствіе сплетенъ, за отсутствіе занимательности и за отсутствіе серьезности. Положеніе его адское. Онъ кидается, ищетъ сотрудниковъ, статей въ различныхъ направленіяхъ, о разныхъ предметахъ, кланяется, получаетъ брань, заискиваетъ у публики, волнуется, получаетъ выговоры, потѣетъ и проклинаетъ судьбу свою, видя кругомъ безсиліе и полную неблагодарность. Я бы скорѣй повѣсился, чѣмъ сталъ провинціальнымъ редакторомъ.

Таково положеніе редактора при разнообразіи цѣлей. Едва ли вы найдете хоть одного редактора въ провинціи съ цѣльными убѣжденіями, который бы вамъ именно сказалъ, чего онъ хочетъ. Онъ *всего* хочетъ. Выясненная цѣль изданія—самая главная вещь; что хочетъ провинціальная печать, она прежде всего должна себя спросить. Мало того—сказать: „*мы хотимъ печатать*". Ежели бы я сталъ провинціальнымъ издателемъ, я, чтобы достигнуть успѣха, началъ издавать газету, или какъ Беннетъ, или какъ Грили. Въ первомъ случаѣ, я бы составилъ такой планъ: льстить и угождать вкусамъ публики, забавлять ее провинціальными новостями и скандалами въ ея родѣ. Для этого я бы сначала постарался завоевать себѣ безопасность, познакомился бы съ полицмейстеромъ, снискалъ бы его дружбу, давъ обѣщаніе ничего щекотливаго на счетъ его не писать, но выпросилъ бы право скандальничать, лазить въ домашнюю жизнь провинціаловъ, бичевать актрисъ, колоть всѣхъ, кто не смѣетъ и не имѣетъ духу отвѣчать плюхами, какъ сословіе купцовъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ, барынь и т. п. Словомъ, это была бы газета—пасквиль, кладъ для провинціи. Я бы угодилъ подписчикамъ, пріобрѣлъ ихъ за свою пикантность и набилъ бы себѣ карманъ. Или надо издавать газету, какъ Франклинъ и Грили.

Тогда--только заботиться и посвятить себя проведенію полезныхъ идей въ общество, заняться его воспитаніемъ, и—будетъ ли мало сначала призванныхъ или много,—не обращать вниманія, имѣя главную цѣль. Вкусамъ публики льстить всего меньше, имѣя въ виду направленіе. Доктрину и „невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти“—забыть. Газета эта должна, первое, быть для указанія направленія провинціальной интеллигенціи, и, второе, быть посредницей между обществомъ и высшей литературой. Сознавши эти цѣли, она должна отрѣшиться отъ рутины—копировать столичныя изданія и газеты буквально. У насъ каждая провинціальная газета силится подражать столичной, но того матерьяла нѣтъ, и выходитъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ. Посмотрите, какъ мѣстный фельетонистъ, подражая петербурскому фельетону, описываетъ маскарады и развлеченія, самыя жалкія въ провинціи, какъ онъ копируетъ петербурскаго театрала, важно критикуя бездарныхъ горькихъ дебютантовъ, какъ онъ пыжится найти столичный матерьялъ. Нѣтъ ничего жалче и комичнѣе этой роли. Провинція—вѣчный лакей, копирующій своего барина, лакей и въ литературѣ, смѣшной въ своей важности, жалкій, потому что никогда не достигнетъ образца—столицы. Чѣмъ онъ болѣе отдаляется отъ „провинціальнаго“, тѣмъ провинціальное болѣе воняетъ отъ него.

Провинціальная газета должна понять, что со столичной она конкурировать не можетъ, у ней нѣтъ того матерьяла, и задачи другія. У первой—громаднѣйшій объемъ міровыхъ и государственныхъ новостей, избытокъ литературныхъ силъ, ея свойство—высшій интеллигентный закалъ и недосягаемая высота надъ народомъ. Соотвѣтственно своему матерьялу, у столичной газеты свои рубрики, у провинціальной должны быть свои. То, что у столичной газеты занимаетъ отдѣлъ міровой политики, у провинціальной должна быть иностранная политика, рисующая жизнь провинцій на Западѣ, автономію и т. д. То, что въ столичной занимаетъ вопросъ государственный, въ провинціальной газетѣ долженъ занимать областной. Я не говорю, чтобы она совсѣмъ не посвящала себя вопросамъ міровымъ и государственнымъ, но она должна изъ нихъ дѣлать изрѣдка краткій сводъ и указывать здоровые источники, гдѣ они разрабатываются, но ея главная спеціальность—областной вопросъ. Вы, мой другъ, замѣтили вполнѣ основательно, что у насъ мѣстнаго провинціальнаго вопроса не понимаютъ. Я давно называлъ, еще въ „Томскихъ Вѣдомостяхъ“ нашу литературу „*фонарной*“, т. е. мѣстный вопросъ разумѣлся въ фонаряхъ, лужахъ на улицѣ, тротуарахъ, мостахъ, и т. п. Отчего это? Да потому, что наша мѣстная жизнь, общественная провинціальная дѣятельность, право провинціи и не достигало дальше права строить фонари, мосты и бить собакъ. Еще недавно въ

„Камско-Волжской Газетѣ“ литераторъ—обыватель, корреспондентъ, сообщаетъ, что въ ихъ городѣ не даютъ жить обывателямъ собаки, желтая да черная. Можно подумать, что это аллегорія. Нѣтъ, это искренняя исповѣдь провинціальнаго литератора *собако-боя*. Литераторъ провинціальный не стоялъ въ понятіяхъ о провинціальномъ интересѣ выше общества, выше толстобрюхаго представителя ратуши, обладавшаго правомъ строить фонари и окрашивать мостъ государственнымъ цвѣтомъ. Что же отъ него было ждать. Для этого нужно развитіе, болѣе широкое міросозерцаніе и высшее воспитаніе.

Одинъ инстинктъ и привязанность къ мѣсту, интересъ къ обыденной жизни ничего еще не сдѣлаетъ, но заставитъ любить только провинціалный „ерофеичъ“ и мѣстную икру. Только воспитаніе, въ извѣстномъ отдѣлѣ историческихъ и государственныхъ наукъ, дастъ широкое пониманіе областнаго интереса. А кто же изъ провинціальныхъ литераторовъ и редакторовъ этимъ занимался? Чтобы усвоить себѣ исторію, жизнь и нравы провинціи, надо изучить особую литературу. Надо создать ее въ тѣхъ государствахъ, гдѣ развита широко мѣстная жизнь, гдѣ провинціальная жизнь достигла высшаго развитія, гдѣ она представляетъ разнообразіе, кипучую дѣятельность, и гдѣ выяснены, формулированы ея принципы, ея мѣстные интересы и отношенія къ общимъ. Надо изучить мѣстныя общины, какъ ячейку государства, и глубоко впитать убѣжденіе, что безъ развитія мѣстной жизни и самодѣятельности и безъ уразумѣнія отношеній частнаго къ общему невозможно правильное развитіе общества, пирамида не будетъ прочной, а прогрессъ будетъ задерживаться тяжелымъ хвостомъ. Словомъ, у человѣка любящаго провинцію и работающаго въ ней, должны составиться извѣстныя убѣжденія въ провинціальномъ вопросѣ, онъ ясно долженъ понимать отношеніе его къ государственной жизни и знать границы и предѣлы функцій первыхъ и второго. Для этого требуется цѣльное, стройное міросозерцаніе, историческое ознакомленіе съ дѣломъ, знать всѣ стадіи, всю борьбу, совершавшуюся изъ за него и познакомиться съ современнымъ его положеніемъ по отношенію ко всѣмъ другимъ вопросамъ, занимающимъ человѣчество. Только получивши теоритическое воспитаніе, можно (приняться) разумно начинать практическую дѣятельность. Никто у насъ не приступалъ съ такой подготовкой. Мало того—задача громадная, въ самой наукѣ этотъ вопросъ еще не выясненъ, затемненъ, есть его противники, есть отрицатели значенія мѣстной жизни, даже изъ либеральнаго лагеря, изъ интеллигенціи, оторванной отъ провинціи и отъ народа, съ ними предстоитъ процессъ.

Второю задачею, какъ я сказалъ, кромѣ ознакомленія съ областнымъ вопросомъ, предстоитъ провинціальной литературѣ быть посред-

ницею между литературою высшей и массой, въ популяризаціи всего лучшаго, что даютъ народныя силы государства, въ проведеніи элементарныхъ знаній въ массу. Говорятъ, въ провинціи не о чемъ писать въ газету, нечѣмъ ея наполнять. Писателей нѣтъ! Ежели искать талантовъ и геніевъ, когда они всѣ изъ той же провинціи сосредоточены въ столичной литературѣ, то, конечно, не найти, но отъ провинціальной литературы и не требуется произведеній Тургенева, Гончарова и Щедрина. Есть таланты—хорошо, нѣтъ—гдѣ же ихъ родить. Другое дѣло относительно матерьяла. Для провинціальной газеты болѣе матерьяла литературнаго, чѣмъ для столицы, ежели она возьметъ для себя резюмировать все, что является лучшаго въ столичной литературѣ, объяснять, комментировать и популяризировать. Задача эта на ру-
ку и провинціальнымъ силамъ, и знаніямъ, и талантамъ. Но напыщенная провинціальная барыня не хочетъ взять на себя низшихъ задачъ, она не хочетъ учить купца, мѣщанина азбукѣ литературы. А именно, для провинціальнаго общества, для воспитанія массъ все надо начинать съ азбуки и также, какъ съ дѣтьми. Провинціи незнакомъ ни языкъ, ни аллегорія, ни намекъ столичной литературы. Надо „азы“ читать.— „Ты видишь, душенька, арбузъ, замѣть букву А.“ Для провинціи должна быть своя азбука. А—апатія провинціальная, Б—провинціальная буржуазія, В—выпивка въ нашемъ обществѣ, Г—глуповцы (популяризируй), Т—Ташкентцы, К—кадыки, П—Петербургъ и т. д. Все это полезно разъяснить, и почище русскаго провинціальнаго литератора бывали люди, да съ кафедръ, сходили, чтобы говорить съ рабочимъ его языкомъ. Нечего бояться черной работы и провинціальныхъ фанфароновъ, найдущихъ это повтореніемъ. Вы будете писать для черной публики. Задача провинціальной литературы быть народной, да—народной въ лучшемъ смыслѣ слова. Не „народные журналы“, издающіеся въ Петербургѣ, воспитаютъ массу, а провинціальная литература, и это обойдется безъ тѣхъ трудностей, съ которыми сопряженъ народный журналъ. Это—литература, которой еще не было на Руси, литература для купца, мѣщанина и мужика. Народная провинціальная литература должна касаться интересовъ главной массы народа, а не верхушекъ, не служить лакеемъ верхнихъ губернскихъ слоевъ. не посвящать себя ихъ барскихъ интересамъ, ихъ прихотямъ. Провинціальный литераторъ жилъ въ замкнутомъ губернскомъ кружкѣ фатовъ, барынь и губернскихъ кадыковъ, Щедринскихъ Прокоповъ; его столкновеніе съ публикою было въ гостинной, въ клубѣ, но онъ долженъ разомкнуться и выйти на рынокъ, на толкучку. Какую аномалію представляетъ образованный человѣкъ въ провинціи, пишущій о провинціи, представляетъ нынѣ лучшій русскій литераторъ въ „Недѣлѣ“, (смотри „Письма провинціальнаго

философа"*), онъ постоянно занятъ обличеніемъ барышень, провинціальныхъ барынь, ихъ съѣздовъ, ихъ праздной филантропіи, видно, что это философъ „*калужскаго бомонда*", а не провинціи, онъ только и видитъ натянутыхъ губернскихъ баръ и пишетъ имъ о прекраснодушіи. Онъ пишетъ въ „петербургскую газету, стало быть, могъ смѣлѣе касаться провинціальной жизни и массы народа, но онъ народа въ провинціи и не видитъ. А въ той же губерніи (Калужской) изъ Боровскаго уѣзда уходитъ въ 1872 г. на сторону, на заработки, 8.817 человѣкъ, $^2/_5$ всего населенія. Это показываетъ положеніе губерніи, но у провинціальнаго философа нѣтъ и цѣли говорить о положеніи крестьянства. Вотъ, до чего доходятъ литераторы, живущіе въ кружкѣ барства, даже лучшіе литераторы. Въ массѣ крестьянскихъ, мѣщанскихъ, купеческихъ интересовъ провинціальный литераторъ найдетъ огромный матерьялъ, и на разработку этого матерьяла онъ долженъ указывать своимъ сотрудникамъ. Въ „Камско-Волжской Газетѣ" есть фельетонъ, начинающійся съ того, какъ провинціальный фельетонистъ третъ лобъ, о чемъ писать. Извѣстно, что *россійскій писатель* только, когда положитъ листъ и возьметъ перо, начинаетъ думать, что ему писать. Вотъ, къ этому то птенцу заходитъ пріятель и везетъ его въ маскарадъ, и тотъ радъ. Такъ эта сцена представляется. Но къ такому писателю долженъ придти не праздный пріятель на помощь, а редакторъ. Онъ долженъ взятьего за руку и сказать: „тебѣ не о чемъ писать?, поѣдемъ". Они вышли, садятся на извозчика, писатель думаетъ, что его везутъ въ маскарадъ, и редакторъ оставляетъ его въ этомъ заблужденіи, а покуда заговариваетъ съ извозчикомъ.: „Каково, братецъ, работа идетъ, много ли въ день получаешь, какихъ господъ возишь?" Тутъ узнается заработокъ извозчика, чуланъ, гдѣ онъ живетъ. „А, знаешь, говоритъ редакторъ сотруднику, заѣдемъ сегодня въ извозчичій трактиръ." Заѣхали. Извозчичьи чай, махорка, дымъ, говоръ, слышны фразы: „Какъ, значитъ, эту ракитку запустили, лошадь то у меня и пошла... Тутъ квартальный"... и т. п. Вечеръ проведенъ. Редакторъ выводитъ сотрудника и говоритъ: „Покойной ночи, завтра жду статьи: „Губернскій извозчикъ". Надѣюсь также вы посвятите наблюденіе „Торговкѣ базарной", „жизни лакея" и т. п. Провинціальный редакторъ самъ долженъ руководить молодыми сотрудниками и постоянно отвлекать ихъ отъ ложной дороги губернскаго бомонда, онъ не долженъ просить „*что-нибудь*" у сотрудниковъ и заимствоваться ихъ умомъ, а самъ распредѣлять работы. Такова задача провинціальнаго редактора. Кромѣ того разница его та, что въ столицѣ редакторъ имѣетъ *готовыхъ* литераторовъ,—въ провинціи ихъ еще *надо дѣлать*. Но, дѣлая ихъ, не позволять имъ *разъѣзжаться*, надо уничтожить молодой задоръ, мелочную полемику и т. д. Словомъ, вести себя также, какъ редакторъ Times' а

*) Это Шелгуновъ.

по отношеніи къ репортерамъ. Написанъ листъ,—сократить въ строки. Провинціальная маленькая газета должна быть экономна.

Обращеніе къ изученію народа важно въ нашей жизни, и это сознаетъ столичная литература, провинціальные беллетристы и этнографы дѣлали открытія въ литературѣ, какъ Рѣшетниковъ. Изъ нѣдръ народа вносился матерьялъ и обновлялась жизнь литературы. Столичная интеллигенція, занятая въ кружки свои, погруженная въ литературныя сплетни, выдохлась; оторванной отъ народа, ей предстоитъ *вырожденіе*, какъ аристократіи, не получающей новой крови. Это худосочіе замѣтно и теперь. Г-да Скабичевскіе, г-жи Цебриковы дальше Рѣшетникова, Вовчка и т. п. нейдутъ, а стоятъ только на одномъ, что *мужикъ* тотъ же человѣкъ и даже, *кажется*, имѣетъ душу. Это послѣднее открытіе нашихъ критиковъ. Бездна отступничества, ренегатства, всевозможныя барскія разочарованія народомъ и его исторіей были плодомъ этой отчужденности интеллигенціи отъ массы. Вотъ почему я думаю, что литература почерпнетъ свѣжія силы только въ томъ же народѣ, на почвѣ провинціи. Практическое ознакомленіе съ жизнью народа, его способностью къ воспріятію идей съ его борьбой, съ его стремленіями и инстинктами измѣнитъ, можетъ быть, и много теоретическихъ взглядовъ и дастъ новые философскіе выводы, воскреситъ вѣру. Въ этомъ состоитъ великая миссія провинціальной литературы, и она должна положить начало этому изученію. Кромѣ изученія и развитія низшихъ слоевъ народа ея задача—коллективный провинціальный интересъ въ данной мѣстности. Я говорилъ о философскомъ изученіи этого вопроса въ исторіи человѣчества, но оно должно быть примѣнено непремѣнно и къ жизни данной мѣстности.

Практическое изученіе *мѣстныхъ вопросовъ* важно. Каждая провинція имѣетъ такіе *мѣстные вопросы*, но ни въ одной изъ нихъ не выяснены, потому что смѣшиваются съ вопросами общаго государственнаго характера. Вопросъ земства, новаго суда и городское управленіе въ данной мѣстности считается *мѣстнымъ*. Но это *не* мѣстные вопросы, чтобы быть имъ *мѣстными*, нуженъ имъ мѣстный характеръ, особая подкладка, какое то особое содержимое. Вопросъ извѣстнаго провинціальнаго управленія и даже *само* управленіе и официальный порядокъ провинціи можетъ быть послѣдствіемъ государственнаго нивеллированія, подведенія провинцій подъ одну форму. Но мѣстный вопросъ это другое.—Это примѣненіе общечеловѣческой жизни и свободы въ данныхъ географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ условіяхъ, на основаніи коихъ складываются особенные экономическіе и другіе вопросы въ каждой особой мѣстности. Это

такіе вопросы, которыхъ другая провинція не имѣетъ, обусловленные пространствомъ, физическими свойствами почвы, климата, количествомъ населенія, расами, культурными условіями и т. д. Въ одной провинціи мѣстнымъ вопросомъ можетъ быть густота населенія, въ другомъ его рѣдкость, земледѣльческій или фабричный вопросъ, та или другая эксплоатація почвы и природы при физическихъ особенностяхъ, отличающихъ провинцію, вопросъ пространства, путей въ данной мѣстности и ихъ направленіе, вопросъ, касающійся этнографическаго состава населенія, вопросъ расъ, національностей—это все *мѣстные вопросы*. Они должны быть точно опредѣлены и на основаніи ихъ выработаться мѣстныя потребности населенія. Уразумѣніемъ и разработкой ихъ—этихъ потребностей должна заняться каждая провинція, начинающая сознательную жизнь. Общечеловѣческіе вопросы развитія должны быть сведены въ предѣлы мѣстныхъ условій и разсматриваться сообразно съ ними Опредѣлить эти мѣстныя условія не можетъ, конечно, столичная литература, они должны разрабатываться на мѣстѣ. Петербургскія газеты всѣ провинціальныя потребности подводятъ подъ одинъ шаблонъ, не принимая во вниманіе ни пространства, ни мѣстныхъ условій. Оттого онѣ постоянно врутъ. Тутъ до такой степени можетъ быть тонкое различіе въ требованіяхъ, что то, что полезно для одной провинціи, можетъ быть губительно для другой. Имѣя точкою исхода общечеловѣческія потребности, общій идеалъ для всѣхъ людей, они должны сводиться въ частную практическую сферу, къ вопросу времени и пространства, въ извѣстную среду, къ данной исторической стадіи, иначе человѣческіе вопросы не могутъ разсматриваться. Я сказалъ, что провинціальные вопросы могутъ быть до чрезвычайности разнообразны. Въ одной провиціи необходимо развитіе земледѣлія, въ другихъ фабрикъ, въ третьихъ горнаго дѣла, тамъ вопросъ о колонизаціи, здѣсь объ эмиграціи въ иныхъ мѣстностяхъ вопросъ инородческій[1]). Каждая провинція это должна сознать и составить программу. Въ нивеллированномъ государствѣ эти потребности не сознаны, оттого жизнь вяла, общественной иниціативы не существуетъ, населеніе своей связи съ государственными и общественными вопросами не понимаетъ. Указать эту связь вопросовъ каждой маленькой общины, деревни, города въ связи съ высочайшими интересами человѣчества –вотъ воспитательное значеніе литературы. Для пробужденія и оживленія жизни всего народа, генія націи, ея ума и духовныхъ силъ нужна мѣстная дѣятельность. Въ государствѣ, какъ и въ человѣкѣ, чѣмъ болѣе будетъ дифференцироваться отправленіе по мѣстностямъ, тѣмъ разнообразнѣе

[1]) Пусть провинціальные редакторы откроютъ статистику своей губерніи и, какъ въ веркадѣ, они увидятъ мѣстные вопросы.

будутъ развиваться способности. Развитіе мѣстной жизни, образованіе массъ, питаніе государственной клѣточки общины есть основной вопросъ соціальной науки, отъ этого зависитъ вся судьба государства успѣхъ его развитія, высшая степень цивилизаціи, благосостояніе человѣчества или его гибель.

Выступленіе провинціальнаго вопроса есть очередной вопросъ русской исторіи. Русская областная жизнь имѣетъ много хорошихъ задатковъ, въ своихъ нѣдрахъ она носитъ драгоцѣнное зерно общину, еще не расшатавшуюся, изъ нея должны вырождаться обобщенія Я бы желалъ, чтобы хоть одинъ провинціальный органъ понялъ задачи провинціи и роль, которую будутъ играть областной вопросъ въ исторіи. Ежели одинъ возвысится до этой задачи, остальные послѣдуютъ. Но кто это понялъ изъ представителей провинціи? Русская земля! Скажи мнѣ, гдѣ этотъ вопросъ поднятъ на Сѣверѣ или на Югѣ, на Западѣ или на Востокѣ русской провинціи? Неужели ни у кого не зарождалась еще мысль о великости такого призванія выступить съ новымъ принципомъ, который поведетъ къ иному складу понятій и дастъ цѣлое направленіе исторіи.

Вотъ что можетъ взять на себя хорошій провинціальный органъ, онъ будетъ расходиться, надо только терпѣливо начать выполнять программу. Надо только бытьвѣрнымъ главной и основной идеѣ, и интересамъ массы, главную задачу развитія мѣстнаго духа не продавать за чечевичную похлебку губернскихъ городскихъ интересовъ. Я полагаю, ежели бы провинціальные редакторы и писатели поняли свою задачу, они могли бы выступить смѣло, не копируя столичной худосочной печати, они бы нашли цѣль, обильный матеріялъ и, сознавая ,что провинція есть народъ, главная масса народа, которой. принадлежитъ все, исполнились бы гордости и высокаго вдохновенія. Здѣсь они почерпнули бы силы и утѣшеніе. Они не стали бы смотрѣть такъ приниженно, чувствовать мелочность своей задачи, не испытывали бы на себѣ, что они играютъ роль усладителей для губернскаго общества, плохихъ провинціальныхъ аристократовъ, не испытывали бы ощущенія чего то маленькаго, провинціальнаго, мозгляваго. Они бы гордо посмотрѣли на себя, какъ непосредственнаго „учителя народа“ и главной его массы, какъ на *звено*, связующее величайшіе идеалы человѣческой мысли съ проявленіемъ ихъ въ практической жизни. Пусть они будутъ „учителями бурлаковъ, подлиповцевъ“, вотъ ихъ титулъ. Какъ ни почетно, какъ ни обольстительно вращаться въ кругу авторитетныхъ столичныхъ литераторовъ, какъ ни пріятно посвящать себя высшимъ вопросамъ философій и науки, высокомѣрно взглядывая внизъ, гордясь своею высотою, и провинцію считать толь-

ко за матерьялъ для курьезовъ и веселыхъ анекдотовъ, но пусть не завидуютъ этому положенію, за нимъ скрывается всегда микроскопическій интересъ кружка. Въ тысячу разъ плодотворнѣе философскихъ бесѣдъ о самыхъ возвышеныхъ предметахъ въ средѣ такихъ же развитыхъ людей,-простая бесѣда и ученіе азбукѣ людей, лишенныхъ свѣта, маленькаго кружка мужичья. Стоя на распутьи между шикарной дорогой петербурскаго журналиста и скромной провинціальной дѣятельностью, я никогда не задумаюсь, что мнѣ предпочесть. Я охотно подамъ руку всякому провинціальному изданію. И все мое недовольство сводилось только къ тому нетерпѣнію, что провинція не умѣла и не знала, что ей нужно дѣлать, въ ея предпочтеніи губенскихъ интересовъ народнымъ и областнымъ. Я негодую за всякое подражаніе пошлымъ сторонамъ столичнаго журнализма и за попытки высокомѣрничать предъ провинціальной массою, предъ которой должны стоять съ открытой головой. Провинція—будущее! Пусть не боится скромный редакторъ провинціальной газетки, что его газета бѣдна, нища, что она можетъ рушиться, какъ сотни провинціальныхъ изданій, она не пропадетъ безслѣдно, ежели въ ней будетъ поднятъ общій провинціальный вопросъ. Конечно, разсвѣта провинціальной журналистики мы съ редакторомъ не увидимъ. Но мысль о значеніи провинціальной журналистики, какъ вѣчная душа и фениксъ, воскреснетъ въ другихъ изданіяхъ въ далекомъ будущемъ. Какая бы бѣдность ни постигла газету и провинціальныхъ писателей, на это нечего смотрѣть. Провинція со временемъ на своемъ памятникѣ на барельефѣ изобразитъ и провинціальнаго редактора на чердакѣ, живущаго уроками, и сотрудника, закладывающаго платье, чтобы послать статью. Пусть помнитъ каждый провинціальный писатель, что его настоящій долгъ трудиться для провинціи и быть голоднымъ. Это будетъ его заслуга въ исторіи.

Письмо XXXIV.

8 апрѣля 1873 года.

Милый другъ. Посылаю вамъ нѣсколько стихотвореній. Сейчасъ только получено извѣстіе, что дорогой нашъ Мирза Медичъ переводится въ Екатеринославскую губернію. Мнѣ это больно, ибо онъ тамъ уже не будетъ подвергаться цивилизующе-азіатскому вліянію нашей культуры, а только эта культура и полезна бы была для него. Мнѣ бы тяжело потерять сего азіатца. Боже мой! Только бы умѣли воспитывать; какой тутъ родникъ силъ и способностей! Онъ нынѣ уже читаетъ географію Семенова, интересуется новыми странами и на него это производитъ впечатлѣніе, чарующее, какъ на ребенка, какъ во времена нашего дѣтства. Не знаю, что я смогу сдѣлать въ этомъ

случаѣ. Письмо Агафонову посылаю, а также и статью. *)Вотъ, извиненіе. что я тороплюсь. Стихи переписалъ въ ночь на Пасху въ 3 часа ночи. Вотъ мое время.

Г. Авесову.

Когда я молодъ былъ, то розовое сердце
Тебѣ, красавица, съ восторгомъ я дарилъ.
Оно тогда такъ жизни улыбалось.
Цвѣтами я любви своей его обвилъ.

Но, гордая, то сердце не взяла ты,
И я ушелъ, въ немъ муки затая.
Возьми жъ его теперь, облитое слезами
И кровью, родина моя!

Освобожденіе *).

(*Ал. Дмитр. Ш-нову*).)

Свободенъ! спали кандалы,
И жизнь я начинаю снова...
Опять, опять прекрасенъ міръ,—
И сердце вырваться готово!

Смотря на прежнюю тюрьму,
Не въ силахъ вновь негодовать я.
Любовь и миръ въ душѣ моей...
Любовь и миръ, но нѣтъ проклятья!..

Какъ тяжкій, но мгновенный сонъ,
Исчезли лѣтъ прожитыхъ муки;
Къ чему ихъ помнить, коль дрожатъ
Въ душѣ ликующіе звуки!

Желаньямъ вновь запрета нѣтъ:
По морю жизни голубому
Несется вольная ладья,
Стремясь къ берегу родному.

Колышется высоко грудь,
Смѣется парусъ и играетъ,

---

[1]) Напечатано въ сборн. «*На сибирскія темы*». Спб. 1905.
[1]) Напеч. въ «Камско--Волж. газетѣ» № 52 за 1873 г.

И руку въ счастіи мою
Рука любимая сжимаетъ...

Изъ весеннихъ элегій.

(*Вѣроника**).

Ѣдетъ въ путь прекрасный рыцарь
И душой клянется,
Что чрезъ годъ къ любимой дамѣ
Снова онъ вернется.

Дни текли — и годъ проходитъ.
Осень. Листъ желтѣетъ.
Изъ Италіи прекрасной
Рыцарь все не ѣдетъ.

Много лѣтъ прошло. Близъ замка
Госпожа гуляетъ
И по прежнему съ тревогой,
Глядя вдаль, вздыхаетъ.

Голубой цвѣтокъ весенній[2])
Набрала на полѣ —
И къ груди прижала съ плачемъ
О погибшей долѣ.
Но пока въ рукахъ держала,
Лепестки опали,[3])
И больному сердцу этимъ
Что-то подсказали.

Поглядѣвъ на голый стебель,
Съ горькою тоскою,
Тотъ цвѣтокъ она назвала
„Вѣрностью мужскою“...

Милый призракъ!..
Темной пропастью неволи отдаленный,
Не буди, молю, похороненныхъ,
Навсегда уснувшихъ въ сердцѣ грезъ!..

---

[2]) Напечатано: «Голубыхъ цвѣтовъ весеннихъ».
[3]) Напечатано: «Тѣ цвѣты опали».
[1]) Въ сборн. „На сибирскія темы“.

Я забылъ, что жизнь мнѣ обѣщала,
Я погребъ, что сердце волновало..
Все съ собой въ могилу я унесъ.

Не сходи жъ[2]) теперь изъ темной дали,
Свѣтлый образъ, въ мракѣ моей печали,
Что одинъ я терпѣливо несъ.

Что тебѣ въ той жизни позабытой,
Что тебѣ въ душѣ моей разбитой,
Полной лишь невыплаканныхъ слезъ?

Не мани же, жизнь, меня мечтою,
Не чаруй нетлѣнной красотою—
На могилахъ намъ не нужно твоихъ розъ!.,

Отойди же, призракъ неотвязный,
Въ мракъ забвенья снова отойди
И въ душѣ, на гибель осужденной,
Что прошло, напрасно не буди!..[3])

Изъ пѣсенъ о смерти.**)

Когда онъ умеръ, на челѣ
Земная грусть еще лежала,
А на устахъ его нѣмыхъ
Улыбка тихая играла.
Допѣлъ онъ пѣсню о любви,
Отъ ней еще несутся звуки,
Но въ ней надорванной струны
Дрожатъ рыдающія муки.

Кортесу, съ испанскаго изъ поэмы „Предокъ“.

Много славныхъ, много храбрыхъ
Въ пѣсняхъ витязей воспѣто,
И тѣ пѣсни служатъ въ мірѣ
Гордымъ подвигамъ привѣтомъ.
Но не слышу я межъ ними

---

[2]) Напеч. „не всходи“.

*)Статью Агафонову написалъ—«Новости Востока», и, кромѣ того, «Чѣмъ мы завоюемъ Среднюю Азію». Хотѣлъ озаглавить «Передъ пушечнымъ выстрѣломъ» но нашелъ эффектнымъ.

**)Напечатано въ казанскомъ сборникѣ «Первый Шагъ» 1876 года (Безъ заглавія).

[3]) У письма не имѣется конца, очевидно, утраченнаго при перепискѣ писемъ. (Ред.)

Одного только героя,
Хоть своимъ ревнивымъ сердцемъ
Больше всѣхъ цѣню его я.
Отчего же это имя
Умираетъ годъ отъ года
И молчитъ о славномъ предкѣ,
Даже пѣснь его народа.
Оттого ль, что послѣ смерти
Весь народъ того героя
Все еще не скинулъ трауръ,
Все молчитъ еще отъ горя.
Или въ тяжкой, горькой долѣ
Онъ давно живетъ невеселъ,
И на ивы свои арфы
Въ знакъ печали онъ повѣсилъ.
А когда настанетъ время,
Снова онъ помолодѣетъ,
И тогда любовь и геній
Въ пѣснѣ онъ запечатлѣетъ.
О, отецъ моей отчизны,
О, герой могучей силы!
Скоро-ль этотъ день настанетъ,
И ты встанешь изъ могилы?
А покуда въ своемъ сердцѣ
Я тебя не забываю,
И невѣдомо для міра
Образъ гордый вызываю.

Овидій съ Томи.

Этотъ псевдонимъ для меня, живущаго. Ругаю васъ, что велѣли подписать стихи Семилужинскимъ. Ругаю, несмотря что все прощаю вамъ quand même.

17827

Важнѣйшія замѣченныя опечатки:

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
5	Примѣч.	Потанира	Потанина
65	17	воззрѣнія	воззрѣніе
72	30	tiers‘-état	tiers état
74	18	staat‘a	staat‘a;
76	6	à ля	à la
„	14	источникѣ	кастальскомъ источникѣ
„	17	бы	былъ
78	17	пень	пекъ
„	19-20	не очень	очень
„	34	„О пѣскѣ!“	„О пѣснѣ.“
„	41	Разнеслося	Разнеслася
„	42	звукамъ	звукомъ
79	28	собственный ручный	собственноручный
81	37	76 замѣтки	76. Замѣтка
„	Примѣч.	сочиненіе	сочиненія
„	„	Русскомъ клубѣ	Русскій клубъ
83	17	тарскихъ	тарскихъ (далѣе не разобр. слово)
„	29	тамъ.	тамъ?
84	Примѣч.	хватилъ бы	хватилъ
85	25	L‘lle	L‘île
„	26	Tentatif	Tentative
86		Примѣчаніе надо исключить.	
87	19	батько...	батько?..
88	12	стачки	стачки,
89	18	Kave lege	Laveleye
„	29	extantion	extension.
90	3	вслѣдствіе	„вслѣдствіе
„	14	навознѣе	навознѣе,—
91	19	Лордъ	лордъ
92	24	вспомощенія	вспоможенія
„	32	(„Исторія одного города“), (типъ).	(„Исторія одного города“, типъ).
„	40	узналъ	узнаемъ
93	17	низшимъ	низкимъ
„	21-22	*зарабатываютъ* они въ 40 разъ болѣе	*зарабатываютъ они въ 40 разъ болѣе*
94	4	получали	получили
„	11	дѣлъ	дѣлъ?
95	Въ стр. 6—9 ошибочно напечатано курсивомъ.		
96	2-3	бонвиваномъ...?	, бонвиванъ,
„	14	Благосвѣтовъ	Благосвѣтловъ
„	18	Эпиграфъ къ поэту.	Эпиграфъ. Къ поэту.
102	4	изслѣдованіе	изслѣдованія
106	24	specilatie	speculative
„	28	Пауля	Паули
„	31	комическій—	комическій

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
107	8	главу,	главу
116	23	проникаю	проникаю,
118	2	продажи: Ферди-нандъ Л.,	продажи (Фердинандъ Л.).
119	2	дѣла	дѣло
121	2	Въ чьихъ гранит-ныхъ берегахъ	Къ чьимъ гранитнымъ берегамъ
122	23	Земе, моя	Земе моя
124	6	стременія	стремленія
133	33	презреріемъ	презрѣніемъ
143	послѣдн.		разорванное
173	36	Но	Не
174	12	бладаря	благодаря
„	16	bo away	go away
176	13		бѣднымъ
„	32		произнесетъ
177	22	иму	ему
„	24	изобрѣль	изобрѣлъ
183	10	читаютъ, не	читаютъ. Не
187	20	Чтобы	Что
192	27	основаніе,	основаніе
198	20	колоній	колоніи
„	21	Томы	Томи
201	25	à ля	à la
202	9	Hes	Les
203	4	статической	статистической
204	3	ect	est
206	16	soutume	coutume
207	9	Безека	Безака
209	3	Авесу	Авесову
„	25	№	N
210	7	губернаторомъ	губернаторамъ
214	подпись	фингалъ	Фингалъ
215		коровцы	ковровцы
216	9	предпочтеніе,	предпочтеніе
226	29	эмиграціи	эмиграціи,
227	предпосл.	философій	философіи
229	Примѣч. къ слову „статью“ см. на стр. 231. Примѣч. къ стих. „Освобожденіе“ должно быть показано не звѣздочкой, а [1])		
230		Вѣроника	Вероника

Стихотвореніе „Милый призракъ“ самостоятельное, напечатано какъ продолженіе „Вероники“ ошибочно.